Джон МАЙЕРС МАЙЕРС

СЕРЕБРЯНЫЙ ВИХОР

Джон МАЙЕРС МАЙЕРС

Джон МАЙЕРС МАЙЕРС

Известен ли Вам алфавит Романии?

А: Аполлон – правит островом Делос;
Б: Бевюльф – прославлен за смелость;
В: Видсид, Боэд – псевдонимы Орфея;
Г: Гунгнамы – всех Эйнштейнов мудрее;
Д: Дон Кихот – опасный чудила;
Е: Единорог, чья низвержена сила;
Ё: Ётуны – тролли, кладов хранители;
Ж: Брат Жак, существующий в обители;
З: Зевс – поклонник телицы, юной подруги;
И: Иуда – коварнее нет поцаскушки;
Й: И (краткое) – Иегу (люди отчасти);
К: Каренина Анна, жертва страсти;
Л: Лунный, ослиную сбросивший шкуру;
М: Минос – юрист, блюдет процедуру;
Н: „Нагельфар" – корабль из ногтей мертвецов;
О: Одрёрир – котелок для стихов;
П: Прометей – герой обречённый;
Р: Раскольников, скорбной судьбой огорчённый;
С: Семирамида – царица цариц;
Т: Тартарен, обездоливший львиц;
У: Утгард – стража на окраине мира;
Ф: Фаустофель – адский прислужник;
Х: Хеорот – место шумных пирушек;
Ц: Цирцея – покровительница зверушек;
Ч: Чаньань – городок в Китае, как видно;
Ш: Шенди-Хали (кто не знает – обидно);
Щ: Щек – князя Игоря бывал не раздок;
Э: Эмму герой полюбил капельдук;
Ю: Юнона – грозная Зевса супруга;
Я: Ясон – молодцу приглянулось руно.

Вот имена в алфавитном порядке:
События, встречи, разлуки и схватки
Опишет Вам ШЕНДОН, который с тех пор
СЕРЕБРЯНЫЙ носит прозванье ВИХОР.
Правдивость рассказа, где ничто не утеряно,
АХОНОМ МАЙЕРСОМ МАЙЕРСОМ удостоверена.
Издательство „СЕВЕРО-ЗАПАД" поручится:
Попавший в РОМАНИЮ не соскучится!

Джон Майерс Майерс

СЕРЕБРЯНЫЙ ВИХОР

Санкт-Петербург
«Северо-Запад»
1993

ББК 84.7 США
М 12

Перевод с английского
Светланы Шик (главы 1—22)
и Сергея Сухарева (главы 23—30)

Перепечатка отдельных глав
и всего произведения в целом — запрещена.
Всякое коммерческое использование данного произведения
возможно исключительно с ведома издателя.

© С. Сухарев, С. Шик, перевод, 1993
© С. Сухарев, перевод стихов, 1993
© Т. Канивец, В. Канивец, оформление, иллюстрации, 1993
® СЕВЕРО-ЗАПАД. Зарегистрированная торговая марка. Охраняется законом.

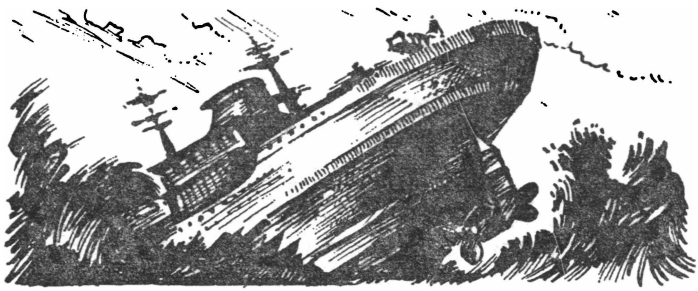
ISBN 5-8352-0170-2

МАКУ МАККОРРИ МАЙЕРСУ —
кому наперечет известны все стоянки
на пути от окутанных туманом Островов
до самой Гробницы Всадников

ПЕРЕХОД ПЕРВЫЙ

Морские просторы. Встреча в лесу

1. Волны несут нас к цели

Я не старался спастись. Потому и не погиб.

Разыгрался шторм. Я не страдал от морской болезни, но койки своей не покидал. Из каюты меня выманивал только голод. Задремав после ужина, я очнулся, когда в каюту хлынула вода. Волна выволокла меня на палубу и швырнула к рундуку.

Команда спускала на воду спасательные шлюпки. Корабль тонул, а обо мне как будто позабыли. Да и мне до них было мало дела.

На ногах удержаться не удалось: новая волна тут же смыла меня за борт. Я оказался на подветренной стороне. Первую же шлюпку разбило в щепы. Я оглянулся: «Нагльфар», зарывшись в волны носом, шел на дно. Над водой мелькнули руки, ноги, головы — и тяжелая посудина увлекла всех за собой.

Наскочил ли «Нагльфар» на рифы или переломился на волне? Подорвался ли на мине, или всему виной поломка атомного двигателя? Это осталось загадкой. Никто не знает, где он затонул.

Три дня мы шли в тумане, потеряв всякую ориентацию. Радио не работало. Шкипер, привыкший полагаться на технику, запутался в расчетах. На четвертый день туман рассеялся, но небо оставалось хмурым. Начался шторм. Долго «Нагльфар» боролся с волнами, и на девятый день пути из Балтимора затонул.

Скажу снова: я не погиб, потому что не старался спастись. Я бы пытался уйти от неизбежного. В от-

крытом море меня парализовал бы страх, и я бы захлебнулся и утонул вслед за «Нагльфаром».

С минуту побарахтавшись, я поплыл. Я понимал, что меня не надолго хватит. Волны были высокие, но позволяли плыть по ветру. Я едва выдерживал напор валов сзади, но зато отдыхал, соскальзывая с гребня. Проще было плыть волнам вдогонку, чем остановиться и пойти ко дну. Но через милю-другую это должно было случиться. Пловец я неплохой — но и только.

Я смутно сознавал, что плыву навстречу собственной гибели. Завершится мое прежнее существование — либо начнется новое. И то, и другое было мне безразлично. Каждый человек знает, что умрет, и все же никто не верит в свою смерть. Это противоречие — основа множества религий и оно же — корень здорового мировосприятия. Однако я утратил естественное отвращение к небытию. Не горе и не потрясение были тому виной. Чувство это бледнело с течением времени, и к тридцати пяти годам от него не осталось и следа.

Заметив впереди обломок мачты, я принял его за акулу. Вновь взлетев на волне, я разглядел его как следует. Мое спокойствие было нарушено. Ведь я уже покорился безнадежности. Смирился с тем, что на спасение нет ни малейшей надежды. Я испытывал полное равнодушие к своей судьбе, и вот она подает мне помощь... Это было выше моих сил. Я судорожно забился в воде, вместо того чтобы спокойно плыть дальше.

Когда я заметил мачту, меня отделяли от нее три гребня. Затем расстояние уменьшилось еще на одну гряду. Три вала, один за другим, подняли меня, но мачта как будто исчезла. Я окончательно уверился, что это была большая рыба. Усилием воли я попытался вернуть утраченное безразличие. И вдруг обнаружил, что с вершины волны лечу прямо к потерянной мною мачте.

За мачту держался какой-то человек, но мне было не до него. Мачта была теперь моей надеждой и спасением. Ее подняло волной, и я понял, что не выдержу борьбы с новым валом. Собрав остатки сил, я подплыл к мачте и обхватил ее рукой.

Конечно же, мачта выскользнула бы, если б мне не помогли. На мачте висело несколько веревок. Незнако-

мец пропустил одну из них у меня под мышками и закрепил узел. Я плыл за мачтой, обвязанный петлей. Надо было только следить, чтобы не удариться головой, когда волны швыряли нас из стороны в сторону.

У меня вырвался стон облегчения. Мой попутчик, возможно, принял его за выражение благодарности. Но ничего не ответил, пока не устроился на противоположном конце нашего буйка.

— А вы, как Великий Силки, не прочь поплавать!

Что он этим хотел сказать, я не понял. В его голосе мне почудилась насмешка. Не подобрав достойного ответа, я вгляделся в него сквозь водяную пыль. Мокрые волосы, слишком длинные для мужчин, свисали вдоль тощих щек, будто бурые водоросли. Когда брызги рассеялись, я заметил, что у него крупные, неправильные черты лица, а глаза не то серые, не то голубые: пасмурным вечером, в сумерках, разобрать было трудно.

Говорить об очевидном не имело смысла, но думать о чем-либо другом я не мог.

— Мой корабль затонул, и пришлось пуститься вплавь.

Незнакомец кивнул.

— Наше суденышко потерпело крушение в Мальстреме. Мне удалось поднырнуть и схватиться за этот брус, а остальных втянуло в водоворот. Мачта, как видите, цилиндрической формы.

Я с трудом понимал его слова. Пожав плечами, я всмотрелся в небо, стараясь угадать, скоро ли наступит темнота. Судя по времени года, солнце вот-вот должно зайти — или уже зашло за горизонт. Пришлось спросить:

— Куда мы плывем? К берегу или от берега? Можем ли вообще рассчитывать, что достигнем суши?

— Мы на подступах к Романии. Это все, что мне известно. Я плыву второй день, но она пока не дает о себе знать. — Он неопределенно махнул рукой. — Разумеется, я говорю в переносном смысле.

Мне было все равно, как он говорит и как именует страну, в которую я, скорее всего, никогда не попаду. Оправившись от растерянности, я вновь обрел трезвый взгляд на вещи. Стоило ли так стараться, чтобы продлить мучения! Спастись все равно не удастся. Мы

насмерть простудимся, погибнем от голода, жажды или от акульих зубов.

— Даже если нас несет к суше, — заметил я, — ветер может перемениться. Вот если бы земля была неподалеку!..

— Мне начинало казаться, что она далеко, — откликнулся незнакомец, — но теперь, когда мы вместе, я нутром чувствую — доберемся! Все складывается на делосский лад.

Я был почти что согласен утонуть на свой собственный лад, лишь бы меня оставили в покое. Его отзывчивость вызвала у меня недоумение. Если с кем и можно поладить, то только не со мной. Уже много лет мое собственное общество вызывало у меня только досаду. Так мог ли я ожидать, что кто-то будет рад моей компании! Я пристально вгляделся в собеседника.

— Выглядите вы молодцом. А ведь уже два дня в такой переделке! Неужели не устали?

— Раньше, конечно, было полегче. Но если все повторяется множество раз, поневоле привыкаешь. Кстати, мы еще не познакомились.

Его церемонность показалась мне нелепой. Не говоря уж о том, что меня раздражает, когда приходится называть первое и второе имя — хоть я и прячу худшее из них под инициалом.

— Шендон, А. Кларенс Шендон, — буркнул я. — По крайней мере, останусь им еще денек-другой. А потом назовите меня завтраком для рыб.

— Три имени, — заметил мой спутник. — Очень романтично.

Он помолчал, ожидая, не спрошу ли я, как его зовут, но, не дождавшись вопроса, заговорил сам:

— Я тоже не обделен именами, но обычно не привожу их все вместе. Не то мне пришлось бы назваться О. Видсид Амергин Демодок. Есть еще целая уйма других, но для краткости я именую себя Боян Талиесин Голиас.

Он испытующе взглянул на меня, но я и бровью не повел.

— Не слишком проинформирован, — пробормотал мой спаситель себе под нос. Затем — уже громче — спросил: — Откуда вы родом?

— Из Чикаго.

Мне не понравился его намек на мое невежество.

— Это в Соединенных Штатах Америки, — добавил я как можно язвительней.

— Возможно, для Чикаго там самое место, — согласился он, — Чикаго — это морской порт?

Почему-то мне показалось досадно, что он никогда не слышал о моем родном городе. А может, и о стране, где я живу.

— На железной дороге мне попался кондуктор, который знал, как проехать к морю, — сообщил я ему, презрительно усмехнувшись. — А потом я нанялся на грузовое судно, лишь бы удрать подальше.

— Удрать? — переспросил он. Я подумал, что он прикидывается непонимающим, но в глазах его был искренний интерес. — Кто-нибудь вас преследовал?

— Нет, — возразил я, — просто разыгрались нервы.

Но дело было не только в приступах раздражительности. Там, в Чикаго, я дошел до того состояния, когда обыденность кажется невыносимой. Если отняты все надежды, то размеренное существование способно взбесить.

Волна накрыла нас с головой, но мы не потеряли нить разговора.

— Нервы, — повторил Голиас, отфыркиваясь. — Какая нелепица! В Романии вам некогда будет сражаться с выдумками.

— Я слыхом не слыхивал ни о какой Романии, — отрезал я, как бы в отместку за то, что он ничего не знает о моей стране.

— Вот в этом-то и причина всех ваших бед!

Кому знать лучше о моих бедах, как не мне самому? А этот суется не в свои дела.

— Что за ура-патриотизм! — одернул я Голиаса. — Можно подумать, на свете не найдется стран позначительней.

— Найдутся, конечно, — улыбнулся он, не замечая моего сарказма, — но, как говорилось у нас в Академии, после посещения Романии смело можно отправляться куда угодно, но до того, как побываешь там, лучше не трогаться с места.

Я не очень-то люблю бахвалиться былыми академическими достижениями, но тут... Нет, надо укоротить этого мнимого всезнайку!

— Болтовня подготовишек, — усмехнулся я, — школяры всегда воображают, что на их заведение указывает перст Божий. Выбросьте из головы эту чепуху. Если бы вы поучились в университете, вы бы смотрели на жизнь более широко.

Я думал его сокрушить, но он только взглянул на меня с удивлением.

— А вы учились в университете?

— Да, — небрежно проговорил я. — На полке в стенном шкафу, где-то между старыми шляпами, дохлыми мухами и забытыми теннисными мячами вы можете обнаружить документ, свидетельствующий о том, что Висконсинский университет присвоил мне ученую степень в области делового администрирования.

По тому, как Голиас взглянул на меня, я решил, что удар пришелся прямо в солнечное сплетение. Несколько раз он, будто осваивая непривычные слова, произнес: — Деловой администратор... Деловой администратор...

— Вы это серьезно? — спросил он наконец.

— Конечно! — я вскинул было голову с надменным видом, но вода попала мне в глаза.

— Я был в числе первых, и...

Вдруг послышался крик морской птицы. Или же вопль о помощи?

— Кит, кит! Румпель на ветер!

Ошибки быть не могло. Взмыв на вершину волны, я вгляделся в даль. Люди истошно голосили — и в криках слышался смертельный ужас. С гребня волны я успел различить невдалеке парусник, едва заметный на фоне темнеющего небосклона. Из разрыва в тучах выбился закатный луч и выхватил суденышко из тьмы. Матросы натягивали канаты, и паруса полоскались на ветру. Затем наша мачта вновь скользнула в разверзшуюся бездну.

Когда мы снова взмыли на гребне, луч почти померк, но все еще озарял парусник. Корабль повернулся — и я понял, отчего так страшно кричали люди. На парусник нападал чудовищный кит, извергая изо рта водопады пены — подобно тому, как брызжет слюной бешеная собака. Из-за рассеянного света кит показался мне белым.

Снова падение и подъем. Время тянулось, как вечность. Через минуту сумрак над морем сгустился. Чудовище настигло корабль, врезалось в борт головой и пробило обшивку.

Когда волна вновь подняла нас, ни кита, ни судна не было видно. Из воды высунулась рука, в отчаянии простертая к небесам, и рассеянный луч, озарявший корабль, угас.

От потрясения я был не в силах и слова вымолвить. Я совсем позабыл о Голиасе, который тоже, наверное, наблюдал за сражением.

Немного погодя я услышал, как он присвистнул.

— Превосходно! Теперь все понятно.

— Куда уж понятней! — откликнулся я. — Неужели никому из этих бедолаг не удалось спастись?

— Возможно, кто-то один и спасся. Это обычное число. Но дело не в этом. Ясно, что мы не сбились с курса. Волны несут нас к цели.

Я позабыл, что мы были на грани ссоры. Теперь у меня появилось время над этим поразмыслить, но воспоминание о погибшем паруснике преследовало меня. Сгущавшийся мрак усиливал чувство безнадежности. Я впервые осознал, что такое смерть. Мысль о ней показалась мне невыносимой, и я покрепче привязал себя к мачте.

И все же, думал я, те, кто сразу утонул, куда счастливей нас. Они не сойдут с ума от одиночества, терзаемые стихиями. Мне уже мерещилось, как чайки выклевывают мне глаза — полубезумному, отравленному морской водой... Ах, набраться бы мужества и поплыть навстречу неминуемой гибели! Но я был слишком малодушен, чтобы оторваться от спасительной мачты. Хотя спасемся ли мы? Я презирал себя за то, что поддаюсь самообману.

Оптимизм моего спутника вызывал во мне жалость и недоумение. Ведь надо же так себя дурачить!

— А что случится, если мы собьемся с курса? — спросил я у него.

— Что случится с вами после того, как мы утонем, я не знаю. А мне придется где-нибудь начать сначала. Но мы на верном пути.

— Вам не трудно угодить, — сказал я почти примирительно, ибо убедился, что мой попутчик слегка помешан. Продолжать дискуссию было бесполезно.

Последние часы своей жизни я обречен провести в обществе безумца! Нелепейшее завершение всей моей несуразной жизни. Я был рад, когда совсем стемнело и черты лица Голиаса сделались неразличимы. С наступлением ночи он оставил меня в покое, и я без помехи мог предаться своему одиночеству.

Я и до того чувствовал, что зябну, но теперь продрог окончательно. Тьма была такая, что ни зги не видать. В кромешной мгле вода сливалась с небом. Целую ночь я провел во мраке, поглотившем стихии. Я страдал, но был уже не в состоянии осмыслить свои мучения. Наконец я задремал, просыпаясь, когда голова ударялась о мачту или когда в нос попадала вода. Не знаю, как долго длились эти муки. Наконец я пробудился, и мысли мои прояснились. Небо уже начинало светлеть.

Голиас претерпевал это чистилище уже вторую ночь. Однако глаза его не утратили живости, хотя он был бледен, как мертвец.

— Земля уже близко! — хрипло проговорил он.

— Не больше чем в миле, смею предположить? — Мне было трудно говорить. — Я не производил замеров.

— Я имею в виду сушу, — настаивал он, — порыв ветра принес запах земли. А вы не почувствовали?

Бредни полоумного повергли меня в уныние.

— И это был запах Романии?

Он усмехнулся, и моя неприязнь к нему усилилась.

— Вас трудно убедить, что умирать еще рано!

Я счел ниже своего достоинства отвечать. Но он добился своего: с гребня каждой волны я пристально всматривался вдаль. Видимость улучшилась, однако горизонт впереди нас скрывала полоса тумана. Взглянув на Голиаса, я понял, что он заинтересовался тем же явлением. За нами алел ясный небосклон, но загадочная дымка на западе не исчезала.

Попутчик мой глубоко вздохнул и повернулся ко мне.

— Я и так не сомневался, — сказал он, — но теперь уверился окончательно. Вам не придется кормить рыб, А. Кларенс Шендон.

— Шендон — просто Шендон! — отрезал я. Мною овладевает ребяческое упрямство, когда мне доказывают, что я не прав — не важно, по какому поводу. — Мы еще не добрались туда, — кивнул я в сторону дымки, — возможно, что проплывем мимо или разобьемся о скалы.

— Скалы там попадаются, — согласился он. — Но я уже наплавался досыта. Интересно, где мы сейчас окажемся?

Сказав так, он вдруг запел. От неожиданности я вздрогнул. Голос его был громок, а песня показалась мне дикой и несуразной:

Романия — к тебе мой зов!
Знаю я, что вмещал Одрёрир.
Одрёрир хранился в тебе,
В тебе сберегался тайно.
Сберегаемый, был похищен;
Похищенный, был пролит;
Пролитый — мною подхвачен,
Подхваченный мною — роздан,
Розданным я продолжаю владеть.
Мои владенья — Романия:
К тебе обращаю мой зов —
Страна, неразлучная с тем, кто тебе предан.

Туман исчез, как если бы огромная рука приподняла завесу, за которой скрывался зеленый берег. Он был неподалеку, и нас несло прямо туда.

— Вот и Архипелаг, — сказал Голиас, когда мы подплыли еще ближе.

Я уже привык к мысли, что впереди суша. Изнурен я был настолько, что воспринимал все впечатления с полным равнодушием.

— Где же другие острова? — спросил я.

— Там, направо, есть еще два. — Он указал в ту сторону, где все еще лежала дымка. — Вон там, в тумане, прячется остров — может, еще один. Туман, как я полагаю, естественного происхождения.

— Несомненно, — подтвердил я, не считая нужным вступать в спор. — А к какому острову мы подплывем?

— Трудно сказать, — он отвернулся, покачав головой, — наверное, Пенг Лай, или Эмне, или... здесь их примерно дюжина.

— Если сами толком ничего не знаете, — заметил я, — с чего вы так уверены, что это остров, а не мыс?

— Хотя бы потому, что у нас не будет сложностей с высадкой. На материке мореплавателей поджидает засада. Бывают и другие неприятности. Однажды, почти что у самого берега, мой корабль дал течь. Это случилось, едва мы достигли реки, протекающей в океане. Но тогда было проще — а то как бы я плыл против течения?

В самом деле, на берегу нас никто не поджидал. Между нами и густым лесом находилась устланная илом отлогая приливная полоса. Противясь откатывающимся волнам, мы продвинулись вперед, и я освободился от веревки, которой был привязан к мачте.

Мы причаливали медленно, как сплавляемый лес. Я попытался встать на дно, но ноги у меня подкашивались, и приходилось все еще цепляться за мачту. Мягкие волны разбивались о нас на мелководье, и спустя несколько шагов мы уже могли ползти. Как только прибой откатывался к морю, мы преодолевали фут или два. Я едва держался на четвереньках. От усталости у меня кружилась голова, и я не понимал, куда ползу. Но вскоре почувствовал под собой сухой песок.

— Мы должны выбраться из приливной полосы, — выдохнул Голиас, когда я уткнулся в землю лицом, — к тому же здесь солнце.

Однако силы покинули меня и я не отозвался. Мне казалось, что я сделал уже все возможное. Далее трудиться не стоило. Отказ мог стоить мне жизни, но жизнь была мне не очень-то дорога.

— Ступай, — пробормотал я, — мне и здесь хорошо.

Тогда Голиас поволок меня вперед. Я злился, но был не в состоянии сопротивляться. Не понимаю, откуда у него брались силы. Ведь и он очень ослаб. И все же он протащил меня несколько ярдов, пока я беспомощно проклинал его. Наконец он отпустил меня, и я немедленно забылся сном.

2. Любительница зверей

Когда я проснулся, солнце клонилось к закату. Спал я долго, изредка пробуждаясь и засыпая вновь. Наконец голод и жажда пробудили меня окончательно. Голиас еще спал, и не удивительно — ведь он две ночи провел на плаву.

Меня он поместил в тень, а сам улегся рядом. На нем была только набедренная повязка. Некрупный, но довольно жилистый, он спал, разметавшись, и его правую руку заливал солнечный свет. Рука от ожога стала красной, но я не позаботился о том, чтобы переместить ее в тень. Какое, в конце концов, мне до этого дело?

С трудом я поднялся — тело было будто деревянное. К счастью, я не получил ни ушибов, ни царапин. Двигаться не хотелось, но надо было идти. Кругом лежали пустынные окрестности. Роль исследователя не привлекала меня, но выбирать не приходилось. В спутниках я не нуждался и потому взялся за дело сам. Подтянув каляные от соли шорты — все, что осталось у меня из одежды, — я заковылял в лес.

Раскидистые деревья, увитые лозой, склоняли гибкие ветви до самой земли. Стволы их покрывал мох. Кое-где попадались островки пальметто. Идти было легко — ни валунов, ни густых зарослей. Воздух благоухал ароматами, но ни один из них не показался мне так приятен, как запах свежей воды. Пройдя с полсотни ярдов, я нашел родник между замшелыми корнями. Пил я медленно, пока не почувствовал, что кровь легко заструилась по жилам.

Надеясь не заблудиться, пока слышу шум океана, в поисках пищи я направился в глубь леса. Но ни диких плодов, ни ягод не попадалось. Вскоре я набрел на небольшой холм и взобрался на него, чтобы осмотреть округу. Голиас оказался прав. Куда ни посмотри — повсюду за деревьями было море. Только на севере, в густой сетке дождя или тумана, виднелся соседний остров. Наконец я бросил взгляд на низко стоящее над морем солнце. Против него черной струйкой вился дымок.

Я смотрел на него в нерешительности. Кто знает, как встретят у огня чужеземца? Или все же лучше объявиться самому, не дожидаясь, пока тебя обнаружат? Солнце вот-вот зайдет, воздух остынет, и я совсем продрогну без одежды. Подумав так, я решил идти. Возможно, меня приютят или, по крайней мере, накормят и обогреют. Чем дрожать от холода целую ночь, попытаю-ка счастья.

Чувствовал я себя неплохо. Блуждая по лесу, я размялся, и только голова слегка кружилась от голода. Путь я проделал значительный, хотя шел босиком, с опаской глядя себе под ноги.

Я ожидал найти деревушку или скромный домик фермера. Действительность превзошла все мои ожидания. Вдруг деревья расступились. Передо мной на поляне стояла мраморная вилла. Солнце садилось за нею, я различал блеск полированных плит. Вдруг я почувствовал, что о ноги мои трется собака. Рука моя потянулась погладить хозяйского пса — но оказалось, что это лев! И не один...

Меня окружила стая любопытных зверей. Тут были львы, леопарды, волки и даже гиены. Их я тоже узнал, хотя давно уже не был в зоопарке. Мне показалось, что разумнее всего — стоять на месте. Да и страшно было сделать хоть шаг. Однако звери не вели себя угрожающе — скорее выказывали излишнюю фамильярность. Они крутились возле меня, лизали руки, но лесть их меня не подкупала. Я понял, что бояться нечего, и стал протискиваться между ними. В это время в доме запела женщина. Оторвавшись от бродячего зверинца, я подошел к порогу.

Хозяева не показывались. Я постучался в бронзовую дверь. Отворила хозяйка. Так вот кто, оказывается, пел!

На женщине было только легкое платье без рукавов — если это вообще можно назвать платьем. Я мельком взглянул ей в лицо: она была красива. Стянутые узкой лентой огненно-рыжие локоны подчеркивали нежность и белизну кожи. Глаза хозяйки были скромно полуопущены, но чувствовалось, что в мужчинах она знает толк.

Я не без самодовольства заметил, что и она меня изучает. Помехи к тому не было: ведь я был почти совсем раздет. Росту во мне шесть футов и два дюйма. Бородка красиво удлиняла лицо; кстати пришелся и загар, обретенный на «Нагльфаре». Мои темные волосы с юности украшала белая прядь. Женщины уверяли, что это придает мне изысканность. Я охотно с ними соглашался: в молодости еще занимают подобные вещи. Глаза у меня синие, а ресницы — темные, длинные. Чтобы дать ей заметить их, я подошел поближе и поклонился.

— Простите, что вторгаюсь в таком виде... Наш корабль потерпел крушение, и меня выбросило к вам на остров.

Она отвечала на моем родном языке.

— Бедняга, — сказала она приятным грудным голосом, — так вы доплыли сюда один?

Я был зверски голоден, но это не помешало мне заглянуть в будущее. Мужа, похоже, у нее не было. А соперников мне не надо. Пусть Голиас перебивается как хочет.

— Да, один, насколько мне известно, — печально ответил я.

Она не выглядела испуганной, но благородные манеры с моей стороны могли пригодиться.

— Надеюсь, вас не слишком встревожило мое появление?

— Напротив, — возразила она, — я живу одна и всегда рада гостям. Вы, наверное, голодны? Проходите в дом, я для вас что-нибудь приготовлю.

Как просто! Ни показной нерешительности, не наигранных сомнений, правильно ли она поступает... Она

даже не потрудилась представиться. Похоже, церемонии она считала излишними. Что ж, меня это вполне устраивало. С важностью я вошел в дом.

В просторной комнате стояли кресла, шезлонги и большой обеденный стол. Неужто она и вправду живет одна? Мне захотелось окончательно в этом убедиться.

— Вам, наверное, приходится подолгу скучать?

— Время от времени ко мне заглядывают разные люди. — Поколебавшись, она добавила: — А с моими зверюшками я не расстаюсь.

— Подбор не совсем обычный. — Я уселся в предложенное мне кресло. — Вы их сами разводите?

Хозяйка впервые слегка улыбнулась.

— Да. Устраивайтесь поудобней и подождите. Я скоро приду.

При мысли о еде у меня сводило скулы, но в отдыхе я нуждался еще больше. Я откинулся на спинку кресла и расслабился. Головокружение прошло, и я задумался над тем, что меня ожидает. На острове, по всей видимости, я пробуду до прихода ближайшего корабля. Если ждать придется не слишком долго, укротительница львов не успеет мне наскучить. Завтра заявится Голиас, но к утру я уже сделаюсь в доме господином. Пока рыжеволосая мне не надоест, под этой крышей нет места другому мужчине. Если же Голиас не уступит — спущу на него гиен.

На кухне хозяйка снова запела, и я счел это хорошим признаком. Песня могла бы показаться странной, но ведь ее пела владелица зверей!

У всех ловцов обычай свой:
Волк зайцу вслед летит стрелой,
Сидит и ждет паук.
Силком охотятся, крючком,
Удав глядит себе молчком —
Но кролику каюк.
Иной преследует и ждет,
Заворожит и в плен берет —
Таков мой...

В повадках змей я так и не разобрался, а вот про паучков мне понравилось. Скоро она узнает, что и я неплохо умею ткать паутину.

Песня оборвалась.

— Готово! — послышался возглас.

Хозяйка вошла, неся уставленный блюдами поднос.

— Надеюсь, вам это понравится.

Я едва не одурел от запаха пищи.

— Посмотрим, — ответил я, садясь на место, которое она мне указала. Она забыла принести вилку, но я не стал ей об этом напоминать. Энергично орудуя ложкой и ножом, я принялся за еду. Блюда были приготовлены отменно. Насытившись, я почувствовал прилив сил. Можно было приниматься за дело.

После обеда мы с бокалами вина в руках расположились в шезлонгах, стоявших почти рядом. Я, прихлебывая, говорил, а она смотрела на меня и слушала.

Она не казалась доступной, но избегала моего взгляда. Скромность порой способствует успеху. Смелая женщина выбирает сама, но выбор ее может не прийтись на вас. А робкая ждет, когда ее выберут. Возможно, эта робела в моем присутствии — ведь я житель одного из величайших городов мира! — или просто была неопытна. Что ж, выясню, в чем дело, и буду вести себя соответственно.

Рассуждал я хладнокровно, не испытывая к ней никакой дружеской склонности. Я давно понял, что любить нравящуюся женщину не обязательно, и потому не стремился к браку. Хотел я от женщин немногого и никогда не терял ради них душевного равновесия. Меня не заботило, что обо мне думают. Иные не соглашались на подобные условия, но находились и другие, более покладистые.

Рыжеволосая не поощряла меня открыто, хотя это придало бы мне мужества, и все же я чувствовал себя на верном пути. Стараясь ей понравиться, я преследовал двойную цель. Ведь я нуждался в пище и крове — и это также заставляло меня, помимо обыкновения, казаться любезным.

Напирая на собственную незаурядность, я всеми силами старался дать ей понять о разделявшей нас пропасти. В конце концов выяснилось, что она даже в Чикаго не бывала. Хозяйка слушала внимательно, и это воодушевляло меня. Я болтал о том, о сем, иногда вскользь касаясь каких-либо событий своей жизни, а

она, откинувшись в шезлонге, пристально смотрела на меня из-под опущенных век. Изредка вставляла слово-другое в разговор. В руках она небрежно вертела золотую безделушку, похожую на большую вязальную спицу. Ей, наверное, хотелось показать, как красивы ее руки. Спица, однако, была слишком велика.

Почувствовав, что ужин мой достаточно усвоился, я поднялся и лениво подошел к хозяйке.

— Что это за игрушка? Дайте-ка взглянуть.

Она с лукавым видом прижала ее к груди, но тут же подвинулась, чтобы я мог сесть поближе.

— Вас она в самом деле интересует?

Все шло как по маслу.

— Конечно, — кивнул я, серьезно глядя на нее. Я уже предвкушал, какая гладкая у нее кожа под этим тонким платьем. Но хотелось еще немного продлить игру. Я наклонился над безделушкой.

— Пожалуйста, дорогая, покажите.

— С удовольствием, — сказала она неожиданно твердо, взглянув мне прямо в лицо. Наши взгляды впервые встретились. Ее глаза так сверкали, что я зажмурился и отпрянул.

— Тебе хотелось узнать? Так вот же!

Подавшись вперед, она кольнула меня золотой палочкой. Судорога, будто ток, пробежала по мне, и я лишился сознания.

Очнувшись, я попробовал встать, но не смог оторвать рук от пола. Я попытался взглянуть на них — бесполезно. Глаза были как будто не мои. И тут хозяйка с отвращением воскликнула:

— Вон отсюда, гадкий поросенок. Шшу!

Ручка метлы ткнулась мне в ребро. Я хотел посмотреть на хозяйку, но вместо этого заскользил на четвереньках по мраморному полу.

— Прочь! — она снова ткнула меня метлой.

Я спотыкался, испуганный и разъяренный. К тому же меня донимала одышка. Сказать бы ей, что вот сейчас я поднимусь и задам ей трепку! Как назло, язык отказался служить мне. Пока я пытался удержать равновесие, она с силой ударила меня по хребту.

— Вии-и! — Завизжав от боли, я засеменил к выходу.

Жестоко избитый, я уже не хотел здесь оставаться. Я удирал во все лопатки, а хозяйка лупила меня, стараясь выгнать вон из кухни. Во дворе бежать было легче, но спасения от метлы не было и там. Нещадными тычками в бока хозяйка отогнала меня от дома. В темноте я налетел на деревянную перегородку. Потом она опять ткнула меня концом золотой штуковины — у ручки метлы конец не такой острый. Я перескочил через забор. И шлепнулся в липкую грязь. Несмотря на темноту, сразу стало ясно, куда я попал. Жителю Чикаго никогда не забыть запаха свиней. Я так и замер дрожа, с руками и ногами, разъехавшимися в зловонной жиже. Я всегда осмысливал факты — привычка, которой немало гордился. Вот и теперь попытался понять, что же со мной случилось. На сей раз мой разум оказался бессилен... Но вот из-за деревьев выплыла луна. Повернувшись, я заметил длиннорылую тень, которая тоже шевельнулась. Я попытался отделиться от нее, но не смог. Сделав несколько медленных шагов, я затрусил и потом в бешенстве плюхнулся в грязь. Тень неотступно преследовала меня. Добежав до противоположной стены загона, я бросился на нее с отчаянным криком. Ночное молчание нарушил визг перепуганного поросенка.

Было бы безумием не поверить очевидному. Сумасшедшие облегчают свою участь тем, что отвергают факты. Но как утверждать, что человека нельзя превратить в животное, если именно это со мной и случилось?

Я не долго чувствовал себя не в своей тарелке. Мой визг разбудил обитателей свинарника, и они, похрюкивая, подошли меня обнюхать. Поначалу я увертывался, не желая завязывать знакомство, но в конце концов устал и успокоился. Тогда они вновь собрались возле меня. Я вспотел и продрог, а от тел их шло приятное тепло. Мы провели ночь, сбившись в кучу, как это обычно делают свиньи. К утру я почувствовал себя здесь своим. Мои новые знакомцы, как и я, были свиньями, и ничего плохого в этом я уже не видел.

Вдруг послышались человеческие голоса, и философское умонастроение меня покинуло. Пристыженный, я забился в дальний угол свинарника. Вдобавок надо

было соблюдать осторожность: ведь один из голосов принадлежал хозяйке виллы. С нею был Голиас: очевидно, она его знакомила с домом и пристройками.

— А вот тут у меня свиньи, — сказала она. — Погодите, я подманю их поближе.

С его помощью она вывалила в загон огромную корзину желудей, и я захрюкал от удовольствия. Страх, стыд, ненависть мешали мне подойти к корму, но повелителем оказался желудок. Я стал протискиваться между столпившимися у корма чушками.

Женщина с удовлетворением засмеялась.

— Правда, они прелестны?

Чавкая, я искоса взглянул на людей. Голиас был как в воду опущенный.

— Ваши животные очень забавны, — сказал он, — но я разыскиваю человека.

— Тогда вам нужна я, — отозвалась она.

Со мною она держалась скромной домоседкой, с ним же лукаво заигрывала.

Женщина засмеялась, запрокинув голову.

— Может быть, вы видели кого-то еще?

Я предупреждающе хрюкнул и поперхнулся желудями.

Голиас задумчиво отошел от загона.

— Мне уже приходилось бывать на Эе, — сурово заметил он.

Хозяйка помрачнела, и снова глаза ее страшно засверкали.

— Так что же ты здесь делаешь, если тебе все известно?

Голиас волновался, но стоял на своем.

— Я был с другом, Цирцея. По его следам я пришел сюда.

Я вспомнил, как лгал ей, пытаясь отделаться от соперника. Она об этом тоже не забыла.

— Ему твоя дружба не нужна, — съязвила она. — Твой приятель бросил тебя на произвол судьбы.

— А я его не брошу. Я спас его вопреки его желанию и теперь обязан заботиться о нем. Где он?

— Неподалеку, если тебе так уж хочется знать.

— Один из этих? За что?

Голиас оцепенел от ужаса, но хозяйка только холодно улыбнулась.

— Я не изменяю людей. Я всего лишь наделяю их личиной, соответствующей их естеству. Твоего друга заботили только пища и блуд. Я решила сделать ему приятное. Став свиньей, он избавился от ненужных хлопот.

— Но он не мог устоять перед соблазном, — сказал Голиас как можно мягче. — Твоя красота известна всему миру.

— Ах, пусть бы он любил меня, как мои львы... Или как мои волки, которым нужна только я... Но он, — Цирцея пощелкала белоснежными зубами, — он смотрел на меня как на устрицу, которую ему хотелось растереть о нёбо. Зря я поторопилась и не превратила его в кого-нибудь похуже.

— Тебе это не по силам, — заявил Голиас.

У смягчившейся было Цирцеи при воспоминании обо мне испортилось настроение. Теперь же она вспыхнула от ярости.

— Не по силам? Считай, что он еще легко отделался! А что касается тебя...

Дело принимало опасный оборот, но Голиас бесстрашно смотрел на волшебницу.

— Я к твоей проклятой пище не притрагивался!

— Что ж, над тобой я не властна, — согласилась Цирцея, еще более разъяряясь. — Но друг твой сейчас пожалеет, что не остался поросенком!

— Пустая похвальба! — настаивал Голиас.

Я опасался, что Голиас раззадорит ее, и тогда мне не поздоровится. Но от меня ускользнул конец спора. Груда желудей таяла: свиньи чавкали, толкаясь от жадности. Я укусил борова, который оттеснил меня от корма. Но едва только я уткнулся пятачком в снедь, соперник напал на меня. Завизжав от ярости, я прижал его к забору. Я хотел прокусить ему ухо, но тут меня самого подняли в воздух за уши и, схватив за заднюю ногу, перебросили по ту сторону изгороди.

— Беги! — подталкивая меня, закричал Голиас. — Спасайся немедленно!

Он действовал решительно, но я не понимал, почему надо уходить. Если я поросенок, то место мне — в

свинарнике. Слыша, как другие хавроньи еще хрюкают над желудями, я попытался перескочить к ним. Голиас взял меня за передние ноги и развернул рылом от хлева.

— Проклятье, убегай же! — взревел он. — Цирцея пошла за волшебным жезлом! Сейчас она превратит тебя в клопа или земляного червя.

Ни поросенок, ни человек во мне не хотели этого допустить. Для человека была неприемлема мысль о дальнейшей деградации. А поросенок ужасался, что у него отнимут привычный корм и придется, возможно, есть землю. Я пустился бежать, но Голиас схватил меня за хвост.

— Не туда! Давай за мной!

Тощие свиньи, как оказалось, способны быстро бегать. Я мчался со всех ног.

У леса я замедлил ход. Понукания Голиаса не помогали. Мне казалось, что опасность миновала, и я решил заняться поисками съестного. Но когда вдали послышался протяжный рев, аппетит как рукой сняло.

— Она спустила на нас весь свой зверинец! — крикнул Голиас.

Я мгновенно сообразил, что к чему. Не надо объяснять поросенку, как поступать, если волки и львы с воем и рыком вышли на охоту. Я помчался без оглядки, обегая отдельные островки пальметто. Я даже догнал Голиаса, но до спринтера мне было далеко. А рев за нами все усиливался. Осознание опасности вновь заставило меня прибавить скорость.

Голиас бежал впереди, изредка меня подбадривая.

— Так-так! Держись! Здесь уже недалеко.

Я не понимал, о чем он говорит. Наверное, о месте, где можно будет спрятаться. Я не мог ни поднять голову, чтобы посмотреть вперед, ни оглянуться назад. Оставалось только изо всех сил перебирать ногами, расшвыривая листья на бегу.

Я бежал неведомо куда. Выскочив на берег океана, я не сразу понял, где нахожусь. Голиас был уже в воде, и тут я увидел свою погибель. Оставалось только прыгнуть в воду, но я устал от бега и понимал, что не смогу плыть достаточно долго.

В раздумье я смотрел на отмель, потом рискнул оглянуться. Лес оглашал вой волков, но представители семейства кошачьих их обогнали. Два леопарда мчались друг за другом. Нас разделяло около пятидесяти ярдов.

Это подстегнуло меня. Человек мог опасаться моря как смертельной ловушки, но поросенок должен был удирать от охотников во что бы то ни стало. Захрюкав, я собрался нырнуть — и остался на месте. В бешенстве я взбивал копытцами песок, но не мог сделать ни шага. Я слышал за собой мягкие прыжки леопардов. Мне чудилось, что они уже клацают зубами. Плоть моя содрогнулась в предчувствии боли от вонзившихся в нее когтей. Если я не сдвинусь с места — погибну наверняка. От ужаса я зажмурился и протестующе заверещал.

Уши мои больно сжали — и я подумал, что это конец. Но тут же почувствовал, как человеческие пальцы обхватили и мою ногу.

— Держись поближе, — задыхаясь, сказал Голиас, бредя со мной по мелководью. — Я забыл, что ты из-за колдовства не можешь покинуть остров по своей воле.

Возможно, он говорил что-то еще, но я уже не слышал. Я снова потерял сознание.

3. Карта Романии

Очнулся я уже человеком, но ни малейшей радости от этого не испытал. Меня вырвало желудями и потом еще долго мутило. Но страдания мои не ограничились телесным недомоганием. Вместе с самодовольством я утратил уверенность в себе.

Еще недавно я презирал жизнь. Сознавая это, я гордился собой. Таково было мое мировоззрение. Но как презирать жизнь тому, кто удирает от врага и визжит в смертельном страхе? Я долго не мог унять дрожь в теле. Каждый глоток воздуха казался мне драгоценным. Гордыня моя скончалась от множества нанесенных ей неисцелимых ран. Циничное отношение к жизни происходит от того, что человеку кажется, будто он постиг истинный смысл вещей. Окружающие радуются, а он сохраняет надменность и холодность. Жизнь заставила меня убедиться, что я ничего не знаю и не понимаю.

Мне надоело лежать, и я сел.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Голиас.

Я попытался понять, где мы находимся. Очевидно, на другом острове — холмистом, по сравнению с плоской Эей, которую вновь окутал туман. Я искоса глянул на своего товарища. Он растянулся на земле, тяжело дыша; по-видимому, тащить меня через пролив было не так-то легко. Его правая рука, которую я поленился переместить в тень, пока он спал, побагровела от ожога. Должно быть, ему было мучительно больно ею грести.

— Думаю, неплохо для экс-поросенка, — процедил я, даже не повернувшись к Голиасу и не давая никакой зацепки для продолжения разговора. Он пробормотал, что надо бы побродить по берегу, осмотреться. Едва он ушел, я поднялся и направился в противоположную сторону. Голиасу ясно, что я глупец и негодяй. Мысль о дальнейшем совместном путешествии была для меня нестерпима.

Остров представлял собой гору, выступающую из океана. Она была почти сплошь покрыта джунглями. Обитали на острове в основном дикие козы и разнообразные птицы. В прибрежных водах тоже водилась разная живность. Питаться можно было моллюсками, крабами и черепашьими яйцами. Жаль, что яйца нельзя было сварить. С вершины горы сбегали ручьи, так что недостатка в пресной воде не было.

Это все, что я узнал в первый день. Еще несколько дней занял поход вокруг острова. Нелегко было ступать по каменистому берегу босыми ногами. Проще было бы, конечно, взобраться на вершину и осмотреться, но я боялся нежелательных встреч в лесу. Эя научила меня осторожности.

Конечно, мне хотелось найти людей — лишь бы только не сталкиваться с Голиасом. Однако, увидев следы человека на влажном песке, я испугался. Для Голиаса они были слишком большие. Я и сам был бос, однако обычно следы босых ног наводят на мысль о дикарях. В джунглях живут и дикие племена. Судя по следам, здесь побывал один человек. Но поблизости могли оказаться сотни других. На всякий случай я спрятался в укромном месте.

Ночь я провел почти что без сна. Меня заботили не только следы. Здравый смысл боролся с суетной гордостью. Вопрос заключался в том, найду ли я в себе решимость явиться с повинной. Я уже обошел весь остров, но признаков цивилизации не обнаружил. Навряд ли сюда заглядывают мореплаватели. Значит, моим единственным попутчиком и — при случае — союзником остается Голиас. Если, конечно, он еще не отказался от меня...

Уныло позавтракав сырыми черепашьими яйцами, я вдруг подумал: не поздно ли я спохватился? Голиас,

знаток морского дела, наверняка нашел способ покинуть остров. Обеспокоенный, я отправился его искать. Подошвы мои успели загрубеть, и потому я мог идти достаточно быстро.

Голиас выходил из моря после купания. Он приветствовал меня, как если бы мы расстались всего час назад. Но я не мог принять его радушие как нечто должное, молча. Я хмуро взглянул на него и небрежно бросил:

— Спасибо, что выручил. Я бы не стал с тобой возиться.

— Поживем — увидим, — ответил он, пожав плечами.

И это его я презирал как сумасброда! Человека, достойного только уважения. Теперь я считал, что не заслуживаю его доверия.

— Я собирался предать тебя и сам едва не лишился всего, — напомнил я. — Голиас ничего не ответил. Через силу задал я вопрос, который не давал мне покоя: — Конечно, приятно быть узнанным... Но как же тебе удалось отличить меня от остальных свиней?

Вокруг глаз его собрались морщинки, хотя сам он не улыбался.

— Там был только один черный поросенок с серебряной полосой на башке. Ясно было, что это ты.

Я ткнул пальцем в серебряную прядь у себя в волосах.

— Хорошо, что узнал по этой примете, а не по запаху, например...

Я надеялся, что Голиас теперь от меня не откажется, и все же решил показать свою независимость.

— Не исключено, что я опять тебя подведу... Стоит ли держаться вместе?

— А почему, как ты думаешь, я искал тебя? Ясно, что Делосец предназначил нас друг для друга. Давай держаться вместе — а там будь что будет!

Прежде чем я подыскал ответ, Голиас спросил:

— Ты обошел весь остров?

— Да, — кивнул я, — но ничего хорошего не обнаружил.

— А как насчет дурного?

Он с интересом выслушал мой рассказ о следах.

— Я, когда осматривал остров с горы, подумал, что здесь могут быть люди. Но я давно не посещал эту часть Архипелага и забыл, в какой стороне он от Эи.

Голиас задумчиво поглядел на гору.

— Следы, по-видимому, оставлены пришельцами.

Я вздохнул с облегчением.

— Так, значит, нам можно здесь обосноваться?

— Да, оказались мы здесь вполне обоснованно, — поправил он меня. — Неважно, что это за остров. Вся штука в том, как отсюда выбраться.

Пока я ломал над его словами голову, он снял набедренную повязку. Складки ее скрывали нож в изъеденных солью кожаных ножнах. Вытащив из ножен клинок, Голиас рассек лоскут надвое и протянул мне половину.

— Мужчина, — заявил он, — может держать все в голове, кроме пищи и штанов.

Пройдя сквозь чудесные превращения на Эе, я остался совсем без одежды. Это усиливало во мне чувство беспомощности. Обмотав вокруг бедер кусок полотна, я почти обрел прежнюю уверенность в себе.

— А как тут насчет еды? — поинтересовался я, закрепляя концы повязки узлом. — Так и будем питаться сырятиной?

— Найдется и жаркое, — Голиас указал ножом на заросли пальметто. Теперь он не мог спрятать его в набедренную повязку. — Пойдем через мой бивак, я тебе покажу.

Вскоре в высокой траве мы услышали фырканье. Крупный козленок, отдыхавший на лужайке, вскочил и с удивлением уставился на меня. Возможно, человека он видел впервые. Встреча оказалась для него роковой. Голиас, дернув рукой назад, стряхнул ножны с клинка. Стремительный бросок — и нож, просвистев в воздухе, воткнулся козленку в горло. Сделав несколько скачков, жертва рухнула у кромки прибрежного песка.

— Вот и завтрак, — заметил мой спутник. — Не мешало бы раздобыть чего-нибудь на десерт. Ты бы не поднялся на холм за виноградом? Там его много. А я пока разделаюсь с козленком.

— Принести виноград к биваку?

Я медлил, опасаясь, что в джунглях водятся не только те, кого я могу съесть, но и те, чей аппетит могу вызвать я сам.

— Зачем ходить далеко, если все у нас и так под рукой? — Голиас кивнул в сторону ручейка, бегущего через лужайку. Затем он вновь вопросительно взглянул на меня.

Не дожидаясь, пока он сообразит, чего я боюсь, я начал карабкаться по склону вверх. Далеко в заросли забираться не пришлось: едва ли не на краю леса я увидел деревья, увитые лозами. Обрадовавшись, я сорвал несколько спелых гроздьев и с ними отправился обратно. Но радость моя длилась недолго. Здесь джунгли начинались довольно высоко над берегом. Выйдя из леса, я оказался на хребте, тянущемся по обеим сторонам горы. Я взглянул на водную гладь — надежда, что остров лежит неподалеку от морских путей, развеялась. Кругом расстилались бескрайние океанские просторы, на которых не было видно ни единого корабля. Сама мысль, что на пустынном горизонте может появиться парус, казалась нелепой.

Приключения в открытом море не сломили меня, но теперь я был удручен не на шутку. Даже в дикарской набедренной повязке я все же оставался человеком мыслящим. А человек разумный не может существовать в одиночку. О будущем страшно было даже подумать. Борясь с охватившим меня ужасом, я увидел Голиаса. Он деловито хлопотал на берегу. Сердце мое забилось спокойней: все же я не совсем одинок. Ощутив необычайно острую тоску по его обществу, я заторопился вниз.

Козленок был выпотрошен и освежеван. Голиас набрал веток и пытался развести костер. Я не успел спросить его, как он собирается раздобыть огонь, и теперь с интересом наблюдал за его действиями. Обломком кремня он высек искры из лезвия ножа. Одна из них попала в сухое дерево. Голиас раздувал пламя, пока оно не разгорелось. Подсоленное морской водой, мясо вскоре покрылось корочкой.

Восхищенный сноровкой своего спутника, я был рад внести и свою лепту. Виноград оказался вкусным, и мы ели ягоды, поджидая, когда жаркое будет готово.

Было уютно сидеть, прислонившись спиной к валуну. И все же душа у меня была не на месте.

— Представляешь ли ты, как мы отсюда выберемся? — спросил я, вспоминая пустынные океанские просторы.

Голиас плюнул виноградной косточкой в краба, проползавшего в шести футах от камня.

— Не вполне, — отвечал он, принимаясь за другую гроздь.

Неужто и он потерял надежду? А ведь он-то, казалось, способен выпутаться из любого затруднения! Я хотел было возражать, но прикусил язык. Пожалуй, он прав.

— Мне не удалось до конца обозреть горизонт. Много ли островов поблизости от Эи?

— Один или два. Но и оттуда выбраться не так-то легко. Не попасть бы в переплет, как на Эе! Пусть уж все идет своим чередом. Бывает, что торчишь в плену когда семь лет, а когда чуть ли не всех попугаев переживешь. — Он повернул вертел на четверть оборота. — Праздность хороша в меру. А меня ждут дела.

— Жарить козлятину?

— Нет, надо изобрести способ, как убраться с острова. — Усмехнувшись, Голиас взглянул на меня. — Шансы невелики, но это не значит, что все потеряно.

Его сомнения меня не приободрили. Мы еще немного поговорили об ожидавших нас трудностях. Предстояло разрешить задачу с отплытием. С другой стороны, необходимо добывать пищу. Пока запасов было достаточно, можно было сосредоточиться на подготовке эвакуации. Голиаса, видимо, занимали те же мысли. Дожаривая мясо, Голиас задумчиво молчал. Жаркое оказалось жестким и жилистым, но все же я ел его охотней, чем сырых крабов.

— Ты оставил мету там, где увидел следы? — спросил Голиас, когда мы покончили с жарким.

— Зачем? Это в двух милях за мысом, место можно узнать без труда.

— Надо получше осмотреть окрестности, чтобы выяснить, часто ли сюда наведываются гости.

Мы отправились к мысу.

— Может, соорудить плот? — спросил я после недолгого раздумья. — Опалить бревна, не отесывая, и связать лозой.

Голиас покачал головой.

— Плот хорош, если плыть по реке. В океане он неуправляем.

— Мы могли бы грести. Впрочем, с греблей ничего не выйдет, — спохватился я под его ироническим взором. — Но можно соорудить парус. Скажем, из козлиной шкуры.

— Парус сделать нетрудно, — согласился Голиас, — но где взять мачту? Чтобы плот плыл в море, необходим сильный ветер... А большие волны перевернут его.

Возразить было нечего, но мне явилась новая мысль.

— Помнишь, как мы плыли по воле волн? Ветер мог бы также гнать плот к материку. В какую сторону надо плыть?

— На запад. Все приходит с востока и уходит на запад.

— Метко подмечено. Представь, что ветер будет гнать плот со скоростью две-три мили в час. Как далеко нам плыть?

— Миль сто или двести. Вдвое больше того, что мы уже проплыли. Затея бессмысленная. Мы покинем остров только на судне, которым сможем управлять сами.

Голиас смотрел на вещи более практически. Однако я не мог успокоиться, не перебрав все возможности бегства.

— Давай все-таки прикинем, что к чему, — настаивал я. — Если не хочешь сам, предоставь это мне.

Впереди показался мыс. Теперь мы шли по прибрежной полосе песка.

— Ты можешь начертить карту, чтобы я увидел, где мы находимся?

— Хорошо, но учти, что, несмотря на общего патрона, рисование — это не моя специальность. — Голиас отломил ветку. — Вот эти точки — острова Архипелага. Можно только догадываться, на который из островов мы попали. Но в любом случае большая земля — на западе, и ближайшая к нам точка — оконечность Длинного Полуострова. Если нам не воспре-

пятствуют океанские течения и ветер не переменится, мы, возможно, и доберемся до материка. Но как достичь цели, которая тебе неясна? Если мы окажемся южнее или севернее полуострова, плавание затянется... А вдруг нас застигнет шторм? Или установится продолжительный штиль? Тогда мы рано или поздно погибнем.

Он взглянул, проверяя, удалось ли ему меня убедить. Я был с ним согласен, но мне хотелось как можно больше узнать о стране, куда мы стремимся попасть.

— Заверши чертеж, — предложил я.

— На оконечности Длинного Полуострова находится Дериабар, — сказал Голиас, продолжив линию. — Он к нам ближе всего, так как лежит в самой восточной точке побережья. Далее Романия тянется отсюда, — (он провел черту как можно дальше), — до западной границы графства Пайк. На север от полуострова, обогнув Босс Арден, извилистая береговая линия выходит прямо к Утгарду. На юге она менее неровная, однако образует резкий выступ у Приюта Адамастора. Вернемся на север. — Голиас замкнул окружность, показывая, что страна со всех сторон омывается морем. — Города: вот здесь Илион, здесь Карлион, Фивы, Валенция, Паруар, Аргос, Тройнованг и Готам. Есть и другие, поменьше. Но иногда какое-нибудь строение — такое, как Ред Бранч, Своллоу Барн, Хедлонг Холл, способно превзойти по значимости все города округи.

Я задумался над картой.

— А чем жители зарабатывают себе на жизнь?

— Они не зарабатывают себе на жизнь, Шендон. Они поступают умнее: они просто живут. — Голиас вновь принялся за рисование. — Уотлинг-стрит идет на запад от Дериабара. Это единственный тракт, по которому можно попасть в любую часть страны. Дорога пересекает громадный Броселианский лес, покрывающий всю округу от Босс Арден до Уорлокских гор на другом берегу Лонг Ривер — реки, которая делит страну надвое с севера на юг. Между Уорлокским хребтом и основным горным массивом, расположенным на Западе, — Титанами — большое озеро, известное как Мид-Уотер или Гитчи Гюми. Оно...

Он замолчал, так как издали вдруг послышались голоса. За мысом кто-то не то пел, не то кричал. Мы с Голиасом переглянулись.

— Это за мысом, — шепнул я. — Как раз там, где следы.

— Надо бы посмотреть, что это за люди, — предложил Голиас. — Хорошо, если они настроены дружелюбно. Если же нет, понаблюдаем за ними из укрытия.

Сойдя с песчаной полосы, он юркнул в высокую траву и пополз. Трава за ним раздвигалась, и я полз ему вслед. Это было нелегко. Весь в поту, я изодрал себе локти, колени; мышцы нестерпимо болели. Безжалостно кусалась мошкара.

Мы ползли на шум голосов, заглушавших шорох травы. Вскоре Голиас сделал мне знак остановиться. Я был рад возможности передохнуть. Голиас отполз вперед, а затем кивком подозвал к себе. Устроившись рядом с ним, я осторожно раздвинул траву и посмотрел вниз, на берег. Примерно с десяток дикарей, таких же голых, как и мы, скакали вокруг костра. Тут были одни мужчины — хотя и без костюмов, какие видишь на краснокожих в кино, — но я решил, что это индейцы.

Несмотря на страшную жару, костер разложили громадный. Один из дикарей, сидя на песке, бил ладонями по барабану. Но расслышать эту музыку можно было только когда танцоры переставали кричать и понижали голос до шепота. В это время они менялись местами друг с другом, скорчившись и размахивая дубинками. Таким манером они, очевидно, выражали свое преклонение перед неким божеством. Затем снова поднимался вой и крик.

Никто из дикарей не улыбался, и от этого мне стало не по себе. В их мрачном веселье было что-то пугающее. На берегу я заметил два каноэ, вдвинутых носом в песок. Это говорило о том, что дикари — заезжие гости.

Мне захотелось узнать, что думает об этом Голиас, но я не мог перехватить его взгляд. Он крепко сжимал нож — так, что побелели костяшки пальцев. Я вновь принялся наблюдать. Пляска прекратилась. Несколько дикарей подошли к каноэ, и я с облегчением вздохнул, подумав, что они собираются отплыть с острова. Од-

нако они возвратились, неся с собой связанного дикаря. Наверное, у бедняги был кляп во рту, но через мгновение это стало уже неважно. Краснокожий, откинув голову пленника назад, чиркнул ему по горлу каменным ножом. Убитого перевернули, как обезглавленного цыпленка, чтобы дать крови стечь. Я все еще не понимал, что они затевают, пока жертве не вспороли живот.

Будучи не в состоянии воспрепятствовать убийству, я осознавал себя соучастником преступления. Но на очереди было преступление еще более страшное. Совсем недавно я имел случай убедиться в бренности человеческой плоти. Но вообразить, как, несмотря на все наши совершенства, наше тело легко превращается в ком пережеванного мяса, сознание мое отказывалось. На глазах у меня совершалось чудовищное святотатство, а я не мог шевельнуть и пальцем. Бессильная ненависть вскипела во мне, и я стиснул челюсти, чтобы не закричать. Разрубив тело на куски, дикари нанизали их на вертел. Голиас сделал знак, чтобы я следовал за ним.

— Не обязательно досиживать до самой развязки, — заметил он, когда мы отползли подальше.

Я молчал, опустив голову. Обсуждать увиденное у меня просто язык не поворачивался.

— Нам дается шанс выбраться отсюда, — продолжал Голиас. — Если хочешь рискнуть — пожалуйста.

— На каноэ? Но как?

— Скоро они нажрутся до отвала и заснут. Но нам придется попотеть, — добавил он, заметив, как я просиял. — Дикари, как опытные моряки, будут ждать прилива. Каноэ не поплывут, пока не поднимется вода. Мы могли бы подтащить их к самому берегу, но возникнет переполох. Стоит разбудить этих парней... — Голиас поежился. — Если мы угодим в одно брюхо, я после чаши меда вытолкну тебя наружу.

Мы переглянулись. Я задумался.

— У нас не будет другой возможности, — пробормотал я.

— Будет, но именно такая же. Похоже, они частенько сюда заглядывают. Шансы будут примерно одинаковы.

Беглым взглядом я окинул берег и пустынную водную гладь.

— Вернемся за козленком, — предложил я, — и вырежем себе по костяной палице.

Торопиться было некуда, но действовали мы проворно. Когда мы возвратились с бивака, песок вокруг кострища был усеян обглоданными человеческими костями. Но дикари все еще продолжали пиршество. Мы невесело наблюдали, как они вгрызаются зубами в человеческое мясо. Животы их раздулись, но они ели, пока не прикончили все, кроме ступней и головы. Ее они надели на кол, и голова с опущенными веками наблюдала за их пиршеством.

Голиас оказался хорошим пророком. Разморенным жарой, объевшимся дикарям захотелось соснуть. Раздутые, будто черви, они повалились — кто под кустом, кто в тени валунов — и дружно захрапели. Один людоед остался на страже.

Надо было дождаться прилива, который уже приближался. Вода еще не достигла береговой полосы: она продвигалась на шаг, останавливалась и затем наступала снова. Спящие время от времени всхрапывали и переворачивались на другой бок.

Вода была уже на ярд от каноэ, и я тронул Голиаса за руку. Он поднял голову. Вода подступила еще на пол-ярда. Едва пена коснулась ближайшего каноэ, дикарь, оставленный за сторожа, зевнул и почесал грудь. Я был убежден, что мы теряем время. Голиас переводил взгляд с дикаря на лодки, будто кот, следящий за двумя мышиными норками.

Трое краснокожих проснулись и подошли к кострищу. Голиас пригнулся и сжался в комок. Он взглянул на меня — и, надеюсь, увидел в моих глазах то самое выражение, какого ждал. Я также подобрался, готовясь вскочить на ноги.

— Давай! — шепнул он.

Мы были на полпути к каноэ, когда индейцы заметили нас и подняли тревогу. Нам удалось добежать до лодок, прежде чем дикари сообразили, чего мы хотим. Голиас был прав, предлагая выждать. Если бы вода не поднялась достаточно высоко, мы не смогли

бы плыть. Большое каноэ было слишком тяжелым, и я едва мог сдвинуть его с места.

— Берись за другое! — крикнул Голиас. — Оно не так глубоко сидит.

С малым каноэ справиться было легче. Мы сдвинули его на два фута. И тут я выронил дубинку и едва не повалился, потому что судно заскользило вперед. Далее продвинуться не пришлось: к нам подскочили дикари. Я наклонился взять весло, и это спасло мне жизнь: копье пролетело возле самого уха.

Голиас успел уже выпустить кишки главарю. Тут же подоспели четверо других дикарей, и я занес над ними весло. Один свалился от моего удара в челюсть. Двое отскочили. Четвертый упал, споткнувшись о товарища. Себе на горе он подался вперед, и Голиас вонзил нож ему в горло.

Оставшиеся в живых медлили нападать, поджидая, пока подбежит подкрепление, и мы получили краткую передышку.

— Я задержу их! — завопил я. — Толкай лодку! Господи Иисусе! Что ты там делаешь?!

Голиас прыгнул в большое каноэ, но мне некогда было наблюдать за ним. Завидев, что я один, ко мне приблизились двое краснокожих. За ними подбежали остальные. Обычный враг, возможно, и взял бы надо мной верх, но я понимал, что сражаюсь с каннибалами. Всего пару дней назад я был способен только визжать, когда домогались моей плоти. Теперь же я с яростью раздавал удары направо и налево.

Я сражался, не жалея себя, но неприятелей было слишком много. Дикарь, кольнувший меня копьем, получил зуботычину, однако другому удалось проскользнуть у меня под рукой. Они набросились на меня кучей, и я упал под их тяжестью на их сотоварища, которому я свернул шею. Свалившегося прямо на меня я силился задушить, но без особого успеха. В рукопашной схватке порой не разберешь, с кем надо сражаться, но я-то уж никак не мог принять врага за друга. Извиваясь под противником, я задыхался в агонии, пока не выкрутил ему большой палец. Уже поднявшись, я понял, почему мне удалось высвободиться. Голиас вытаскивал свой нож из спины индейца.

— Идем! — бросил он мне.

Я бросился к каноэ, которое плавало в нескольких шагах от берега. Кое-как перевалился через борт, вскочил и снова упал от морской качки.

— Бери весло! — велел Голиас. Он перегнулся через корму. Пятеро или шестеро краснокожих сталкивали в воду другое каноэ. Действовали они, как назло, слаженно, но за весла почему-то не взялись, а попрыгали из лодки обратно в воду и зашлепали в нашу сторону.

Вдвоем справиться с тяжелым каноэ не просто. К счастью, качка под прикрытием мыса была незначительной. Лавируя между отмелями, мы медленно удалялись от берегового прибоя. Нам удалось оторваться от скакавших в воде каннибалов. Вдруг один из них поплыл вслед за нами. Он догнал нас и ухватился за корму. Тут же его товарищи завопили от восторга, а он — от боли: Голиас резко подался вперед, и отрубленные пальцы дикаря скользнули на днище лодки.

Больше дикари не пытались нас догнать. Они выбрались на берег, а мы развернули каноэ и направились в открытое море. Мы были уже довольно далеко, прежде чем я решился передохнуть. Я был изранен, избит, исцарапан... Голова болела, правый глаз заплыл. Возбуждение от битвы улеглось. Мне уже казалось, что все это случилось не со мной. Но одного я так и не понимал.

— Почему они не воспользовались другим каноэ? — спросил я. Голиас тоже устал, однако взглянув на меня через плечо, улыбнулся.

— Да потому, что не научились грести без весел, — объявил он. — Ты полагаешь, их следует вернуть владельцам?

4. Путь на материк

Каноэ вполне годилось для морских путешествий, но во всем остальном наши дела обстояли неважно. На острове мы запаслись козлятиной: завернули по большому куску в лоскуты шкуры и привязали к поясу. Но свой кусок я потерял в драке. О том, чтобы запастись водой, нечего было и думать. Мы понадеялись на запасы дикарей — и в самом деле, в каноэ нашлось немного пресной воды.

Вот тут-то я и почувствовал жажду.

— А далеко отсюда живут краснокожие? — спросил я у Голиаса, стараясь работать веслом так, чтобы волны не били каноэ в борт.

— Наверное, недалеко. Но ведь мы не к ним плывем. Я сыт ими по горло и не желаю, чтобы они пресытились мной. Главное для нас — держать курс на запад и не терять надежды. К счастью, ветер попутный.

Отдыхая от гребли, мы полагались на волю волн. Качка была слабой, и наше судно держалось на воде как пробка, лишь изредка зачерпывая воду, зато временами мы отпивали из наших запасов по маленькому глоточку.

В путь мы отправились около полудня. Через двое суток стало ясно, что мы проскочили Длинный Полуостров и теперь нам предстоит плыть неведомо куда. Пресная вода кончалась, и теперь нас неотступно мучила жажда. Высоко стоящее солнце пекло нестерпимо. Мы иссыхали, как изюм. Голод тоже усиливался: всухомятку было невозможно разжевать жесткое мясо.

К счастью, мы не первый день находились под открытым небом, и шкуры наши успели задубеть. Это спасало от ожогов под палящими лучами солнца. Мы смачивали кожу морской водой, что облегчало наши муки, но как трудно было удержаться и не сделать хотя бы глоток. На дне каноэ мы обнаружили удочки, однако рыба не ловилась. А то мы могли бы утолить жажду, питаясь сырой рыбой, объяснил мне Голиас.

Разговоры вскоре прекратились: на сухих губах немедленно появлялись трещины. В горле тоже пересохло. Все чаще мы оставляли весла, вглядываясь в даль воспаленными от жара глазами. Что мы надеялись увидеть? Землю, корабль, облака?.. Или крохотную тучку, которая могла бы хоть ненадолго принести тень? Но нет, солнце ослепительно сияло над головой, и, будто вторя ему, ослепительно блистал океан.

Куда, казалось бы, хуже! Однако бедствия наши еще усугубились. На море пал штиль, и каноэ замерло на месте, как если бы его прикололи к водной глади булавкой. И мы с Голиасом замерли неподвижно, лежа в тени одного из бортов.

Море от жара створожилось, как скисшее молоко. Оттуда выползли, извиваясь множеством щупалец, отвратительные чудовища и стали резвиться на плотной глянцевитой поверхности. Я был обречен наблюдать за игрищами омерзительных тварей до конца своих дней.

На Голиаса я не смотрел. Мне казалось, он уже мертв: я не чувствовал, что рядом со мною находится живой человек, свидетель переживаемых ужасов. Спустя долгое время я очнулся от его голоса.

— Парус! — прохрипел Голиас.

Чтобы смочить пересохшее горло, ему пришлось прокусить вену. Он указал рукой в сторону корабля, и я заметил слабую струйку крови на его запястье. Голиас разомкнул почерневшие губы, и от этого они опять покрылись трещинами.

— Парус! — повторил мой товарищ.

С трудом поняв его, я медленно обернулся. К нам приближалось судно неизвестного мне образца. Несмотря на полный штиль, оно шло с поднятыми парусами. Вернее, неслось по воде со скоростью аэроплана. Я было решил, что на нем установлен мотор. Но может ли мотор работать беззвучно, не производя выхлопов?

Я хотел по примеру Голиаса прокусить себе вену, но не смог поднять руки. Да в этом и не было необходимости. Мы находились едва ли не на самом пути корабля, и потому команда наверняка должна была заметить нас. Вскоре парусник поравнялся с нами. На судне таких размеров обычно штурвал заменяет румпель. В данном случае это было не важно: судно, как оказалось, шло без управления. Моряк лежал на рулевом колесе, и руки его свешивались до самой палубы. Другой стоял у поручня между высоким форштевнем и кормой. В руках он сжимал убитую большую морскую птицу. Я встретился с ним взглядом — но чем он мог помочь нам? В глазах его я прочел такую же безнадежность. Даже умереть ему не хватало сил.

Корабль пролетел мимо нас и пропал из виду. Продвижение его почти не вызвало качки, но океан ожил и зашевелился. Будто кто-то снял колдовские чары, запрещавшие дуть ветру. Он дул все сильнее, нагоняя облака. Затем — и это уже казалось невероятным — начался дождь, напоминавший водопад. Влага вернула меня к жизни. Я с восторгом ощущал, что вновь могу двигаться, и кричал, чтобы только услышать собственный голос. Но ливень кончился — и я подумал о том, что казнь всего лишь отсрочена.

Впрочем, в уныние я не впал — тем более что нам, впервые за несколько дней, удалось поесть.

— Что у них за двигатель на судне? — спросил я у Голиаса, отслаивая волокна от высушенной солнцем козлятины.

— Судно зачаровано, но кем и как — не знаю.

Голиас зачерпнул воды со дна каноэ и сделал глоток.

— Важно то, что эта старая калоша направилась прямо к Романии. Значит, ветер несет нас туда.

— Со скоростью до двух узлов в час. А не мог бы и нас кто-нибудь зачаровать?

— Я ношу много имен, но никто не называл меня Глендауэр. Плывем мы не быстро, зато у нас есть теперь пресная вода. Не попадем в шторм — доберемся как-нибудь. Ты можешь грести?

Конечно, я мог. Я чувствовал прилив сил, и мне не терпелось их использовать. К тому же в борьбе с каннибалами я вернул себе доброе мнение Голиаса,

едва не утраченное на Эе. Необходимо было подтвердить и укрепить его.

— Беремся за весла, — предложил я.

Но долго грести не пришлось — мы слишком ослабли от голода. Оставалось только ждать и ждать, пока волны несли нас вперед. Спали мы по очереди. Я боялся, что днем мы вновь будем мучиться от зноя, но солнце пригревало ласково. К тому же на удочку попалась морская черепаха, около трех футов в длину.

Голиас снял с нее панцирь и вбил его между бортами каноэ. Козлятину мы уже съели, и в лоскут козлиной шкуры были теперь завернуты осколки кремня и трут. Голиас расколол на щепки одно из лишних весел и развел огонь. Панцирь он использовал как очаг. На медленном огне он поджарил ломти черепашьего мяса. Сочное, свежее мясо было необыкновенно питательно. От сытости мы сделались сонливыми, но на следующий день проснулись бодрыми, как никогда.

Соленый воздух исцелил мои синяки и царапины. Кожа сделалась нечувствительной к солнечным лучам. Плечи уже не ныли от гребли, и ладони стали жесткими от мозолей.

Чувствовал я себя превосходно. Теперь я не сомневался, что мы непременно доберемся до материка.

— Что ты собираешься делать, когда мы высадимся на берег? — поинтересовался я у Голиаса.

Голиас, сидевший на веслах на корме, громко присвистнул.

— Когда уже будет ясно, кого надо поколотить, чтобы остаться в живых? — переспросил он. — Трудно судить заранее. Смотря что перевесит — случай, твой собственный выбор или предсказание оракула.

Я не понял, что он имеет в виду.

— Ты хорошо знаешь страну, — сказал я ему. — Куда ты направишься, когда окажешься там? Ведь ты уже сейчас должен над этим задуматься.

— А ты все обдумал?

— Конечно! — я даже фыркнул от досады. — Добравшись до какого-нибудь порта, первым делом разыщу американское посольство и попрошу их...

Тут я осекся. Я чуть было не сказал: «попрошу их помочь мне вернуться домой», но эти слова так и

застряли у меня в горле. Я неожиданно понял, что мне вовсе не хочется возвращаться назад в Америку.

— Пожалуй, я тоже не знаю, — признался я. — Поскорей бы уже доплыть, а там посмотрим. Может, там мне будет лучше, чем дома, — добавил я с несвойственным мне оптимизмом.

— Порою лучше, порою хуже, — заверил меня Голиас, — какое это имеет значение? Ведь такова жизнь.

Я обернулся сказать ему, что для меня это имеет немалое значение, и заметил вдали весельные суда. Весла пока еще не были различимы, но я угадал их по ритму, с которым суда приближались к нам. Недаром еще в коллежде я занимался греблей.

— Вон те тоже потерпели крушение, — сказал я, — и плывут теперь к берегу.

— Слишком велики для спасательных шлюпок, — возразил Голиас. — Впереди, наверное, «Арго» или «Придвен». Впрочем, нет... Это целая флотилия.

Один за другим — чувствовалось, что гребут слаженно, — корабли приближались к нам. Вскоре они сделались хорошо различимы. Их было около двадцати. Голиас оказался прав: таких крупных весельных судов я еще не видел.

— Нам сгодится любой, — заметил я. — Похоже, мы вышли из передряги.

— Как бы не попасть в новую, — остерег меня Голиас. — Они спрашивают, не проплывали ли здесь корабли... Не будем загадывать надолго — но, думаю, скучать нам не придется.

Хотелось нам того или не хотелось, но разминуться было нельзя. Ведущий корабль шел прямо на нас, прочие выстроились за ним по правую и левую сторону. Борта они имели невысокие, но были круто изогнуты от носа к корме. На каждом судне виднелась мачта, однако паруса, несмотря на хороший ветер, были опущены.

Мы развернули каноэ. Главный корабль приблизился: его носовая часть заканчивалась резьбой в виде креста между змеей и аллигатором. Корабль скользнул вплотную к каноэ — и гребцы подняли весла. Ни ярдом ближе, ни ярдом дальше — рассчитано было безупречно!

Я бы и дальше продолжал рассматривать судно, если бы мое внимание не привлекли сами гребцы. Я видел их косматые головы между расписанными дисками, прибитыми к планширу. Несколько человек, скрытые бортом по пояс, стояли на корме. Все были ширококостные, с белокурыми или рыжими волосами. Одеты они были в кожаные туники с короткими рукавами; на поясах висели большие охотничьи ножи. Странно было видеть таких здоровенных мужиков, украшенных золотыми кольцами и браслетами.

Самый высокий из мужчин, он же обладатель наибольшего количества украшений, заговорил с нами. В отличие от прочих, он был черноволос; длинные пряди, скрученные в косицы, были заткнуты за пояс.

— Чьи вы люди? Откуда вы? — спросил он, держась за бороду.

— А кто меня спрашивает об этом? — уклонился от ответа Голиас, вежливо дав понять, что не желает называть себя первым.

— Бродир Хардсарк, предводитель флотилии, — сурово отрезал чернобородый.

— У нас нет ни пристанища, ни господина, — сказал Голиас.

— Но имена-то есть?

Голиас улыбнулся, и я понял, что он не намерен пускаться в пространные объяснения.

— Да, Бродир. Кроме имен, у нас ничего нет. Меня зовут Видсид, а моего друга — Шендон. Шендон Серебряный Вихор.

— Нам с вами по пути, — добавил я, когда Бродир взглянул на меня.

— Хотите вернуться на берег? Туда, на запад?

Я покачал головой.

— Берег, который мы оставили, лежит совсем в другой стороне.

Ответ мой он встретил с разочарованием.

— А, так вы прибыли с востока... Тогда вам нечего мне рассказать.

Он отвернулся, чтобы дать команду гребцам, но Голиас вновь заговорил с ним.

— А я скажу вот что. Прячущий паруса от доброго ветра прячется сам. Ты преследуешь — или бежишь от преследования?

— Преследую, — засмеялся Бродир, тряхнув головой. — Чтобы добыть женщину и королевство.

— Дело стоящее, — согласился Голиас и прыгнул в воду. Вынырнув, он крикнул:

— Шендон! Давай за мной!

Ни за что на свете мне теперь не хотелось остаться одному. Следуя примеру Голиаса, я нырнул и вскарабкался вслед за ним на борт по протянутым веслам. Слова благодарности гребцы пропустили мимо ушей. В их глазах было только холодное любопытство. Уж не в окружении ли врагов мы оказались? Впрочем, все зависело от того, что скажет Бродир. Голиас уже стоял перед ним, ожидая приговора. С осторожностью я пробрался по узкому мостику между рядами гребцов, ведущему к площадке на корме. Бродир был разгневан, но еще не решил, как с нами следует поступить.

— На корабле только я приказываю, кого взять на борт, а кого нет, — отрубил он. — Кто вы — лазутчики или просто олухи?

— Наш корабль потерпел крушение, — вмешался я, — и нам надо как-то добраться до берега.

— Не сумели спасти корабль — так тоните, — посоветовал Бродир. — Вы еще пожалеете о том, что не пошли ко дну.

Голиаса его слова не испугали.

— С каких это пор щедрые дарители колец — такие, как Бродир Хардсарк, — прогоняют скальдов?

— А, ты тот самый Видсид! Или выдаешь себя за него? Но это мы скоро проверим.

Смягчившись по отношению к Голиасу, он всю свою ярость перенес на меня.

— А что ты скажешь, Серебряный Вихор — или как там тебя?

— Я видел его в сражении, — сообщил Голиас. Он тронул белую прядь волос, по которой дал мне прозвище. — Посмотри, это знак Одина. Вот такие воины тебе и нужны.

— А я видел немало верзил, от которых толку не больше, чем от дохлого пса.

Бродир положил ладонь мне на спину, как если бы оценивал на ярмарке скот.

Я был слишком раздражен, чтобы вести себя осторожно.

— Послушайте, мистер Хардсарк, — заявил я, — я ничего у вас для себя не прошу. Свой проезд я отработаю: посадите меня на весла и убедитесь собственными глазами.

Похоже, мои слова удовлетворили Бродира, однако он взглянул на меня предостерегающе.

— А ты справишься?

— Что-что, а грести мне приходилось, — буркнул я сердито. — В Висконсине я сидел на веслах три года, а в Паукипси мы дважды заткнули всех соперников за пояс.

— Именно там! — поддакнул Голиас, хотя навряд ли слышал об этом городишке, ведь даже о Чикаго он ничего не знал. — Вот тебе еще один гребец, Бродир.

Бродир, по-видимому, сменил гнев на милость, но все еще сохранял непримиримый вид. Он обернулся к своим спутникам.

— Посадите его так, чтобы я мог его отсюда видеть, — распорядился он.

На каждом весле сидело по паре гребцов. Крайний гребец пропустил меня: мне надлежало быть вторым. Заняв свое место, я оглянулся на тридцать весел, которыми мы будем задавать ход. И больше по сторонам уже не смотрел, не сводя глаз со своего напарника, белобрысого детины со шрамом на плече.

Дружинник, стоящий на корме рядом с Бродиром, крикнул, и мы все разом наклонились вперед.

Корабль — не скорлупка, и весло было потяжелее перышка. Зато отсутствовала спешка, и ритм мы выдерживали ровный. Вскоре удалось приспособиться и к отсутствию скользкого сиденья. Мельком взглянув на Бордира, я понял, что могу принять назначение: он уже отвернулся в другую сторону. Итак, я сделался равноправным членом команды.

Теперь я мог сполна наслаждаться своим занятием. Из всех видов спорта гребля кажется наименее привлекательной: это тяжелый однообразный труд. Плохо и то, что гребцы не видят ничего вокруг. Но этот недостаток возмещается простым и вместе с тем изысканным удовольствием. Дело в том, что человек испытывает потребность, хотя зачастую она не удовлетворяется, ощутить себя частью слаженно работающего механизма. В команде гребцов этот идеал легко дости-

жим. Чувство принадлежности к единому целому поступает от команды к ее отдельному члену и возвращается вспять, как электрический ток. Пока усталость не развеет очарования, ничего лучшего и пожелать нельзя.

Вполне обретя уверенность, я стал прислушиваться к разговору на корме. Мне хотелось узнать, где мы теперь находимся, но я не услышал ничего интересного, пока наконец не закричали:

— Бродир! Корабли по правому борту! Посмотри туда!

— Это, должно быть, Сигтрюгг, — вглядевшись в корабли, сказал Бродир, — кстати он подошел. Но почему этот олух не свернул паруса?

Какое-то время он наблюдал молча.

— А, наконец-то догадались это сделать. Где парень, выдающий себя за скальда?

Голиас играл с дружинниками в кости. Ему, наверное, пришлось заложить свой нож. Я уже слышал, как он несколько раз просил, чтобы ему дали игральную кость. Его усердие себя оправдало: перед Бродиром он предстал в кожаной тунике и шлеме с перьями.

— Готов выполнить приказ, — отчеканил он, как бывалый вояка.

— Владелец вон тех кораблей, в отличие от меня, король, — сказал ему Бродир, — а мне еще только предстоит им стать. Но для этого надо потрудиться. Не я поплыву за ним вослед, а он за мной. Это не гордыня: тот, кто высадится первым, выберет лучшее место для лагеря.

— Так, ну и что же? — поинтересовался Голиас.

— Через пару часов мы подплывем к берегу: солнце как раз будет светить нам в лицо. Но они и так нас не заметят, если мы их значительно опередим. Дождавшись темноты, мы высадимся и займем гавань. Нам во что бы то ни стало нужно быть первыми. Ты сложишь песню, которая поможет гребцам вывести судно из воды на берег.

— А лиры у вас не найдется?

Бродир жестко усмехнулся.

— Скальд, которого мы взяли с собой, пел больше про женщин и про любовь. Это разнеживает воинов, заставляет их тосковать о доме... Я выбросил лиру за

борт вслед за певцом, надеясь, что он использует ее как плот.

— Будет вам песня, — пообещал Голиас и вернулся к игре в кости.

Я был уже не прочь отдохнуть, когда дали команду сушить весла. Нужно было подвигать плечами, чтобы снялось напряжение. Вдруг кто-то шлепнул меня между лопатками.

— Нам дают только воду, но и ею можно промочить горло.

Я обернулся и увидел, что мой напарник протягивает мне кожаный мешок с воронкообразным наконечником. Вода была теплой и затхлой, но мне необходимо было утолить жажду.

— Похоже, сидишь на веслах ты не в первый раз, — заметил русоволосый бесшабашный малый, со шрамом в углу рта.

Я отер подбородок тыльной стороной ладони и приветливо усмехнулся.

— В такой дружной компании — впервые, — откликнулся я. По правде сказать, мои возможности не были вполне испытаны, и все же я чувствовал себя на высоте. Я хорошо потрудился вместе с этими ребятами, а они, похоже, были довольны мной. Мне захотелось, чтобы они меня полюбили.

— А поесть нам дадут, прежде чем мы поведем эту лоханку дальше? Кстати, мое имя...

— Шендон Серебряный Вихор, — опередил он меня, — я слышал твой разговор с Бродиром. Отчего ваш корабль затонул?

Пока я рассказывал ему все, что можно было рассказать о крушении, к нам подошло еще несколько человек. Тем временем раздали хлеб и соленую рыбу — все это мы проглотили, будто голодные волки. Гребцы разошлись по своим местам. Предстоял еще один бросок — и Бродир хотел, чтобы мы успели поразмяться. Возвращаясь на место, я заметил, что Голиас стоит, вглядываясь в даль. Я посмотрел туда же, но увидел только расплывающуюся в дымке вечернюю зарю.

— Это и есть Романия?

— Да, но ничего определенного пока нельзя сказать. Мы где-то возле северной части Длинного Полуострова.

Возможно, я уже встречался с Бродиром, не могу, к сожалению, вспомнить, откуда он. — Согнав со лба морщины, Голиас ухмыльнулся. — Да, кстати, я выиграл для нас с тобой доспехи и оружие. Бродир пообещал нас одеть и вооружить, но к чему нам чьи-то обноски?

Я не сразу понял, куда он клонит.

— Послушай, — сказал я ему напрямик. — Вся эта заварушка нас не касается. Провоз я намереваюсь честно отработать, но покину корабль, едва мы войдем в порт. С какой стати я должен сражаться за Бродира? Не по нраву мне этот сукин сын.

Из осторожности я понизил голос, а Голиас и вовсе ответил мне еле слышным шепотом.

— Мы будем сражаться, потому что у нас нет другого выхода. Если мы попытаемся сбежать, они наверняка подумают, что мы шпионы.

Для пущего убеждения он крепко стиснул мне руку.

— Я знавал таких, как Бродир. Он угрожал нам не впустую. Ослушникам пощады от него не дождаться.

Я сообразил, что Голиас прав. Не нравился мне такой оборот, но деваться было некуда.

— Да, похоже, сразу мы не выпутаемся. Но меня ненадолго хватит.

Настроение мое испортилось.

— У нас нет ружей. А у противника есть огнестрельное оружие?

— Нет.

— О, это уже кое-что. А что я должен делать? Ведь я ничего не умею.

— Тебе нужен топор. Как раз сгодится для твоего телосложения. Мне удалось выиграть два меча, попробую один из них обменять на топор.

Голиас оставил меня в раздумье, но тут Бродир рявкнул, призывая гребцов на скамьи. Пробираясь по мостку, я увидел, что гребцы одеваются в кожаные туники и рубахи из металлических колец. Все оживленно разговаривали, обмениваясь дружескими тычками и смеясь, — точь-в-точь команда спортсменов в раздевалке перед заходом, который они непременно собираются выиграть. Это придало мне уверенности, и

я даже улыбнулся, когда парень, с которым я обедал, окликнул меня.

— Присаживайся, Серебряный Вихор! А я-то думал, что ты уже выдохся.

— Тебе дали кольчугу? — спросил мой напарник, Скегги. — Или ты из тех бесшабашных вояк — берсерков, которым все нипочем?

Какой из меня вояка, я и сам еще не знал толком. Голиас вовремя подоспел мне на выручку. Он принес охапку кожи и металла.

— Вот его кольчуга, но она ему в новинку. Не похожа на ту, что ему приходилось носить раньше. Покажите ему, как надо одеваться, а я пойду за топором.

Мое неведение вызвало всеобщее веселье, однако стальное одеяние придало мне уверенности — пусть теперь кто-нибудь попробует напасть на меня с мечом! Готовый занять свое место, я вновь взглянул на Романию. Теперь она превратилась в черную полоску на фоне гаснущего алого неба. Там нас поджидали враги, и меня поневоле охватил гнев. Подумать только, меня и моих новых друзей хотят швырнуть назад в море! А я уже и без того вдоволь наглотался воды. Неожиданно для самого себя я выпалил:

— Пусть не думают, что нас легко одолеть!

— Речи, достойные мужчины, — гаркнул кто-то прямо над моим ухом. Я обернулся и увидел Бродира. К моему удивлению, он одобрительно улыбался.

— Как кольчуга? — осведомился он, похлопывая меня по спине. — Не жмет?

— Все в порядке, — заверил я его.

— А топор? — продолжал он. — Если он не по руке, подберем другой.

Голиас уже успел всем рассказать, что снаряжение для меня ново. Но я не мог допустить, чтобы то же было сказано об оружии. Со знанием дела я взвесил в руке топор.

— В самый раз!

— Вот и отлично, — сказал Бродир, переходя от меня к другим гребцам. Я с теплотою подумал о нем: вождь он, что ни говори, хоть куда. Видит насквозь

каждого, понимает, кто чего стоит. Теперь он считает меня своим.

— Мужик что надо, — поделился я со Скегги.

Тот кивнул с беззаботным видом.

— За стариком стоит пойти. Особенно если тебе все равно, куда направиться.

Вечерняя звезда замигала в той стороне, где скрылось солнце, когда Бродир закончил свою проверку.

— Поди сюда, Видсид, — позвал он, вскарабкавшись на кормовую полупалубу. — Готова ли песня?

— Да.

Голиас подошел к Бродиру, и тот обнял его за плечи.

— Только без этих чертовых кеннингов, которые не понимает никто, кроме сумасшедших и самих сочинителей, — предупредил он.

— Все будет как надо, — пообещал Голиас, — вели им грести.

Загребные наклонились вперед, и я был одним из них. Первые гребки были медленными и короткими, пока наконец корабль не заскользил по воде. Когда мы начали грести с большим размахом, Голиас запел:

Град на востоке велел Агамемнон с землею сровнять:
К западу, в милую Грецию, он устремлялся душой.
Благо и зло носят маски, которые нам никогда не сорвать:
Спешил от войны он, мнилось ему, к мирной жизни, домой.
Родич наставил ему рога — и спешил он к смерти своей,
Но гребцов, над веслами согнутых, криками он подгонял:
— Веселей!
Докрасна раскалите уключины — и вперед, скорей, эге-гей!
На востоке от Ингсела Одноглазого лишилась жизни его родня —
На западе он рассчитывал сквитать утрату свою.
Есть победители, есть побежденные — только Вирд не знает смертного дня:
Ингсел суда направил к Эрину, странствуя в дальнем краю.
Славный Конэр ему покорится, но не ведал судьбы он своей,
Зная только, что должен разить и разить еще свирепей:
— Докрасна раскалите уключины — и вперед, скорей, эге-гей!

Стемнело, и лицо Голиаса сделалось неразличимым. Я целиком отдался гребле. Невидимый голос, приходящий из темноты, полностью овладел нами. Загребные

ускорили темп, команда следовала за ними. Голиас понимал, что к чему, и забота оставила меня. Человек, которому постоянно угрожает опасность, привыкает к мысли о смерти. А у меня есть определенная цель — достигнуть берега, и это не так уж плохо.

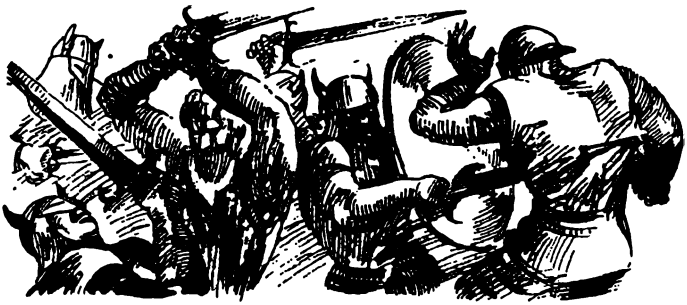
К востоку от О. ван Кортландта простиралась исхоженная
земля.
К западу карта — белое сплошь пятно.
Узнают свой жребий только броском костей, — и на
борт корабля
Ступил он, стремясь к Гинунгагапу, готовый пойти на дно.
Он вернется туда, откуда отплыл, — по удачливости своей,
Но манило его неизведанное — чем таинственнее, тем
сильней:
— Докрасна раскалите уключины — и вперед, скорей, эге-гей!

Мне понравилось, как действовал ван Кортландт. Нужно смело бросаться вперед — а там будь что будет. В силу обстоятельств я выбрался на правильный путь. Интересно, какое королевство отвоюет Бродир? Не поселиться ли мне там, если уж так сложилось, что я оказался на его корабле? Я был достаточно искушен в дипломатии и понимал, что лучше всего держаться на глазах у шефа. Он уже приметил меня, и, возможно, я сделаю приличную карьеру.

Голиас пропел несколько строф, и еще несколько, и опять повторил все снова, пока мы не стали грести изо всех сил. Теперь мы бы уже не могли сбавить темп по своей воле. Мы только могли выдохнуться и замедлить обороты, словно уставший механизм. Я уже стал подумывать, что будет дальше, но тут корабль заскрипел днищем по песку.

— Давай! — крикнул Бродир. — Нажми еще разок, и — сушить весла!

Мы причалили к берегам Романии.

5. День и ночь

Мы высадились и пошли к берегу вброд. Все были вооружены, но никто не напал на нас. Якорь не бросали: вместо этого выволокли корабли на песок, подальше от приливной полосы. Построившись рядами, мы промаршировали к холму и разбили там лагерь, уже со слов высланного вперед лазутчика, который и стал нашим проводником. Таким образом, обставив Сигтрюгга и его союзника Сигурда, мы смогли избрать более выгодное расположение.

Бродир был доволен. В знак благодарности он угостил нас грогом, который у них назывался медом. Гребцы получили двойную порцию. Напиток крепкий, способный свалить человека с ног, но после многочасовой гребли его воздействие оказалось целительным. Расслабившись, я собрался соснуть. Постель приготовить было не трудно: одеялом послужил плащ, а подушкой — щит. Спал я хорошо, но, к сожалению, недолго. Нас разбудили в ранний час: петухи еще только прочищали горло.

Наступал туманный рассвет. Говорить было не о чем. Вдобавок пронесся слух, что вот-вот ожидается неприятель. Я был голоден и к тому же зверски продрог. Тело мое от долгого лежания на жесткой земле онемело, да и выспаться я не успел. Поэтому неприятель показался мне в эту минуту меньшим из зол.

— Почему эти ублюдки не пожаловали раньше, пока я еще спал? — пробурчал я. — Пускай бы при-

кончили сразу — по крайней мере, не пришлось бы просыпаться.

Скегги нахлобучил на голову рогатый шлем и сдвинул его немного набекрень.

— Пошли, — сказал он, — не то прозеваем завтрак. Если меня не накормят, я сам тут всех поубиваю.

Позавтракав, мы взбодрились. Радоваться было рано, но и унывать не стоило. С набитыми ртами мы рассуждали, скоро ли начнется дело, будем мы атаковать или держать оборону, каковы силы противника — и прочее. Никто не бахвалился, но мы, крутые мужики, будто заряжались друг от друга боевым задором. Никто не робел, даже я, хоть и был новичком.

После завтрака нас выстроили по отрядам — в том же порядке, как мы сидели за веслами. Предстояло получить инструкции.

Время тянулось медленно. Мы ждали, когда туман рассеется и видимость улучшится. Я призадумался, что же мне делать с трехфутовым боевым топором, который я крепко сжимал в руке. Топор, напоминая собой символ гражданского права, был остро наточен и удобен в обращении. Опаснейшее оружие в руках бывалого воина, с которым, возможно, мне предстоит встреча в схватке. Я осмотрел свой щит. Сделанный из кожи и дерева, утыканного металлическими бляхами, он был достаточено прочен. Но способен ли он защитить от топора, если удар нанесет какой-нибудь здоровенный детина?

Пока я так раздумывал, ко мне подошел Голиас. Еще недавно он казался мне чудаком, но теперь был моей единственной опорой.

— Как дела, ребя? — я зевнул с нарочитым равнодушием, чтобы подчеркнуть свою невозмутимость. — Скоро ли начнем?

Голиаса трудно было обмануть.

— Послушай, Шендон. Я не смогу быть рядом с тобой: Бродир хочет поставить меня впереди. В деле ты первый раз, но ты силен и проворен. Если ударишь первый — откроешься и подставишь себя под удар. Сосредоточься на защите и держи топор наготове

для ответного удара. Когда тебя ударят, но промахнутся, — рази.

— А как щит? — не удержался я от вопроса. — Достаточно ли прочен?

— Совершенно прочных доспехов не бывает, — ответил он, — но эти отразят большинство ударов или ослабят их силу. Я буду как могу прикрывать тебя, если ты будешь держать свое место в линии. Держи щит в цепи во что бы то ни стало.

— Спасибо, — кивнул я ему, — и ты побереги себя.

Он и так говорил со мной тихо, но теперь перешел на еле слышный шепот:

— Если нас разобьют, не дожидайся капитуляции. Убирайся с поля, да поскорее, и беги прочь.

Впервые я услышал о возможности поражения. Мне стало не по себе.

— Ты считаешь, что мы их не осилим?

— Не знаю. Нельзя сказать наперед. Хорошо, если победим. А не одолеем — тогда каждый за себя.

Послышались голоса командиров, и Голиас зашептал быстрее:

— Если нам тут придется туго — встретимся в Хеороте. В Хе-о-ро-те. Недели через две. Не знаю точно, где мы теперь находимся. Припоминаю, что пробирался здесь на вторую битву при Мойтуре. Хеорот южнее, в бухте на другой стороне от Босс Арден. Но не иди берегом, это опасно. Доберешься первым — дожидайся меня; я поступлю точно так же.

— Договорились, — ответил я. Мне бы хотелось услышать более подробные указания, но тут Скегги окликнул меня. Я поспешил занять свое место рядом с ним.

Туман рассеялся. Оказалось, что мы находимся не на холме, как мне поначалу представлялось, но на обширном уступе, возвышавшемся над береговой равниной. Вдали виднелась цепь холмов, а между ними и нашими рядами лежало пастбище. На нем, поодаль от соседнего леса, темнели купы деревьев. По рядам пронесся гомон, но дружинников взволновала не красота пейзажа. К большой роще в полумиле от нас были стянуты войска.

Противник тоже провел утро в напряженном ожидании, но теперь никто не хотел ждать ни минуты. Нас так и подмывало ринуться в драку, но под суровым взглядом Бродира воины умерили шаг.

— Держать линию! — рявкнул он. — Убью первого, кто разомкнет цепь.

Уж я-то знал, что этого не сделаю, и не из страха наказания. Чувство товарищеского локтя придает уверенности в минуту опасности. Из трех звеньев гребцов Бродир сформировал левое крыло. Мы находились за передовым отрядом, который возглавлял сам Бродир, там же был и Голиас. Двое гребцов, сидевшие справа на корабле, и теперь оказались от меня по правую руку. Слева свой щит с моим сомкнул Скегги. За нами шла прикрывающая цепь линия, а чуть дальше резервный отряд.

Я с каждым шагом становился все бодрее. Кто способен остановить или смять нас? Но самоуверенный неприятель стремительно обрушился на нас. Я уже не раздумывал, как буду сражаться. Надо было убивать, чтобы не быть убитым. Я пригнулся за щитом и занес топор. Уроки Голиаса я не забыл.

Поначалу враги атаковали Бродира и передовой отряд. Разбившись об эту несокрушимую скалу, они вклинились в наши ряды. Их было много, но мои глаза остановились на жилистом, рыжем верзиле. Он шел в другую сторону, но я почувствовал, что сейчас он заметит меня. Так оно и случилось. На верзиле не было доспехов, только щит, и меч длиннее его обезьяньей руки. Детина подскочил и, встретившись со мной взглядом, захохотал, признав во мне достойного противника. С размаху он ударил мечом — и отсек угол щита. Меч отклонился в сторону. Вытянутая рука оказалась незащищенной, и я перерубил верзиле запястье.

Не знаю, что стряслось с парнем слева от Скегги: на его место шагнул другой, из запасной цепи. Затем мы двинулись вперед, а они отступили, чтобы перестроиться. Чтобы прикрыть отступление, враги метали в нас копья. Одно из них попало в бедро соседа справа, и он упал.

Потери были тяжелые, и все же я думал, что перевес на нашей стороне. Бродир не сомневался в этом. Он

позволил нам разомкнуть цепь, чтобы быстрее преследовать убегавшего врага, и первым ворвался в их расстроенные ряды. Казалось, победа уже наша. Смяв крыло неприятеля, мы собирались с фланга атаковать центр.

Так бы оно и случилось, да помешало одно обстоятельство. Свежие неприятельские силы обрушились на нас из рощи, вплотную к которой нас удалось подманить.

Скажу, что Бродир себя не переоценивал. Я следовал прямо за ним и наблюдал, как он убивает: с легкостью и точностью мясника на Чикагской бойне. Без сомнения, он был вторым на поле битвы. К несчастью, первый возглавлял контратаку.

Соперники схватились, и Бродир упал. Правда, сразу же вскочил на ноги: должно быть, доспехи у него были неплохие. Но и второй раунд он проиграл, а там я потерял его из виду. Нас было слишком мало, чтобы продолжать сражение. Мы были так измучены, что не могли даже спасаться бегством. Меня не убили только потому, что я поскользнулся в луже крови и упал. Вражеская цепь прошла надо мной, но я отделался несколькими синяками. Когда враги отдалились, я увидел, что Бродир вновь поднялся на ноги. Он направился к рощице, обрамлявшей поле слева. Я поспешил за ним, а со мной — еще несколько дружинников, из тех, кто уцелел случайно или потому, что прикинулся мертвым. Враг занялся истреблением нашего резерва и не мешал нам отходить.

Скегги пал, но Голиасу удалось выбраться из гущи неприятеля. Мы не разговаривали; каждый был предоставлен своим мыслям. Достигнув края рощицы, мы поняли, что нас никто не преследует, и остановились. Спрятавшись за деревьями, мы с тревогой наблюдали, удастся ли нашим запасным силам сделать то, чего не сумели сделать мы.

Однако не случилось ничего обнадеживающего. Наш центр отступал, и правого крыла из-за него не было видно — это значило, что и те воины обращены в бегство. Через полчаса бой распался на островки сражающихся, и наши люди падали под ударами в десятки раз превосходящих сил.

Пока мы бранились, суетились и зализывали раны, Бродир недвижно, как змея, наблюдал за битвой. Вдруг он вскочил на ноги:

— За мной!

Все обернулись к нему, не понимая, что он задумал.

— Вон там их главная ставка, — показал он, — мы сумеем туда прорваться.

Цепь воинов охраняла подход к роще, где, очевидно, размещался генеральный штаб. Хотя сражение велось поодаль, воины стояли щитом к щиту. Когда победа сделалась очевидной, им скомандовали «вольно». Они беззаботно разбились на группки, наблюдая, как поле очищают от остатков противника.

— Самое время. Идем! — настаивал Бродир. — Они победили, но мы не позволим им насладиться плодами победы. Так что же, я пойду один?

— Да, мы должны испортить им удовольствие, — согласился Голиас.

Все мы чувствовали то же, что и он, и потому согласились идти. Живыми нам отсюда не уйти, так надо продать свою жизнь подороже.

Мы прошли около пятисот ярдов, но никто нас не остановил. Небольшой, слаженно марширующий отряд дружественных войск — так они нас восприняли. Взглянув на нас, воины отвернулись, чтобы досмотреть исход боя. До них осталась сотня ярдов, шестьдесят... сорок...

— Вперед! — гаркнул Бродир и сам подал нам пример. Враги и опомниться не успели, как мы уже подскочили к ним. Натыкаясь друг на друга, они попытались восстановить цепь, но время было упущено. Мы прорвались сквозь них, убив несколько человек, и ворвались в их главную ставку.

Вспоминаю тот миг, как мозаику из перекошенных от ужаса лиц, открытых ртов и рук, судорожно пытающихся схватиться за мечи. Те, кто успел броситься нам наперерез, пали — я сам зарубил одного из них.

В стане противников только один-единственный человек не впал в замешательство. Стоя в стороне ото всех, он сохранял полное спокойствие. Картина сражения запомнилась мне до мельчайших подробностей — словно это было последнее, что мне суждено было

увидеть в жизни. Человек стоял неподвижно, будучи средоточием схватки. Бродир бросился прямо к нему. Все наши противники ринулись защищать предводителя.

Да, он был стар; понимал, чего достиг и какою ценой. Знал он и то, что сейчас должно последовать. Он пренебрежительно улыбнулся, и сеть морщинок сгустилась вокруг его глаз. Можно было подумать, что он ждал нас. Передо мною было само величие, но Бродир не колебался ни секунды. В последний миг какой-то юноша взмахнул рукой, чтобы отвести удар, — меч Бродира отсек эту руку вместе с головой старика.

Итак, враги одержали победу, которую не стоило праздновать. За испорченное торжество мы должны были сурово поплатиться. Мы яростно сражались, прокладывая путь к лесу, но враги отрезали нам отступление. Тогда мы встали, сомкнувшись щитами. Островок высокой травы сделался неприступной крепостью, и те, кто имел дерзость к ней сунуться, усвоили это как нельзя лучше. Понеся тяжелые потери, враги отступились от нас, понимая, что мы никуда не денемся. Вскоре я услыхал стук топора, не заглушающий, впрочем, их громкого разговора.

— Брайан убит!

— Господи! Не может быть!

— Быть не может! Ведь мы победили!

— Говоришь, победили? Тогда приставь ему голову обратно.

Их всех переполняло победное ликование. Случившееся было настолько невероятно, что казалось несправедливостью. Я угрюмо слушал все эти крики. Мне бы еще хотелось подсыпать соли им на раны, но я так изнемог, что язык меня не слушался.

Конечно же, я сознавал, что враги не будут ждать нашей смерти. Но как именно собираются с нами расправиться, я понял, когда на нас упало первое дерево. Оно рухнуло, пригвоздив к земле наших людей и разбив цепь. Через несколько минут стали валиться другие деревья, и мы оказались под ними. Кто не был убит или изувечен, запутался в густых ветвях.

Затем враги напали на нас. Они вытаскивали нас, как мух из паутины. Я пригнулся за упавшим стволом; всего в трех шагах от меня схватили Бродира. Он-то и был им нужен. Всей толпой они поволокли его на расправу. Про нас пока забыли, и, бросив топор, я отполз в сторону.

В другом дереве, с громадным стволом, оказалось дупло. При падении дерево расщепилось, и можно было туда залезть. Убежище не слишком надежное, но выбирать не приходилось. Я кое-как протиснулся в дупло и постарался забиться как можно дальше. Первые полчаса я только и думал о том, как бы меня не обнаружили. Однако меня никто не трогал, и от усталости я уснул.

Когда я пробудился, все было тихо. Подождав немного, чтобы удостовериться, что опасность миновала, я осторожно выскользнул наружу. Солнце уже село. В роще никого не было видно, но с поля битвы доносился непонятный шум. Тихо прокравшись, я выглянул из-за деревьев. Над телами, брошенными без погребения, с клекотом вились стервятники — слишком раскормленные, чтобы охотиться в лесу. Алчущие канюки и вороны, с верещанием и карканьем, перелетали от трупа к трупу. Волки, урча, рвали тела на части. Но не это было самым печальным. Палкою отгоняя птиц и обыскивая мертвых, по полю шныряли старухи.

Надо было уходить. Перебравшись на другую сторону рощи, я нащупал в кармане остатки завтрака. Перед битвой нам раздали по два ломтя ржаного хлеба с куском сыра. Сандвич сплюснулся, сыр подтаял и смешался с хлебом. Мучимый сильной жаждой, я все же ухитрился проглотить это крошащееся месиво.

Наступила ночь и принесла с собой новые заботы. Через поле мне идти не хотелось. Я боялся увидеть коршунов над телом Скегги или Голиаса. Вдруг мне вспомнился последний наш разговор. Друг велел мне идти на юго-восток, а это было как раз в противоположном направлении от побоища.

Ориентируясь по Полярной звезде, я шел в нужную сторону, пока не попал на негрунтовую дорогу. Справа от меня светились огни города: наверняка там квартировало неприятельское войско. Я взял левее. Это

слегка нарушало мой маршрут, но позже я надеялся поправить дело. Главное — избежать дозорных, которые, возможно, заняты поисками подозрительных чужаков. Нож мой остался при мне, но без топора и доспехов я утратил и воинственный вид, и воинственный пыл.

Безлюдная дорога вскоре свернула в лес. Казалось, опасности миновали. Я шел, размышляя о случившемся и пытаясь заглянуть в будущее. И чувствовал себя все более одиноким. Еще недавно я был среди ладных, отзывчивых парней. Мне было с ними хорошо, и даже к Бродиру я прикипел душой. Теперь все они были мертвы, а мне, к сожалению, посчастливилось остаться в живых. Человек должен действовать по обстоятельствам — и как было упустить предоставившуюся возможность. Но теперь я жалел о том, что мне попалось дуплистое дерево. В жизни я не чувствовал такой бодрости, как тогда, когда стоял в сомкнутой воинской цепи. С горечью я подумал о том, что предал Скегги и всех своих соратников.

Голиас был уверен, что останется в живых. Я сомневался, уцелел ли он. Но свидание было назначено. Человеку недостаточно просто уйти откуда-то — он должен верить, что придет куда-то. Встреча с Голиасом в Хеороте — иного будущего я не мог себе представить. Но что оно мне сулит? В Хеороте я буду дожидаться человека, которого не надеюсь увидеть! А если он не появится — что тогда? За этим вопросом стояла гнетущая пустота.

Напившись из лесного ручья, я долго шел не останавливаясь, пока тяжелые раздумья не сломили меня окончательно. Я безраздельно предался отчаянию. Сойдя с дороги, я лег на землю лицом вниз. В груди так теснило, что даже для безнадежности не оставалось места. Я превратился в полное ничто.

Но человек не может умереть, пока не утратит интереса к жизни. Вдруг в темноте запела птица, и во мне проснулось любопытство.

Изменилось все вокруг — и поневоле изменился я.

Это было не просто обыкновенное чириканье. Птичка обладала незаурядной техникой. До сорока разно-

образных полутонов она выстраивала в осмысленную мелодию. Певунья в третий раз уже повторила свой репертуар, когда я наконец поднял голову удостовериться, что ночь еще не кончилась. Потом мне захотелось убедиться, что поет действительно птица. При пятом повторе я встал и тихо углубился в лес. Через несколько шагов певунья сделала паузу, и я услышал хлопанье крыльев.

В другое бы время я не был потрясен так сильно. Но когда разум подавлен, новое ошеломляет. Мне еще не приходилось слушать пение птиц ночью. Удивленный, я и думать позабыл о своем недавнем отчаянии.

Перелетев на другую ветку, птица запела с еще большим очарованием. В лесном сумраке смутно различались очертания предметов. От земли веяло прохладой и ароматами лесных цветов. Легкий ветерок навевал терпкие запахи лесной чащи. Мысли мои были неопределенны, как благоухание безымянных растений, но сердце наполнилось радостью, которой мне недоставало так долго.

Еще две трели — и птица улетела, одарив меня утешением. Но меня ждало ужасное открытие. Сколько ни искал я дорогу — выйти на нее никак не мог. Горевать я перестал, но зато заблудился. Огорчился я, впрочем, не надолго — ведь даже идя по дороге, я не знал, правильным ли путем следую. Дождаться бы, пока рассветет, и там уже поискать проезжий тракт. Но настроен я был мечтательно и потому углубился в дебри Броселианского леса.

Близилось утро. Вскоре можно было уже различить замершие перед рассветом деревья. Ветви поникли, как усталые после работы пассажиры, держащиеся в автобусе за ремни. Я продолжал идти, и на душе моей царила отрада. Утомившись и согревшись от ходьбы, я намеревался где-нибудь прилечь вздремнуть.

Нервы у меня крепкие, но кругом было так тихо, что я невольно подскочил на месте, услышав прямо перед собой чей-то вскрик. Навстречу мне выбежала девушка. В предрассветном полумраке она, очевидно, приняла меня за кого-то другого. Едва не столкнувшись со мной, она поняла свою ошибку и смутилась.

— Ах! — воскликнула она разочарованно. — А я-то думала, что это Окандо.

Ее пышные волосы окружали головку, как лунный ореол, а тонкий стан напоминал стебелек цветка. Словом, это была именно такая девушка, которую только и можно встретить после пения ночной птицы. Я замер, как дурак, уставившись на нее во все глаза.

— Я не Окандо, — признался я наконец. — А жаль...

Сказав так, я искательно улыбнулся, чтобы загладить свою развязность. И не только потому, что меня на Эе проучили за дерзкое отношение к женщинам. Что-то в этой девушке было такое, что сдерживало мою алчность.

Она напрасно испугалась. В отношениях с женщинами я слишком ленив, чтобы уламывать неподатливых. Однако мне не хотелось ее отпускать прежде, чем удастся у нее кое-что выспросить.

— Не беспокойтесь, — заверил я ее, — я до завтрака за девушками не ухаживаю... Кстати, где тут можно было бы перекусить?

Девушка с любопытством взглянула на меня. Видно было, что она гадает, кто я такой.

— Вы пилигрим? — вымолвила она наконец.

— Да, заблудившийся пилигрим.

Разумеется, я не собирался ей рассказывать о своем участии в неудачном десанте.

— В темноте я сбился с пути и теперь, как видите, блуждаю...

— Поблизости нет никакого жилья, — сказала она нерешительно, — но если вы голодны...

— Голоден как волк, — перебил я.

— Хорошо, я дам вам поесть, только подождите немного. Пока пчелы не проснулись, позаимствую у них немного меда.

Дерево с пчелами стояло неподалеку. Черное отверстие дупла показалось мне зловещим, но девушка запустила туда руку, и я немного успокоился. Из дупла она извлекла соты, полные меда. К ним прилипло несколько сонных пчел, которых она легонько стряхнула наземь. Затем отскочила в сторону, но я ее опередил.

— Чисто сработано! — заметил я, переведя дух с облегчением.

Моя похвала ей польстила.

— Им это достается с трудом, — рассмеялась она, — но меда у них с избытком, и он слишком хорош для трутней.

Соты она положила в плетеную корзинку и облизала пальцы.

— Меня зовут Розалетта.

В Романии, казалось, все обходились одним именем. С облегчением я отбросил в сторону ненавистные мне «А. Кларенс».

— Шендон, — назвался я, слегка тронув волосы, — по прозвищу Серебряный Вихор.

Розалетта подвела меня к шалашу, сделанному из веток, переплетенных цветами. Я заметил, что возле него сходилось семь полузаросших лесных троп.

— Вот мы и пришли, — объявила она, — сейчас я подою свою козу, которой я не хозяйка, — и угощение готово.

Мы уселись за стол вдвоем. Завтрак состоял из ягод, молока, хлеба и меда. Интригующими были уединенность и хрупкость ее пристанища.

— А что, твой муж предпочитает не завтракать?

Розалетта радостно вспыхнула:

— Вы имеете в виду Окандо? Он пока еще мне не муж.

Мне хотелось о многом ее расспросить, но я задал ей всего один вопрос:

— Почему вы живете здесь одна, вдали ото всех?

Розалетта отпила глоток из кружки с молоком.

— Меня хотели убить. Пришлось бежать и спрятаться здесь.

Я растерянно молчал. Она продолжала сама, по собственной охоте:

— Отец Окандо не желает, чтобы его сын женился на мне.

Навряд ли ей исполнилось двадцать. Она была не только миловидна, но и добра. Мысль о насилии над ней казалась чудовищной. От негодования я не сразу смог заговорить.

— Но почему этот ублю... этот ужасный человек хочет... а что ваши родные? И куда смотрит малютка Окандо?

— Он такой же малютка, как и вы! — гневно воскликнула Розалетта. — И уж куда сильнее вас. — Но тут же остыла. — Он ничего не может поделать, потому что его отец — здешний правитель.

Я просиял.

— Не Брайан ли? Если так — все ваши заботы позади.

— Нет, не Брайан.

— В самом деле?

Из ее слов я понял, что нахожусь за пределами владений Брайана — вдали от его оскорбленных подданных, прочесывающих окрестности в поисках вражеских дезертиров.

— А где теперь ваш жених? Сумеет ли он найти вас?

— Да, конечно. Сейчас он где-то в лесу, ищет меня.

Мне стало тревожно за нее. Ведь не только жених может найти ее здесь, но и те, кто покушается на ее жизнь.

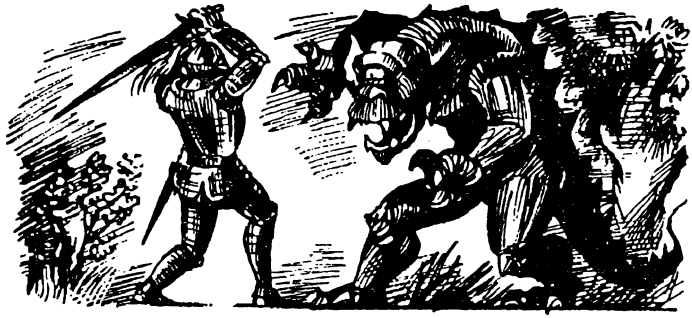
— И долго ли он вас ищет? — настаивал я.

— Дня три... — Розалетта отвернулась. Видимо, и сама не вполне была уверена, что суженый ее отыщет.

— А вдруг вы с ним разминетесь — что тогда?

Розалетта подняла на меня глаза, и я понял, что и к такому повороту дел она готова.

— Если он не придет сегодня, тогда я сама пойду ему навстречу.

6. Странствия

Только присев на траву, я понял, как устал. После сытной еды меня начало клонить в сон, и Розалетта сразу это заметила.

— Почему бы вам не прилечь ненадолго? — спросила она, указывая на лежанку, убранную веточками бальзамина. — Вы мне ничуть не помешаете.

Она была права: мне следовало бы немного отдохнуть, но мне не хотелось вторгаться в ее крошечное жилище. Крыша была настлана из цветов: все, чего бы ни коснулась эта девушка, было прекрасным, как она сама.

Все же я устроился в шалаше. Розалетта у входа что-то мурлыкала про себя и наконец запела:

Семь дорог к тебе ведут.
Семь дорог безбожно лгут:
На семи тебя ждала —
Ни одна не привела.
Полон путь обманов злых —
Не слыхать шагов твоих.
Не проклюнутся ростки
Без твоей, мой друг, руки;
Здешние края пусты,
Коль не встретишься мне ты.
Выберу тропу любую,
Взгляд поймаю твой вслепую —
Наугад.

Ах, какой приятный был у нее голосок! Слушая пение, я успокоился и уснул.

Я собирался чуть-чуть подремать, однако проспал до самого полудня. Первое, что бросилось мне в глаза: узелок с пожитками Розалетты отсутствовал. Возле меня лежал кусок бересты с нацарапанными на нем буквами:

«Окандо не пришел, и я ухожу. Шалаш в вашем распоряжении. Во втором куске бересты — хлеб с медом».

Шалаш сразу же словно бы осиротел. Выбравшись наружу, я заметил, что цветы уже завяли. Жуя сладкий сандвич, я огляделся.

Семь загадочных троп, обманувших Розалетту, вели неведомо куда. Я побить себя был готов за то, что сразу же не догадался спросить, которая из них ведет к Хеороту. Но я, конечно, не думал, что просплю ее уход. Солнце стояло в зените, и трудно было определить по нему стороны света. Три дороги, как мне показалось, вели на юг. Я пошел по одной из них — и вернулся, потом попробовал вторую и третью. На второй я заметил неясный след и решил, что здесь, наверное, проходила Розалетта. Ведет ли этот путь в Хеорот — неизвестно, но зато я могу догнать девушку. А вдруг ей понадобится моя помощь? Чем идти невесть куда, не лучше ли преследовать определенную цель? Я с радостью пустился в путь.

Только теперь, при дневном свете, мне стало понятно, на что отважилась Розалетта. Одна, ничего при себе не имея, она забрела в безлюдные дебри, обосновалась тут как дома — ни дать ни взять поселенец на Аляске. И сама отправилась на розыски возлюбленного — сквозь эти дремучие заросли!

Дорога стала взбираться в гору. Меня обступал девственный лес. Мощные деревья простирали друг к другу ветви на высоте не менее шестидесяти, а то и семидесяти футов. Казалось, лес был необитаем, если не считать птиц, белок да нескольких оленей, которые попались мне на глаза. Одни только вековые деревья да мелкий кустарник, заполнивший тенистые поляны. Так я шел, шел, пока не дошел до развилки.

Преследование Розалетты было настоящим безрассудством, и скоро пыл мой стал угасать. На ковре из листьев не было заметно ничьих следов, да если бы я

и заметил следы — навряд ли смог бы распознать, кто их оставил. Одна из дорог, лежащих предо мной, вела вниз, по-видимому, в долину, к какому-нибудь городу. Это было как раз то, что мне нужно. Там я найду пищу и ночлег, а заодно разузнаю, как быть дальше.

Я одолел еще примерно с четверть мили, когда на дорогу мне наперерез выскочил олень. Тут же я услышал жужжание пули и ружейный выстрел и обернулся, чтобы излить свою ярость на охотника, испугавшего меня.

Из лесу показался стрелок, длинный ствол его ружья еще дымился.

— Это еще что за дела? — возмущенно бросился я к нему. — Разве годится стрелять куда попало? Людей не жалко? Болванам, которым лишь бы пальнуть, нельзя браться за оружие.

Охотник был здоровый, дюжий детина, с лицом, задубевшим, как его кожаный костюм. Он вышел на дорогу, добродушно улыбаясь, и остановился, чтобы меня оглядеть. Поставив ружье прикладом на землю и оперевшись на него — так что ствол спрятался в его кожаном с бахромой рукаве, — стрелок пристально смотрел на меня.

— Когда битый час преследуешь оленя — как же упустить решающий выстрел? Прости, что испугал тебя, дружище.

— Ничего себе — дружище! — фыркнул я. — Совсем немного — и удружил бы мне так, что больше мне на этом свете уже ничего бы не понадобилось.

— Да нет, такого у меня и в мыслях не было.

Он сказал это так искренне, что гнев мой сразу утих, однако для виду я еще продолжал петушиться.

— Неважно, — отрезал я, — пуля может угодить куда угодно.

Мои слова, похоже, вызвали в нем досаду.

— Приятель, — возразил он, — ведь я уже сказал, что мишень у меня была другая. И потому не стоило беспокоиться, даже находясь в одном дюйме от оленя. А ты был от него на целый ярд. У меня, говорят, особый дар.

Заметив мои сомнения, он вытащил ствол из рукава. Ружье, как ни странно, было с кремневым замком; он быстро зарядил его и заправил порохом. Затем огляделся.

— Видишь вон того ястреба? — спросил он.

Да, я видел хищника, летящего меж рядами деревьев. В когтях он держал белку: рыжий хвостик слабо болтался на весу.

— Белку не спасешь, и хвост ей уже не понадобится, — заметил охотник и вскинул ружье. В следующую секунду беличий хвост уже падал на землю, а ястреб, целый и невредимый, взмыл вверх.

— У меня редкий дар, — невозмутимо заметил стрелок, — и я бы погрешил против истины, говоря, что это не так.

— Да, в самом деле, — согласился я, — мне приходилось видеть меткую стрельбу. Но здесь — никакого сравнения!.. Ты, наверное, проводник?

— Мое прозвище — Следопыт, дружище.

— А мое — Серебряный Вихор, — парировал я. — Следопыт — ага... Ты случайно не знаешь, как добраться до Хеорота?

— Хе-о-рот...

Он помолчал, прочищая ствол шомполом.

— Это не на ленапском языке, и у мингов я такого слова не слыхал.

— Хеорот расположен где-то на побережье.

Лицо его разгладилось.

— Я так и думал, что название не здешнее. У Большого Моря я никогда не был, дружище, и потому ничем не могу тебе помочь.

Следопыт вытащил шомпол из ствола. Теперь, держа ружье на весу, он предложил:

— Если ты голоден — окажи мне честь, отобедай со мной.

Мед и ягоды — не слишком сытная пища для дальнего ходока; конечно же, я с радостью принял его приглашение. Олень лежал в нескольких шагах по ту сторону дороги. Пересекая ее, охотник помедлил, внимательно вглядевшись в примятую листву.

— Сегодня никто не проходил здесь, кроме тебя, — сказал он со знанием дела. Я же никаких следов не

видел и не понимал, каким образом он видит их. Пока я собирал хворост, он успел освежевать оленя.

— А переходил ли ты вторую тропу от развилки? — спросил я, переламывая сухую ветвь о колено.

Деловито нарезая мясо для жаркого, Следопыт даже не обернулся.

— Там есть следы какого-то странника.

— Странника, говоришь? — Мне хотелось его поддеть, но удерживала боязнь остаться голодным, и я умерил свое ехидство. — А мне известно, что там проходила женщина.

Следопыт призадумался.

— Да, возможно, это следы женщины. Маленькая нога... но женщины, как правило, не путешествуют без провожатого.

Он взглянул на меня с укоризной.

— Не от меня зависело, что она пустилась в путь одна. Но раз уж так случилось — я должен догнать ее, чтобы помочь в случае необходимости, — сказал я, недвусмысленно набивая себе цену.

Лицо Следопыта прояснилось.

— Так поступают настоящие мужчины, — подтвердил он. — Молодец, дружище. Я подскажу тебе, что нужно делать. Раз уж ты потерял время, пустившись по неверной дороге, отложим этот большой кусок мяса в сторону. Я поем позже, а пока зажарю для тебя кусок печени, это недолго.

Я сам себя загнал в угол. Порядочность этот человек воспринимал как должное, и мне не хотелось предстать в его глазах отъявленным негодяем. С кислой улыбкой я встретил его одобрительный взгляд.

— Право же э-э... спасибо, — промямлил я.

Печень оказалась неплоха, но, возвращаясь к развилке, я с сожалением вспоминал об упущенном навсегда аппетитном куске оленины. От огорчения я позабыл спросить Следопыта, куда же ведет вторая дорога, и по-прежнему путешествовал наугад. Как бы там ни было, я торопился изо всех сил: ведь теперь я всерьез догонял Розалетту. Пожертвовав ради нее жарким, я чувствовал, что теперь непременно должен ее настигнуть.

Наш ум диктует нам наши действия, но и умонастроение наше, в свою очередь, зависит от дела, коим мы занимаемся. Я начал с того, что занялся поисками девушки, и теперь только и думал, как бы догнать ее. Убежденный, что иду вдвое быстрее, чем она, я высматривал ее за каждым поворотом дороги. Скоро главным в жизни, я чувствовал, будет новая встреча с ней.

Розалетта все не появлялась, но я не терял надежды. Солнце клонилось к закату. Найдет ли она приют под каким-то кровом или устроит себе новый привал, как у начала семи дорог, — в любом случае она должна задержаться на ночлег. Я не задумывался ни над тем, что скажу ей при встрече, ни над тем, захочет ли она, чтобы ее сопровождали. Мне казалось само собой разумеющимся, что девушка должна принять мое покровительство.

Свернув к ручью напиться, я неожиданно услышал шум и отчаянные голоса. Женщина визжала от ужаса, а кричал мужчина — похоже, он тоже был испуган и разъярен. Тут же кто-то урчал и с треском ломал ветки.

Поперхнувшись водой и кашляя, я вскочил на ноги и увидел, как вдоль тропы несется чудище, будто вышедшее из ночных кошмаров. В челюстях оно сжимало визжавшую женщину; подол ее яркого платья волочился по траве. Я не мог опомниться от изумления. Бегущее животное было величиной с грузовик и такого же зеленоватого цвета. Оно имело клыки, чешуйчатый хвост и огромный единственный глаз. Увязая в грязи и вопя от ужаса, я бросился к нему через ручей.

Я неспроста воспринял происшествие так близко к сердцу. В Броселианском лесу я знал только одну Розалетту — и мне вообразилось, что жертвой чудища стала именно она. Трудно теперь представить, что бы я смог сделать, но, к счастью, ничего предпринимать не пришлось. Вес взрослой женщины затруднял бег чудовища. Мужчина неотступно следовал по пятам, несмотря на тяжесть стальных доспехов. Не успел я перейти ручей, как животное выбежало на дорогу. Понимая, что от преследования не уйти, чудище выплюнуло девушку, как собака — украденную баранью

котлету. Однако было уже поздно. Зверь, впрочем, успел развернуться навстречу преследователю. Воин смело действовал мечом против клыков длиной в железнодорожную шпалу, пока я подыскивал камень — достаточно легкий, чтобы поднять и бросить, но и достаточно увесистый, чтобы поразить тушу под чешуйчатой броней.

Несмотря на неравенство в силах, первым атаковал рыцарь. Зверь поднялся на задние лапы — в нем было около двенадцати футов в длину; рыцарь, не растерявшись, сделал выпад и поразил чудище мечом. Воя и брызжа слюной, зверь обрушился на противника. В ход были пущены и зубы, и когти.

Найдя наконец подходящий камень, я осторожно подкатил его поближе, но схватка неожиданно завершилась. Вопреки моим ожиданиям, зверь уклонился от дальнейшего боя. Яростно отбиваясь, он перепрыгнул через голову рыцаря и убежал в лес. Мой камень отскочил от головы, даже не сбив зверя с ног. Оставляя за собой зловещий смрад, чудище скрылось.

Я бросился бегом к девушке, но возле нее уже хлопотали. Из леса появился другой рыцарь — теперь он с нежностью ухаживал за пострадавшей. Взглянув на черный локон девицы, я понял, что это не Розалетта, и не стал подходить ближе. Теперь мое внимание привлек юноша, на долю которого выпал основной труд.

Он поднял забрало и стоял, прислонившись к дереву. Судя по его улыбке, было ясно, что в схватке он не пострадал. Дожидаясь, пока он отдышится, я сел на поваленный ствол и только тут осознал, какой пережил испуг. Юноша заговорил первым.

— Спасибо вам за своевременную помощь.

С его стороны это было очень любезно, но ведь я ничем ему не помог.

— Нет, это вы ему задали жару, — сказал я. — А я только бросал пустые бутылки с трибуны. — Впрочем, приятно было сознавать, что мои потуги встретили одобрение. — Вы показали прекрасный образец ближнего боя.

Юноша улыбнулся.

— Эти твари не так опасны, как кажется, когда привыкаешь иметь с ними дело.

Его замечание заставило меня призадуматься.

— А много ли их водится в этой части леса?

Вытирая меч о листву, он кивнул.

— В лесу встречаются всякие чудовища. Бывают и покрупней.

— Вот дьявольщина!

Разумеется, я беспокоился не только за себя.

— А вам не встречалась девушка — другая девушка — на этой дороге?

Он взглянул на меня с сочувствием.

— Нет, я путешествую в стороне от дорог. А вашу даму похитили?

— Навряд ли я могу называть ее своей дамой, — признался я. — Я всего лишь ее друг, — запинаясь, объяснял я ему, — и... и к тому же глухой лес — не самое подходящее место для женщин.

— Знаю-знаю, — он пощелкал языком. — Но, уж поверьте моему опыту, их сюда так и тянет.

Отполировав меч до блеска, юноша вложил его в ножны.

— Надо бы пойти и взглянуть на эту бедную девушку.

— Куда вы отсюда направитесь? — спросил я его, шагая с ним рядом. Я надеялся, что нам с ним по пути, но он махнул рукой в сторону леса.

— Я вернусь туда, где оставил лошадь, и верхом стану преследовать раненого зверя.

Юноша говорил спокойно, с деловитым видом.

— Этих тварей следует добивать до конца.

Он был прав, и любые комментарии казались излишними. Но я все же снова вернулся к этой теме:

— Мне кажется, вы уже внесли свою долю в правое дело, — рискнул я заметить.

— Одной доли для подвига мало, — улыбнулся он.

Наконец мы подошли к рыцарю, и юноша, посерьезнев, осведомился:

— Дама, я надеюсь, не очень пострадала?

Рыцарь, к которому юноша обратился, поднял на него огорченное лицо.

— Она еще не пришла в себя, — ответил он.

— Но она дышит, и пульс хороший, — заверил мой соратник после беглого осмотра, — если вы можете...

— Вон сюда идут еще двое, — перебил я его, — мужчина и женщина.

— Вам окажут необходимую помощь и предоставят приют. Наверняка эти люди живут неподалеку, — заметил юноша.

И я, и мой новый знакомый не без облегчения почувствовали, что можем сложить с себя ответственность за травмированную девицу и заняться собственными делами.

— Мне пора в дорогу.

Делать был нечего, я вновь оставался один.

— Не скажете ли вы мне, куда ведет эта дорога? Кстати, мое имя Шендон.

— А мое — Калидор.

Тряхнув головой, он снял стальную рукавицу и пожал мне руку.

— Об этой дороге я ничего не знаю, но думаю — она приведет вас в какой-нибудь замок.

Он уже направился к своей лошади, но я спросил его:

— А где тут можно переночевать?

Он какое-то время смотрел на меня с недоверием, но убедился, что я его не разыгрываю.

— В замке, разумеется, где же еще? Там вам окажут наилучший прием, и там, возможно, вы встретите свою даму.

Я продолжил свой путь, но лес мне уже не казался таким идиллически тенистым прибежищем, полным отрады. Стоило треснуть ветке — и мне уже мерещились ужасные чудища. Они наблюдали за мной из сгущающегося сумрака. Их урчание я слышал в шорохе колышущейся на ветру листвы.

Поначалу я стремился только к тому, чтобы поскорее догнать Розалетту и стать ее проводником. Но чем ближе становилось к ночи, тем желанней представлялась мне встреча с ней на ночлеге, в какой-нибудь уютной надежной хижине. Наверняка она сидит где-то за ужином, а я вот плетусь, обессилевший и голодный, через холодный, ночной лес, полный рыскающих зверюг.

Так мое сочувствие переместилось от девушки к собственной персоне. Положение дел стало выглядеть

иначе. Злоключения мои прекратятся, как только я выйду из леса или когда приду в замок, о котором говорил Калидор. Второе казалось мне предпочтительней. Предавшись мыслям о замке, я безусловно уверовал в его существование. Калидор не сказал мне точно, где он находится, но на его слова можно было положиться. Замок, очевидно, где-то неподалеку, всего в нескольких милях ходьбы.

Я шагал бодро, хотя сумерки усугубили мою усталость. Но как я ни спешил, замок все не появлялся. Однако я не отчаивался. Я был убежден, что цель близка, и трудности только раззадоривали меня.

Если говорить о настроении в целом, то я был раздражен. Мне всегда досадно, когда приходится испытывать беспокойство. Я разуверился, что найду Розалетту, к тому же сбил в кровь ноги, и все тело мое гудело от усталости. От голода сосало под ложечкой.

— Стой! — услышал я вдруг чей-то голос из темноты. — Ни шагу вперед!

С клена спрыгнул на дорогу человек; он расхохотался, когда я подскочил от испуга. Это разозлило и обрадовало меня одновременно. Наконец-то я мог излить на кого-то свою злость.

— Ты это мне говоришь? Или так, дерешь горло почем зря?

Я подступил к нему с нарочито вызывающим видом.

Незнакомец посуровел.

— Соображай, что мелешь! Делай, что велено.

Этот крепко сложенный парень был одет во все зеленое. Особенно нелепой на таком верзиле казалась маленькая шапочка с пером. В сумерках я недостаточно отчетливо видел лицо парня, однако безошибочно прикинул расстояние до его подбородка. В руках у детины была большая палка, но я подошел слишком близко, чтобы он мог пустить ее в ход.

— Вот что, господин хороший, — заявил я. — Движение тут двустороннее, и на этой тропе хватит места, чтобы разойтись двоим. Посторонись и дай мне дорогу.

— Так и быть, я тебя пропущу, — ответил он мне с ледяным спокойствием, которое меня взбесило, — но для начала ты ответишь мне на парочку вопросов.

— Каких же?

— Куда ты направляешься и чем можешь со мной поделиться?

Я качнулся к нему и процедил:

— Для тебя я припас одну хорошую вещицу.

Довольный моей покладистостью, он снял с палки руку и прищелкнул пальцами.

— Поглядим. А ну-ка повернись, я тебя...

Он не закончил: я схватил его за руку, резко потянул на себя и нанес апперкот под подбородок. Он еще падал, когда кто-то дернул меня за ноги. Упав на землю и дважды перекатившись, я сжался в комок. Но никто меня больше не трогал, хотя рядом с собой я видел чьи-то ноги. Переводя взгляд все выше и выше, я наконец добрался и до макушки. Передо мною стоял великан семи футов роста, огромный, как Кардиффский Гигант. Лицо его было грубым, но голос прозвучал неожиданно добродушно:

— Пошли поговорим по душам?

Меня молча окружили семь или восемь его товарищей.

— Идти так идти, — буркнул я, вставая и отряхиваясь, — но предупреждаю: кроме аппетита, у меня ничего нет.

— Не ты один такой, — отозвался верзила.

7. Под зеленой листвой

На месте меня обыскивать не стали, а повели в лес. Ветви деревьев смыкались высоко над нашими головами. Ночь еще не наступила, и можно было различить цвета. Мы деловито шагали по тропе, как если бы торопились на работу.

Разбойники, казалось, пришли в доброе расположение духа. Они оживленно болтали и перекидывались грубыми шуточками, то и дело затевая мальчишескую возню. Это взбодрило меня, хотя, конечно, я не разделял их веселья. Освободиться я даже не пытался: тем более, что великан тащил меня за руку.

Спустя какое-то время он засвистел, подражая козодою. Из леса откликнулись, и вскоре между деревьев замелькали огни.

Меня вывели на большую поляну. Деревья окружали ее кольцом, образуя наверху плотный шатер. На поляне были разложены костры: самый большой в середине ярко освещал лица; на кострах поменьше готовилась пища.

У огней, развалясь, грелись разбойники. Все они были одеты в зеленое. Я насчитал их около сотни. Иные вскочили с приветственным возгласом, когда мы подошли совсем близко.

— Кого-то отловили! — воскликнул один бандит. — Будет ужин.

— Погоди! Пускай сначала Робин на него взглянет, — посоветовал другой.

— Как бы он не выпустил его обратно в пруд!

Несмотря на двусмысленную реплику, я не заподозрил грабителей в каннибализме. Я был довольно худосочен, а жаркого, разогреваемого на кострах, хватило бы на целую армию. Я обошел громадный костер и оказался на другой стороне поляны; мои похитители встали в сторонку — чтобы и я мог осмотреться, и меня было бы отовсюду хорошо видно.

На бревне сидел парень и привязывал перья к стреле. Одет он был как все остальные, но по отношению к нему разбойников я понял, что с ним-то и предстоит разговор. Завязывая узел, один конец веревки парень сжимал зубами. Подняв голову, он перевел взгляд с меня на великана, взявшего меня в плен.

— Чем похвалишься, Джон?

— Больше нам никто не попался. Время позднее, — оправдывался верзила.

— Знаю, парни здорово проголодались. Но зарок есть зарок. Чем же отличился твой сегодняшний трофей?

Детина, стоявший за мной, захихикал:

— Он с одного удара уложил Скарлока бай-бай.

Все восприняли это как веселую шутку. Разбойник, которого я сбил с ног, глуповато усмехнулся.

— Да, он меня хитростью взял. Но вырубиться я не вырубился.

Главарь от души хохотал вместе со всеми. В его глазах еще прыгали веселые чертики, когда он уставил на меня свою рыжеватую бородку.

— Деньги у тебя есть?

— Мы собирались его обыскать, — торопливо заверил Джон, — но в такой темноте...

— Пусть он сам ответит, Джон.

— У меня нет даже жетона для автомата. — Я был доволен, радуясь, что хоть как-то могу им досадить.

— Что ж, радуйся, если не солгал. Обыщи-ка его, Джон.

Разумеется, они ничего не нашли, хотя шарили очень тщательно.

— Ничего, кроме вот этого ножа, Робин.

Отчаяние в голосе великана даже во мне разбудило сочувствие. Этот небоскреб был, очевидно, зверски голоден. Разбойники помрачнели. Мы с Робином встретились глазами. Я невольно улыбнулся — и заметил, что сам он с трудом прячет усмешку.

— Но, может быть, наш гость не совсем безнадежен? — спросил Робин, снова взглянув на меня. — В каком случае человек оказывается в лесу? Если он сбился с пути, уходит от преследований, ждет условленной встречи или разыскивает женщину.

— Верно, — поддакнул я. — Все это я и делаю, а еще вдобавок разыскиваю, где бы мне подзаправиться.

Разбойники слушали наш разговор, затаив дыхание. Но вот их главарь проворно вскочил на ноги, и все с облегчением вздохнули.

— Тогда тебе больше не о чем волноваться, — заявил Робин. — Мы как раз собрались поужинать.

Меня ожидало потрясающее угощение. Здесь было изобилие хорошо поджаренной оленины и эля, чтобы кусок не застрял в горле. От огня шло тепло, в воздухе веяло прохладой. На рубеже между светом и тьмой, я принадлежал одновременно двум стихиям. Запахи земли и леса, дымок от костра, пряность эля, аромат жаркого смешивались в непередаваемо приятном сочетании. Под ногами у меня лежал мягкий лесной ковер, над головой ночной ветерок шевелил листву.

Компания тоже была подходящая. Человека, который у вас ничего не украл, вы не воспринимаете как вора. Вокруг меня были мои великодушные благодетели, и я всем сердцем привязался к Робину. Мы ужинали вместе, вовсю орудуя за беседой ножом.

— Здесь, в лесу, у нас не слишком много праздников, — пояснил Робин. — Мы чтим только День Богородицы, но зато отмечаем его несколько раз в году.

— У-гу.

Я не совсем понимал, о чем идет речь, и потому, жуя, предпочитал слушать, а не говорить.

Робин торопливо прожевал кусок и смочил горло элем.

— В этот день мы не обедаем, пока Царица Небесная не пошлет нам гостя.

Я сдержанно хохотнул.

— Предпочтительно с деньгами?

— Да, — согласился он, — но в такой день не это главное. Если у гостя тугой кошелек, мы облегчаем ему ношу; если же он терпит нужду, даем в долг. Обед во всяком случае всегда за нами, и уж на угощение мы не скупимся.

— Значит, мне не придется оплачивать счет? Превосходно!

Я отрезал себе еще один порядочный ломоть.

— И я сегодня оказался единственной вашей добычей?

— Вы недооцениваете проявленное к вам внимание. Лишь бы кто нам не подойдет. В лесу полно мелких воришек и сбежавших из дому юнцов. Сегодня нам попался один из таких. Нет, для того чтобы сделаться гостем в День Богородицы, надо иметь особые отличия.

— У кого их нет? — спросил я, сдувая пену с эля, которым вновь наполнил рог. Выпив, я по примеру прочих воткнул его острым концом в землю. — Кстати, как вы определили мои достоинства?

— По этой белой пряди. Погоди-ка. Вон тот паренек, который угодил к нам в силки. Эй, Николен, поди сюда!

Тоненький юноша приблизился и, после приглашения, сел рядом с нами. Черные волосы выбивались из-под шотландского берета, обрамляя загорелое, миловидное личико.

— Он утверждает, будто ему стало слишком жарко в городе и оттого он сбежал в лес, — сказал Робин, незаметно от юноши подмигнув мне. — Николен, это Шендон Серебряный Вихор.

Руку мне юноша пожал крепко, но кожа была гладкой. Наверное, тяжелого труда он не знавал. Знакомство с ним заставило меня призадуматься. Если лесные добытчики наблюдают за дорогой, не могла ли им попасться Розалетта?

— А бывают ли по праздникам вашими гостями дамы?

— Нет, — решительно отрезал Робин. — Парни, способные досаждать женщинам, могут убираться, откуда пришли. Я такого у себя не допущу.

Лицо Робина впервые выразило непреклонность, которая помогала ему держать в подчинении шайку головорезов.

— Спроси у кого хочешь, что бывает за пренебрежение нашими правилами.

Что ж, подумалось мне, значит, за Розалетту волноваться не стоит.

— А не видали твои парни сегодня девушку на дороге? Я не преследую ее, — добавил я поспешно, — но она совсем одна. Это меня беспокоит.

— Да, помню, ты не отрицал, что разыскиваешь даму. Что скажешь, Николен? Ты полдня пробыл с отрядом, который задержал тебя. Девушки вам не попадались?

Юноша в раздумье наморщил лоб.

— Постойте-постойте... Кажется, я видел одну, когда сошел с тропы напиться из ручья.

— Наверняка это была она! — обрадовался я. — Ты с нею говорил?

— Нет. Похоже, ей было не до того. А что касается меня, я и без запрета Робина никогда не бегаю за девушками.

— Они, скорее всего, не знают, что от тебя пока незачем убегать, — предположил Робин. — Погоди, вот пробьется на подбородке несколько волосков... — Он снова подмигнул мне. — Николен хочет остаться у нас и стать разбойником. А как ты насчет этого?

Я замялся, не решаясь ответить, и он понимающе улыбнулся.

— Я всегда стараюсь помочь нашим гостям. Искать твою подругу, впрочем, не буду, даже если бы и мог заставить ее полюбить тебя. Но если ты нуждаешься в приюте, побудь с нами недельку-другую.

Значит, Розалетта проскользнула мимо патрулей Робина... Тогда она наверняка блуждает теперь где-нибудь неподалеку. Найду я ее в конце концов или не найду, поиски оставлять нельзя — иначе душа у меня будет не на месте. Кроме того, в лагере Робина не надо заботиться о пропитании.

— Спасибо, я подумаю, — сказал я.

— Обмозгуй хорошенько. Человек, способный уложить Скарлока, потратит годы впустую, если изберет мирную жизнь.

Робин очистил нож, воткнув его в землю, и выпрямился.

— Пойду прослежу, чтобы еды было вдосталь, а выпивки — чуть меньше, чем они способны выпить. Увидимся позже.

Я поразмыслил над предложением Робина. Жизнь в лесу, возможно, не так уж плоха. Правда, пока мне представили только ее выгодные стороны. Иные из разбойников еще жевали, многие отужинали и подобно мне наслаждались покоем, заключив перемирие с собственным чревом. Костры, на которых готовили пищу, догорали, но главный костер еще полыхал. Все старались устроиться поближе к огню. Николен предложил последовать их примеру.

Думать ни о чем не хотелось, но одна мысль продолжала меня тревожить.

— А как выглядела та девушка, которую ты встретил у ручья?

— Не помню. — Николен улыбнулся и пожал плечами. — Я к ней особенно не присматривался.

Но, черточка за черточкой, я вытянул из него подробное описание. Да, конечно же, это была Розалетта.

— А далеко ручей от того места, где тебя заграбастали? — поинтересовался я.

— Неблизко. А с чего это вы решили, что она появилась здесь раньше вас? Вдруг она раздумала и пошла обратно?

— Тогда бы я встретил ее, — возразил я, — и потом, зачем же ей возвращаться? Даже если это совсем не та, а другая девушка.

Николен взглянул на меня с любопытством.

— Так вы действительно повсюду ищете беглянку?

— Во всяком случае, стараюсь найти.

— Зачем?

Пожалуй, только юнцам свойственна подобная бесцеремонность.

— А зачем вообще мужчины гоняются за женщинами? — Сказав это, я засмеялся — конечно же, над собой. — Но я не за этим ее догоняю.

— Так вы не влюблены в нее, как утверждает Робин?

— Разве обязательно быть влюбленным, чтобы бегать за девушкой? — съехидничал я. — Иногда вам всего-навсего требуется срочно узнать у нее рецепт приготовления хлебного пудинга.

Получив щелчок по носу за то, что сует его куда не следует, юноша с обидой взглянул на меня.

— И мне кое-что известно о мужчинах и женщинах, но Робин говорит...

— Робин уверен, что я влюблен и не прочь за ней приволокнуться. Но он ошибается.

— В самом деле?

Губы юноши насмешливо сморщились, и я почувствовал досаду. Мне захотелось объясниться подробнее.

— Она для меня не больше чем друг, да и это слишком громко сказано. Но я считаю, что ей нечего делать в лесу одной, и хотел бы увериться, что с ней все в порядке.

— Что ж, — юноша помолчал, глядя на огонь, — очень мило с вашей стороны.

Уж поскольку мы взялись за выяснение личных обстоятельств, я решил, что теперь мой черед расспрашивать.

— Что заставило тебя, образованного юношу, присоединиться к этим головорезам?

— Робин тоже образован.

Но ему не удалось увернуться от вопроса.

— Речь идет не о Робине. Я тебя спрашиваю.

— Ну хорошо. Я сказал им так, потому что мне сейчас надо быть в лесу. Заключить с ними мир безопасней. Когда имеешь дело с подобными людьми — ты либо союзник, либо враг.

Он обнаруживал большую мудрость, чем можно было ждать от такого юнца.

— Верно, — согласился я. — Не можешь одолеть — повинуйся. Но что привело тебя в лес?

— Ничего романтического в вашем духе. Я разыскиваю мужчину.

— Он задолжал тебе, или ты хочешь с ним поквитаться?

Николен улыбнулся, задумавшись о чем-то своем.

— Нет, — ответил он, — отношения между нами вполне дружелюбные.

— А, он твой приятель!

Внимание мое отвлек разносчик эля. Я постарался перехватить его взгляд, чтобы он заметил нас.

— Доверху, парень, полегче, полегче. Прибереги эту пену для других.

Костер уже не полыхал так ярко. Бревна догорали, и пламя вспыхивало голубыми язычками. Лица людей вокруг костра не освещались ровно. Огонь выхватывал из темноты лбы, носы, скулы. Невидимые рты производили изрядный гомон. Кто-то ссорился, но чаще всего слышался смех. Несколько разбойников играли в кости, другие беседовали. Справа от меня спорили, как долго надо выдерживать дерево, прежде чем из него можно делать лук. Слева рассказывали небылицы, призывая в свидетели всех святых.

— Так вот какая история со мной приключилась, — начал очередной рассказчик, — за месяц — нет, за два — до того, как я пришел в лес. Миленький кареглазый цыпленочек заглянул в гости к соседям.

За отсутствием подходящих слов он присвистнул.

— Пышечка! Я просто остолбенел. А она давай мне делать глазки, хоть я и не думал ничего такого. Она была совсем ребенок, только из монастыря, ясно?

Кому-то из слушателей, очевидно, когда-то тоже приходилось бороться с подобными искушениями.

— Да, — подтвердил другой, — я знаю, как это бывает. Становится как-то не по себе.

— Вот-вот. Неделю-другую все так и тянулось, пока однажды вечером...

Я так и не узнал, чем закончилась история, хотя нетрудно было догадаться, что благородства рассказчика хватило ненадолго. По другую сторону костра поднялся оглушительный гогот. Его прервал звук рога.

— Что происходит? — властно спросил Робин.

— Маленький Джон! Маленький Джон! — дружно завопили разбойники.

— Дьявольщина! — выругался верзила. — Пусть кто-нибудь другой споет. А я буду пить.

Робин засмеялся.

— Заберите у него эль и втолкните в круг, — посоветовал он.

Сделать это оказалось непросто. Шестеро или семеро человек покатились от Джона кубарем, но целая орава

разбойников, навалившись, все же одержала над ним верх. Оказавшись в кругу, Джон перестал противиться всеобщей воле. По всему было видно, что ему приятна просьба его собратьев и он готов удовлетворить ее.

— Сейчас, вот только отдышусь немного, — сказал он. — И запомните. Молодчику, который выпьет мой эль, я втолкну в глотку рог вместо закуски.

Сначала я подумал, что над великаном все просто шутят. Но вот он запел — и я понял, что ошибался. Голос Джона звучал грубо, но весьма выразительно:

По слухам, с поличным меня поймали —
Под зеленой листвой, —
Шериф прискакал, вслед гончие мчали —
Под зеленой листвой.
Закон есть закон, сомневаться тут нечего:
Слышал, шериф? — Давай обеспечь его!
Моя жизнь еще может мне пригодиться,
А вам невдомек, как с ней обходиться:
Укрылся я под зеленой листвой.

Собирались вздернуть меня на осине —
Под зеленой листвой, —
Чтобы глотку не мог промочить я отныне —
Под зеленой листвой.
Таков был приказ, сомневаться тут нечего;
Таков был приказ: «Догони, покалечь его!»
Выпускайте кишки, но оставьте мне глотку:
Заливать ее элем я должен в охотку
День и ночь под зеленой листвой.

Подружка моя будет спать в одиночку —
Под зеленой листвой, —
А может, с дружком скоротает ночку —
Под зеленой листвой.
Вот где горе мое, сомневаться тут нечего;
Вот где горе мое — и не сбросить мне с плеч его.
Грабеж и охота веселей, чем работа,
Но вспомнишь подружку — и взгрустнется что-то
Одному под зеленой листвой.

И все же избыток богатой дичи —
Под зеленой листвой —
Фляжка бренди среди добычи —
Под зеленой листвой —

Счастье мое, сомневаться тут нечего;
Счастье мое — и готов я беречь его.
Обобрать толстосума и отдать побирушке —
Дело стоит, ей-богу, знатной пирушки
До утра под зеленой листвой.

Джон спел еще одну-две песни, а потом принялся запевать, а другие подхватывали. Разогретые элем слушатели жаждали стихов и музыки. И в этом не были одиноки. Песни, как мне помнится, — ведь и я хватил достаточно эля, — были не слишком мелодичны, но заставляли почувствовать драматический накал жизни.

— Неужто этот рев сделает тебя нашим?

Очарование улетучилось, едва я взглянул в озорные глаза Робина.

— Жаль, что ты не застал меня, когда я так задушевно им подтягивал... Я бы сразу подписал контракт, — признался я. — Кстати, как насчет эля?

— Эль весь вышел, и скоро все успокоятся.

Главарь улыбнулся Николену.

— Что, малыш? Еще не раздумал?

Николен не пел, хотя я слышал, как он мурлыкал, вторя мелодии.

— С какой стати? Думаю, будет много занятного.

— Стоишь на своем? Что ж, если не дрогнешь под стрелами шерифа — тогда поговорим.

Робин посмотрел на меня.

— Шендон, ты наш гость на празднике. Помни об этом. Если тебе нужны деньги или помощь — не стесняйся.

Я допускал, что ребята неплохо вели себя под присмотром командира. Но не хотел бы я, даже если бы мне и удалось убедить Робина помочь мне, чтобы эти изголодавшиеся молодцы пустились догонять Розалетту.

— Благодарю, — сказал я, — но пока мне удавалось обходиться без наличности. Но если я все же решусь уйти — ты не подскажешь мне, как добраться до Хеорота?

— Никогда не слыхал такого названия... Попытаюсь разузнать. — Робин поднялся. — Пойдемте, я вам дам

несколько шкур для постели, пока никто их не растащил.

Пение стало затихать, и Робин скрылся. Пожелав Николену доброй ночи, я обернулся и всмотрелся в лесную тьму. Вдруг юноша тронул меня за рукав.

— Где вы собираетесь спать?

Надо было выбрать место подальше от костра, чтобы никому не попасть под ноги.

— Ты найдешь меня в спальне невесты, — хмыкнул я.

Он попытался засмеяться, но без особого успеха.

— А что, если мы устроимся вместе?

Мне не очень-то улыбалось возиться с юнцом, чей голос еще не перестал ломаться. Нас поймали в один день, но это не значило, что и ночью мы должны держаться бок о бок. Я хотел было уже сказать, чтобы он сам позаботился о себе, но заметил, что он ждет моего ответа, затаив дыхание. Ясно, что он боялся остаться ночью один или — того хуже — с этими молодцами.

— Хорошо, — сказал я, — пойдем. Но не обессудь, если мы приземлимся на муравейник.

Глаза мои уже привыкли к темноте, и я уверенно прокладывал путь среди деревьев. Когда мы отошли достаточно далеко, я бросил шкуры на землю. Велев Николену посторожить их, я стал подыскивать подходящее место. Мне приходилось бывать на охоте, и потому я знал: там, где хорошо в ясную погоду, — хуже всего во время дождя. Вскоре отыскалось сухое, ровное место за стволом большого дерева: головы уж точно не надует.

— Николен! — позвал я. — Иди сюда, да не забудь наши простыни.

Наверное, я отошел слишком далеко: он не откликнулся. Пришлось позвать еще раз.

— Шкуры слишком тяжелые, — задыхаясь, пожаловался он, подтаскивая их ко мне.

— Утром ты будешь этому рад, — заметил я. — Взгляни, я где теперь стою, там и лягу; твоя спальня

за следующей дверью. Надеюсь, ты не лунатик и ко мне не забредешь.

— Ни один мужчина пока еще не имел оснований жаловаться, будто я помешал ему спать, — выпалил он.

Меня позабавила его мальчишеская заносчивость.

— Тогда порядок. Сегодня у тебя будет возможность подтвердить свои достижения... Ах, как здорово!

Густые ветви над головой сливались в неясные тени. Ветер шуршал в листве, навевая лесные запахи. Я не канул в сон, но плавно опустился на дно.

— Серебряный Вихор! — голос юноши заставил меня вновь всплыть на поверхность, и теперь мне предстояло новое погружение.

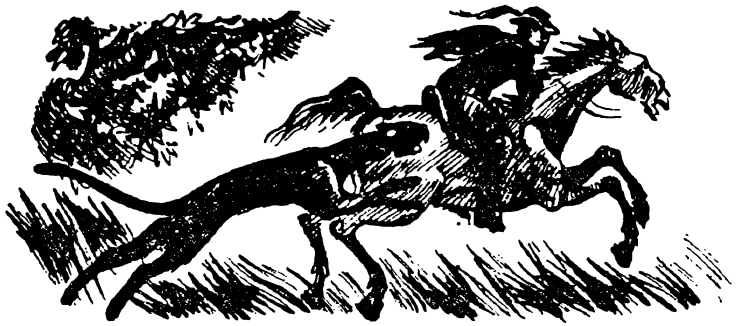
— Что? — сонно отозвался я.

— Я не очень мешаю?

— О Господи! Да ничуть.

Моя досада была более чем очевидна, но он отважился заговорить вновь:

— Я предпочитаю быть осмотрительным. Доброй ночи!

8. Две огромные кошки

В лесу крепкий сон — редкость. Я засыпал и просыпался множество раз, прежде чем под лиственным шатром стало светлеть. Николен куда-то исчез, и, задремав еще разок-другой, я начал тревожиться. Опасаясь, что пропущу завтрак, я сел.

Деревья выглядели сонными. Ветра не было, стояла полная тишина. Я повнимательней всмотрелся в постель Николена: не спрятался ли он в шкурах? Порывшись в них, я вытащил длинную прядь волос, оставленную моим соседом. Темные, курчавые — одним концом они обвились вокруг моих пальцев — несомненно, девичьи волосы...

— Черт побери! — вырвалось у меня шепотом. Тут же вспомнились некоторые подробности нашего вчерашнего разговора. — Вот бестия!

Поразмыслив, я окончательно убедился, что Николен — или как там ее на самом деле звали — покинула лагерь на рассвете. Как я должен к этому отнестись? То, что она переодета мужчиной, — не моя забота. Но мне не хотелось, чтобы кто-то догадался о моем открытии. Мы забрели с ней довольно далеко, пока искали место для ночлега. Навряд ли в лагере заметили, что она сбежала. Я перенес шкуры Николена подальше от своей постели, вернулся на ложе и стал дожидаться завтрака.

— А где Николен? — поинтересовался Робин, едва я принялся за завтрак. Он уселся рядом со мной.

Я как раз обгладывал ножку дикого гуся и в ответ только мотнул головой.

— Где-нибудь рядом, — промямлил я с набитым ртом.

— Его нигде не видно, — возразил Робин. — Джон по утрам обходит лагерь, и глаз у него зоркий.

Я повернул косточку: на ней обнаружилось еще немного мяса.

— Николен, наверное, засоня, каких мало, — предположил я.

— Возможно, но сколько тебе твердить, что Джон уже все обыскал. В лесу, где нет кустарника, у нас на виду не поваляешься.

— И дурака не сваляешь, как я вчера! — промычал я, стараясь поддержать его каламбур. Швырнув обглоданную кость в огонь, я вытер руки охапкой листьев и во всеуслышание заявил:

— Странно! Очень странно!

— Вечером вы были вместе, — напомнил мне Робин. Ничего не упустит!

— Да, пока не закупорили бочку. — Видел бы кто-то, как я перетаскивал шкуры, — мне несдобровать. К счастью, свидетелей не оказалось. — Не знаю, где он провел ночь.

Ответ мой, казалось, удовлетворил Робина. Мне стало ясно, что теперь я вне подозрений.

— Радоваться или опасаться — не знаю, — доверительно признался Робин. — Если такой щенок убегает, не дождавшись завтрака, — ясно, тут что-то не так: смело закладывай последнюю тетиву. Либо он решил, что ссориться с законом не его призвание, и смылся домой к мамочке, либо это соглядатай шерифа.

Я задумался. Если Николен и в самом деле шерифский шпион, мне следует рассказать Робину все без утайки, хотя теперь от этого мало проку. А вдруг, узнав, что это женщина, он вышлет за ней своих молодцов? Поколебавшись, я решил молчать. Поневоле я проникался сочувствием к каждой женщине, которая оказывалась в положении Розалетты.

— Ты вышлешь за ним погоню? — спросил я.

— Не стоит, — к моему великому облегчению, ответил Робин. — Скорее всего, он просто набедокурив-

ший юнец. Но на всякий случай нам следует переместить лагерь чуть южнее.

Теперь у меня уже не было выбора, оставаться в шайке или нет. Если бы я захотел уйти, они бы заподозрили и меня. Робин не сказал мне, почему он так опасается шпионов. Это я узнал от Скарлока, с которым мы сделались закадычными друзьями. Однажды на вечернем привале, когда мы изрядно хлебнули эля, он поведал мне, что Робин отбил у стражи одного своего приятеля. В заварушке отдал Богу душу шериф, а заодно с ним отправились на тот свет и несколько полицейских.

Я около недели провел с разбойниками, двигаясь вместе с отрядом к югу. Они нарядили меня в свою зеленую униформу, которая — за исключением кокетливой шапочки с перьями — пришлась мне по вкусу. Одежда, доставшаяся мне стараниями Голиаса, успела здорово истрепаться. Борода моя заметно отросла, и я почти не отличался от остальных, пока не брался стрелять из лука. Но и тут я начал делать успехи, как вдруг однажды утром Робин отозвал меня в сторонку.

— Шендон, — сообщил он, — мы уходим отсюда, но тебя с собой не берем.

Что ж, не берут, так не берут. Я молча смотрел на него.

— Нам грозит опасность, — пояснил он, — сам король преследует нас.

Вот так страсти разыгрались из-за убийства шерифа!

— Я не боюсь, — заявил я.

— Нет, — возразил он, — ты ни в чем не замешан — зачем же зря голову подставлять?

Верно! Я и сам понимал, что из кожи лезть в поисках мученичества нелепо.

— Что ж, удачи тебе, — сказал я на прощание.

Робин невесело усмехнулся.

— Она будет наша, надеюсь, но даром ничего не дается.

Люди, рассыпанные по лесу, собрались на звук рога. Пока разбойники толпились в ожидании, я повесил на куст свою шапчонку, а лук на всякий случай захватил с собой. Встретить Розалетту я уже не на-

деялся, и потому единственной моей целью стал Хеорот. Солнце скрылось, дороги туда никто не знал, но Скарлок указал мне юго-восточное направление.

Каково же было вновь оказаться одному! Впрочем, в Броселианском лесу я уже достаточно освоился и никакие неожиданности меня не пугали. За восемь-десять дней, которые я провел здесь, я успел более или менее изучить окрестности. Конечно, опыта мне не хватало, но зато я иначе стал воспринимать Романию. Именно это и придавало мне уверенности. Забрел я довольно далеко и не видел причины уклоняться от дальнейшего путешествия.

Через час-другой я вышел к ручью. Ручей, рассуждал я, выведет меня к реке, текущей через населенную долину. Прибыв в какой-нибудь город, я загляну в библиотеку и спрошу атлас, который поможет мне сориентироваться.

К полудню лес стал иным. Если ранее я шел по покатому склону все вниз и вниз, то теперь почва сделалась ровной. Я с трудом продирался через густой кустарник. Деревья были увиты дикой лозой, под ногами пружинил мох. Ручей тоже переменился. Теперь он не бежал по скалистому ложу, но плавно тек меж глинистыми берегами.

Вскоре я неожиданно забрел в болото. Деревья клонились, будто наемные плакальщицы, а корни их были скрючены, словно из страха угодить в трясину. Ближайшую непроницаемо-черную заводь лениво переплывала змея.

Раздумывая, как идти дальше, я услышал звук, похожий на угрожающее мяуканье гигантского кота. Я опустил колчан на землю и натянул тетиву. Едва я отвел стрелу, как услышал шлепанье копыт по болоту. Один ли то был зверь, или двое? А шум постепенно нарастал. Я спрятался за дерево.

И кошачье урчанье, и бег становились все ожесточенней. Вскоре мои догадки подтвердились. Сначала показалась лошадь с седоком. За ними, как ялик за яхтой, неотступно следовала огромная пантера. Вырвавшись из болота, всадник чем-то кольнул бок своей кобылы. Она немедленно рухнула: видимо, игла угодила прямо в позвоночник.

Соскочив с лошади, человек побежал. Лошадью, несомненно, он хотел откупиться, но не за нею гналась пантера. Ткнувшись в тушу носом и перевернув ее, зверь с воем устремился в погоню за человеком. Я опустил тетиву. Стрела вонзилась точно в лошадиный круп. Пантере так и не суждено было узнать, что на нее покушался лучник. Торопясь, я вытащил из колчана новую стрелу. Но не успел я и тетиву натянуть, как пантера совершила прыжок.

Мне показалось, что мужчина нанес ей боксерский удар в челюсть. И тут же грянулся наземь. Зверь, издав жуткий предсмертный вой, рухнул рядом с ним.

Я взглянул на распростертые тела непримиримых врагов. Потом, держа лук наизготове, осторожно приблизился. Никто из них не шевелился. Отбросив оружие, я подбежал к мужчине. Когда я наклонился над ним, он открыл глаза.

— Зверь ушел? — прошептал он.

Повернувшись, он увидел, что пантера никуда не делась. Сев, он ткнул в нее пальцем. Затем с трудом разжал челюсти хищника, мертвой хваткой вцепившиеся в карман его жакета.

— Валериана! — выдохнул он. — Боже милостивый! Валериана. А ведь мне это даже в голову не пришло.

Улучив подходящий момент, я решил удовлетворить свое любопытство.

— Как это вам удалось уложить эту зверюгу?

Собеседник повернул ко мне задубевшее от ветра скуластое лицо. Его светло-карие глаза искрились веселостью.

— Очень просто. Впихнул в глотку цианистый калий — и все дела.

— О-о, — протянул я, садясь на труп поверженного противника. — Яд оказался у вас под рукой как нельзя более кстати!

— Да, у медиков есть свои преимущества. Например, — губы его растянулись в улыбке, — я всегда ношу при себе успокоительное. С нервами, знаете ли, неполадки.

— У меня тоже, — признался я, как только он извлек из кармана фляжку. — Нет, сначала вы. Вам это несомненно нужней, мистер-мистер...

— М. Тенсас, доктор медицины. — Он протяжно вздохнул, передавая мне фляжку. — В самом деле, неординарный случай, мистер... э-э...

— Шендон. — Коньяк оказался превосходным. — И часто вы охотитесь таким способом? — поинтересовался я.

— Яд я испробовал в первый раз. В виде эксперимента. — Он протянул мне сигару. Последний раз я курил на борту «Нагльфара». Глубоко затянувшись, доктор продолжал: — Думаю, что повторять его не стоит. Не так-то просто выбрать нужный момент.

— Ваша конюшня, видимо, тоже пострадала? — предположил я.

— Еще бы! Но, к счастью, лошадь была чужая.

Доктор, похоже, знал толк и в коньяке, и в сигарах. Я с наслаждением выпустил изо рта синеватое кольцо.

— Удачно получилось. Незачем обращаться к живодерам. Кстати, чем вы ее?

— Скальпелем. — Доктор посмотрел на мертвую кобылу, затем на меня. — Вы прониклись к ней антипатией — или вообще плохо относитесь к лошадям?

Я оглядел стрелу, торчащую из кобыльего брюха.

— Выстрел, по правде говоря, не слишком меткий, но все ж таки она от меня не ушла.

Мы еще немного выпили, и он убрал фляжку в карман.

— Седло не стоит оставлять — во́ронам будет помеха.

Доктор был высокий, подвижный мужчина. Мне хотелось выяснить, где он раздобыл модный жакет, но от расспросов я воздержался. Ведь о моих коротких зеленых штанах он не сказал ни слова.

— Как это часто бывает, — проговорил доктор, ослабляя подпругу, — бедное животное пострадало из-за чужого тщеславия. В данном случае, моего. И с чего это я взял, что пантера может заинтересоваться моим жилистым мясом?

— Но чего же тогда она домогалась? Кобыла осталась нетронутой.

Усмехнувшись, доктор достал из кармана, прокушенного зубами хищника, горсть высохших кореньев и показал мне.

— В здешней глуши врачу по совместительству приходится быть и фармацевтом. Я всегда ношу при себе травы, но совершенно забыл, что все кошачьи без ума от валерианы.

Он снял седло и забрал поклажу.

— Куда вы направляетесь?

Я перекинул колчан через плечо.

— Трудно сказать. Я не уверен, окажусь ли там, куда хочу попасть. Знакомо ли вам название Хеорот?

Доктор покачал головой.

— Тогда мне надо хотя бы выбраться из леса и заявиться в какой-нибудь город, — продолжал я.

— Я бы проводил вас, если бы не торопился к пациенту. Посмотрите, там — кратчайший путь через болото. — Доктор Тенсас махнул рукой в сторону зарослей, откуда он выехал. — Не советую отправляться по трясине без лошади, но моя — к вашим услугам.

— Нет, без седла не согласен, спасибо. А как насчет обходного пути?

— Пройдите по тому упавшему дереву — оно не такое гнилое, как кажется. — Он указал на ствол, лежавший поперек ручья. — Придерживайтесь края болота. Оно вам порядком надоест, но в конце концов вы увидите хоженую тропу и сверните прямо на нее. Зарядить вас на дорожку?

Я был не прочь. Когда он снова закупорил фляжку, я закинул лук за спину, зажал в зубах сигару и направился прямиком к поваленному стволу. Что ни говори, а хорошие люди живут везде.

Заночевав на тропе, я был уверен, что к полудню доберусь до города, который имел в виду Тенсас. Однако обед оказался под вопросом. Недавний ураган разметал деревья по сторонам — и метки на стволах обнаружить было нельзя. Наконец я бросил поиски и пошел от просеки наугад, ориентируясь по солнцу.

Беда была в том, что я опять не знал, куда иду. Торопиться не имело смысла. Это угнетало меня все больше, и наконец я сел, опустил ноги в ручеек и задумался над тем, как быть дальше. Поначалу я даже не обратил внимания на громкие всплески ниже по течению. Наверное, какое-нибудь животное, подумал я и вдруг услышал, как кто-то чихнул. Натянув тетиву, я стал красться вдоль берега. За излукой поток рас-

ширялся в небольшую заводь. У воды на коленях стоял человек, опустив голову в ведро. Не желая помешать ему в этом забавном и невинном занятии, я следил за ним в полном недоумении.

Вскоре мне стало ясно, что незнакомец просто-напросто моет голову. Вот он распрямился, вытаскивая из ведра и выкручивая светлые волосы. Потом извлек их на полфута, на фут, а конца все еще не было. Я обратил внимание на его костюм: где я видел точно такой же? Солнце совсем поднялось, но туман еще не рассеялся.

Именно так одевался Николен, да и судя по фигуре — конечно же, это он, собственной персоной! Но у Николена были черные волосы, а эти, золотистые, вполне могли принадлежать...

— Розалетта! — воскликнул я, вскакивая на ноги.

Вскрикнув, Розалетта тоже вскочила, откинув волосы с лица. Она хотела уже бежать, но узнала меня.

— Ах, это ты, Серебряный Вихор! Я позабыла твое второе имя.

— Зато я помню оба твои, — сообщил я ей.

Она рассмеялась, протянув ко мне руки.

— Я так переживала, когда убедилась, что ты обо мне тревожишься. Но там, во время ночной пирушки, в компании разбойников, у меня душа в пятки ушла.

Она искренне радовалась нашей встрече. Это было приятно мне более, чем я ожидал.

— Я не виню тебя, — сказал я ей, — холостяцкое сборище — не самое подходящее место для юной девицы, предпочитающей быть осмотрительной. Ты уже встретилась со своим женихом?

— Да. — Розалетта рассмеялась счастливым смехом. — Мы с ним видимся каждый день, и он, как и ты, не узнал меня.

— Это очень смешно?

— Очень! Мы с ним целыми часами толкуем обо мне и о том, как он без памяти в меня влюблен. Это так интересно! Я покрасила лицо и волосы темной краской, и целую неделю потратила на то, чтобы вернуть себе прежний вид. Я не хочу, чтобы он узнал меня, пока снова не стану на себя похожей.

— Смотри не перестарайся, — предупредил я ее, — ты и теперь хороша дальше некуда.

Розалетта в восхищении послала мне воздушный поцелуй.

— Серебряный Вихор! Ты просто прелесть.

Я попытался вспомнить, слышал ли хоть раз в жизни от какой-нибудь девушки подобные слова, и не мог. Впрочем, вряд ли я сам подавал кому-то из них повод для этого.

— Но с сегодняшнего вечера, — прощебетала Розалетта, — Окандо уже не придется обо мне тосковать. Вот только что я прополоскала волосы последний раз.

— И что потом? Свадебные колокола?

— Завтра! — Она снова с восторгом протянула мне руки. — Правда, замечательно?

Мне так не казалось. Но не потому, что я был влюблен в Розалетту или имел на нее виды. Для меня она была словно ветка жимолости, которой я любовался, вовсе не желая сорвать. И все же я бы предпочел неопределенность.

— А чем твой суженый будет заниматься теперь, когда покинул дом?

— Папа говорит, что...

— Твой отец тоже здесь?

— Он в лесу с тех пор, как потерял герцогство. Но вскоре он его вернет, я думаю. — Пожав плечами, Розалетта просияла. — Если же нет, мы просто будем жить здесь, вот и все.

Я не стал с ней спорить.

— А где ты теперь живешь? Снова соорудила себе шалаш из веток и цветов?

— Я купила пастушью хижину.

Она посмотрелась в заводь и улыбнулась сама себе.

— Пойду сейчас туда, пусть волосы подсохнут. Ты не побудешь со мной? Я так люблю с тобой беседовать о том, о сем.

Опорожнив ведро, я взял его за ручку.

— Например, об Окандо?

Розалетта засмеялась.

— Можно и о чем-нибудь другом, хотя навряд ли у нас останется на это время.

Ее новая хижина выглядела довольно привлекательно, но я смотрел мимо. За рядом деревьев расстилался просторный луг.

— Мы и в самом деле на краю Броселианского леса?

— Да, отсюда уже начинаются поля, — подтвердила Розалетта. Она села на траву, спиной к солнцу, и распустила волосы. Я не замедлил растянуться рядом с ней.

— Там живут люди?

— Да, пастухи. И землепашцы, конечно.

— А есть ли города?

— Конечно, есть.

— Какие же именно? И далеко ли до них?

— Никогда не интересовалась, — положила Розалетта конец моим расспросам. — Серебряный Вихор, ведь ты не уйдешь? Мне бы так не хотелось теперь остаться одной.

Итак, наконец-то я выбрался из леса и теперь уже не буду блуждать наобум.

— Я не расстанусь с тобой до прихода Окандо, — заверил я девушку, — но за это рассчитываю получить ужин.

Ах, какое угощение она мне приготовила! Потом я слонялся вокруг домика, ожидая, пока Розалетта вымоется и переоденется. Ночью ее ожидали ласки — пока еще сдержанные... Она и ее ненаглядный будут нежно ворковать, а я буду ворочаться на голой земле, под открытым небом, терзаемый одиночеством.

— Ну, как я выгляжу? — спросила Розалетта, появляясь в дверях. Смотреть на нее было такое удовольствие, что я ненадолго позабыл о собственных огорчениях. Платье сидело как нельзя более удачно, не открывая и не подчеркивая излишне достоинств хозяйки. На нем не было узоров, но все украшения превосходил локон Розалетты, ожерельем обивший открытую шею.

— Душенька, — простонал я, — уберись с моих глаз, или ты разобьешь мне сердце.

— Мне бы хотелось это сделать, чтобы проверить, какое впечатление я произведу на Окандо.

— Что-то он не спешит! — Мне хватило низости подпустить ей эту шпильку.

Скорчив гримасу, Розалетта показала мне язык.

— А он сюда и не явится! Николен пообещал Окандо, что вернет ему Розалетту при помощи колдовства. Но для этого Окандо должен прийти вечером к колод-

цу желаний. И он поверил, поверил — ведь он влюблен в меня по уши!

Розалетта закружилась, точно балерина, и сделала пируэт.

— Ради меня Окандо готов на все... Ах, как он глуп и восхитителен!

И Розалетта упорхнула на свидание. А я остался наедине с собакой, которая рычала в конуре. Девушка растаяла в сумеречном лесу. Я угрюмо повернулся и зашагал в противоположную сторону.

Наутро мне предстояло пересечь поля, однако заночевать следовало в лесу. Я быстро нашел подходящее место, но укладываться было еще рано. С сожалением вспоминая о сигарах доктора Тенсаса, я сел, прислонившись спиной к стволу, и стал дожидаться, когда меня одолеет дремота.

Взошла луна, и мне стало казаться, будто в чаще кто-то шевелится. Мало-помалу я убедился, что не ошибаюсь. Из зарослей — весь в лунных пятнах и оттого похожий на картинку-загадку — появился лев.

Вовсе не радуясь разрешению загадки, я замер на месте. Ветер дул в мою сторону, и я знал, что если не буду двигаться, лев мною не заинтересуется. Но опасность все же существовала. Лев медленно ступил на поляну. Лунный свет озарил его с головы до пят. Живот льва круглился; зверь неспешно переставлял свои тяжелые лапы. Страх мой уменьшился: это был толстый, ленивый царь зверей, совершавший прогулку после сытного ужина.

Однако зверь не забывал об осторожности. Проходя мимо меня, он замер, подняв переднюю лапу. Это была классическая львиная поза. Но он недолго оставался недвижим: какое-то существо тихонько подкралось к залитому луной сановитому львиному тылу. Существо это принадлежало, скорее всего, человеческой породе. Насмешник так умело подражал львиной царственной походке, что я невольно усмехнулся. Лев мягко вильнул хвостом. Незнакомец, оттянув хвост в сторону правой рукой, левую резко выбросил вперед. Я не видел, что он держал в руке. Впрочем, тот, кто в детстве забавлялся втыканием булавок в известного рода выпуклости, заполняющие ячейки гамака, без труда узнал бы это движение. Но ни один из любителей подремать в

гамаке не оправдал бы ожиданий проказника в столь полной мере, как этот лев. Он и завыл, и зафыркал, и зарычал... При этом он прыгал, вертелся волчком и бил лапами по воздуху. Его мучитель оказался достаточно проворен, чтобы успеть при жизни насладиться исходом шутки. Не успел лев обернуться, как он уже растянулся за островком папоротников рядом со мной: я мог бы даже пнуть его ногой, если бы захотел. Но у меня не было ни малейшего намерения рисковать, пока зверь все еще бесновался. Он колотил лапами по воздуху, словно пытаясь достать врага, которому бы мог отомстить сполна. Разок-другой он, подпрыгнув, крутанулся, желая убедиться, что позади него никого нет. Наконец, устав воевать с собственной тенью, он издал оглушительный рев и скрылся в зарослях.

Едва лев исчез, его обидчик предался необузданному веселью. Он катался по земле, взбрыкивая ногами, и едва не задыхался от хохота. И мои плечи тоже тряслись. Все, что случилось, было в самом деле уморительно, к тому же нервы мои щекотала доля примешанного к этой комедии смертельного риска.

Осознав, что лев уже не сможет меня услышать, я без стеснения прыснул со смеху.

— Прекрасное хобби, приятель, — польстил я затейнику, — но на жизнь этим не заработаешь.

Мой сосед так и вздрогнул от неожиданности. Подскочив, он завис над землей, немного отпрянув от меня, — не понимаю, как ему удалось это сделать. Впрочем, он тут же вновь плюхнулся на траву.

— А я его заставил разговориться, верно? — захихикал он. — Хорошо я его пощекотал.

Мы находились в тени, но видел я незнакомца достаточно отчетливо. Это был коротышка с непомерно большой головой и широкими плечами. Судя по очертаниям его башки, волосы у него были густые и спутанные. При этом уши — странные уши, надо сказать, — выступали из шевелюры торчком.

— Чем же ты его кольнул? — полюбопытствовал я.

— Преотличным терновым шипом, длиной в три дюйма. Вогнал его в ножны по самую рукоятку... А горячий у него нрав, верно?

Я вспомнил, с какой яростью крутился и махал лапами лев.

— Да, несколько вспыльчив, — согласился я. — Но не сократят ли тебе жизнь подобные шутки?

Он фыркнул.

— Ты имеешь в виду этот спектакль? Уверяю тебя, меня немногие переживут.

— Значит, люди в этих краях рано умирают.

— Вовсе нет. — Он сел, обхватив колени. — Жизнь моя измеряется не годами, а столетиями. Я здесь главный старожил.

— Горько, наверное, быть сиротой, — посочувствовал я ему. Если длинную небылицу делить пополам, в одной из половинок, возможно, сыщется немного правды. — Если ты и в самом деле древнейший из коренных жителей, — продолжал я, — ты, наверное, подскажешь мне, как добраться туда, куда я направляюсь. Кому я ни называл это место — никто о нем ничего не знает.

— Если и я о нем ничего не знаю, то его просто-напросто не существует, — заявил балагур. — Вся эта страна знакома мне до боли — не хуже, чем львиному заду — терновый шип. Спрашивай о чем угодно. Мне хорошо известен рацион Гери и Френки; известно и то, что делал Джек Уилтон в доме Понтия Пилата. Я знаю, как Дагда нарек свою арфу и на какую ставку играл Сетна. Я знаю, с кем связался Куварбис и почему у Ильмаринена было много хлопот со второй женой. А что тебя интересует?

— У меня назначена встреча с приятелем — если он еще жив, конечно, — в Хеороте. Известно тебе такое название?

— Мне? — фыркнул он. — Ты бы еще спросил, известно ли мне, о чем мечтают незамужние девушки. Нет-нет, вовсе не о том, о чем ты подумал. Что ж, если ты хочешь попасть в Хеорот...

Я ничего не слышал, но он вдруг вскочил на ноги:

— Тсс! Мне подают сигнал. Я должен улепетывать во все лопатки.

— Эй, ты, колдун! Погоди!

Расстаться со знающим проводником, который прервал речь на полуслове, — это уже слишком! Я попытался схватить его, но он был уже далеко.

9. С проводником и без проводника

Когда досада утихла, я лег, но сон не шел ко мне. Все в природе словно сговорилось, чтобы отогнать от меня дремоту. Воздух был мягок, как дыхание женщины. В журчании ручья мне слышались девичий говор и смех. Листва шуршала, будто шелковые юбки. Папоротники в лунном свете были похожи на золотистые локоны. Камень, залитый луной, был округл и гладок, как обнаженное плечо. Я недовольно приподнял голову.

Слишком уж здесь было беспокойно для укромного лесного уголка. Послышались шорох листвы и потрескивание веток. Кто-то снова шел сюда. И не один, а двое... Сначала голоса звучали неразборчиво, но вскоре я мог отчетливо слышать каждое слово.

— Подожди! — умолял мужской голос. — Любимая моя... Вот несчастье! Ты не хочешь даже выслушать меня!

Девушка, которая шла впереди, отпрянула в сторону.

В надежде, что это Розалетта, я вскочил на ноги. Да, это была она! Мне оставалось только сесть и забыть о чужих делах.

— Отчего ты так переменилась? — спросил мужчина, догнав ее. — Чем ты недовольна?

— Твоим существованием, — резко бросила она.

Влюбленные ушли, препираясь. Я с нетерпением ждал новых событий: быть может, снова вернется укротитель львов? Так оно и случилось.

Вскоре я услышал, как девушка бежит обратно. Вся в слезах, она не разбирала дороги. У меня на глазах она споткнулась и упала.

— Ах, Окандо! — сквозь рыдания простонала она. — Как мог ты меня так обидеть!

— Розалетта! Что случилось? — воскликнул я, устремившись к ней. Она плакала столь безутешно, что даже не поинтересовалась, кто я такой.

— Окандо ушел, — всхлипнула она, вставая на колени, — и я не могу понять, куда он девался!

— Да, это уж черт знает что... Любимая моя, но нельзя же так расстраиваться из-за пустяков!

Я понятия не имел, как надо утешать горюющих девушек, и все же склонился над ней. Однако вместо ласковых слов пришлось заорать:

— Прочь, или я расщеплю тебя на атомы!

Опять появился этот проклятый шутник! Но теперь он не шел, а летел. Взмыв над Розалеттой, он на миг замер. Я подпрыгнул, желая схватить его, но он порхнул, будто колибри с цветка, со смехом повернулся и исчез.

Розалетта не вскрикнула и не завертелась на месте: значит, все было в порядке. Но я опустился рядом с нею на колени.

— Он причинил тебе боль?

— Кто? — Она перестала плакать и, вскинув голову, улыбнулась.

— А, Серебряный Вихор! Как я рада, что ты здесь.

В голосе ее прозвучало чувство, новое для меня. Сердце мое забилось учащенно, хотя я понимал, что она рада сейчас кому угодно.

— Что стряслось с твоим другом? — спросил я. — С чего это вдруг твой женишок задал тягу?

— Какой женишок? — изумленно переспросила Розалетта, пока я помогал ей подняться.

— Как какой? Окандо, конечно.

Я был окончательно сбит с толку, но не мог сохранять раздраженный тон: ведь я держал Розалетту в своих объятиях... Она не пыталась высвободиться, и я на всякий случай медлил.

— Совсем недавно ты мне сообщила, что завтра вы собираетесь пожениться.

— Да, совсем недавно. Но это была не я... Я родилась только теперь — в ту минуту, когда открыла глаза и увидела тебя.

К ее словам я не отнесся всерьез. Слишком часто я когда-то обманывался, чтобы принимать все за чистую монету. Но меня убедил ее голос. Скажи она просто: «Что хорошего в Мадвилле!» и я бы по интонации понял, что она говорит с любимым.

Нет, ошибки быть не могло. Во всяком случае, я не хотел, не должен был ошибаться. Иначе — впереди меня ожидала медленная, мучительная смерть. Неожиданность того, что произошло, заставляла поверить в невероятное.

— Розалетта! — потрясенно вымолвил я. — Душа моя...

Фраза оборвалась: губы наши слились в поцелуе. Но не вспыхнувшее внезапно желание соединило нас. Мы осознали, что нераздельно принадлежим друг другу. Существовать порознь мы уже не могли. Жизнь наша могла продолжаться только со вторым поцелуем.

Когда в десятый или сотый раз — как не сбиться со счета? — я закрыл глаза, чтобы лучше ощутить непередаваемую сладость бытия, что-то скользнуло у меня по щеке. Розалетта, наверное, тоже почувствовала щекотку, потому что резко отпрянула от меня. Гневно обернувшись, чтобы прихлопнуть докучливую мошку, — как смела она нам помешать? — я снова увидел удалявшуюся от нас знакомую фигуру.

Розалетта вдруг тоже куда-то заторопилась, и я бросился вслед за ней.

— Розалетта! — воскликнул я, схватив ее за руку. — Этот прохвост поранил тебя?

— Привет, Серебряный Вихор. — Она дружески кивнула мне. — Ты, как всегда, обо мне заботишься. Нет, меня никто не поранил.

Похолодев, я выпустил ее руку.

— Что же тогда случилось?

— Да ничего особенного не случилось. Окандо ушел — я забыла почему, но это неважно. Он сейчас вернется. А ты что тут делаешь?

Теперь я все понял. Мерзкий проказник отколол новую шутку. Желая позабавиться, он разбил мне

сердце. Все было кончено, и какой смысл упрекать девушку, если она ничего не помнит? Я боялся, что не совладаю с голосом, но мне удалось заговорить достаточно твердо:

— Да тоже ничего особенного. Я здесь устроился на ночлег, но никак не мог заснуть, и...

Розалетта не дослушала меня. К нам приближался кто-то третий, и она кинулась ему навстречу. Это был Окандо, но, к счастью, меня не стали представлять, и примиренная парочка удалилась в поисках уединенного уголка.

Мне было худо. Ошеломленный, я себя чувствовал так, как если бы меня разрезали пополам без анестезии. Облегчения в будущем не предвиделось. Оставаться здесь я не мог и потому, взяв свои пожитки, побрел через лес наугад.

Ранее я не знал, что страсть, которой так упиваешься, может обернуться сущей пыткой. Потеряв Розалетту, я ощутил внутри себя страшную пустоту, и это было тоже ново для меня. Пустоту эту необходимо было изжить, а изживание вызывало острую боль. Я говорил себе, что любовь, вспыхнувшая внезапно, не может длиться долго. Я утешал себя тем, что в моем положении женитьба исключается. Все было напрасно.

Если бы только не встрял тот негодник с переразвитым чувством юмора! Дернула же его нелегкая сунуться куда не надо! Я весь кипел от возмущения, напрасно стараясь выкинуть из головы виновника моего несчастья. Но, словно назло, он в тот же миг оказался рядом со мной.

Зная его увертливость, я даже не попытался на него замахнуться.

— Какого дьявола тебе еще нужно? — буркнул я.

Озорник, по обыкновению, расхохотался, но на сей раз смех его звучал примирительно.

— Прости, что вмешал тебя в это дело, но я всего лишь следовал полученным инструкциям. Видишь ли, — зачастил он, пока я мрачно взирал на него, — все любовники в округе перессорились и подняли такой гвалт, что мне приказали восстановить спокойствие. Не торопись так, давай передохнем. Я здорово притомился.

Остановившись, я тоже почувствовал усталость.

— Уф, дал же я маху, — продолжал говорун, усаживаясь рядом со мной на покатый камень. — Сорвал задание. Себе на горе ты подвернулся мне под руку, когда я соединял пары. Девица рыдала, а ты суетился вокруг нее с глупым видом — чем не любовная ссора? Вот я и подлатал прореху.

— Ну и сразу оставил бы нас в покое! Ведь потом мы поладили как нельзя лучше...

— Оставил бы, если мог, — объяснил негодяй. — Но босс заметил промашку и заставил меня ее исправить. Послать стрелы в сердца любовников, предназначенных друг другу. Вот тебе и натянули нос. Что, туго пришлось?

— Переживу как-нибудь.

— Переживешь, конечно, — согласился он. — Охотно забудешь — и с не меньшим удовольствием вспомнишь. Но так или иначе, я должен загладить свою вину, вот и помчался тебе вдогонку. Итак, тебе нужно попасть в Хеорот?

Я подумал, что пора положить конец бесцельным блужданиям.

— Да. Выведи меня хотя бы из леса. Я так долго здесь пробыл, что душу готов заложить, лишь бы выбраться из этой темницы.

— Считай, ты уже на свободе, — заверил меня мой гид, спрыгнув на землю. — Взгляни: нужная тропа — у тебя под ногами.

Я видел, что стою на тропе, но сколько уже раз они меня обманывали!

— Куда я должен свернуть?

— Налево. Та тропа выведет тебя на дорогу. Потом свернешь направо, и затем — опять налево. Хеорот — это самое большое строение в первом же городе, который тебе попадется.

— А далеко это отсюда?

— Как долго тебе придется идти? Хм, дай подумать... По Уотлинг-стрит — не более двадцати пяти миль, да около мили после поворота.

Уотлинг-стрит! Ее упоминал Голиас. Значит, цель близка? Впервые я проникся доверием к своему проводнику.

— По-твоему, Хеорот — здание, а не город? Это меняет дело. А то я боялся, что придется стучаться во все двери, пока не разыщу приятеля.

— Опытному ходоку добраться туда пустяк. Ты, наверное, голоден?

Переключившись на другие проблемы, я почувствовал себя бодрее.

— Готов с целым быком расправиться.

— У самой дороги есть чайная, открытая круглосуточно. Дальше перекусить будет негде, так что постарайся подкрепиться как следует. Будь здоров!

Уже через полчаса впереди показалась забегаловка, о которой шла речь. Начинало светать, и строение вырисовывалось довольно четко. Оно напоминало коттедж с двумя каминными трубами по краям крыши. В окнах свет не горел, но, как и было обещано, обслуживание велось непрерывно. Стол стоял на открытом воздухе. Приближаясь, я услышал позвякивание ложечек о фарфор и затем увидел посетителей.

Огромный стол был накрыт на дюжину персон, клиентов же было только трое. Все они сидели близко друг к другу. Я вытаращил глаза. Один из них, одетый в обноски прадедушки, носил напоминавший печную трубу цилиндр, высокий стоячий воротничок и галстук, пестрый как обои. Второй нарядился кроликом, третий напялил на себя костюм мыши. Он крепко спал. Почти все чашки были уже использованы, но я нашел себе чистый прибор на другом конце стола.

— А вы недурно провели ночь, ребята, — заметил я.

Парень в цилиндре отозвался на мое замечание не сразу:

— Ночь мы никак не провели, потому что еще не встретили ее. Нам никак ее не дождаться.

Он показал мне часы с запачканным циферблатом.

— Взгляните, сейчас только шесть часов вечера.

По моим представлениям, близилось к четырем утра, но с принявшими дозу спорить о времени бесполезно.

— Да, пожалуй, — согласился я с ним.

Прислуга не появлялась, и потому я сам взял себе хлеб, масло, мармелад, ломтик холодного ростбифа и приправленные пряностями яйца. Намазывая хлеб маслом, я решил расспросить сотрапезников о маршруте

и заодно проверить, не околпачил ли меня снова лесной проныра.

— Вы, парни, живете где-нибудь неподалеку? — спросил я с набитым ртом.

Человека в цилиндре мой вопрос явно поставил в тупик.

— Я всегда живу неподалеку, — проговорил он после долгого раздумья. — А вы?

— А я нет, — ответил я, наливая себе чай, который был здесь, по-видимому, единственным напитком. — Я живу в Чикаго.

— Забавно, — заметил он. — Разве не удобней жить там, где находишься?

— Верно, — вздохнул я. — Ваша взяла. Хорошо, я живу здесь.

— Поздно, — вмешался ряженный кроликом. — Вы упустили свой шанс. Люди то и дело умудряются попадать впросак, — доверительно сообщил он своему компаньону. — Вот результат плоского мышления.

Будучи не в духе, я не собирался спускать подобные дерзости.

— Послушайте, мистер, — предупредил я дерзкого выскочку, — я понимаю, вы изрядно нагрузились, но мне и дела нет, насколько трезво вы мыслите. Так что лучше держите свои мнения при себе.

Вместо ответа фальшивый кролик принялся обсуждать со своим приятелем, правильно ли они поступили, смазав часы сливочным маслом: ведь застрявшие в нем хлебные крошки могут попасть в механизм. Их беседа — из тех, что часто слышишь в баре, — несколько улучшила мое настроение.

— Я хотел задать вам очень простой вопрос, — перебил я пьянчуг, надеясь, что они позабыли о моей вспышке. — Можете ли вы мне сказать, куда идет эта дорога?

Посетитель в старомодных обносках обмакнул печенье в чай и откусил кусочек.

— Эта дорога не идет, — промямлил он. — О ней даже не скажешь, что она ползет.

Разговор снова зашел в тупик, однако я как ни в чем не бывало продолжал:

— Но где она проходит?

— Эта дорога любит сидеть дома, — сообщили мне. — Нет сведений о том, чтобы она где-то блуждала.

— Я не шучу, — стоял я на своем. — Мне необходимо уточнить маршрут, потому что я не знаю, куда направляюсь.

— И вы думаете, что дорога сама приведет вас именно туда? Вы слишком многого хотите от дороги.

Сделав мне выговор, кролик заявил приятелю в цилиндре театральным шепотом:

— Нет ничего глупее безмерного оптимизма!

На этот раз я хотя и с трудом, но сдержал свое раздражение.

— Посмотрим на дело с другой стороны, — упорствовал я. — Приведет ли эта дорога меня в Хеорот?

Тип в цилиндре, прежде чем ответить, поскреб затылок.

— Возможно. Если допустить, что она придет туда первой.

— Да идите вы сами ко всем чертям, — исступленно рявкнул я. Мое бешенство их ничуть не смутило, хотя чудак, одетый мышью, проснулся.

— Итак, — спросил он, наклонившись ко мне, — похож ли салат на квадрат?

С ним я еще не успел поссориться и потому решил поддержать разговор:

— Не знаю, мистер Как-вас-там, — сказал я, беря себе кусок торта. — Надеюсь, вы мне подскажете.

Я успел уничтожить и второй кусок, но он все еще молчал.

— Не берусь судить, — решил он наконец. — Но если вы не будете об этом думать, это не будет вас беспокоить.

Произнеся этот приговор, он снова уснул.

Прислуга все не появлялась, и огонь в доме не зажигали. Это было мне на руку, так как я вспомнил, что у меня нет с собой денег. Но все же прослыть жуликом я не хотел. Лук мне в городе не понадобится, не говоря уж о том, какой из меня стрелок. Здесь же, на лесной окраине, он стоит гораздо больше, чем мой завтрак. Я оставил его вместе с колчаном на своем

стуле, вежливо кивнул сотрапезникам и зашагал к дороге.

Услышав звук упавшей тарелки, я обернулся. Парень, одетый мышью, все еще спал. Тот, в допотопном костюме, поместил себе на голову начиненное пряностями яйцо. Одетый кроликом как раз натягивал тетиву. Не желая быть свидетелем, я заторопился прочь.

В целом чаепитие пошло мне на пользу. Вспоминая чудаков, я смеялся, и смех помог мне понять, что душа моя не век будет томиться унынием. Парень, одетый мышью, был по-своему прав. Мне не забыть Розалетту, но если я не буду думать о случившемся, я перестану мучиться. Теперь я стал размышлять над тем, что мне делать, если Голиаса нет в Хеороте.

Мой лесной проводник оказался прав: за исключением немногих часов, посвященных дремоте, путь до поворота занял почти что весь день. Завидев указательный знак, я поспешил убедиться, что именно этот поворот мне и нужен. Идя по дороге, выяснил я, можно добраться до Песчаных Холмов и Кузницы Уэйленда. Однако не эти сведения обрадовали меня. На верхней из деревянных стрел, прибитых к столбу, я прочитал: «Хеорот. 1/2 мили».

Через несколько шагов я ощутил запах моря. Вскоре я увидел его за россыпью домиков. Теперь меня уже не смущало, что на указателе значился не город, но отдельное здание. Хеорот сразу бросался в глаза. Прочие городские строения только подчеркивали его грандиозность.

На всякий случай я скрестил пальцы. Я проделал долгий путь ради встречи, которая может и не состояться.

Время ужина вымело улицы дочиста. Только подойдя к Хеороту, я заметил признаки жизни. Двери громадного здания были распахнуты, но я поневоле взглянул наверх. Над входом кинжалами был прибит чудовищный трофей. Прежде я никогда не видел ничего подобного! Своими очертаниями он напомнил мне человеческую руку. Она была огромной, как лапа динозавра. Волоски пробивались между чешуйками, словно сорняки из трещин тротуара. А заканчивалась эта рука — или лапа — когтями. Похоже, что она была

оторвана, а не отрублена. Из свежей раны сочилась кровь, с шипением капая в подставленную железную миску.

Из здания доносился шум веселой пирушки. Насмотревшись на трофей, я взглянул на стражников, приставленных по обе стороны входа. Одеты они были, как дружинники Бродира. Держались они не очень строго, один из них даже улыбнулся, когда мы встретились с ним глазами.

— Крупная дичь водится в здешних краях, — отважился я заговорить. Стражник улыбнулся еще шире.

— Слишком крупная даже для наших мест.

Увидев, что он настроен дружественно, я изложил ему суть дела.

— У меня здесь назначена встреча с приятелем. Можно войти?

— П-пожалста. В любом наряде. — Я заметил, что для часового он не вполне трезв. — К в-вашим услугам.

Минуя часовых, я переступил порог. Веселье нарастало. Сотни людей сидели за низкими столами, ломящимися от яств. У всех в руках были большие кружки, и множество слуг сновало между пирующими, разливая напитки. Бесполезно было разыскивать теперь Голиаса, но настроение мое поднялось. Помимо сандвича, которым я запасся в чайной, у меня с рассвета и маковой росинки во рту не было.

Пока я раздумывал, где же мне втиснуться, ко мне подошел человек, которого я принял за одного из устроителей пира. Кругом было столько шума и смеха, что мы и словом не могли обменяться. Он просто кивнул мне и улыбнулся — здесь все были в прекрасном настроении — и через минуту я уже втиснулся между двумя длинноволосыми верзилами, которые великодушно подвинулись, давая мне место.

Поначалу я так усердно набивал рот едой, что был совершенно не в состоянии беседовать. Наконец, вытерев пальцы о кусок хлеба и бросив его собаке — так, я заметил, здесь поступали многие, — я приготовился к разговору. К тому времени в зал вышло несколько женщин, очевидно, желая убедиться, что пирующие ничем не обделены. Миловидная женщина в золотой тиаре прошла по ряду, осведомляясь у каждого, как

ему здесь нравится. Должно быть, ее хорошо знали, потому что мужчины умолкали, надеясь перекинуться с ней словечком.

— Вы, должно быть, иностранец, — сказала она, подойдя ко мне. — Я надеюсь, вы всем довольны?

— Да. Спасибо. Пир устроили роскошный.

Она улыбнулась.

— Сегодня у нас счастливый день. Впервые за двенадцать лет мы можем здесь веселиться.

Когда она отошла, я осушил кружку меда. Вдохновленный напитком, я быстро присоединился к всеобщему веселью. Позабыв представиться, я вступил в общий разговор.

— Что случилось с вашей забегаловкой? — спросил я у соседа справа. — Отчего вы не могли здесь пировать целых двенадцать лет?

Он не обратил на меня внимания, так как обменивался сальными шуточками с парнем, сидевшим напротив него. Сейчас он повернул лицо ко мне, так что я мог видеть его сломанный нос и зеленые глаза. Поняв мой вопрос, он просиял.

— Ах, так вот про что ты спрашиваешь! Да во всей округе не найдется такого, кто бы про это не знал. А ты спросил у меня! Приврать тебе немного или нет?

— Как хочешь.

— Что за нужда! Все хорошо, что хорошо кончается. Конечно же, мы знали: все будет в полном порядке — только тварь поганую вышвырнуть и укокошить! И не нашлось мужика, который бы осмелился подойти близко. Уж на что я здоровяк, а спрашивал себя, спрашивал — и внимательно слушал, нет, так и не услышал, что хочу быть добровольцем. — Он торопливо осушил кружку, словно боясь, что мое внимание ослабеет. — Видал руку над дверью, а?

— Видал.

— И каково же само чудище, можешь вообразить! Оно являлось к нам каждую ночь, хватало сразу нескольких парней и заталкивало их себе в пасть. Его не интересовало — с миром вы пришли или с войной. Мы долго терпели, а потом пришлось перебраться в другое место.

Я представил, каково им было дожидаться людоеда каждый вечер с наступлением темноты.

— Вот проклятье! Как же было не уйти.

— А куда денешься? И двенадцать лет никто даже не заикался о том, чтоб вернуться, пока — вон, видишь парня, которому наполняют кружку? Погоди, сейчас он обернется.

На противоположном конце зала на возвышении помещался стол для почетных гостей. Именно туда и указывал мой сосед. Король — я узнал его по осанке — восседал в особом кресле. Сидевший по правую руку от него широкоплечий мужчина как раз повернул голову в нашу сторону. Видно было, что он в совершенстве владеет собой. Даже теперь, в разгаре пира, он сохранял спокойствие и сосредоточенность.

— Добрый вояка! — заметил я.

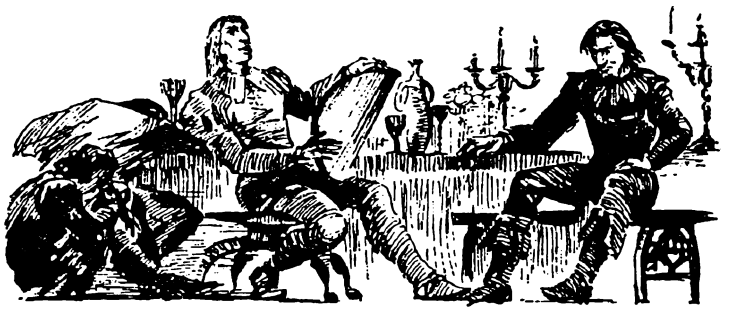
— Что и говорить! — Сломанный нос с убеждением дернулся. — Если тебе нужна помощь, смело положись на него. Подумай-ка, он даже не из здешних краев. Своя рубаха, как говорится, ближе к телу. А он пришел — без приглашения, заметь — и вызвался порешить чудище. Выпьем за героя.

Нам наполнили кружки. Мой собеседник выпил до дна, и я последовал его примеру.

— Чем он его жахнул, — осведомился я со знанием дела, — топором?

— Да ты что, не видел? — Мой сосед вытер усы тыльной стороной ладони. — Он пришел с пустыми руками, без оружия! Схватил чудище и вырвал ему лапу из сустава.

— Надо же! — Я с удвоенным уважением взглянул в сторону королевского стола. Король как раз поднялся с места. Протрубил рог, и все затихли.

10. В Хеороте

Король восславил виновника торжества. Речь его стоило послушать. Оказалось, что Беовульф — так звали того парня — убил двух чудовищ, искоренив целое гнездо. Причем со вторым ему пришлось сражаться под водой.

Потом заговорил Беовульф. Мне понравилось, как он держался. Он понимал, что совершил великий подвиг. Он не похвалялся и не скромничал, а просто сказал, что рад был случаю оказать посильную помощь. Все от души приветствовали его, да и кто откажется от удовольствия повопить во всю глотку? И все мы охотно выпили в его честь.

Я наслаждался весельем пира и добрым расположением духа. Мое уныние как рукой сняло. Нет лучшего лекарства от гложущей вас тоски, чем буйная холостяцкая пирушка. Тоска измучила меня, но я взял над ней верх. Я окунул ее в мед и затем выудил из кружки, как утонувшую муху. Я искрошил ее кулаком, отбивая такт разгульной песни, слова которой знали все, кроме меня. Я исколол ее остротами и затем выдохнул вместе с хохотом.

После речей прошло примерно с полчаса, и тут началось такое... Мужики за соседним столом стали топать ногами и вопить. К ним присоединились и мои сотрапезники. Орали так громко, что поначалу я даже не мог разобрать, что они выкрикивали.

— Видсида!.. Видсида!.. Видсида!..

Я едва не позабыл, зачем пришел в Хеорот, но теперь взволнованно вскочил. Кто он, Видсид, — житель здешней округи, а может, и нет? Надежда меня не обманула. Взглянув туда, где сильнее всего кричали, я увидел Голиаса, который шел к почетному столу. Вспрыгнув на возвышение, он поклонился королю, а затем повернулся к нам.

Где старый друг, там и дом. Я радостно смотрел на него, предвкушая наше воссоединение. Как и на мне, на нем была теперь новая одежда. Он был разодет как щеголь: в ярком желтом жакете и зеленых штанах в обтяжку. Обут он был в короткие сапожки. Кроме того, он подкоротил волосы. Однако, изменив внешность, все же остался прежним Голиасом. Движения его были по-прежнему оживлены, и на лице написан интерес ко всему, что бы он ни делал.

— Что вам сегодня спеть? — улыбаясь, спросил Голиас. Только сейчас я заметил, что через плечо у него подвешена небольшая арфа. Он рассеянно настраивал ее, пока мы обсуждали этот вопрос.

— Давай-ка «Стоянку Уолтера»!

— «Сигмунда Сиггерсбейна».

— Нет, лучше «Сожженный Финсбург».

— Это мы слышали вчера.

— А как насчет «Хельги, убийцы Хундинга»?

— Что-нибудь новое! Что-нибудь новое!

Голиас поднял руку.

— Хотите что-нибудь новое? — спросил он, когда зал успокоился.

— Да! — взревели все, и я вместе с ними, устав сидеть молча.

— Хорошо, наполняйте чаши, чтобы было чем смочить горло, когда пересохнет во рту. — Он улыбался нам, а мы — ему. — И теперь шуметь здесь буду только я. Ясно?

— Ясно! — ответили мы хором.

— Ну хорошо. — Выждав какое-то время, он взял несколько аккордов, чтобы привлечь наше внимание. — То, что я вам сейчас спою, — сообщил он, — называется «Смерть Бауи Глоткореза».

Суров был слух для старого Хьюстона Ворона:
Трусы бежали тайком из твердыни в Бексаре,
Бросив собратьев в беде беззащитными перед бесчинством
Лютых орд, лавиной лихой накативших
В надежде князя низвергнуть. Вникнув в новость,
Правитель, преступно преданный, не устрашился:
Закаленный злобой врагов, он замыслил
Мщенье монарха могущественного обрушить.
Разом он принял решенье разумное — вызвать
Тана того, чья толковость признана всеми.
— Слуги! — скрипнул зубами. — Скачите скорее за Бауи!
— Бауи! — бравому воину буркнул он хмуро.
(Поклоном почтил повелителя, тотчас послушно явившись,
Грозный герой.) — Говорю: гони что есть мочи!
Крепость к рукам прибери — иль круши без пощады.
Делай, что надо, а не под силу — делай, что должен.

Мы приветствовали решение Бауи и, конечно же, выпили за его успех. Голиас, поощряя наше сочувствие, тоже приложился к ковшу и продолжал:

Слава пристрастна к своим сыновьям, прогремевшим
Бесстрашье в бою, — Бауи был тут первым.
Попомнят потомки противоборство в Натчезе!
Натиск недругов — до полусотни — ножом отразил он,
Храбро орудуя им и с хрустом хребты ломая,
Вгрызаясь во внутренности врагов. Во многих войнах
Верх он взял, ведя за собою войско;
Стяжал он себе сокровищ на море и на суше
Груды и груды — горы богатств: говорилось —
Тролли, тревожась, в тайник серебро схоронили.
Без промедленья прибыл Бауи в Бексар.
Грозный приказ гарнизону геройскому отдал:
— Хьюстон Ворон войско вскоре хочет вести:
Времени вдоволь — вот что всего важнее.
Владений врагу не видать вовеки:
Будем в бою бастион отстаивать беззаветно.
Потоком противник прихлынул к Бексару,
Пытаясь плотину прорвать укреплений.
Во власти Вирда — сразить иль возвысить:
Бесстрашный Бауи битву впервые
Проиграл, к постели прикован горячкой,
Мучаясь молча. Но мощью духа
Памятовал порученье он прочно.
— Смелее, соколы! — сказал он соратникам. —
Бодритесь, приятели: победа будет за нами!

Жадно жаждали славы жизнелюбивые таны,
Сильные в сече, стойкие в смертных сшибках.
Каждый рвался в резню — колоть и рубить рьяно.
Верны вождям воины — Ворону Хьюстону,
Могучему в брани Медведю Бауи.

Двенадцать дней длился дружный отпор:
Смогут ли сотне столь долго противиться десять?
Вспять волна устремилась. Усталые вои
Дважды дружины дикие прочь прогоняли.
Третий раз, мощным молотом Тора стены
Руша, рати ринулись бурно в Бексар.
Крепость кровью кропилась — круто
Пришлось нападавшим: немалая плата
Ждала желавших ворваться в жилище,
Где герои грозные их поражали
Насмерть, неколебимо на страже стоя.
Всяк десяти дерзостным выи сгибал,
Суставы выдергивал, в сердце вонзал оружье:
Такую вот виру взимали с врагов таны.

Всем это пришлось по душе, в чем Голиас не сомневался. Махнув нам рукой, он взялся за ковш.

Тринадцатый тан тяжелым снопом падал —
Дюжина дальше дралась достойно.
Задыхаясь, загнаны в угол, за каждую пядь
Жертвуя жизнью, жгучим восторгом
Полководцы полнились, погибая вместе.
Прижатый плотно к проходу, огненно-рыжий
Травис, трижды удар топора принявший,
С расколотым черепом, четверых с размаху
Кинул на камни, кишки выпуская наружу.
Настал тут конец ему. Крокетт неукротимый
(Топнет только, забывшись, — земля трясется)
Смерть нашел, на семи остриях наколот.
Кимбалл, конников командир, пал точно так же;
Безбоязненно Бонхэм бросился прямо на пики.

Полубезумные от потерь, победители не желали
Мира и с мертвыми — терзали трупы,
Страшась сохранившейся слабой искры,
Способной смутить их самоуправство.
При подсчете павших послышались крики:
— Бауи буйный бунт учинит и бойню!
Пускай поищут проклятого супостата!

Порыщите повсюду — пощады ему не будет.
Нашли его навзничь на ложе простертым:
Лихорадка лишила любимца баталий
Прежней прыти — пламенный взор потухнул.
Накинулись нагло, но тут же назад отступили
В постыдной панике прочь. С одра поднялся
Беспамятства, Бауи, бывший без сил, без дыханья;
Грянул громом на недругов Глоткорез, гибель обрушил
На тьмы и тьмы, тщетно напасти бежавших,
Так кончил дни тан, колец дарителя твердый
Сердцем сторонник, слуга Хьюстона Ворона верный:
Множеством мертвых тел отомщен могучий властитель!

Мне, как и всем, было ясно, что Бауи достиг своей цели и победил в борьбе. Мы радовались, что гибель его не осталась неотомщенной. Мы приветствовали Бауи Глоткореза, Хьюстона Ворона и Голиаса и с воодушевлением выпили за каждого из них.

Я был горд, что у меня такой друг. Я не хвалился, что знаком с ним, но волнение так и распирало меня. Я тронул локоть соседа, с которым уже успел познакомиться.

— Круто же он загнул — верно, Хок?

— Кто, Видсид? — Хоку понадобилось время, чтобы сосредоточить свой взгляд на мне. — Послушай: я тебе кое-что про него совру. Не знаю, как там насчет слов песни — хотя от него я готов выслушать все что угодно,. — но голос у него, как колокол к обеду. Впрочем, собаку он заставит бросить кость, чтобы послушать его, а блоху — спрыгнуть с собаки. Его научила петь русалка, с которой он переспал в Скаггераке. Так говорят, не думай, что я это сам сочинил. Что бы там ни было — другие певцы в сравнении с ним каркают, как вороны. Выпьем за него!

Голиас вернулся на свое место, но было бесполезно пробираться к нему в такой давке. Я остался за столом в кругу своих новых знакомых, радостно сознавая, что друг где-то поблизости. Веселье продолжалось, к тому же король, в отличие от Робина, не торопился закупоривать бочку.

Соревнование оказалось для меня нелегким. Парням было не занимать ни усердия, ни опыта. Которые помоложе, уже отключились, но старшие еще держа-

лись. Тем не менее я решил, что следует прогуляться, чтобы не испортить следующий день. Ел я не меньше, чем пил, и потому чувствовал себя неплохо. Я даже гордился своей ровной походкой, хотя тень моя двигалась не так уверенно. Но небольшая тренировка исправила этот недостаток. Часа два погуляв по гавани, я вернулся голодный. Не отказался бы я и от кружки меда на ночь.

К тому времени обстановка в Хеороте переменилась. Теперь зал напоминал поле битвы после изнурительного сражения. Люди спали на столах и под столами; сидели на скамьях, уронив голову на стол, и лежали на полу, закинув ноги на скамью. Над недвижными телами, мощный, словно грохот подземки, стоял храп.

Тускло горели факелы, и я подумал, что на сегодня уже все окончено. Вдруг один факел разгорелся, осветив королевский стол. Мед и здесь оказался победителем, но небольшой гарнизон из двух человек все еще держался. Подойдя поближе, я узнал Беовульфа и Голиаса.

Голиас, увидев меня, сразу же вскочил.

— Хо! Шендон, — воскликнул он, поспешив навстречу мне. — Вот молодец! А я-то уже беспокоился о тебе.

В его голосе звучало дружеское тепло, и радость моя увеличилась. Не удовольствовавшись рукопожатием, я хлопнул его по плечу.

— Я уж и не ожидал тебя увидеть, — сказал я. — Думал, что ты попал в волчье брюхо вместе с другими парнями Бродира.

— Ты же как-то выбрался, — ответил он, проницательно взглянув на меня. — И это замечательно.

Я чувствовал, что он думает обо мне лучше, чем я того заслуживаю.

— Видишь ли, я не знал, к какому дьяволу следует направляться, и пару раз вполне мог тебя подвести, если бы угодил в переплет.

— Дело случая. — Он все еще изучал меня. — Трудно тебе пришлось?

Вопрос захватил меня врасплох, и я задумался. Кто готов сознаться в поступках, заставляющих корчиться от стыда?

— Да, в общем-то я доволен, что побывал в рукопашной. А как ты попутешествовал?

— Просто чудесно! Поначалу прикинулся мертвецом, и меня вытащили на поле, в пищу воронам. Я был весь в чужой крови, но они об этом не догадались. Когда я ожил, можно было отступить к западу, и я стал отступать... Давай-ка за стол, выпьешь с нами меда. Как видишь, — он указал на спящих, — лучшую часть пирушки ты пропустил.

Я объяснил, что здесь уже не первый раз. Мы подошли к столу. Я ожидал, что Голиас представит меня Беовульфу. Голиас нашел для меня кружку, я взял хлеб и большой кусок сыра, и мы сели за стол.

— Ты не против, если мы обменяемся новостями, верно, Вульф?

Голиас наполнил все три кружки вровень с краями, но наружу не перелился ни один пузырек пены.

— Я пришел сюда, чтобы встретиться с этим парнем. Нам с ним предстоят кой-какие дела.

— Валяйте. — Беовульф держался непринужденно, и это мне особенно нравилось в нем. — Целых три дня все только обо мне и толкуют. Я буду рад послушать о чем-нибудь другом.

— Наслушаешься вдоволь, — пообещал Голиас. — Ну-ка, на чем я остановился?

Эта осечка памяти была единственным свидетельством его участия в суровой схватке, из которой они с Беовульфом вышли единственными достойными победителями. Я с почтением склонил перед ними голову.

— Ты направился на запад, — напомнил я ему.

— Да, я пошел на запад — дальше, чем хотелось бы, потому что отряд Брайана заметил меня и преследовал до Босс Арден. Улизнув от врагов, я отдышался и двинулся на юго-восток, впутался в охоту на Калидонского вепря и, сбившись с пути во время погони, завернул пообедать к Бикриу. Он пройдоха, но прочая компания — приличные люди. Затем отправился к Королю-Рыбаку и провел пару ночей с Арджуной, Бхимой и остальными; навестил Пуйла — но его не оказалось дома, меня принял Аран — хороший парень! Вот так.

Мы выпили, и Голиас продолжал:

— От Пуйла я мог бы прямиком направиться сюда, но встретил Роланда. Как он разъярен!.. Черт побери, я знаю Роланда много лет, но нам было не до воспоминаний. Он крушит лес в щепки и разбивает скалы! Пришлось мне взять западнее. Так я и шел, не поворачивая на юг, до самого Терне Вателина. — Он снова осушил кружку.

— Да, Грэлент — я сказал тебе, что встретил Грэлента? — был со своей милашкой, с ней была ее подруга. Бедняжка скучала одна, но мы с ней поладили. Просто чудо! — он поцеловал кончики пальцев. — Но я должен был встретиться с тобой. К тому же она хотела взять меня на прикол. Всю ночь я шел, желая выйти из Броселианского леса, пересек Троянские степи, где чуть не погиб вместе с Игорем. Но Игоря взяли в плен, а я освободился и добрался до Уотлинг-стрит.

Голиас снова наполнил кружки, но я отставил свою в сторону.

— Надо признать, встреча с Роландом меня подстегнула. Я достиг дороги неподалеку от Тильбюритауна, затем взял на восток и поужинал в Вудлэндз, где Джонни Как-Бишь-Его снабдил меня этим барахлишком. Вчера я пришел сюда. А как поживает Робин?

Я не говорил ему о встрече с Робином, но, наверное, зеленый костюм был Голиасу известен. Опуская излишние, на мой взгляд, подробности, я описал ему свои приключения с момента смерти Брайана. Я старался не смотреть Голиасу в глаза, но он был слишком проницателен, чтобы ничего не заметить. Хотя мне казалось, что я выказывал достаточно сдержанности, упоминая Розалетту, он видел меня насквозь.

— Прелесть что за девушка, а?

Я почувствовал, что краснею, но попытался напустить на себя беспечность.

— Хорошенькая, — я зевнул, — но еще ребенок.

— Молода, однако очень мила, — подытожил Голиас. — Сердечко-то она тебе укусила.

Беовульф выглядел так, если бы не слышал ни слова из нашего разговора. Почувствовав смущение, я разозлился на Голиаса. Он это заметил и засмеялся.

— Не огорчайся. Сердце твое исцелится, если уже не исцелилось, и станет от этого только сильней. Чокнемся!

— Что нас ждет дальше? — спросил я, чтобы сменить предмет разговора... — У тебя есть какие-то планы?

Голиас посерьезнел.

— Да, я знаю, какие задачи мне предстоят, и хотел бы, чтобы ты присоединился ко мне. Но предупреждаю: впереди долгий и трудный путь.

— Дело привычное, — ответил я, пожав плечами. Упоминание о Розалетте погрузило меня в меланхолию, и я почувствовал, что вновь теряю душевное равновесие. — Что ты затеваешь?

Голиас разлил мед, и на этот раз я подставил свою кружку.

— Я снова прошу нас извинить, Вульф, — сказал Голиас, — но послушай тоже. Возможно, нам понадобится твой совет.

— Никаких извинений, — заверил его Беовульф, — если затевается стоящее дело, его надо обсудить.

— Видишь ли, — Голиас повернулся ко мне. — За день до того, как я встретился с Джонни, меня угощал на постоялом дворе один юноша. Он же и приютил меня на ночь. Зовут его Луций Дж. Джонс, второе имя произносится как Джил. Какая ему корысть оплачивать мои счета, кроме той, что я не при деньгах, а он хороший парень?

— Не такой неразговорчивый, как ты, — продолжал он, когда я ограничился простым кивком, — но легко откупоривается вслед за третьей или четвертой бутылкой. Так вот, он рассказал мне о том, что не дает ему покоя. Я всегда с охотой слушаю тех, кто меня угощает, но тут и я в самом деле заинтересовался. И потому слушал не с таким безразличным видом, как ты сейчас.

— Я слишком устал, — заметил я в оправдание. Так оно и было. Долгий пеший путь и обильная вы-

пивка в конце концов сломили меня. Оживление испарилось, и голова налилась тяжестью. Каждой клеточкой своего тела я чувствовал, что уже глубокая ночь. Мне хотелось спать, и я бы охотнее всего поискал свободное место на скамье, но не был уверен, что доберусь до нее.

— Мы все скоро отрубимся, — пообещал Голиас. — Так вот, этот Джонс сказал мне, что против него все обстоятельства. Он не может жениться на любимой девушке, ему негде жить, и он не имеет ни определенного занятия, ни постоянного дохода.

Вместо того чтобы посочувствовать Джонсу, я пожалел себя. Ведь не только он не может жениться на любимой девушке. И если я ничего не могу сделать для себя на этот счет, что толку говорить о каком-то незнакомце?

— Он хочет, чтобы ему подарили весь мир, обвязанный розовой ленточкой, а самому чтобы и палец о палец не ударить. Пусть займется чем-нибудь серьезным и не ноет.

Голиас в изумлении приподнял брови.

— Он всерьез намерен заняться делом, но это не так-то просто.

— Но чем мы можем ему помочь? — упорствовал я. — Мы оба сидим без денег, и я вдобавок сам не уверен, найду ли себе здесь работу.

— Вот я тебе и предлагаю дело, — настаивал Голиас. — Наверное, ты не совсем разобрался, Шендон. Это очень серьезно. В сущности, парень нуждается во всем, что необходимо для жизни. Мужчина должен знать, чему посвятить жизнь, кого любить, с кем дружить и как добывать деньги. Это как опоры, без которых невозможно ходить. Что может быть интересней или важней?

— Не для него, полагаю.

— Для нас! — фыркнул он. — Брать города, сражаться с чудовищами, — выбирай что хочешь. Вот дела, достойные того, чтобы, свершая их, умереть. И наша затея стоит того, даже если иные делосские глупцы и заморочили бы тебе голову.

Меня уже мутило от выпивки, но я все же отхлебнул из кружки.

— Что нам предстоит делать? — спросил я.

— Речь идет о жизни и смерти. Предупреждаю, придется несладко, но ведь Джонс обошелся со мной как с братом, хотя сам почти что нищий. Итак, по рукам?

Я уже почти что засыпал, и тем не менее мозг мой работал с трезвостью, которая иногда приходит в последние часы затянувшегося застолья. Какое мне дело, что тот парень — благодетель Голиаса? Это не причина, чтобы подставлять голову под топор. Я чувствовал, что сыт по горло приключениями в чужих странах.

От Голиаса не ускользнули мои колебания.

— Ничего страшного, если ты и откажешься, — проговорил Голиас, но голос его уже не звучал с прежней теплотой. — Я, например, всегда стремлюсь в Романию и не ухожу, пока не наступит развязка, но если ты смотришь на сторону, мы найдем способ доставить тебя домой.

Я тут же представил, как лежу на кровати в уютной чикагской квартирке, задремывая под мурлыканье радиоприемника. Конечно, мне жаль расстаться с Голиасом, но если он собирается шляться по городам и весям, устраивая чью-то жизнь, мне-то что за дело? Но едва я приоткрыл рот, чтобы ответить, как Беовульф внимательно взглянул на меня, ожидая моего решения. Слова застряли у меня в горле. Вспомнив, что сам Беовульф тоже пришел на помощь чужеземцам, я просто не в силах был при нем отказать другу, нуждающемуся в моей помощи. Я пожалел о своей нерешительности и срочно закашлялся.

— Попало не в то горло, першит, — объяснил я. — Конечно, Голиас, конечно. Можешь на меня рассчитывать. О чем разговор?

ПЕРЕХОД ВТОРОЙ

Вдоль по дороге.
Город.
На реке и за рекой

11. Опасное предприятие

Допив мед, Голиас взглянул на Беовульфа.

— Не пора ли спать?

Беовульф заглянул в пустую кружку и перевернул ее.

— Да, — решил он. — Ты возьмешься за руки или за ноги?

Я поднялся, чтобы сопроводить их, но далеко идти не пришлось. На длинной скамье спали люди — кто сидя, кто лежа. Голиас с Беовульфом снимали одного за другим и перекладывали на пол.

— Места здесь хватит нам всем, — заключил Голиас. — Доброй ночи, Шендон. Доброй ночи, Беовульф. Аха-ха!

Прежде чем улечься на жесткой скамье, я в последний раз с тоской вспомнил о белоснежных простынях. Но спалось мне хорошо. Позавтракали мы уже в полдень. К моему изумлению, Голиас и Беовульф совершенно не страдали от похмелья, хотя все мы притихли. Вечером легли пораньше, и на следующее утро мы с Голиасом отправились в путь.

День был бодрый, солнечный — в самый раз для путешествия. Чувствовал я себя превосходно, особенно в сравнении со вчерашним днем. Но не только бодрое самочувствие способствовало великолепному настроению. Я был доволен собой. Я не подвел Голиаса. Я выбрал действие вместо ничегонеделания. Грудь моего мужества поросла шерстью, а в душе теплился огонек любопытства.

Прощанье было недолгим, и через двадцать пять минут мы уже достигли Уотлинг-стрит. Восточный указатель приглашал нас в Дериабар, на конец полуострова, но мы развернулись и отправились на запад. Перед нами открылись просторы Романии.

Дорога была словно предназначена для пешей ходьбы. Хорошо утоптанная, не пыльная, не грязная и не изъезженная колеями. В ней отсутствовали изъяны, свойственные даже хорошим дорогам. Не прямая и не плоская, она лишь частично открывала обзор; виды, которые нам открывались, постоянно менялись и отличались разнообразием.

Голиас сразу же взял хорошую скорость. К счастью, я уже успел поразмять ноги, блуждая в Броселианском лесу. Передвигаясь быстро, разъяснил Голиас, можно позволить себе в пути некоторые поблажки и вместе с тем не опоздать на рандеву, назначенное на послезавтра. Мы останавливались ненадолго в придорожных харчевнях; в жару освежали себя купанием и задерживались, если попадалось что-либо стоящее внимания.

По дороге случалось всякое, но только одна встреча особенно запомнилась мне. Близ некоего города мы повстречали местного правителя на прогулке с небольшим отрядом телохранителей. Начальник стражи велел очистить путь, ткнув в нашу сторону большим пальцем. Мы посторонились — и тут же отскочили. Наше проворство спасло нам жизнь. Мимо нас промчалась на всем скаку молодая всадница. Пред королем она осадила лошадь, подняв ее на дыбы, и затем отбросила вуаль. Девушка была красива, но навряд ли бы ею залюбовался тот, против кого она пылала гневом.

Мы остановились посмотреть, что последует далее. И его величество остановился — а кто бы поступил иначе?

— Донью Химену мы всегда рады приветствовать, — заявил он. Однако не похоже было, что он и вправду рад этой встрече.

Голос девушки соответствовал ее внешности. Но так как она не питала ко мне вражды, он показался мне приятным.

— Донья Химена надеется, что ваше величество, не изменив своей благосклонности, соизволит выслушать свою подопечную.

Король, откашлявшись, прочистил горло.

— Неужели вы в этом сомневаетесь?

— Сэр, — начала она безо всякой разминки, — известно ли вам, что Рюй Диас де Бивар убил моего отца?

— Да, слухи об этом до меня доходили. — Король был похож на человека, худшие опасения которого сбываются. — Очень сожалею, но подобные инциденты не исключены, если мужчины враждуют.

Король хотел еще что-то сказать, но просительница прервала его:

— Как подданная, которая ищет защиты у суверена, я требую справедливости.

Мне подумалось, что эта девушка никому не даст спуска, требуя око за око и зуб за зуб. Взглянув на короля, я понял, что и он думает то же самое.

— Мне сказали, что ваш отец погиб в честном поединке... Что я могу для вас сделать?

— Отдайте мне его! — воскликнула девушка. — Вернее, отдайте меня ему в жены. Рюй Диас отнял единственного мужчину, который у меня был, — да и кому бы еще я могла принадлежать? Я прошу — и как король вы не можете отказать мне — мужчину взамен мужчины.

Облегчение, изобразившееся на лице короля, можно было сравнить только с моей растерянностью.

— Такого я еще не видывал, — обронил я, когда мы продолжили наш путь.

— Погоди, пройдем немного дальше — то ли еще увидишь! — заверил меня Голиас.

Короля мы повстречали на второй день нашего путешествия. К полудню мы достигли нашей цели. Это была небольшая харчевня под названием «Королева Гусиные Лапы» в городке, именуемом Гипата. Второй и третий этажи выдавались над первым, нависая над узкой улочкой.

Но меня не заботило, как выглядит гостиница. Я был зверски голоден, и в горле у меня пересохло. Когда я услышал звяканье бокалов и тарелок, доносившееся

через открытую дверь, мое нетерпение достигло высшей точки. Но мне не так сильно хотелось есть, как пить. Уже с полчаса я предвкушал, как залью свою жажду холодным пивом. Дверь гостиницы была открыта, что сулило скорейшие оправдания моих надежд. Мы уже переходили улицу, как вдруг Голиас толкнул меня локтем. И очень вовремя, так как мужчина, высунувшийся из окна второго этажа, выпалил в меня из пистолета, но промахнулся.

До этого на улице было тихо. Теперь все переменилось. Из-за занавески выглянула женщина и стала призывать караул. Из соседнего окна послышалась ругань. На оскорбления мне было наплевать: больше всего меня занимало оружие, из которого в меня стреляли. Оно напоминало обрез. К счастью, пуля всего лишь оцарапала мне костяшки пальцев, а автоматически пистолет не перезаряжался. В окне показалась вторая женщина и во всеуслышание объявила, какого рода заведение она содержит. В ответ послышался отчаянный визг совсем молоденькой девушки, которая вопила, что пусть этот гуляка-кот и думать забудет впредь о ее постели. Внутри дома также слышались вопли, хлопанье дверей и топот башмаков по лестнице.

Виновник всей этой суматохи, однако, и не пытался оправдываться. Он тяжело приземлился без помощи парашюта, однако не получил ни ушибов, ни царапин. Мгновенно опомнившись от падения, он вскочил на ноги и, даже не отряхнувшись, дал стрекача.

Я все еще обсасывал свои костяшки, когда Голиас схватил меня за руку.

— Бежим! — крикнул он. — Мы не должны его упустить.

С этими словами он понесся вслед за беглецом, а я неохотно поковылял вдогонку. Меня разбирала досада, что приходится оставлять гостиницу, когда я уже вот-вот поднес кружку пива ко рту. Причем надо было бежать — а я так проголодался и устал! Раздражение мое возрастало, и я не слишком-то усердствовал в пробежке, пока не услыхал у себя за спиной крики. Сообразив, что могу быть пойман как соучастник, я наддал ходу.

К счастью, наши преследователи не оказались рекордсменами. Нырнув в боковую улочку и перебежав по ней на соседнюю, мы оторвались от погони. Я сообщил это незнакомцу с Голиасом. Теперь мое раздражение обрушилось на них.

Голиас не разделял моей досады. Напротив, улыбнулся нам с незнакомцем, как если бы между нами уже существовала какая-то связь.

— Шендон, — выпалил он, — позволь тебе представить Луция Дж. Джонса.

Не смущаясь обстоятельствами знакомства, юноша протянул мне руку. Он был миловиден, хорошо сложен, подтянут, с волосами чуть рыжеватого оттенка. Но не красота его подкупила меня. Лицо юноши сияло таким добродушием, что моя злость вмиг испарилась. Несмотря на колотье в боку и исцарапанную руку, я не мог не улыбнуться ему в ответ.

— Вас всюду так встречают? — осведомился я.

Он хмыкнул.

— Много шума из ничего.

— Между прочим, через улицу отсюда — трактир «Голова Сарацина», — сообщил Голиас.

— Ты отправился на поиски Шендона, — начал свой рассказ Джонс, когда мы уселись за стол. — А я остался тебя ждать. Заняться мне было нечем... Да, а та девушка — она тоже присоединилась к моим критикам?

— Если вы имеете в виду девицу, которая оповестила весь белый свет, что вы — сукин сын, то да, — уточнил я.

— Это одна из служанок, — разъяснил Джонс. — Забавное недоразумение, не правда ли? Но я тут совершенно не при чем, — заверил он нас.

Принесли пиво. Мы осушили кружки и с облегчением перевели дух.

— Не знаю, какие выводы вы сделали, ознакомившись с ее мнением, — продолжал Луций, — но наши отношения были чисто дружескими. У нее могли быть причины для недовольства, но она никогда не жаловалась. Я, со своей стороны, был верен ей все то время, пока мы находились вместе. Из-за строгостей, предъявляемых к служанкам, встречались мы только по

ночам. Но ведь оставались еще и дни... Случилось так, что в соседний с моим номер позавчера въехала женщина. Забота о репутации не позволяла ей принимать посетителей по вечерам, но врач, по ее словам, прописал ей сон после обеда. Попутно красотка намекнула мне, что она — не из тех робких дам, которые склонны запирать дверь. Моя новая знакомая была так разговорчива, что я до сих пор не могу понять, отчего она не сообщила мне, что вечером приезжает ее муж. Скорее всего, она и сама об этом не подозревала.

Джонс вытащил из пива муху.

— Так или иначе, супруг заявился как раз перед вашим приходом, и хозяйка гостиницы проводила его в комнату жены. Трое слуг несли его пожитки, а служанка (та самая, что вообразила, будто имеет права на мою персону) держала поднос с ужином. К счастью, я оказался предусмотрительней, нежели дама, которая немедленно принялась вопить: «Насилуют!», едва заслышала голос мужа, и потому загодя запер дверь. Пока они ломились, я успел одеться. Мне стало ясно, что я пришелся обществу не по нраву, и потому постарался избежать непосредственного контакта.

— В другой раз, когда в тебя будут стрелять, лови пули сам, — предложил я рассказчику.

Впервые за все время Джонс посерьезнел.

— Очень сочувствую тебе, Шендон. Представляю, как тебе досадно. Если человека убивают, он должен хотя бы сознавать, что заслужил это.

— Возможно, он и заслужил, чтобы его подстрелили, но только где-нибудь в другом месте, — заметил Голиас. — Мало кто из нас, мужчин, не заслужил пули, и уж совсем редко кто приходился мужьям по нраву. Кстати, как насчет твоих пожитков?

Джонс, растерянно помолчав, сказал:

— Знаешь, с отступлением я справился неплохо, но мои пожитки, честное слово, из головы у меня вылетели начисто.

— Кому-нибудь из нас придется их забрать, — предложил Голиас. — А счет за гостиницу ты оплатил?

— До вчерашнего полудня. У меня хватит денег, чтобы рассчитаться с ними полностью, но за ужин заплати ты.

Голиас принял это предложение так же естественно, как оно было сделано. Порывшись в карманах, он достал пару золотых браслетов.

— Мне их подарил король Хротгар. Ты, Шендон, видел его в Хеороте. Камни в восемнадцать каратов. Завтра я их продам, и у нас заведутся денежки.

После ужина мы сняли на ночь комнату. Джонс заказал бутылку вина (портвейн с примесью бренди, как мне показалось), и мы уютно расположились в углу распивочной. Здесь курили, но не сигареты и не сигары, а трубки, набитые табаком. Моих товарищей это не заинтересовало, но я с удовольствием выкурил несколько трубок, пока мы проводили военный совет.

— Изложи Шендону наши задачи, — предложил Голиас. — Я ему только вкратце обрисовал твои сложности. Все сведения лучше получать из первых рук.

До сих пор Джонс сохранял уравновешенность. Теперь же он вспыхнул, обнаружив свою молодость.

— Мужчине не пристало распространяться о подобных вещах, но я нуждаюсь в помощи, а вы великодушно предлагаете мне содействие. Я, впрочем, не уверен, что из этого что-то выйдет.

— Валяй рассказывай, если уж надумал.

— Думай не думай, а деваться некуда. Я, как уже известно Голиасу, из тех несчастных, которые находят облегчение, выбалтывая другим свои дела. — Он с горестным видом усмехнулся. — Нелегко признаваться посторонним, что воспитывался в роскоши. Но раз уж вы взялись слушать, я не утомлю вас подробностями и скажу, что так оно и было. Я никогда не задумывался, есть ли у меня враги. И меня не учили ничему другому, как только владеть землей.

— Так ты, стало быть, фермер? — спросил я.

Джонс улыбнулся.

— У нас таких, как я, называют «барон». И заботиться о плодородии земли — это еще не все. Ведь на земле живут люди. Они должны быть здоровы, иметь работу, образование... Порой их надо вызволять из тюрьмы, по необходимости наказывать, помогать в затруднениях. Для меня это лучшее занятие в мире. Да другого я и не знаю.

До сих пор я не замечал в нем идеалистических черточек. Вынув трубку изо рта, я ткнул в сторону Джонса чубуком.

— Но теперь вы этим не занимаетесь.

— Нет, черт побери! Да и прочих дел никак не могу устроить. Конечно, я сам во многом виноват, но у меня есть враги. О них поговорим позже. Я и не думал, что должен унаследовать дедушкин титул. Ведь следующим по старшинству был отец. Но он бесследно исчез.

— А вы не пытались искать его?

— Мой дедушка — я тогда был еще ребенком — так и не выяснил, что же случилось и кто замешан в этом деле. И только недавно я счел себя вправе считать, что во всем виноват был дон Родриго Монкс Раван. Это мой кузен — если допустить, что я законнорожденный.

Сделав подряд две затяжки, я пропустил его замечание мимо ушей.

— А почему вы думаете, что он-то и есть чертик в табакерке?

Джонс ответил уклончиво:

— Он не выказывал ко мне никакой вражды, пока мне не посчастливилось составить хорошую партию. Мою невесту высоко ценят в свете, а я приобретаю в ней величайшее счастье в жизни. — Джонс широко улыбнулся. — Дон Родриго тоже сватался к ней, но получил отказ. Однако он все еще домогается ее руки или, вернее, той собственности, наследницей которой она является. Он представил какие-то свидетельства, доказывающие, что я рожден вне брака.

— И что из того? — спросил я.

Голиас с удивлением скосил на меня глаз; Джонс был озадачен ничуть не менее.

— Видите ли, моему дедушке — а он весьма почтенный старый джентльмен — было бы безразлично, будь я бастардом его сына. Однако обвинение легло на мою покойную мать. Собственность передается по праву крови, а сейчас дедушка убежден, что я ему не родня.

— А этот самый Раван?

Джонс с горечью засмеялся.

— Неужели и вы в это поверите? Не думал я, что лорд Раван станет наследником... Даже когда старшего кузена застрелили на большой дороге. (Это случилось совсем недавно.) Но теперь оба его соперника устранены. Выходит, наследник теперь лорд Раван.

Да, получалось, что у лорда Равана лучше не путаться под ногами. Мне оставалось только покачать головой, невольно восхищаясь его методами.

— Так вот одним махом, не снимая ног со стола, он лишил вас семьи и невесты и попутно обзавелся состоянием? А что он имел против вашего предка?

— Моего отца, если я и в самом деле ему сын? — Джонс покачал головой. — Не знаю. И потому неизвестно, за что зацепиться.

— Об этом не беспокойся, — сказал Голиас, — расскажи-ка Шендону, почему ты не живешь дома.

— Мне там не слишком-то рады. — Джонс окунул палец в лужицу вина на столе и стал выводить узоры. — Если нельзя остаться — приходится уходить. Но я пытаюсь сделать большее. Я верю, что буду жить на своей земле. Для этого надо подтвердить, что я законный наследник. Я уже взялся искать доказательства, когда встретил Голиаса — там, в «Королеве Гусиные Лапы».

Но был еще вопрос, которого мы не коснулись.

— А что та девушка? Заботит ли ее ваше свидетельство о рождении? — Наверное, ее беспокоит, сможете ли вы жить в достатке?

— Предположим, ей захочется есть, — вставил Голиас.

— Я уверен, — возразил Джонс, — что она не придает значения ни деньгам, ни титулу.

Вскочив на ноги, он поднял бокал.

— Джентльмены, я предлагаю выпить за леди Гермиону Стейнгерд ап Готорн.

— Что-то не могу вспомнить, — задумчиво пробормотал Голиас. — Она, случайно, не из рода старого скряги Пенкора?

— Итак, — повторил Джонс, пропустив мимо ушей замечание Голиаса, — я предлагаю тост за очаровательную Гермиону Стейнгерд ап Готорн. Эта девушка, невзирая на обстоятельства, пойдет куда угод-

но за человеком, которого... — Он залпом осушил бокал. Рука его безвольно упала, и последние капли вина стекли на пол... — которого полюбит, — добавил он шепотом.

Концовка тоста повергла меня в изумление.

— Но ведь ты говорил, что она тебя любила?

— Несомненно. — Усаживаясь на место, он задумчиво наполнил бокал. — Да, именно так — любила. А потом случилось вот что. Колдунья — подозреваю, что не обошлось тут без дона Родриго, — наложила на нас заклятие.

— Какого свойства? — живо спросил Голиас, прежде чем я успел что-то сказать.

— Она разбила наш союз. Все наши встречи с тех пор заканчиваются горькими недоразумениями. Но это еще не все, — продолжал он, жестом останавливая Голиаса, который снова хотел вмешаться. — По-видимому, дон Раван или кто-то другой рассказал Гермионе о грешках моей юности и настроил девушку против меня.

Он вздохнул. Я и сам едва не вздохнул, подумав о Розалетте. Но тут я вспомнил, при каких обстоятельствах мы с ним познакомились.

— Именно это заклятие и довлело над вами, когда вы падали из окна?

Прочувствованность Джонса словно рукой сняло. Взглянув на меня, он смущенно хмыкнул.

— Я не пожалел сил, чтобы доказать обратное, не правда ли? Но я знаю себя лучше, чем свидетели моих проступков. В настоящее время моя душа, которую Гермиона не отвергает, живет иной жизнью, чем плоть, девушкой презираемая. Только с благословения моей невесты они воссоединятся на вершине, к коей обе устремлены.

Однако на моем разбуженном скептицизме шерсть все еще стояла дыбом.

— Вы искренне так считаете или только говорите ради красного словца?

Джонс приложил руку к сердцу.

— Клянусь вам, Шендон, что если бы Гермиона не лишила меня своей благосклонности, я бы на женщин и смотреть не стал.

— Что ж, подумаем, можно ли исправить дело. — Голиас сделал знак разносчику. — В противном случае подыщем тебе столь же очаровательную особу.

Джонс посуровел.

— Женщины, равной ей, не существует.

— Я не имел чести знать леди Гермиону, но не сомневаюсь, что она выше всяких похвал, — поддакнул Голиас. — Однако справиться с заклятием — дело нелегкое, и в Романии, насколько мне известно, вполне достаточно достойных знакомств...

— Только не для меня! — упорствовал Джонс. Он резко подался вперед. — Это не прихоть, джентльмены. Много лет назад гадалка предсказала мне, что если я не женюсь на дочери Готорна, то умру холостым.

И к предсказанию Голиас отнесся столь же серьезно, как и к заклятию.

— Это меняет дело, — решил он. — Что ж, тогда мы приложим все усилия, чтобы завоевать твою суженую.

Джонс не находил слов для благодарности. Тем временем принесли новую бутылку. Мы молча дождались, пока ее откупорят. Итак, Джонс поведал о своих затруднениях. Но чем предстояло заниматься мне, как его добровольному союзнику?

— Ты говорил, — напомнил я Луцию, когда слуга ушел, — что сначала необходимо доказать права на наследство.

— От этого зависит исход всего дела, — подтвердил Джонс. — Разве я допущу, чтобы моя милая стала женою нищего?

— Старик Готорн проклянет вас, прежде чем это случится, — заверил Голиас. — Когда мы впервые встретились, ты сказал, что собираешься разыскать Равана и выжать из него истину. Ты еще не передумал?

— Нет. Я говорил: разыскать, потому что потерял его след. Дон Родриго — королевский фаворит и, наверное, находится при дворе. А где теперь двор — неизвестно, потому что король может находиться в любом из своих многочисленных имений. Сельскую местность король предпочитает столице. Однако это необходимо уточнить. — Джонс выжидательно посмот-

рел на нас. — С вашего одобрения, мы поначалу отправимся в город.

— Разумно, — подтвердил Голиас.

— В какой город? — поинтересовался я.

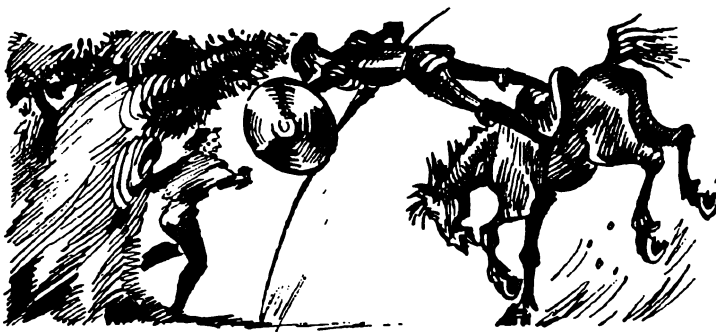
— Когда мы здесь говорим «город», то имеем в виду Илион. Хотя в Романии много и других знаменитых городов, этот наиболее значителен. Верховный король содержит там двор, и потому Илион можно считать столицей.

Поскольку мне предстояло увидеть главный город страны, первая часть наших планов пришлась мне по нраву. Но я задумался и о других сторонах предприятия.

— Ты говоришь, что птичка, которой мы собираемся насыпать соли на хвост — королевский фаворит, — сказал я. — Не окажется ли этот орешек слишком крепким, чтобы его расколоть?

— Естественно, — согласился Джонс. Он провел рукой по волосам. — Вот почему я нуждаюсь в помощи. Предприятие небезопасное, хорошо еще, если останемся живы.

— Шендон не из робкого десятка, — заявил Голиас, пока я угрюмо обдумывал слова Джонса. — Давайте-ка еще по одной!

12. Вперед по Уотлинг-стрит

На следующий день, сразу же после завтрака, Голиас заложил свои браслеты. На вырученные деньги он оплатил гостиничный счет Луция и выкупил его скарб. Луций имел при себе едва ли не целый гардероб, что для путешественника обременительно, но после утруски его пожитки поместились в маленьком дорожном узелке. Мы были ограничены в средствах, и потому путешествовать предстояло пешком.

Свой костюм и костюм Голиаса я уже описал; остается только упомянуть, что, по настоянию Голиаса, мы приобрели две шпаги в виде тростей. Но Джонс перещеголял нас обоих: на нем были желтые чулки, лазурные штаны, алый жакет, отделанный золотым галуном... С пояса у него свисал меч. Мысль о том, что дело сдвинулось с мертвой точки, приводила юношу в доброе расположение духа. Я также был в недурном настроении: после путешествия по главной дороге страны мне предстояло увидеть столицу. Я уже почувствовал себя бывалым путешественником. Романия перестала казаться мне диковинной, и мой интерес к ней постоянно возрастал.

Свежесть впечатлений не исчезала. На третий день пути, около двух часов пополудни, дорога нырнула в дубовую рощу. Приблизившись к ней, мы услышали возню за поворотом и замедлили шаг. Вдруг из рощи раздался женский визг. Из осторожности я пошел еще

тише, но Джонс бросился к повороту. Схватив юношу, я оттащил его назад.

— Полегче, Луций, — посоветовал я.

— Женщина зовет на помощь! — воскликнул он, вырываясь и пытаясь обнажить свой меч.

— Послушай, сынок, — сказал я ему, — если женщина кричит, это еще не значит, что ее обижают. И не всякую обижают напрасно. Давай-ка выясним, что случилось, прежде чем крушить черепа.

В роще снова завопили, и Джонс обезумел от ярости.

— Пусти, черт побери!

Он вырвался и устремился вперед, размахивая мечом.

— Прекратите насилие, или вы поплатитесь жизнью... — кричал он неизвестному противнику.

Я в тревоге взглянул на Голиаса.

— Нельзя оставлять его одного, — сказал он.

Разумеется, мы не могли его бросить и потому побежали вслед за ним.

Добежав до поворота, Джонс вдруг остановился как вкопанный. Да, женщины попали в беду, но помочь им мы уже ничем не могли. С ветки свисало безжизненное тело, раскачиваясь в петле. Услышанный нами крик был предсмертным воплем, а теперь завопила вторая женщина, потрясенная утратой.

Мне стало не по себе, но страшился я не присутствия трупа, а подозрительности живых. Оказаться в чужой стране поблизости от мертвого тела и без каких-либо удостоверений личности было не самой приятной штукой. С того света повешенную не вернешь — так стоит ли напрасно рисковать? Голиас тоже явно был не в восторге от случившегося. Он крикнул Джонсу, чтобы тот вернулся, но, к сожалению, опоздал. Луций и ухом не повел, хотя пошел медленнее.

— Надо выяснить, кто это сделал, — крикнул он нам.

Покорно переглянувшись, мы присоединились к нему. Луций уже склонился над женщиной, которая, плача, лежала на земле, и пытался утешить ее. Мы подошли к мертвой. Мне не приходилось видеть более отвратительную каргу. Лицо ее было морщинисто, как

маска из кокосового ореха (такие маски владельцы баров в изобилии ввозят из тропиков). И смугла она была, как кокос, разве что чуть светлее. Бесформенное туловище старухи болталось в балахоне из грязных цветных тряпок, какие носят цыганки. Из-за пестроты одежды мертвая выглядела еще более отвратительно. Плачущая женщина, при ближайшем рассмотрении, оказалась совсем еще ребенком. И она была смугла и пестро одета. Джонс, обняв девочку за плечи, гладил ее по голове.

— Скажи нам, кто в этом виноват, — ужаснул он меня своей решительностью, — и мы зададим ему перцу.

Мне больше всего хотелось поскорее убраться отсюда, но нельзя же было бросить малышку в беде. Наконец девочка немного успокоилась и проговорила сквозь слезы:

— Ни-никто. Она сама удавилась.

Для девочки это было вдвойне ужасно, но я поневоле почувствовал облегчение. И так забот хватает, а тут еще мстить за старую цыганку. Говоря откровенно, ее убийцу можно было бы обвинить самое большее в нарушении общественного спокойствия.

От радости, что нам не придется гнаться за новоявленным врагом, мое сочувствие к девочке значительно возросло. Луций растерянно молчал, и потому с цыганочкой заговорил я:

— Это твоя родственница, малышка?

— Моя бабуля.

— Твоя бабушка, да? Ты говоришь, она сама повесилась?

— Да. От отчаяния.

Девочка перестала всхлипывать. Я подумал, что ей полезно будет выговориться, и продолжал расспросы.

— Ее постигло какое-то разочарование, так? — Зная, что старики пуще всего боятся нужды, я спросил наугад: — Она осталась без денег, которые надеялась получить?

Девочка, не отрываясь от плеча Джонса, скосила на меня один глаз.

— Бедняки не нуждаются в деньгах, — ответила она загадочно и вдруг опять разразилась рыданиями. — Он не умер, не умер!

Мы с Луцием поморгали в недоумении.

— Кто не умер? — спросил он.

— Враг моей бб-бабули.

До сих пор я не вспоминал о Голиасе. Услышав, как он закашлялся, я оглянулся. Голиас стоял, прислонившись к стволу рокового дерева, и смотрел на нас с ехидцей. Голос его, впрочем, прозвучал мягко:

— Если женщина не любит, она должна ненавидеть, — заметил он.

Девочка подняла голову и посмотрела на него.

— Бабушке некого было любить, кроме меня. Она оставила свой табор.

— Из-за своего врага? — спросил Голиас со строгостью судьи, которому известны все факты.

— Да.

— А что он сделал?

— Он? Бабуля его ненавидела за то, что ее родичи к нему привязались.

— Бывает, — согласился Голиас. — Послушай, мы не представители закона, да и представители закона твоей бабушке уже не страшны. Чем старушка могла бы навредить мужчине?

Маленькая цыганочка, помолчав, с полуухмылкой взглянула из-под спутанных волос.

— Моя бабушка вряд ли бы с ним справилась — он был такой здоровенный, высокий, как вон тот молодец с серебряной прядью в волосах. Но кто-то поднес ее недругу стаканчик молока. — Девочка просияла при этом воспоминании. — И вот ему стало дурно. Мы его навестили: он думал, что уже умирает. — Затем ее личико вновь помрачнело, и голос упал. — Однако он взял да и выздоровел.

— А ведь твоя бабушка была уже очень стара, — сочувственно заметил Голиас.

— Да, она жила только этим, одним-единственным ожиданием, — прошептала девочка. — И знала, что другого случая больше не представится.

Наконец Джонс сообразил, что утирает слезы, проливаемые по незадачливой отравительнице. Он поднял-

ся и отошел от девочки с растерянным видом. Я не без злорадства вспомнил о своих предостережениях и теперь посмеивался над его замешательством, хотя и уважал за то, что он рвался помочь слабому и обиженному.

— В путь? — спросил я.

— Погоди, — вмешался Голиас. — Нельзя же оставлять старуху висеть вот так, на глазах у ребенка.

— Верно, — согласился я.

Девочка вскочила на ноги.

— Вы хотите ее забрать?

Мысль о том, чтобы навьючить на себя этот безобразный труп, заставила меня содрогнуться. Я отчаянно затряс головой.

— Твоя бабушка побудет здесь до появления коронера.

Девчонка как будто не возражала.

— Снимите ее с дерева, а я приведу друзей, — сказала она и скрылась между деревьями.

Когда девочка ушла, я подтянул потуже пояс и подошел к усопшей.

— А с покойницей-то придется повозиться, — объявил я, ухватив ее за ноги. Это была явная бравада. Конечно, от предстоящей задачи я был отнюдь не в восторге.

— Ах, почему не я это сделал? — послышался вдруг возглас.

Я так и вздрогнул от неожиданности.

Занятые своим делом, мы и не заметили, как к нам неслышно приблизился какой-то человек. Одет он был почти как Голиас, но менее броско, и это придавало ему некоторую внушительность. Росту он был небольшого, зато хорошо упитан. Его круглые, розовые щеки выглядывали из-под черных усов, торчавших будто иглы дикобраза. Незнакомец устремил на нас кроткие голубые глаза.

Я раздраженно огрызнулся:

— Чего не сделали?

Он нерешительно указал на труп концом хлыста для верховой езды.

— Вот это самое, — проговорил он с уважением. — Если бы мне только приказали повесить кого-нибудь —

а беззащитную старушку еще предварительно и помучить всласть, — я бы прожил остаток своих дней в мире и спокойствии.

Слушая его, я все еще держался за ноги карги, но теперь в недоумении отпустил их. Они откачнулись в сторону, как если бы старуха собиралась пнуть меня. Я отскочил.

— Поговорим начистоту, — сказал я. — Вы обвиняете нас в том, что мы линчевали эту почтенную даму?

Коротышка извлек из кармана резную табакерку. Я слыхивал, что лесорубы, к примеру, имеют привычку жевать табак, но этот затолкал щепотку в нос. Как и следовало ожидать, раздалось оглушительное чихание. Усы коротышки слетели с места — не к его, а к моему изумлению. Их владелец, однако, преспокойно водрузил их обратно на верхнюю губу.

— Я не обвиняю вас, — пояснил он, — напротив, я вам завидую. Где вы ее сцапали? — деловито осведомился он.

Незнакомец невероятно досаждал мне тем, что я никак не мог понять, кто он такой и как надо с ним держаться. Пока я пытался решить, кто же он — псих или просто распоясавшийся нахал, в разговор вступил Джонс:

— Уверяю вас, сэр, что вы ошибаетесь. Произошло самоубийство, и мы, к несчастью, оказались свидетелями.

Теперь удивился незнакомец.

— Так она не ведьма?

— Я не поручусь за то, что она не была ведьмой, — вмешался Голиас, — скорее всего, именно так оно и было; но к смерти ее мы не имеем никакого отношения.

— Совершенно никакого! — добавил Луций.

Сунув в рот серебряную ручку хлыста, незнакомец взглянул на мертвую, как если бы ожидал, что она станет свидетельствовать против нас.

— Так она вас не прокляла?

Я бы велел несносному болтуну катиться куда подальше, но боялся, что он заявит на нас властям, прежде чем мы унесем отсюда ноги.

— Да нет же, — ответил я ему как можно сдержанней, — конечно, нет.

— Вам повезло больше, чем Руперту, — сообщил он.

Я уже вот-вот готов был сорваться, но Голиас тронул меня за руку.

— А кто такой этот Руперт? — поинтересовался он.

— Первый баронет, — объявил крепыш. — Ах да, я забыл представиться. Сэр Деспард Мургатройд — двадцать второй баронет, да будет вам известно. — Он описал плавную дугу своим кнутовищем. — Владелец всего этого.

Сообщение не привело меня в восторг, но я почувствовал себя еще более неуютно, когда Джонс шепнул мне:

— Это значит, что он мировой судья.

Затем он обратился к баронету:

— Если вы хотите узнать, почему мы здесь оказались, то сейчас придет родственница погибшей, и она вам все объяснит.

— Я верю вам на слово. Я всегда так поступаю.

Сэр Деспард сделал еще одну понюшку, снова чихнул, стряхнув усы с верхней губы, и вновь вернул их на место.

— Я никогда никого не преследую, потому что ни один грешник не сравнится с нами, Мургатройдами, — сказал он с мрачной важностью в лице, которая, впрочем, тут же исчезла. — Исключая меня, — горько добавил он. — Никак не могу заставить себя жить достойно, в соответствии с наложенным на нас проклятием.

— Но почему вас это беспокоит? — поинтересовался Джонс. — Ведь проклятие лежит на вашем далеком предке.

— Оно переходит из рода в род, — объяснил двадцать второй баронет. — Мы осуждены каждый день творить злодеяния, но мне остается только прикидываться. Старшие баронеты ярятся и встают из могил, чтобы докучать мне. От этого я впадаю в бессонницу.

Кажется, баронет проникся к нам симпатией. Однако на всякий случай, помня о том, что он причастен

к судопроизводству, я решил продемонстрировать нашу отзывчивость.

— Ай-яй-яй, — поцокал я языком, — вот напасть так напасть.

— Как же вам удается избежать серьезных последствий, если вы уклоняетесь от исполнения фамильного долга? — спросил Голиас.

Мургатройд выглядел смущенным.

— О, я, знаете ли, обещаю исправиться — вру, конечно, с три короба, но это хоть как-то все же помогает. Впрочем, и не сижу совсем сложа руки, например, похищаю невинных девушек. Разумеется, принимаю все меры, чтобы они до темноты вернулись домой, и всегда заранее оповещаю родителей — во избежание ненужного беспокойства... А вот и моя карета. Я просил кучера встретить меня здесь.

С этими словами баронет ступил на обочину и вгляделся в даль. Вскоре показалась четверка лошадей, впряженная в ярко расписанную карету. Кони мчались во весь опор, но возница сумел осадить их на полном скаку. Из кареты выскочил слуга и приветствовал хозяина.

— Благополучно похищена, ваша честь, — доложил он.

— Отлично, отлично, — сэр Деспард разгладил свои фальшивые усы. — Э-э... она очень визжала?

Слуга озабоченно нахмурился.

— За визг пришлось платить дополнительно. Но зато уж она постаралась, сколько мочи хватило.

— Значит, деньги потрачены не зря, — решил баронет. — Отвези меня домой, а сам отправляйся за девицей, да поскорее. Нельзя допустить, чтобы она опоздала к вечернему чаю.

— Ни в коем случае! — согласился слуга. Он распахнул дверцу кареты и втиснул в нее Мургатройда. Баронет махнул нам рукой на прощанье и устроился поудобнее на сиденье. Слуга вспрыгнул на подножку и сел рядом с возницей. Тот щелкнул длинным кнутом. Лошади понеслись.

Как ни странно, я почувствовал, что мне жаль было расставаться с баронетом.

— Иной раз, — хмыкнул я, — нет лучшей компании, чем полоумный. А хорошо, впрочем, что он увел лишних свидетелей, пока те не заметили старую чертовку.

— И я об этом беспокоился, — признался Джонс. — Но они наверняка ее не заметили. Она висит в тени.

— И помалкивает, — добавил Голиас. — Пожалуй, лучше ее снять, пока никто сюда не заявился.

Уродство ведьмы побуждало меня тянуть резину как можно дольше.

— А как тебе показался этот чокнутый?

— Ты ведь слышал, — с горячностью вмешался Луций, — на бедняге лежит проклятие. Мне ли не знать, что это такое... Веселого мало!

— Проклятие зачастую придает жизни остроту, — возразил Голиас, — но оно должно прийтись впору тому, кто его получает в наследство. — Ему понравилась эта мысль. — Как подержанное платье. Кстати, кто будет снимать каргу с дерева, а кто ловить ее снизу?

— Давай бросим жребий, — предложил я. Ни то, ни другое мне не улыбалось. — Орел — я лезу на дерево, решка — ты.

Я словно предчувствовал, что выпадет решка и Голиас окажется в выигрышном положении. Я мрачно наблюдал, как он карабкается вверх по стволу. Это было нетрудно. Низкая развилка и множество боковых веток служили удобными опорами. Быстрее, чем мне хотелось бы, Голиас оседлал сук, с которого она свисала. Затем вытащил памятный мне нож.

— Готов?

— Как никогда!

Я держал руки наготове по обеим сторонам от старухи, не собираясь без надобности прикасаться к ней. Представляю, какая гримаса изобразилась у меня на лице: Голиас только усмехался, поглядывая на меня.

— Есть женщины, которых лучше обнимать мертвых, чем живых, — резюмировал он. — Мы имеем дело как раз с подобным случаем.

Свесившись головой вниз и придерживая старуху за волосы, чтобы она не качалась, Голиас принялся

перепиливать ножом уздечку, которой она удавилась. Задача была не из легких. Старушенция висела достаточно высоко, и я едва мог зафиксировать ее ноги, чтобы они не болтались туда-сюда. Она оказалась тяжелей, чем я думал, и едва не упал вместе с ней, когда уздечка наконец лопнула и старуха сорвалась вниз. Я пережил ужаснейшую в жизни минуту, пытаясь удержаться на ногах и не рухнуть наземь вместе с каргой, едва не удушившей меня вонью от сального, омерзительного тряпья.

Балансируя как акробат, лишь бы сохранить равновесие, я вдруг услышал крики:

— Освободи благородную деву, низкий трус! Уж не возомнил ли ты, будто сумеешь избегнуть возмездия! Руки прочь, кому сказано!

Еще один непрошеный советчик! Мне стало не до шуток, когда до меня дошло, что обращаются ко мне. Голос доносился с дороги, но мне некогда было взглянуть в ту сторону. Мне едва-едва удалось опустить старую хрычовку на землю более или менее бережно.

— Что! Насиловать невинную жертву прямо у меня на глазах! Ах ты, блудливый пес!

Я никак не мог взять в толк, бушует незнакомец всерьез — или комедию ломает. В качестве актера он бы имел большой успех.

— Не бойтесь, принцесса, помощь близка. Я сокрушу этого негодяя, как Мударра сокрушил Веласкеса. А ты, жалкий сластолюбец, защищайся, если можешь!

Я по-прежнему не обращал на его угрозы ни малейшего внимания. Стиснув зубы, я выпрямлял ноги усопшей и складывал ей руки на груди, чтобы придать ей хоть сколько-нибудь пристойный вид.

— Эй, Шендон! Поберегись! — воскликнул Джонс.

Обернувшись на топот копыт и лязг доспехов, я был ошарашен открывшимся мне зрелищем! Прямо на меня мчались два всадника: один на лошади, другой на осле. Вернее, скакала лошадь: осел потрюхивал следом. Первый всадник выглядел презабавно; в руках он держал длинный заостренный шест. Он пришпорил лошадь и замахнулся им на меня.

Отшвырнув от себя руку старухи, я, все еще на корточках, нырнул вбок, чтобы избежать удара. Уда-

лось это мне не совсем. От копья я чудом увернулся. Однако не ускользнул от лошади. Копытом она здорово лягнула меня в зад. Заработав синяк, я крутанулся волчком и шлепнулся на землю. Потирая ушиб, я повел наблюдение за дальнейшими действиями моего противника. В самом деле, было на что посмотреть.

Моя интуиция меня не подвела: да, он действительно хотел наколоть меня, как уборщик в парке подцепляет с травы бумажку. Копье вонзилось в землю и застряло там. Но лошадь проскакала вперед, и всадник либо не пожелал, либо не успел выпустить свободный конец копья из рук. Никогда прежде мне не доводилось видеть прыжок с шестом со спины лошади. С лязгом и скрежетом чудак вылетел из седла, взмыл в воздух и угодил на тот самый сук, с которого Голиас только что срезал старуху. Копье упало, а вояка как-то ухитрился удержаться. Теперь он повис, вцепившись в сук, в пятнадцати футах над землей.

Голиас уже спустился с дерева, и сук находился в полном распоряжении рыцаря. Но и сам по себе воитель вполне заслуживал внимания. Доспехи его были изготовлены из ржавого листового железа. Вся эта несообразная амуниция сидела на нем кое-как. Шлем (не железный, а бронзовый) торчал на самой макушке и не защищал лицо. Да и сам вояка, по ближайшем рассмотрении, оказался просто старой развалиной. Вдобавок ко всему, он оседлал ветку именно там, откуда сверзилась старуха. Обрывок уздечки свешивался сзади, напоминая хвост, и так же жестко топорщились усы старика.

— Колдовство, — бормотал он, — побежден колдовством.

На его проблемы мне было начихать. Ушибленное место болело, к тому же с нервами моими обошлись не слишком бережно. В ярости я вскочил и схватился за копье.

— А ну, слезай, поговорим, — прорычал я. Желая пригвоздить врага к стволу, я занес копье, как вдруг меня толкнули под колени. Ноги мои подкосились, но я устоял. Оглянувшись, я увидел пузана, который слез с осла и тоже кинулся в бой. Он снова и снова нападал на меня, а я отпихивал его тупым концом копья.

Атаковал он меня с крепко зажмуренными глазами. Этот бой вслепую продолжался минуты две-три. Пузан вконец запарился, а я успел остыть. Я едва сдержал улыбку, когда он совсем выбился из сил и просто лег на копье, еле переводя дух.

— Сходишь с ринга, — полюбопытствовал я, — или устроим еще раунд? — Я видел, что он со страхом ждет контратаки. Но, ничего не дождавшись, приоткрыл один глаз.

— Сдаетесь? — прохрипел он.

— Да нет, я еще и размяться-то не успел.

Пожав плечами, он обратился к рыцарю на дереве.

— Хозяин, — доложил пузан, — этот тип не желает сдаваться.

Старик, погруженный в раздумья, ничего не ответил. Наконец-то я вспомнил о своих спутниках. Голиас лез на дерево, а Джонс вел под уздцы лошадь рыцаря — старую тощую клячу. Мой противник всмотрелся в них не без некоторого беспокойства.

Первым заговорил Голиас.

— Подведи скакуна поближе, Луций.

Потом он обратился к закованному в металлолом пугалу:

— Досточтимый паладин, я намерен помочь вам сойти вниз, дабы вы могли покинуть место, столь неподобающее вашему благородству и вашей доблести.

Гнев моего врага, по-видимому, также успел остыть.

— Речь ваша учтива, — заговорил старикан, — и я отплачу вам искренностью. Я охотно расстанусь со столь неудобным сидением, если, — он сделал плавный жест в мою сторону ржавой рукавицей, — если только этот неустрашимый маг снимет с меня колдовские чары.

— Мы, — отвечал Голиас, и я слушал его с возрастающим удивлением, — слуги этого могущественного волшебника. Он послал нас на выручку вам. Немного правее, Луций. Вот так.

Добравшись до пленника, Голиас ухватил его за руку.

— Если я спущу вас, сумеете ли вы встать на седло и потом сесть — так, чтобы не упасть?

— Разумеется, — воскликнул тот. — Не может быть ни малейшего сомнения в том, что прославленный странствующий рыцарь, равного которому не бывало в веках, в совершенстве владеет искусством верховой езды.

— Я так и думал, — поддакнул Голиас, — но ваше седло довольно скользкое. А сейчас перекиньте ногу через ветку. Я держу вас.

— Стоять в седле, — с пафосом произнес старикан, следуя инструкциям Голиаса, — дело навыка, посредством которого совершенствуется врожденный дар. Смотрите и восхищайтесь.

Посмотреть и вправду было на что, Голиас спустил бахвала с насеста, и тот коснулся ногами седла. Голиас, почувствовав под ним опору, отпустил его на свободу. Ноги рыцаря, едва достигнув седла, тут же начали разъезжаться в разные стороны. С жутким лязгом и скрежетом всадник плюхнулся в седло, качнулся взад-вперед и сверзился бы непременно, если бы подскочивший Луций не удержал его. Я уже втянул голову в плечи, ожидая нового грохота, если подмога запоздает. Однако славный воитель, издавая скрип, восстановил баланс и выпрямился с победной улыбкой:

— Вот как это делается, господа. Искусный прыжок в седло — легче падения перышка, вас подхватывает конюший, и дело сделано: берите пример!

13. Шашни в Аптоне

Пока рыцарь занимался вышеописанными маневрами, его тучный слуга бочком подобрался к мертвой старухе.

— Хозяин, — заявил он. — По-моему, это и в самом деле мертвая карга.

— Ну конечно, покойница, — согласился я, — мы нашли ее повесившейся на дереве.

— Женщин не находят на деревьях, — возразил старый чудак, — их зачинают и рождают в точности так же, как и всех людей. Чистейший пример колдовства, — продолжал он, прежде чем я нашелся с ответом. — Только могущественнейший из волшебников мог придать прекрасной девушке, чье имя, если я не ошибаюсь, принцесса Эрминия Колхская, столь ужасный вид. Удивителен и сон, погруженная в который она кажется мертвой. Человек менее опытный был бы наверняка одурачен.

Рыцарь взглянул на Джонса, который со свойственной ему учтивостью притворялся заинтересованным, и на Голиаса — тот тоже, казалось, слушал с большим вниманием.

— Дабы устранить все сомнения, вернемся к сообщенному мне известию, что принцессу обнаружили на дереве. Поначалу я счел его лживым — и напрасно. Колдовство в этом и состояло. Но прочие чары были направлены на то, чтобы победить меня, паладина из паладинов! И я вынужден признать свое поражение. —

Старикан обернулся к своему низкорослому партнеру. — Теперь тебе все ясно, сын мой?

Коротышка поскреб затылок.

— А как бы иначе вы вспорхнули на эту ветку? Кто бы смог бы засадить вас туда, да еще с целой кучей утиля в придачу, не вскипятив целый котел колдовского зелья?

— Позвольте, — вмешался Голиас, — представить вам могущественного волшебника Шендона по прозвищу Серебряный Вихор: именно его чары лишили сил вашу непобедимую десницу. Шендон, перед тобою благородный и могущественный Дон Кихот Ламанчский, покоритель Возвышенной Утопии и Кокейнской Низменности, защитник сирот, опора обиженных, покровитель дам, дуайен паладинов и глава ордена странствующих рыцарей.

Старикан, заскрежетав доспехами, отвесил мне поклон.

— Я уступил не силе, но колдовству. Вы столь великодушны, что позволили мне сойти с дерева... Смею ли я просить вас оставить мне мой меч?

— Разумеется, — ответил я. Уж не принял ли он меня за сборщика утиля? Я едва удерживался от улыбки.

Рыцарь снова не без труда поклонился.

— Весьма вам благодарен. Ваше поведение безупречно, и я сожалею о том, что мы враги. — Кое-как он ухитрился скрестить на груди руки. — Как вы намереваетесь поступить со мной теперь, когда я в вашей власти?

Я невольно взглянул на Голиаса. Он с любопытством ожидал, сумею ли я выкрутиться. Увидев, что я ищу у него поддержки, он кивнул.

Вот тогда-то я и понял, что происходило со мной с тех пор, как затонул «Нагльфар» и я очутился в открытом море неподалеку от Эи. Не больше и не меньше, чем перемена взгляда на самого себя. Мало кому удается вполне соотносить свои возможности с реальностью. Что касается меня, то я издавна привык считать себя хладнокровным эгоистом. Это не доставляло мне особой радости, но и не повергало в мелан-

холию. Я даже гордился тем, что не интересуюсь никем, кроме себя, и не стремлюсь помочь ближнему.

Но по прибытии в Романию я понемногу становился другим. Я начал заботиться не только о себе. Я научился удивляться и испытывать к людям доверчивость. Теперь я нередко думал и о том, как пойти другому навстречу.

Старый олух чуть не убил меня, и я все еще чувствовал боль от ушиба. Нет сомнений в том, что он тронутый. В интересах разума и общественного спокойствия необходимо запретить ему, разъезжая по дорогам, тыкать копьем куда попало. Ясно, от такого стоит держаться подальше. Но я не спешил убраться восвояси. В этом чудаковатом старикане было что-то подкупающее. Мне нравилась основательность, с которой он стремился довести дело до конца. Прежде чем заговорить, я поколебался. Мне было еще непривычно притворяться в угоду посторонним.

— Как вы поступите, если будете освобождены от колдовства? — спросил я наконец.

— Нападу на вас и освобожу похищенную вами прекрасную принцессу.

— Это не очень-то меня устраивает, сами понимаете. — Нелегко было ступать по неизведанной территории. — Предположим, мы заключим соглашение. Станете ли вы его выполнять?

Рыцарь наклонил голову.

— Если оно не будет бесчестным, то — слово рыцаря.

— А я даю вам слово волшебника. Взгляните на эту дорогу, мистер де Ламанча, — она ведет на юг, в Афазию.

Я посмотрел на Голиаса, ища поддержки.

— В Верхнюю или Нижнюю Афазию? — переспросил Дон Кихот.

— В Верхнюю, — заверил я его наобум. — Именно в Верхнюю, а никак не в Нижнюю. Там живет великан по имени Поль Буньян. Мне с ним не совладать, но уверен, вы бы с ним справились. Наверняка одержали бы победу.

— Несомненно, — ответил странствующий рыцарь, — если только этот великан не чернокнижник.

— Что вы, что вы! Просто он громадного роста, настоящий шкаф и драчун каких мало.

— Тем большую я заслужу славу, когда одолею его, — пояснил старикан.

— Вот и отлично. Так вот, у этого великана есть голубой бык, который сильнее дюжины тракторов.

— Или десяти тысяч мулов, — уточнил Голиас.

— Да, именно так, — согласился я. — Этот паршивец обещал мне отдать быка в награду за то, что я нагромоздил на него Большие Леденцовые Горы. Но, когда пришла пора расплачиваться, он меня надул.

Дон Кихот де Ламанчский слушал с огромным вниманием.

— Я отвоюю для вас чудесное животное, двух мнений тут быть не может, — заявил он, когда я закончил жаловаться на свою беспомощность и вероломство Буньяна. — Но сначала назовите ваши обязательства.

Вместо ответа я указал на старуху.

— Обещаю вам, что эта принцесса будет иметь облик точь-в-точь такой же, когда я впервые увидел ее.

Он пытливо посмотрел на меня.

— И вы возвратите ее друзьям и родственникам?

Для пущей убедительности я осенил себя крестным знамением.

— Еще до захода солнца. Я настолько на вас полагаюсь, что не стану дожидаться, когда вы приведете голубого быка.

Мы не определили места встречи, но об этом позаботился Голиас.

— А что, Шендон, если бык будет доставлен прямо сюда?

— Непременно будет доставлен! — воскликнул старикан. Он сграбастал мою руку железными рукавицами и потряс ее. — Мне понадобится время, чтобы добраться до Верхней Афазии и вернуться обратно. Могли бы мы назначить встречу ровно через год и один день?

— В три тридцать пополудни, — согласился я.

— Договорились! Санчо, сын мой, — позвал он своего спутника, — считай, что мы уже освободили принцессу Эрминию Колхскую, и теперь нас ждут новые

приключения. В седло, в седло, во имя Всевышнего и моей Госпожи!

Но толстяк не разделял воодушевления своего господина.

— А какая нам польза от этой сделки? — вопросил он. — Волшебник получит быка, принцесса оживет и снова станет красавицей, а мы-то ради чего стараемся?

— Ради чести, которую нам дано снискать спасением прекрасной дамы, негодяй!

— Но ей, возможно, будет приятно, если мы согласимся принять от нее в благодарность какое-нибудь герцогство, например?

Дон Кихот фыркнул.

— Для меня достаточно, если она узнает, чьему мечу обязана своим счастьем. В седло, говорю тебе! Нет, сперва подержи моего коня.

Даже с помощью Джонса было нелегко водрузить рыцаря обратно на его тощего одра. Наконец это удалось, и Санчо вновь вручил ему копье. Рыцарь поприветствовал нас на прощанье взмахом руки, а потом взялся за поводья.

— Итак, через год и один день, начиная с сегодняшнего, — улыбнулся он. Санчо вскарабкался на осла, и они потрусили на Уотлинг-стрит.

Джонс все это время держался в стороне.

— Сразу видно настоящего джентльмена, — заметил он, хлопнув меня по спине. — Ты молодчина. Я бы не сумел так ловко попасть ему в тон.

— Зато изловчился втащить нас в историю, из-за которой мы чуть не попали на тот свет.

Мой запас романтического человеколюбия уже иссяк. Мне вспомнился мой страх, заныло ушибленное место... И все это из-за Луция! Я заковылял по траве, стараясь хромать как можно сильней.

— Говорил тебе, не вмешивайся не в свое дело!

Джонс хотел что-то мне ответить, но вернулась девочка в сопровождении толпы цыган и цыганок. Не обратив на нас внимания, они погрузили труп на телегу и ушли, следуя за лошадью.

Мы продолжили свой путь. Но, прежде чем обогнуть поворот, я дважды не без волнения оглянулся на дубовую рощу. Там, во время нежданного бдения у

гроба, во мне пробудился дар импровизации. Я позабыл и о синяке, и о том, что сердился на Джонса. Хоть я и не принял от него комплимента, но сам был доволен тем, как ловко обошелся со сбрендившим стариканом. Я был растроган собственной снисходительностью и не переставал дивиться сам себе. Для человека, чуждого всяким выдумкам, я сочинил неплохую историю. Мне удалось связать воедино разрозненные сведения из различных путеводителей. Я вновь и вновь прокручивал в голове свой рассказ, и он нравился мне все больше и больше. Возникали новые подробности, которые, к сожалению, уже нельзя было вставить.

Голиас догадывался, чем были заняты мои мысли. Один раз мы встретились с ним глазами, и он улыбнулся. Я понял, что шевелил губами, глядя в пустоту, и смущенно улыбнулся ему в ответ.

— Далеко ли до ближайшего города? Умираю от жажды.

— Еще бы! — отозвался он.

Самоотверженная пылкость Джонса привела к тому, что мы изрядно выбились из нашего расписания. В Фивы до темноты попасть не удалось. Пришлось заночевать в городке под названием Аптон, расположенном на перекрестке в нескольких милях от Фив.

Так называемый постоялый двор представлял собой чистенькую захолустную гостиницу, в которой можно было неплохо закусить. Я беспокоился, найдется ли в подобном заведении приличный бар, но страхи мои оказались напрасными.

— Романия особенно привлекательна тем, — сказал я, утирая губы, — что здесь нет сухого закона.

— Его не позволяют вводить, — подтвердил Голиас. — Только во владениях Тантала он существует как мера наказания — и, на мой взгляд, вполне допустимая. Хотя чувство юмора у этого типа сомнительное.

— Самого дурного пошиба, — вмешался Луций.

— Что касается страны в целом, — продолжал Голиас, отпив изрядный глоток и удовлетворенно крякнув, — то недавно тут имел место показательный процесс. Один из Инглинсов, по-моему, Фьёлн, нализавшись в стельку, свалился в бочку с медом. Это случилось ночью, поблизости никого не оказалось, и

бедняга утонул. Так как покойный был королем, его гибель наделала шума. Нашлись бескрылые гарпии, которые вчинили иск: миссис Гранди против Диониса, Гамбринуса и Джона Ячменное Зерно. Всех троих хотели приговорить к изгнанию.

Голиас залпом осушил кружку с элем, и мы последовали его примеру.

— Я забыл, кто был адвокат Дриаса, наверное, Урия Хип, но адвокатом обвиняемых был Панург. Председателем суда избрали старину Тоби Белча, и, несмотря на присутствие Тома Нормана, Сейтенин ап Сейтин был старшиной присяжных. Ввиду многочисленных препирательств под шумок утвердили именно его. Когда пыль улеглась, выяснилось, что Панург оказался на высоте. В качестве представителей от своих сограждан за ходом делопроизводства вели наблюдение Брат Жан, досточтимый Тук, Сат Лавингуд, Кола Брюньон, Элиор Руммин, Эвмолп, дядюшка Коль, Сельм Хоули... А-а, ну теперь все понятно!

Джонс против обыкновения забыл о вежливости и словно зачарованный пялился в окно. Я проследил за его взглядом: конечно же, там была женщина!

Она выходила из кареты. Сопровождавший ее юнец обращался со своей спутницей как если бы она была яйцом с тончайшей скорлупой. Но вот ножки дамы коснулись наконец твердой земли. Слуги стали переносить багаж. Помогая им, молодой человек то и дело бегал туда-сюда, дабы удостовериться, что его подопечная по-прежнему счастлива и довольна. Вот она сняла с руки перчатку, поправила прическу... Юнец же напоминал одновременно и разыгравшегося щенка, и корову, занятую своим теленком. Обручальных колец что-то не было видно, и я втихаря усмехнулся. Опытность дамы сомнению не подлежала, но молодой петушок наверняка обихаживал, выбравшись на волю, свою первую курочку.

Впрочем, женщину я пока не успел как следует рассмотреть. Она стояла вполоборота ко мне и ждала, пока ее спутник, передав все пожитки посыльному, сможет сопроводить ее в дом. Оказалось, что она даже моложе своего кавалера и отличается красотой, жизнерадостной и чувственной в равной степени. Под сво-

бодного покроя одеждой угадывалась изящная фигурка, довершавшая очарование.

Молодая пара вошла в гостиницу в сопровождении Уила Бонифаса, нашего хозяина, рассыпавшегося в любезностях.

— Не соизволят ли сиятельная леди и ваша светлость минуточку обождать? — тараторил он. — Наша лучшая комната — а я бы не посмел предложить вам иную — только что освободилась. Сейчас в ней приберут, это займет одну секунду, уверяю вас. А пока не пройдете ли вы в отдельную гостиную, где могли бы подождать без помех?

— Да, пожалуй, — согласился юноша. — Тебя это устроит, Манон?

Пока Бонифас набивал цену своему заведению, девчонка вовсю стреляла глазами по сторонам. Однако меблировка интересовала ее мало. Зато из мужчин она не пропустила ни единого. Когда я встретился с ее знойным, оценивающим взором, у меня участился пульс. Следующим на очереди был Джонс. На нем она задержала взгляд немного дольше. Перебрав всех остальных, она вновь устремила взгляд к нему.

Как раз в этот момент ее кавалер согласился перейти в отдельную гостиную. Он уже предложил своей даме руку, но та отвергла ее.

— Вот еще, зачем нам это нужно? Можно подождать и здесь.

Но юношу это не устраивало.

— Там нам будет удобней.

— В этой отвратительной карете было так пыльно и жарко, — пожаловалась Манон. — Я погибну, если тотчас же не выпью стакан вина.

— Нам принесут его туда, — настаивал юноша. — Хозяин, бутылку вашего лучшего шабли, да побыстрее!

Он попытался обнять ее за плечи, но она резко высвободилась.

— Я устала, я с места не в силах сдвинуться. Неужели не понятно?

В ее голосе прозвучал только слабый намек на раздражение, но юноша был готов уже ползать перед ней.

— О дорогая, прости, я не думал... Хозяин, дама устала, немедленно укажите нам свободный стол.

Вошла Манон, насколько я помнил, довольно бодро, но теперь она всей тяжестью повисла на руке кавалера. Ближайший стол, однако, ей не понравился, и она указала на соседний с нашим. Затем она позволила юноше бережно опустить ее на стул, как если бы у нее подкосились ноги. Села она лицом к нам. Юноша, уверившись, что подруга не умрет сию же минуту, слегка унялся и сел напротив нее.

Так как девица пребывала в совершенном изнеможении, складки ее платья беспорядочно разметались. Обнажилась только лодыжка и полоска кожи над ней, но воображение легко могло дорисовать остальное. Джонс прерывисто задышал, не упустив приоткрывшегося ему на миг очаровательного зрелища. Мы с Голиасом переглянулись и пожали плечами. Все это могло закончиться плохо, хотя я, конечно, надеялся, что дело обойдется без неприятностей. Спутник Манон прилип к ней, как почтовая марка к конверту, и я верил, что благовоспитанному Луцию достанет благородства не отдирать ее себе в коллекцию.

Однако напрасно я так думал. Луций не сводил с потаскушки глаз, а она беззастенчиво строила ему глазки, поглядывая через плечо своего ухажера. Я обрадовался, когда вино взбодрило ее настолько, что она смогла встать и направиться на отдых.

Словом, с девчонкой было все ясно. Но ее привлекательность от этого ничуть не уменьшалась. Все присутствующие, как по команде, проводили ее взглядом, когда она покидала комнату. Проходя мимо нашего стола, девушка разжала руку. Из ее пальцев выскользнул белый комочек — и Джонс подхватил его на лету. Бедный обезьяныш, ничего не замечая, шел рядом и невольно помог тем самым скрыть эту проделку от всех посетителей, кроме нас с Голиасом.

Смысла в столь успешно удавшемся предприятии я не видел и решительно не понимал, почему Луций — хотя, конечно, молодость есть молодость — пришел в неописуемый восторг. Весь вечер он сиял от радости и хохотал при каждой шутке. За ужином мы переключились на вино, и он не забывал осушать стакан за

стаканом. Первым из нас разделавшись с едой, Луций выразил желание петь.

— Рановато для такой забегаловки, как эта, — возразил Голиас, — может быть, после того, как раздавим вторую бутылочку, да и посетители разойдутся.

— Ладно, — согласился Джонс, — если нельзя петь, тогда я произнесу тост.

Торжественно подняв стакан, он встал. Я приготовился выслушать речь любого содержания, не зная, что ему взбредет на ум, но он вдруг снова ни с того ни с сего плюхнулся на свое место.

— Ага! — хмыкнул он удовлетворенно.

В комнату опрометью влетел спутник Манон.

— Где хозяин? — воскликнул он. — Ах, вот вы где. Хозяин, имеется ли в городе парфюмерная лавка?

— Нет, ваша честь. — Бонифас изобразил на физиономии крайнюю степень огорчения. — К сожалению, ближайшую парфюмерную лавку вы найдете только в Фивах. Это в четырех милях отсюда.

— Проклятье! — Юноша в отчаянии закатил глаза. — Мадам забыла свои духи в этой чертовой карете, — пояснил он.

— И, естественно, не находит себе места от отчаяния, — посочувствовал хозяин. — Но я пошлю слугу в Фивы, если вам будет угодно.

Юноша заколебался.

— Нет, она хочет, чтобы духи я выбрал сам. Она доверяет только моему вкусу, — добавил он с гордостью. — Вы дадите мне лошадь?

— Не успеете и шпоры пристегнуть, ваша честь.

Юноша сломя голову ринулся к выходу, а мы с Голиасом значительно переглянулись. Джонс сидел с отсутствующим видом, нетерпеливо барабаня пальцами по столу. Очень скоро стук копыт замер вдали. Осушив свой бокал, Джонс поднялся и задвинул стул.

— Простите, джентльмены, но, с вашего позволения, я должен удалиться и, согласно правилам учтивости, вернуть даме ее платок.

Мы сдержанно попрощались с ним безмолвным жестом руки. Луций явно нарывался на крупные неприятности. Но кто из нас отказался бы глотнуть яда

столь сладостного? И я на его месте не стал бы терять ни минуты, размышляя о моральных тонкостях.

— Будем прислушиваться к топоту на дороге, а не то прозеваем, когда этот несчастный вернется, — предложил Голиас, как только Луций исчез.

— Оленю, идущему на зов чужой подруги, следует быть готовым к единоборству с ревнивцем.

— Верно, — подтвердил Голиас, — но я не хочу, чтобы меня вышвырнули отсюда посреди ночи. А в городе всего одна гостиница.

Возразить было нечего.

— Ты прав, мы должны быть начеку, — согласился я. — О! Слышишь — лошадь скачет?

— И колеса катят. — Я вскочил, но Голиас вновь усадил меня. — Пока еще рано беспокоиться.

Повозка подъехала к дверям, и вскоре Бонифас ввел двух путешественниц. Одна из них была одета богато, но просто. Наряд второй отличался броскостью, но зато уступал в изяществе.

Хозяин опять завел уже известную нам пластинку:

— Наша лучшая комната только что освободилась, но мы и не думали предлагать вам иную. Сейчас там приберут, будьте добры, обождите самую капельку.

— Не беспокойтесь, — голос первой незнакомки звучал тихо, но очень ясно. — Нам подойдет любая комната.

— А я думаю, что ему стоит побеспокоиться, — громко заявила ее компаньонка. — Он и в мыслях не должен держать, что вашу светлость можно поселить не в самой лучшей комнате.

— Да я и не думал держать, будьте уверены, — парировал Бонифас и вновь повернулся к госпоже. — Одну секундочку — и комната будет готова. Вы, наверное, устали с дороги — час-то вон какой поздний: может быть, желаете пока передохнуть, подкрепиться?

— Да, конечно, — согласилась дама. Но не успел еще расторопный Бонифас выложить свой следующий козырь, как юная дама подошла к ближайшему свободному столу и села за него.

— Два стакана кларета, пожалуйста.

— Вы что, оглохли? — подхватила служанка. — Госпожа требует стакан кларета и стакан бренди, да поживее!

Дерзость повадки не помешала служанке оглядеть каждый уголок зала. Ее госпожа не смотрела по сторонам, но, к счастью, поместилась так, что мы могли изредка незаметно на нее поглядывать. Она была привлекательна, однако совсем не так, как Манон. Только юнец, ослепший от любви, мог не понимать, что за птица его подружка. Но при созерцании целомудренной красоты незнакомки на душе становилось светлей. Как и в случае с Розалеттой, возникла та же уверенность, что благородная внешность девушки соответствует ее сущности.

Скоро — увы, слишком скоро, — «лучшая комната в гостинице» была готова. Девушка ушла, и в комнате сразу стало сумрачней.

— У тебя уйма знакомых в Романии, — обратился я к Голиасу, когда мы вспомнили о наших стаканах, — не знаешь ли, кто это такая?

— Нет, — ответил Голиас. Сейчас он был задумчив и говорил мало.

Неудивительно, что в такой дыре, как этот городишко, местные выпивохи по будням рано ложатся спать. Посетители разбрелись по домам — и мы остались одни в пустом зале.

— Вот теперь, — объявил Голиас, — самое время спеть.

Он спел пару песен, а я продемонстрировал одну из своих коронных застольных штучек, изобразив в лицах все описанное в стишке под названием «Крушение „Веспера“». У меня это неплохо получилось, даже лучше, чем раньше, — смысл теперь мне был понятней. И тут Голиас выдал песню, которую я уже поджидал. По блеску его глаз я понял, что он ее только что состряпал:

Что мне в том, кто она, суждено ль нам встречаться?
Ни улыбка Бланшфлер, ни Эниды рука — не мои.
Есть на свете они — значит, незачем нам огорчаться;
Дар бесценный любви —
С обожанием взгляд устремлять свой на милые лица:
Вот мелькнула пред нами их ровня — прелестна, нежна.
Миг один — и уже с красотой мне нельзя разлучиться
На все времена.

Закончить ему не пришлось. Мы так увлеклись пением, что не заметили, как к дому подскакал всадник. Страстный любовник Манон, о котором мы совсем позабыли, влетел в столовую и бросился наверх, перепрыгивая через две ступеньки.

Мрачно переглянувшись, мы прислушались, как он сначала нетерпеливо стукнул в дверь разок-другой, а потом принялся колотить в нее что есть мочи. Но ожидаемой бури не последовало. Мы не слышали слов Манон, но только парень в растерянности медленно спустился вниз по лестнице, поглощенный своими мыслями. Не замечая нас, он заговорил с горничной:

— Хозяин здесь?.. Нет? Тогда я попрошу вас. — При всей неопытности у него хватило соображения сунуть ей деньги. — Мадам — то есть моя... э-э... жена — неважно себя чувствует, и я не хочу ее тревожить. Пусть поспит одна. Проводите меня в другую комнату, пожалуйста.

Не знаю, что больше меня ужаснуло — бесстыдство Манон или наглость Джонса, так грубо попирающего чужое счастье.

— Да, похоже, Луций свое получил. Но и нас как будто не выставят отсюда из-за проказ нашего шалопута.

Однако тревога не покидала Голиаса.

— Луцию не следовало так поступать. Мне припомнилась история о том, как Ку Рой Макдайри обошелся с Кухулином. Поединок был честным. Ему ничего не стоило справиться с любым в Романии, кроме разве что Геракла. Жаль, что они так и не встретились, — не то померялись бы силами. — Голиас тщательно разлил остаток вина поровну. — Да, победа над Кухулином была заслуженной, это был честный поединок — Макдайри против сотен воинов. Но когда он повалил Сетанту — то бишь Кухулина — наземь, то втер ему в волосы навоз. Такие дела не проходят безнаказанно. Подобные проступки взывают к мести — если сам обиженный не отомстит, то тогда на его сторону встанет Делосский закон. Боюсь, Луцию вскоре придется жестоко раскаиваться.

14. Луций попадает в переделку

На следующее утро невеселое пророчество Голиаса сбылось. Проснувшись, я собрался еще немного вздремнуть. Вдруг в комнату вбежал Джонс и бросился на низкую кушетку, которая была придвинута к нашей с Голиасом кровати. Ночью кушетка, разумеется, пустовала. Поведение Луция не показалось мне удивительным. Ясно, что парень намаялся и не прочь отдохнуть. Однако Джонс принялся извиваться на постели и бить кулаками подушку. Потом, не в силах оставаться на месте, он вскочил и со стенаниями забегал по комнате.

Тут уж я окончательно пробудился, и во мне зашевелилось любопытство.

— Что случилось? — Я зевнул и потянулся. — Эта шлюшка стакнулась с новым избранником, полным сил?

Джонс, охваченный горем, ответил не сразу.

— А, привет, Шендон! Я думал, ты еще спишь. Что ты сказал?

Я повторил свой вопрос. Его передернуло, как будто под ноготь ему загнали иглу.

— Ах, ты про ту сучку! И зачем я только познакомился с ней! Впрочем, к чему ее укорять? Сам виноват. Ведь я добровольно сглотнул ее наживку. А теперь вот наказан по заслугам.

Меня охватило беспокойство.

— Неужто красотка оказалась с подвохом?

Но расстроеннный Луций даже не понял, на что я намекаю.

— До нее мне и дела нет. — Он бросился в кресло и закрыл лицо руками. — Будь проклята ведьма и ее колдовство!

Его восклицание разбудило Голиаса. Наш друг даже спросонья соображал ясно.

— Выкладывай напрямик, что случилось, — сказал он, садясь в кровати.

Джонс даже зажмурился, словно не желая видеть в воображении случившееся.

— Мне, полагаю, не нужно рассказывать, где и с кем я провел ночь?

— Разумеется, нет. Все и так понятно.

— Я расстался с дамой, едва стало светать. Я боялся ее подвести, да и приличий нарушать не хотелось. Мне и в голову не пришло, что кто-то еще может не спать в столь ранний час.

Он снова открыл глаза.

— Скажите, не встречалась ли вам вчера вечером другая красивая девушка, но только благородного происхождения — с виду настоящая леди?

Теперь до меня кое-что дошло, и я нахмурился.

— Настоящая леди, — веско повторил Голиас. Конечно, он тоже обо всем догадался. — Едва ты ушел с носовым платочком, как она приехала.

— О Боже милостивый! — простонал Луций. — Зачем я так спешил, злосчастный дурак! Ведь мог бы остаться, вышить еще, скажем, стакан-другой... — Он сокрушенно покачал головой. — Джентльмены, девушка, которую вам посчастливилось увидеть, и есть та самая Гермиона Стейнгерд ап Готорн. Встречи с нею я так долго искал, обманывая себя надеждой на счастье. — Джонс говорил спокойно и размеренно, как человек, хорошо осознающий всю бездну своего несчастья. — Выйдя из комнаты мисс Леско, я столкнулся в коридоре с Гермионой и ее служанкой.

— Но как Гермиона догадалась, что дело нечисто? — спросил я.

— Мисс Леско постаралась устранить малейшие сомнения на этот счет.

Луций поднял руку, украшенную перстнем с большим рубином. Перстень я приметил давно: рубин в нем был крупнее вишни в бокале с коктейлем.

— Я и не подозревал, что она питает какие-либо корыстные побуждения. При расставании она стала вымогать у меня этот перстень. А ведь мне подарила его Гермиона в наши лучшие дни. Я отказался, девица затеяла спор, и, когда я выходил из номера, она как раз стояла за мной в дверях, едва одетая, и во всеуслышание корила меня за скупость. — Луций вскочил и вновь рухнул в кресло. — Увидев Гермиону, я будто онемел, а она не пожелала и слова мне сказать. Моя возлюбленная прошла мимо, словно я был невидимкой.

Дернула же Джонса нелегкая спутаться с той чертовой куклой! Да разве сравнить ее с Гермионой! Не напрасно он теперь так убивался. Что бы там ни напророчила гадалка, придется ему теперь искать другую жену.

Мы с Голиасом напряженно молчали.

— Что же мне теперь делать? — возопил Луций.

— Можешь, конечно, с горя перерезать себе глотку, — посоветовал я. — Но лучше пока с этим повременить — глядишь, и расхочется. Терпи, мой мальчик. В жизни всякое случается. Бывает и хуже.

Я искренне сочувствовал Джонсу, но не хотел вселять в него ложной уверенности. Он удрученно кивнул, соглашаясь со мной. Спать, наверное, больше не придется, подумалось мне. Нельзя оставлять Луция наедине со своими мыслями. Вздохнув, я свесил ноги с кровати.

— Неплохо бы позавтракать, — пробормотал я.

Голиас все молчал; потом наконец спросил:

— Куда направляется леди Гермиона?

— Я не успел узнать, — сморщился, как от боли, Луций. — С кем она была, помимо служанки?

— Больше никого при ней не было. А путешествуют они в наемной карете. Тебе это не кажется странным?

— Допустим. Но что это меняет? Видел бы ты, каким ледяным взором она меня окинула!

— Вряд ли он станет теплее. — Голиас тоже спустил ноги на пол. — Но если ей встретится что-нибудь похуже тебя, ты не покажешься ей таким чудовищем.

Утешение, по-моему, было слабое, но Луций заметно ободрился.

— Ты думаешь, ей угрожает опасность?

— Не знаю. Здесь кроется какая-то загадка. Ради благополучия юной леди...

— Ради нее я готов на все! — воскликнул Луций. — Да что же это я сижу на месте! Пусть она презирает меня, лишь бы с ней было все в порядке.

— Тогда, — сказал Голиас, беря со спинки стула штаны, — мы немедленно отправляемся ей вдогонку. Маршрут их путешествия легко выяснить на постоялых дворах. Хозяева обычно наблюдательны и не прочь поговорить.

Верил ли он сам тому, что говорил, — не берусь судить.

Луция его слова исцелили. Юноша повеселел и позавтракал с большим аппетитом. Наверняка запасался силами для схватки с гипотетическими врагами мисс ап Готорн.

Разузнав, куда направилась леди Гермиона, мы последовали далее по Уотлинг-стрит. Было раннее утро, стоял туман, и улицы Фив показались нам почти безлюдными. На постоялом дворе на окраине, о котором нам говорил Бонифас, меняли лошадей. Мы зашли выпить эля и узнали, что мисс ап Готорн со служанкой отправились дальше на запад.

Туман сгустился, и мы шли почти наугад. К полудню, выбравшись из плотной пелены, мы увидели сооружение, походившее на монастырь. Голиас сказал, что там можно рассчитывать на ленч. Едва мы приблизились, как с другой стороны к зданию с боевым кличем бросилась войсковая колонна. Солдаты достигли цели раньше нас и незамедлительно приступили к штурму. Передовые ринулись вперед с приставными лестницами. Не встречая сопротивления, солдаты стали перелезать через стену.

Мы с Джонсом остановились.

— Лучше не ввязываться, — предложил я . — Самое разумное — держаться подальше.

— Хорошо, — согласился Голиас, — но не будем прятаться слишком далеко. Кто знает, как развернутся события. Может быть, совсем неплохо.

Но, судя по доносившемуся до нас шуму, хорошего ждать не приходилось. Видеть мы ничего не видели, но слышали, как пронзительные крики, стоны и мольбы о пощаде мешались с топотом ног, лязгом оружия и наводящими ужас глухими ударами.

Мне стало не по себе.

— Поднажми! — крикнул я Голиасу, который плелся сзади нога за ногу, таращась во все глаза.

Сама битва была скрыта от наших глаз. За высокими стенами творились чудовищные деяния. Казалось, там удовлетворенно рычит свора огромных бульдогов, мертвой хваткой стиснувших свои челюсти на горле жертв. Вдруг все переменилось. Раздался один слитный вопль ужаса.

— Погодите-ка! — крикнул нам Голиас.

И тут же нападавшие посыпались обратно. Иных из них выкидывало назад с такой силой, что они валились друг на друга кучей. Их сбивали с ног и топтали целые эшелоны. Упавшие первыми служили подстилкой новому пополнению. Паника была неудержимой. Возрастающее удивление мешало мне ощутить страх. Что могло обратить в бегство сплоченный, как монолит, отряд? Армия распылилась: воины удирали кто куда, лишь бы избежать преследования. Только одна-единственная рота драпанула вдоль по Уотлинг-стрит.

— Здесь брат Жан! — взволнованно воскликнул Голиас. — Глядите в оба.

Я не сразу взял в толк, что лысый толстяк в дерюжной хламиде отнюдь не спасался бегством. Но вот он догнал удиравших и размахнулся дубиной. Она имела странные очертания и напоминала скорее томагавк с ручкой, нежели обычное оружие. Однако он знал, как с ним следует обращаться. При первом же ударе со стены слетело дюжины две солдат. Головы иных отделились от туловища прежде, чем убитые

коснулись земли. Но и те, кому повезло сохранить голову, больше уже не шевелились.

— Боже всемогущий! — вскричал Луций.

— Ловко! — прокомментировал Голиас. — Вот что значит хороший глазомер.

Он был явно доволен исходом сражения, и я, пожалуй, тоже. Сами полезли на рожон — вот и получили по заслугам. Плешивый измолотил всех, кого настиг на дороге, и затем кинулся догонять рассеявшийся по полю остаток армии.

— Вот это да, молодцом! — восхищенно выдохнул я. — С таким ухо надо держать востро. Эк он с ними разделывается!

Лысый герой дубасил врагов вдоль и поперек. Подбрасывал в воздух и поражал, прежде чем они успевали коснуться земли. Крушил головы, отрубал конечности, потрошил животы... Скашивал взводы, разбивал дивизионы, кромсал роты, рассеивал батальоны и уничтожал полки. Я ожидал, что он, будто ласка, будет хозяйничать в курятнике, пока всех не передушит, но вдруг в самый разгар битвы, исход которой, впрочем, был предрешен, он уселся на землю и скомандовал:

— Принесите вина! У меня что-то в горле пересохло.

— Может, и нам перепадет глоточек? — заметил как бы вскользь Голиас.

Вполне сытый виденным зрелищем, я внутренне возликовал, услышав слова Луция:

— Мне кажется, здешним хозяевам сейчас не до визитеров.

— По нашей одежде сразу поймут, что мы нездешние, — сказал Голиас. — Давайте подойдем.

Как я того и опасался, он направился прямиком к плешивому громиле. К тому, откликнувшись на зов, местные обитатели уже тащили громадные оплетенные бутыли требуемого напитка. У всех у них были выбритые, загорелые макушки. Делом доказав свое восхищение доблестью брата Жана наиболее уместным способом, они без лишних слов построились колонной и удалились с пением псалма. Мы подошли к победителю,

когда он остался в одиночестве, — Голиас впереди нас шагов на шесть.

К моему великому облегчению, в ответ на приветствие Голиаса лысый не схватился за дубинку. Вместо этого он обвел взглядом груды поверженных врагов.

— По натуре я человек спокойный, миролюбивый, — признался он, облизав губы. — Но тут они меня достали.

— Больше это с их стороны наверняка не повторится, — заметил Голиас.

Я во все глаза разглядывал его дубинку, но тронуть не смел, опасаясь его рассердить. Она напоминала мне перекладину от распятия, какие выносят во время церковных процессий.

— А чем они провинились?

Брат Жан осушил кружку белого вина и вновь наполнил ее до краев.

— Я смиренный слуга Всевышнего, — настойчиво повторил он, — и потому, когда лернейцы вторглись в нашу страну, не считаясь с Господними заповедями, доктринами дипломатии, правилами хорошего вкуса, добрым настроением короля Грангузье, желаниями моих соотечественников, соображениями своего же благополучия и советами собственных жен — которые теперь получили все основания заявить оставшимся в живых: «Ну вот, я же тебе говорила!» — я молился о спасении их душ. Когда они принялись жечь и грабить наши города, я читал «Pax vobiscum». Когда они стали насиловать женщин, я без конца твердил «Ave». Когда убивали мужчин — повторял «Pater noster». Когда они вторглись в священные пределы нашей обители, я — прекрасно это помню — читал краткую молитву, перебирая четки. Но когда они стали опустошать наши виноградники и вырубать лозу, терпение у меня лопнуло.

Он залпом осушил кружку, наполнил ее снова и протянул нам.

— Будешь, Голиас?

Мы, хотя и с меньшим воодушевлением, приложились к ней по очереди. Вино было отличное. Брат Жан благосклонно поглядывал на нас.

— Наибольший грех этих несчастных состоял в попытке нарушить закон природы, установленный всемогущим Богом, когда мироздание выскочило у него из мозга — только потому, что он подумал о нем: наподобие того, как Афина вышла из головы Зевса, к немалому его облегчению.

Близлежащая жертва шевельнулась, но брат Жан ткнул ее острым концом своей дубинки, и поверженный затих уже навсегда.

— К несчастью, только божество может ухитриться выкинуть женщину из головы полностью и без труда, но это совсем другой вопрос. Мироздание, как помысленное и явленное на свет, крепится естественными связями. Моя очередь, друзья. — Он отнял у меня кружку и вновь налил ее доверху. — Что, например, скрепляет половинки раковины?

— Никогда не задумывался о строении раковин, — признался я.

— Их скрепляет моллюск, — заявил брат Жан, сделав последний глоток. — И, в свою очередь, раковина удерживает моллюска на месте и предохраняет от блужданий, к которым моллюск не предназначен ни своим устройством, ни волевыми стремлениями. Видите, какое во всем царит равновесие? Поразительное. С такою же легкостью можно выявить изначальное естественное родство, существующее между монахами и вином. Как мне удалось заметить — а я со всею тщательностью вникал в этот вопрос — одно здесь немыслимо без другого. Монах предназначен быть вместилищем для вина, каковое в противном случае не получает должного употребления. Без вина же монах способен рассыпаться на части, лишившись единственной на свете безотказной смазки, которую Всевышний изобрел для скрепления его состава. Вы уже завтракали?

— Нет, — ответил Голиас, — но надеемся позавтракать с вами, если только ваша кухня не слишком пострадала от сегодняшнего недоразумения.

— Зайдем в обитель. Я о вас позабочусь.

Брат Жан ухватил последнюю бутыль, в которой еще булькала влага.

— Поскольку бремя убийств этих заблудших грешников ложится на меня, то похоронить их я предоставляю братьям по ордену. Они же прочтут молитвы над телами, прежде чем предать их земле — поближе к преисподней — и пожелать им счастливого пути туда. Что ж, пора двигаться и нам. Вон уже идет бригада с заступами.

Мы позавтракали холодной ветчиной, олениной, каплуном, говядиной, колбасой копченой, вареной и ливерной, куропатками, пармезаном, рокфором и прочими сырами, запивая все это вином, которое превосходно сочеталось с любым блюдом. Даже Джонс, к моему удовольствию, ел так, что за ушами трещало. Все утро он был хмур как туча, но за едой развеселился, чему немало способствовали оживленные рассказы брата Жана. Наш приятель даже как будто забыл о необходимости спешки и перестал нас понукать поскорее отправиться в путь.

Раньше мне не очень-то доводилось общаться с представителями церкви. Теперь я понял, что многое потерял. Хотя, как всячески подчеркивал наш хозяин, он сильно отличался от своих собратьев. Так, например, он обучил нас замечательной песне. Мы затянули ее, как только вновь выбрались на Уотлинг-стрит.

Думал я, как это часто бывает, и о том, и о другом. Одна половина моей души наслаждалась весельем, тогда как вторая трудилась над новой мыслью. В брате Жане меня поразила широкая эрудиция, но только благодаря ему я обнаружил, что информация может не обязательно использоваться в практических целях, а просто служить источником потехи. Взять хотя бы песню, которой он нас научил. Смысл ее в целом мне был понятен. Однако она показалась бы мне куда занятней, будь я знаком с ее персонажами. Я решил, что расспрошу о них Голиаса или раскопаю нужные сведения откуда сумею.

Но серьезные раздумья, как я уже сказал, ничуть не мешали мне вопить во всю глотку. Песня нас окрылила. В ней содержалось множество приятных для меня сюрпризов. Взять хотя бы только паузу. Она давала в середине каждого стиха свободу икнуть или

отрыгнуть, прежде чем наклонится вперед и топнуть что есть силы, отбивая первый слог второй половины строчки.

Старичина Зевс обзавелся телкой;
Гера ни на грош в ней не видит толка:
— Знаю я, зачем муженьку телица;
Не желаю с ней первенством делиться!
За здоровье Зевса, за любовь к животным!
Как ни клялся шалопут:
Все, мол, в фермеры идут, —
Был супругою он вздут —
Урок наглядный вот нам!

Юный Адонис славился немало:
Все же кой-чего парню не хватало:
Афродита зря бедрами вертела —
Не расшевелить импотента тело.
Спи спокойно, малый, — заслужил ты вышку!
Вепря подстрелить не смог —
И клыки вонзились в бок...
Эй, какую ж ты, пенек,
Проморгал малышку!

Полюбил кентавр даму-лапифянку:
Заманить хотел на тихую полянку.
Шлюшка же ему (охай или ахай)
Фыркнула в ответ: — А пошел ты...

— Стоп! — отчаянно замахал руками Джонс. — Прикусите языки... Здесь дама.

Он заметил ее, хотя показалась одна только шляпка. Затем женщина полностью выбралась из придорожной канавы. Растрепанной, чумазой, до неотразимости ей было далеко. Оглядевшись по сторонам, она с недоумением уставилась на нас.

— Да ведь это же служанка леди Гермионы! — изумленно воскликнул Голиас.

Женщина тут же разразилась воплями:

— Господин Луций! О господин Луций!

Мы сообразили, что случилось какое-то несчастье, и мгновенно протрезвели. Джонс сразу ударился в панику.

— Что случилось? — возопил он, подбегая к служанке. — Отвечай сейчас же, где она?

Луций схватил девицу, но на руках у него она лишилась чувств. Джонс стоял, беспомощно придерживая ее на весу.

— О, Господи! Она в обмороке.

Мы не могли привести ее в сознание, как ни старались. Наконец Голиас предложил новое средство:

— Говорят, когда все средства исчерпаны, больного нужно стукнуть камнем по макушке, и оцепенение как рукой снимет. Дай-ка мне камень, Шендон. Нет, вон тот, поострей.

— Она приходит в себя! — воскликнул Луций.

Девушка поморгала, затем открыла глаза.

— Отвечай, где моя Гермиона! — встряхнул ее Джонс.

Служанка передернула плечами.

— Никого не беспокоит, что случилось со мной. А ведь мне пришлось хуже некоторых.

— Как же, нас это очень, очень беспокоит, — торопливо заверил ее Джонс, — но еще больше нас интересует, почему ты одна, а не вместе с хозяйкой.

— После обморока — настоящего, а не притворного! — заговорила служанка, с негодованием взглянув на Голиаса, — многого не помнишь.

Голиас вытащил свой нож.

— Пустим ей кровь, — предложил он. — Это проясняет рассудок.

Я давно понял, что черствость его притворна.

— Современная медицина, — поддакнул я, — утверждает, что пускать кровь лучше всего из шейной вены. Закинь-ка ей голову назад, Луций.

Служанка с визгом села.

— Думаете, приятно, когда душат, а потом вышвыривают связанную из кареты? Мне пришлось несколько часов барахтаться в грязи, да еще в лучшем платье!

— Конечно, вы были огорчены. Мы поначалу просто не разобрались, в чем дело, — утешил ее Голиас. — Но как мудро вы поступили, сумев сбросить с себя путы!

— Правда? И я даже не звала на помощь.

Девица улыбнулась ему и затем благосклонно взглянула на нас с Луцием. Ей хотелось, чтобы ее оценили, и она уже поняла, что роль героини не менее привлекательна, чем роль жертвы.

— А я вам говорила, что они и кляп впихнули мне в рот?

Луций уже не мог терпеть разговоров вокруг да около.

— Но теперь у вас нет кляпа во рту, миссис Дженкинс. Так скажите нам наконец, что случилось?

— После того, как мы увидели вас и вашу подругу этим утром?

Это был слишком болезненный щипок. Бедняга Джонс разом утратил дар речи. Наказав его за нетерпение, служанка победно улыбнулась и продолжала:

— Карета стояла наготове, и можно было не торопиться. Но моя госпожа не желала завтракать под одной крышей с вами, и я не виню ее, хотя тогда упрекала, потому что умирала от голода. Итак, мы отправились в путь. Нет ничего хуже, чем трястись в карете на пустой желудок, знаете ли. Наконец мы достигли постоялого двора на окраине Фив, там-то мы и покушали. У меня уже в глазах было темно, когда я...

Луций в отчаянии сжал кулаки.

— Умоляю вас... — пробормотал он.

Миссис Дженкинс словно и не слышала.

— Да, это был прекрасный завтрак. Не помню, чтобы я когда-то ела такие вкусные бараньи отбивные... как бы хотелось опять их отведать! К счастью, все случилось уже не натощак. Какие-то мужчины остановили карету, навели на нас пистолеты и пересадили из нашей кареты в их собственную. Я прямотаки чуть в обморок не упала.

Не в силах говорить, Луций просительно воззрился на нее.

— Далеко ли вы отъехали от постоялого двора? — спросил я.

— Прошло где-то около часа, потому как на желудке у меня уже не было такой тяжести.

— Это произошло где-то в самой гуще тумана, — прикинул Голиас, — там дорога идет мимо старого пристанища Хереварда. Сколько было мужчин, миссис Дженкинс?

— Четверо. Один из них с огромными ручищами: тот, что схватил меня и высадил из кареты. Но зубов моих он отведал — еще как! Я в него так и впилась. А в другого — нет, хотя негодяй засунул мне кляп в рот. Такой противный!

— Не все же мужчины сравнятся по вкусу с бараньими отбивными, — заверил ее Голиас. — А двое других занялись вашей госпожой?

— Да, когда они втолкнули меня в карету, моя госпожа, как я и предполагала, была уже там. Слуги обязаны дожидаться своей очереди.

— Но почему они вас отпустили? — поинтересовался я.

— А не мою госпожу? Вкусы, знаете ли, всякие бывают. И потом, ведь это не она лягнула в зад того, который нагнулся к кучеру. Дверцу закрыли неплотно, и вот я...

— Но вы же говорили, будто вас связали?

— Да, так оно и было. — Миссис Дженкинс попыталась стереть со щеки грязь, но только размазала ее еще больше. — Когда ноги связаны вместе, приходится действовать обеими сразу. Он наступил мне на мозоль, высунувшись из окна кареты, и я прямо-таки озверела. Ну, и поддала ему хорошенько. Он вывалился и угодил под заднее колесо. А потом — не понимаю, какая муха его укусила... Даже не успев отдышаться, чтобы выругаться, он выволок меня наружу и швырнул в канаву, а карета покатила дальше.

— Кто-нибудь из нападавших вам знаком?

Миссис Дженкинс вскочила на ноги, и мы поднялись тоже.

— Я с подобными особами не вожусь. Вообще предпочитаю ни с кем из мужчин не знаться, хотя получаю немало предложений.

— Но, — не выдержал Луций, — вы же слышали, о чем они говорили. Есть ли у вас какие-то предпо-

ложения относительно того, кто они такие и что побудило их решиться на столь разбойное предприятие?

— Наконец-то хоть один из вас догадался задать мне этот вопрос, — отвечала миссис Дженкинс, вся просияв. — Господину Равану следовало бы поостеречься и не давать своим людям письма с собственной печатью, если он не хочет прослыть бандитом, оскорбившим женщин — меня и мою госпожу (меня, впрочем, гораздо больше). Ведь я столько раз видела эту печать, когда за плату, и весьма неплохую, надо сказать, относила любовные записочки от него сами знаете кому. Тот мерзавец, которого я лягнула, должно быть, оставил письмо на дороге вместе с двумя передними зубами — вот разиня! Да и я не сразу обратила внимание на письмо, пока ветер не швырнул его в лужу поблизости от меня. Однако даже и не думала его распечатывать, пока руки не сумела высвободить.

15. Маршрут меняется

В письме, которое предъявила нам миссис Дженкинс, содержалось всего несколько слов, и смысл их был не вполне ясен. Предназначалось оно Элиасу Хосесону и гласило следующее: «Продолжайте наблюдать. Я задерживаюсь. Ценности везите туда, где бы я был, если бы мог. Ждите там». Подпись отсутствовала — зато на воске была оттиснута печать. Джонс тотчас же подтвердил, что это печать дона Родриго. Бросив письмо, он схватил миссис Дженкинс за плечо.

— Куда направилась карета? В столицу, в одно из поместий Равана? Или еще куда-то? Отвечайте же, черт возьми!

Перепуганная служанка начала хныкать.

— Отпустите, господин Луций! При чем тут я?

— Полегче, парень! — заступился я за нее. — Если ты запугаешь ее до смерти, она не сможет говорить.

— Разве теперь не ясно, что это он похитил Гермиону? Ах он бестия, негодяй! Я разыщу ее, а его убью.

Глаза Луция сверкали бешенством.

— Они еще не встретились, — Голиас, подняв с земли письмо, сунул его в лицо Джонсу. — Вот почему Равану пришлось взяться за перо. Давай-ка успокойся и вместе выясним, что к чему.

Перечитав письмо, Луций немного остыл.

— Он пишет, что задерживается.

— Да, — подтвердил я. — Зацепимся пока за это. Говорили они о чем-либо достойном внимания, миссис Дженкинс?

К служанке вернулось самообладание.

— Ну, один из них сказал: «Какая красавица!» Не знаю, ко мне это относилось или к моей госпоже...

Я едва удержался от страдальческой мины.

— Обмолвились ли они как-нибудь о своих намерениях?

— Нет, — ее раздражало, что приходится отвечать односложно. — Что нет, то нет.

— Свидетельство в пользу твоей догадки, — сказал я Голиасу.

— Вернемся к похищению, — предложил он. — Из письма ясно, что Раван приказал этому самому Хосесону выжидать, не подвернется ли удобный случай для похищения леди Гермионы. Узнав, что она путешествует по Уотлинг-стрит, злоумышленники обогнали ее и устроили засаду в густом тумане, посреди болот. Но ведь она сама соорудила себе ловушку! Что заставило вас уехать из дома?

— Вот именно! — оживился Луций. — Я и сам хотел это спросить.

— Вот и спросили бы, вместо того чтобы пугать до смерти, — вставила миссис Дженкинс. — Я поехала вместе с ней, потому что мистеру Готорну не нужны горничные. Во всяком случае, для порядочных целей. Зря он меня обхаживает и распускает хвост, будто кочет, старый пакостник. Что же до моей госпожи, то она поехала, ни словом не обмолвившись отцу. Старик не одобрил бы ее поступка. А если бы он знал, ради кого она это затеяла!.. Ради нищего бастарда. Леди покинула дом, потому как думала, что господин Луций направляется в столицу.

— Как! — воскликнул Луций. — Да ведь она и говорить со мной тогда не пожелала, перед моим отъездом.

— Но потом она решила, что лорд Раван очернил вас, и хотела сама просить у вас прощения.

— О! — простонал Луций, корчась, словно от боли.

— Но, очутившись в Аптоне, — невозмутимо продолжала служанка, — моя госпожа поняла, что лорд Раван, возможно, не так уж и погрешил против правды. Однако домой возвращаться не стала: ей хотелось выждать, пока папаша успокоится. Попутно она ре-

шила навестить друзей в столице. Я прямо-таки обрадовалась, потому как сроду еще там не бывала. Ох и плакала же она в карете, ох и причитала, и вот...

— Достаточно, — прервал ее Голиас.

Миссис Дженкинс негодующе прищурилась:

— Но вы же сами потребовали, чтобы я рассказывала!

— А теперь прошу вас помолчать, — отрезал Голиас, — иначе мы найдем кляп и вернем его на прежнее место.

Он повернулся к Джонсу.

— Соберись с духом, Луций. Что, по-твоему, могло удержать Родриго от встречи с леди Гермионой теперь, уже после похищения?

Подавленный Джонс сделал над собой усилие, чтобы сосредоточиться.

— Задержать его может, — размышлял он вслух (видно, так ему было проще), — только король. Конечно!

Догадка немного улучшила ему настроение, и он уже не смотрел так страдальчески.

— Наверное, король желает, чтобы он оставался при дворе. Или же он принимает меры, стараясь не утратить положение королевского фаворита.

— Хорошо, — кивнул Голиас, — но как узнать, где находится леди Гермиона? Разве это подсказка?

— Нет, — согласился Луций. Но не впал в уныние, напротив, лицо его приобрело волевое выражение. — У Равана около дюжины замков и поместий. Он может прятать ее где угодно. Необходимо разыскать его самого и заставить выложить тайну. Думаю, мы вскоре нападем на его след.

— Он или при дворе, или на пути туда, — поддакнул Голиас. — Возьмемся за поиски.

Пройдя несколько миль по Уотлинг-стрит, мы увидели вывеску постоялого двора. Заказав для миссис Дженкинс карету, которая отбывала на восток, мы отправились побродить по Карлиону. Хотелось отдохнуть от дамского общества, а заодно скоротать время, дожидаясь кареты с рейсом на запад. К лишним тратам вынуждала спешка. Деревушка показалась мне любопытной, но я не успел как следует все рассмотреть.

Едва вернувшись на постоялый двор, Голиас, как обычно, нашел хозяина и вытряс все имевшиеся у того сведения. И тут же поспешил к нашему столу со словами:

— Ешьте, да побыстрей!

— А куда такая гонка? — поинтересовался я. — Изменилось расписание?

— Мы не поедем ни в Илион, ни дальше по Уотлинг-стрит, — ответил Голиас. — Прошел слух, что король сейчас не в столице, а в одной из своих летних резиденций, неподалеку от Паруара. Это на северо-запад по боковой дороге.

Ужин мы все-таки успели проглотить. К счастью, от сытости и усталости нас разморило и клонило в сон. Иначе тем, кто намерен спать в почтовой карете, не помогут никакие снотворные. Поначалу я не без удовлетворения отметил, что, помимо нас, в карете будет всего один пассажир.

— Спокойной ночи, — пробормотал я, свертываясь в уголке калачиком.

— Спокойной, — зевнул Голиас, — дороги превосходные, мили так и полетят. К завтраку будем на месте.

Но первая же сотня ярдов вытряхнула из меня все мечты об уюте. По завершении пути я был счастлив вылезти наконец из повозки, хотя совершенно не имел для этого сил. Преодолевая боль во всем теле, я спустился на землю и сквозь пыль, запорошившую мне глаза, взглянул на Паруар.

В целом город напоминал мне старую часть Нового Орлеана. Каждое здание стояло как будто особняком. Улицы, однако, были у́же, хотя на главной царили шум и оживление. Дальше мы никуда не пошли: уж очень хотелось пить и есть. Да и умыться не мешало.

— Что ты собираешься предпринять первым делом? — спросил у Джонса Голиас, когда завтрак и эль вернули нас к жизни.

Луций вскинул голову.

— Найти оружейника, который отточил бы мне меч. А тем временем навещу клуб «Адское Пламя». Я не являюсь его членом, но туда вхожи несколько моих однокашников по университету. Разнюхивать дворцо-

вые новости — для них одна из заповедей. Они-то уж точно знают, при дворе ли дон Родриго. И о его недавних предприятиях наверняка ходят слухи.

Голиас кивнул.

— Встретимся здесь, в «Еловой Шишке». Нам с Шендоном надо для Ксанаду поприличнее приодеться.

Переменить костюм я был не прочь. Мой старый наряд я носил всего три недели, но он уже изрядно мне надоел. Хотя кружевные рубашки, которые мы заказали, были слишком уж кокетливы, на мой вкус, я готов был согласиться на стиль Джонса. Мой ярко-золотой жакет был поскромнее, чем у Голиаса, без алой, как губная помада, отделки. Но темно-бордовый камзол над лимонного цвета короткими штанишками выглядел куда более кричащим, чем любая модная одежка, какую я рискнул бы натянуть на себя в Чикаго.

— Главная беда в том, — шепнул мне Голиас после того, как мы примерили башмаки, — что они потребуют рассчитаться наличными с курьером, который явится к нам в полдень. А срочная подгонка влетит в копеечку. — Он подбросил на ладони мелкую монетку. — Хорошо, если хотя бы это останется.

— Черт побери, но что же делать? Нельзя ли тебе выжать что-нибудь у здешнего короля за пение? Ведь заплатил же тебе за это — как его там — Хротгар?

— Не раньше, чем его свяжут веревкой. Джамшид не желает со мной видеться. Надо еще что-то придумать.

— Заложить кольцо Луция?

— Нет. Оно ему дорого, да и какая в этом необходимость?

По пути в гостиницу Голиас молчал, погруженный в финансовые проблемы. Так как мои предложения иссякли, я шел, глазея по сторонам. Поэтому именно я первым увидел молодую красавицу в открытом экипаже, который стоял у дверей лавки. По вине ли беспечного ветерка или по ее собственному капризу, подол платья завернулся, открыв ногу по колено.

Я зажмурился, не веря своим глазам. Голиас терпеть не мог праздного любопытства, но я вспомнил о своей

решимости расспрашивать обо всех замечательных людях, попадающихся мне в Романии.

— Что там за малышка в карете? — спросил я. — Если ножка, которую она выставила, непохожа на золотую, считай, что я в этом деле круглый идиот.

— Что? А, да это же Кильмансегг!

Голиас остановился и вдруг, круто развернувшись, пересек улицу. С небрежным видом мы миновали ослепительно сверкающую ногу и уже приближались к лошадям, впряженным в карету. Заглядевшись на девушку, которой, казалось, было лестно, что мы по достоинству оценили предмет ее гордости, я вздрогнул оттого, что ближайшая лошадь неожиданно заржала и взвилась на дыбы. Я заметил, что Голиас сунул нож в карман, а другой рукой схватил лошадь под уздцы. Ему нелегко было удерживать ее, так как лошадь рвалась вперед, увлекая за собой свою пару. Девушка, поддавая жару суматохе, пронзительно визжала, еще больше пугая лошадей.

— Шендон, сюда! — крикнул Голиас. — Держи их!

Я подскочил к нему на помощь. Не так-то просто было удержать испуганных лошадей, стремившихся изо всех сил встать на дыбы.

— Оставь девушку! — крикнул я, потому что Голиас ринулся к ней. — Куда запропастился этот проклятый кучер?

Голиас оказался рядом с девушкой, и она завизжала еще неистовей. К счастью, переполох привлек внимание кучера. Вылетев из лавки, он вспрыгнул на облучок и схватился за поводья.

— Отпускай! Сейчас же! — взревел Голиас. Я не был уверен, стоит ли мне бросать лошадей, пока кучер не успокоит их, но положился на Голиаса. Отпустив уздечку, я отскочил в сторону. Пара, почувствовав свободу, резко рванула вперед. Нельзя было сказать, что лошади понесли, но хлопот вознице хватило надолго. Он честил меня на все корки — и за дело. Но почему, с ненавистью оглядываясь на нас, так отчаянно вопила девица?

Наверное, заметила, как Голиас кольнул кобылу. Я повернулся, чтобы отчитать его за такую глупую шутку, а заодно поторопить, пока сюда не подоспела

полиция. Но он был уже далеко впереди меня. Свернув в переулок, он побежал так, что пятки засверкали.

— Шендон, догоняй! — рявкнул он мне. Он завернул за угол, в руках у него что-то блеснуло. Я понесся что есть мочи, потому что Голиас, надо сказать, взял ноги в руки — и не обе, а целых три.

Голиас был очень доволен собой, но мне его проделка пришлась не по душе. Я и сам не всегда вел себя прилично, но похищение протеза представлялось мне крайней низостью. Я ткнул большим пальцем в эту штуковину, на которой еще болтались клочки только что перерезанных подвязок.

— Какого черта ты это сделал?

Он хмыкнул.

— Жаль, что она пустая. Но иначе я бы не смог стянуть ее. Можно загнать за кругленькую сумму. Это не серебро и не сплав, милый мой; здесь не обошлось без прикосновения Мидаса.

— Кто такой Мидас? Впрочем, неважно. Я знаю, мы нуждаемся в деньгах, но неужели для этого необходимо грабить калеку?

Голиас сохранял невозмутимый вид.

— Кильмансегг закажет другой протез и украсит его бриллиантами. Не будь она одноногой, так выдумала бы другой способ бахвальства. Не беспокойся о ней. Кстати, хвастовство, согласно Делосскому закону, подлежит наказанию.

— Да, она явно пускала пыль в глаза, — согласился я. Теперь, когда я узнал, что девушка богата, у меня отлегло от сердца. Я даже улыбнулся. — Как тебе удалось заполучить ее ходулю? Разве девица не сопротивлялась?

— Так получилось, что нет. Лошади поднялись на дыбы, но коляска не тронулась с места. Девушка, вообразив, что я спешу к ней на помощь, позволила себе упасть в обморок. Но поторопимся. Заложим протез у Барабаса, пока стража не накрыла нас с поличным.

Возвращаясь в «Еловую Шишку», мы увидели Джонса. Юноша взволнованно расхаживал взад и вперед перед дверями гостиницы.

— Удалось что-то разузнать? — спросил я, когда мы входили в обеденную залу. Луций рывком выдвинул кресло и плюхнулся в него.

— Раван при дворе и так занят, что ему некогда выбраться в город.

— Хорошего мало, — заметил Голиас. — Я бы предпочел беседовать с ним подальше от короля и королевской стражи. — Он задумчиво потеребил нос. — Можно, конечно, подождать, пока он освободится, но ведь ты хочешь идти туда немедленно.

— Я иду туда сейчас, — заявил Джонс. — Почему я должен ждать, пока дон Родриго освободится?

— Правильно, — согласился Голиас. — Итак, поднимаем забрала. Но сперва давайте перекусим — мне не хочется умирать натощак, да и тряпки наши вот-вот принесут. Далеко ли отсюда до Ксанаду, Луций?

— Примерно семь миль.

— Я так и представлял. — Голиас позвенел кошельком. — Мы при деньгах и до садов доберемся в карете.

— А почему не до самого дворца? — спросил я.

— Нас туда не приглашали, и если мы подкатим с шиком, привлечем ненужное внимание.

— Неплохо бы подробнее разработать план кампании, — заметил я двумя часами позже, уже в пути.

Голиас прекратил насвистывать и улыбнулся.

— Мы не такие глупцы, как тебе кажется, — возразил он. — Здравый смысл велит нарываться на неприятности. Именно тогда видно, на что идешь; а если сидеть на месте, они подкрадутся, как змеи, и сцапают, словно куропатку, высиживающую яйца. В нашем деле трудно что-либо предвидеть. Спасая шкуру от охотника, исхитришься освободить хвост из капкана.

Меня не слишком утешила его философия. Настроение не улучшилось, даже когда мы достигли окрестностей Ксанаду. Город был обнесен стеной, как главная тюрьма штата. У ворот стояла стража, и они запирались за теми, кто въезжал.

Но вид дворца меня немного развеселил. Все в нем было предназначено для утехи и покоя: даже мысль о насилии казалась нелепой. И парк вокруг дворца

услаждал глаз обилием зелени и цветов. В нем было множество фонтанов и извилистых тропок для прогулок. Выйдя из кареты, мы пошли по одной из таких дорожек.

Большинство прохожих, попадавшихся нам, прогуливались безо всякой видимой цели. Мужчины были вооружены, но в остальном все здесь походило на Линкольн-Парк: не хватало только детей и голубей. Тенистые аллеи располагали к праздности и неге, и наша стремительная, деловая походка не могла не показаться странной. Голиас разделял мои опасения.

— Нам не следует так спешить, Луций. На нас оглядываются.

— Боитесь — так не идите со мной, — отрезал Джонс. Но тут же почувствовал себя виноватым. — То есть я не то хотел сказать. Но я не могу не торопиться.

— Тише едешь — дальше будешь, — проворчал я. — Смотри хотя бы, куда идешь. Вовсе незачем налетать на людей, даже если очень спешишь.

Джонс, заговорившись с Голиасом, не успел уступить дорогу показавшимся из-за поворота всадникам. Юноша обернулся, но вместо того, чтобы посторониться, шагнул им навстречу.

— Родриго! — воскликнул он. В голосе его послышалась угроза, и глаза засверкали яростью. Однако всадник даже глазом не моргнул. Он остановился с самым безмятежным видом, как если бы перед ним зудела крохотная мошка.

— Берегись, Луций! — крикнул я. Но вместо пистолета Родриго извлек из кармана лорнет. Сквозь это приспособление, созданное словно бы специально для высокомерных особ, он окинул взглядом шумливого юнца.

— Если это только не мой мнимый родич, мистер Джонс, то вид у этого незнакомца столь же глупый.

Луций был настолько разъярен, что, казалось, его трудно было чем-либо допечь. Однако поняв, что Раван ничуть не испуган, а, напротив, потешается над ним, юноша взвился, как ужаленный. Он подскочил к кузену и сгреб его блузу.

— Черт бы тебя побрал, негодяй! Где она?

— Потише, ты, дуралей! — вмешался попутчик Равана. — Это же королевский фаворит.

Он попытался оттолкнуть руку Джонса, и совершенно напрасно. Удивительно было, что Джонс, добродушнейший из людей, способен на такую ярость. Гнев овладел им всецело, полностью помрачив рассудок.

— Какого дьявола меня должно это заботить, если король не нашел никого получше? — крикнул он, с силой толкнув придворного. Тот, перекувырнувшись через собственный меч, плюхнулся задницей в пруд, да так и увяз там. Луций рванул блузу дона Родриго.

— Где она, я тебя спрашиваю?

Не помню двух более красивых мужчин, которым бы довелось столкнуться лицом к лицу. При одинаковом росте они значительно отличались друг от друга. Джонс был рыжеват, крепко сложен и лучился здоровьем. Его соперник — темноволос и более гибок. Сложение он имел атлетическое, но кожа его была бледна, как у человека, почти не выходящего на открытый воздух. Глаза, обведенные синевой, умели не выдавать истинных мыслей и чувств хозяина.

Раван с мягким укором смотрел на Джонса.

— О чем ты? Не понимаю. Осторожней, не помни мою свежую блузу.

Луций, довольный, что вынудил его говорить, разжал пальцы.

— Я спрашиваю о леди Гермионе ап Готорн, которую похитили твои мерзавцы. Где она?

— Ах, ты имеешь в виду мою невесту?

— Мою, будь ты проклят! Она была бы моею, если бы не ты.

— Король судил иначе, — сказал дон Родриго. — Я настоятельно просил его благословения на брак с леди Гермионой.

— К черту короля! — взревел Джонс. — Какое ему дело до нее? Она не его подопечная.

Спутник Равана выбрался из пруда.

— Не смейте так говорить о его величестве! — крикнул он.

Да и мне, признаться, показалось не слишком уместным полоскать имя короля на всю округу.

— Что скажешь? — шепнул я Голиасу. — Не лучше ли как-то его отвлечь?

— Бесполезно, — пробормотал Голиас, — еще хорошо, коли, побранившись, он выпустит все пары.

Пока мы шептались, дон Родриго раздумывал, как бы еще больнее кольнуть Луция.

— Леди, конечно, возражала против такого выбора. Но если бы она не хотела, чтобы король выдавал ее замуж, то не покинула бы отца. А теперь она сама постелила себе ложе, и я займу его.

Луций ответил Равану сокрушительным ударом в челюсть. Противник с треском рухнул в кусты. Схватка обещала быть крупной. Голиас подскочил к спутнику Равана, но поздно. Прежде чем он сдавил ему горло, придворный завопил.

— На помощь! Стража! Напали на Равана!

Послышались крики и топот бегущих ног. Джонс обнажил свой меч.

— Тебя ударили, так?.. Защищайся, чтобы я смог тебя убить.

Равану не надо было говорить об этом дважды. Быстро очухавшись, он вскочил и вытащил меч. От напускного безразличия не осталось и следа. Ясно было, шутить он не намерен. Перед Луцием стоял убийца, жаждущий свежей крови.

И я вытащил свою шпагу, хотя не знал, против кого ее обратить. Но просто стоять и смотреть было невозможно. Подоспела королевская стража. Ясно было, что возмутители спокойствия — это мы. Противников было слишком много, чтобы защищаться. Да и не стоило осложнять ситуацию, оказывая сопротивление властям. Приставив к каждому из нас по четыре человека, командир стражи отдал честь Равану.

— В замок Иф, господин?

За Равана ответил его спутник, предварительно прокашлявшись и повертев шеей, еще хранившей отпечатки пальцев Голиаса.

— Да, в замок Иф, — прошептал он, свистя и хрипя. — Заковать в кандалы и в подземелье.

Офицер раскрыл записную книжку.

— По какому обвинению, сэр?

— Покушение на жизнь в пределах дворца его королевского величества, и...

— Обождите минуточку, Варни, — вмешался Раван. — Как потерпевший, я тоже имею право кое-что сказать.

— Конечно, сэр, — испуганно промямлил Варни, — я только...

— Вы только забыли свое место, — отрезал Раван. — Командир, вы не могли бы подождать, пока я опрошу пленников?

— Сколько будет угодно вашей светлости.

Дон Родриго приблизился вплотную к Джонсу. Юноша смотрел на него с ненавистью.

— Другой бы отомстил тебе, — произнес Раван, — но сердце мое настроено милостиво. Ведь скоро моя свадьба.

Луций молчал. Во взгляде его было и отчаяние и отвращение.

— Из замка Иф ты выйдешь только пережив короля, да хранит Господь его величество! — сняв шляпу и воздев глаза к небу, сказал дон Родриго. Варни последовал его примеру, а капитан встал навытяжку. Оба произнесли: «Аминь».

— Новый монарх по традиции объявит амнистию, — пояснил Раван. — Но надо сказать, что наш мудрейший и милостивейший король пышет здоровьем, а замок Иф курортом не назовешь. Твои шансы попасть на мою свадьбу ничтожны.

Джонс побледнел. Он не смотрел в мою сторону, иначе бы понял, что и меня мутит от страха. Ведь приговор касался и нас с Голиасом. Когда бы и я не потерял возлюбленной, то пожалел бы, что впутался в это дело.

— Итак, — продолжал дон Родриго, — я готов возненавидеть любого, кто только помыслит, что мой родственник не придет ко мне на свадьбу. Разве ты не поздравишь мою милую невесту и меня, когда брачные узы свяжут нас и наши души — и, разумеется плоть — сольются воедино. — Раван ловко приладил зажимы, осталось только сокрушить кости. — Я желаю этого как родственник и как великодушный человек. Чем гнить заживо в тюрьме, наслаждайся сво-

бодой — ешь, пей, развлекайся, женись на любой женщине, которая пожелает стать супругой сомнительного наследника. Но прежде поклянись, что придешь на мою свадьбу.

Я так обрадовался, что даже не задумался о том, какая жестокость кроется за этим предложением. Солдатская хватка на моих запястьях ослабла, и я перестал потеть. Я беспокоился о Джонсе — но ответ его заставил меня забеспокоиться о себе.

— Нет, — прорычал Джонс. — Будем драться!

— По правде говоря, — сказал Раван, — ты лучше владеешь мечом, чем я полагал, а я никогда не сражаюсь, если не уверен в победе. Сражайся со стенами замка Иф. Я оставлю тебе твой меч и каждый день буду справляться, кто вышел победителем. Испытай клинок против дурного воздуха, сырости, мрака, дрянной пищи и стонов умирающих пленников, против секунд, минут, часов, дней, месяцев, лет...

При каждом слове я леденел от ужаса. Похоже, Джонс разделял мои чувства. Ему пришлось сделать над собой усилие, прежде чем он ответил:

— Хватит болтать. Распорядись, чтобы нас отвели.

Мне хотелось завопить, чтобы он и о нас подумал, но я молчал. Нужна была немалая выдержка, чтобы так разговаривать с врагом. Не мне было наносить Джонсу запрещенный удар. Рука на это поднялась у Равана.

— Дело простое, а ты упрямишься. Подумал хотя бы о своих товарищах.

У меня не хватило духу сказать Луцию, чтобы он не думал обо мне. Встретившись с ним глазами, я постарался смотреть как можно тверже. Разумеется, он не подумал о нас, и эта новая атака застала его врасплох. Он застонал, а дон Родриго улыбнулся. Я был настолько поглощен переживаниями собственными и Луция, что совсем позабыл про Голиаса. Но вот он вмешался в разговор:

— Дон Родриго просит прийти тебя на е г о свадьбу, Луций. В просьбе нет и намека, на ком он собирается жениться. Я правильно понял, господин Раван?

Раван расплылся от удовольствия.

— Я мог бы исправить фразу, раз уж вы указываете на ее неясность. Но я допускаю свободу толкования.

Все спасение было в двусмыслице. Оказавшись в тюрьме, пусть даже из самых благородных побуждений, Луций не смог бы выручить Гермиону. Успех, конечно, сомнителен, но можно хотя бы попытаться, не нарушая при этом данного слова. Сначала я не догадывался, почему Луций ни за что не хотел давать обещания, когда только так можно было освободиться из-под стражи. Но теперь я увидел разгадку. По правде говоря, подобное соображение не пришло бы мне даже в голову, если бы я не прибыл в Романию. Дон Родриго уже предвкушал победу. Связать соперника словом куда надежней, чем заключить его в тюрьму или украсть у него невесту.

Но я подумал об этом лишь краем сознания. Я опасался, что Луций не поймет Голиаса. Мне хотелось крикнуть ему, чтобы он опомнился, но он мог не послушать меня. К тому же я боялся, что Раван передумает. Пока Луций размышлял, к моей белой пряди добавилось еще несколько седых волосков. Я чувствовал себя, как подсудимый в ожидании приговора.

— Хорошо, — сказал Луций, — когда ваша треклятая светлость намеревается жениться и где состоится церемония бракосочетания?

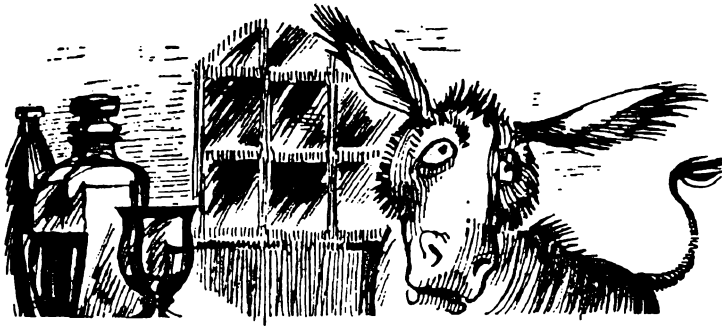
Дон Родриго рассмеялся.

— Вопрос дался тебе нелегко, верно? Венчание, разумеется, будет при дворе, когда я вернусь из поездки по поручению его величества. Свадьба и медовый месяц откладываются на несколько недель или даже на пару месяцев.

Он вновь повернулся к поджидавшему его офицеру.

— Произошла небольшая семейная ссора, которую из мальчишеской ревности затеял мой кузен с черного хода. Прошу вас позабыть об этом недоразумении. Кстати, не задержалось ли ваше продвижение по службе?

Капитан, конечно, полагал, что задержалось. Но подробности нас не заинтересовали. Обретя свободу, мы поспешили прочь.

16. Новые трудности

— Лобовая атака провалилась, — подытожил я, когда мы вновь собрались в «Еловой Шишке», — но у нас есть время для отступления.

— Не так уж много, — сказал Луций. Он отстегнул меч и взял мою трость-шпагу. — Сейчас я отправлюсь в клуб «Адское Пламя». Там будет больше народу, чем утром. Возможно, удастся что-то разузнать.

— Останешься его ждать? — спросил Голиас, когда Джонс ушел.

— Придется, — ответил я. Это было мне на руку. Я чувствовал, что недостаточно выспался ночью. — А ты куда собрался?

Вместо ответа Голиас показал мне игральные кости, а потом, сжав в кулаке, погремел ими.

— Раздобуду финансы для спасательной экспедиции. Такие затеи дорого обходятся, знаю по опыту. Барабас догадался, что протез достался мне не как гонорар, и поскряжничал. А нам, возможно, и лошади понадобятся, и вооруженные молодцы.

Я помнил, как Голиас играл в кости на корабле Бродира, и потому не стал предупреждать его о необходимости быть поосторожней с незнакомыми. Я только спросил:

— А тебе позволят пользоваться твоими игральными костями?

— Неважно, — отмахнулся Голиас, — я сегодня в ударе.

Мы пораньше поужинали, и Голиас сразу же ушел, а я остался держать оборону. Мне хотелось пойти в комнату и выспаться там как следует, но я подумал, что Луцию, возможно, захочется поговорить, когда он вернется. Я задремал в кресле, то и дело просыпаясь. В руках у меня была трубка, которую я время от времени лениво посасывал. Вскоре появился Луций. Явно взволнованный — наверняка что-то узнал.

— Что слышно? — поинтересовался я.

— Ничего, — ответил он, помрачнев.

— Плохо, — посочувствовал я. — Где же супница? — обратился я к служанке. — Ты, должно быть, проголодался.

— Нет. Я полагал, вы не будете ждать меня к ужину.

— А мы и не ждали. У Голиаса дела, и потом, мы не знали, когда ты вернешься.

— Вот и хорошо, я вполне сыт. Возможно, я и не стал бы ужинать, но встретил кое-кого.

— И где же она теперь?

Луций вспыхнул.

— Речь идет о мужчине, Шендон! — негодующе возразил он. — В клубе я ничего не разузнал и пришел от этого в отчаяние. Мне не захотелось присоединяться к шумливой компании, и я заглянул в таверну, подкрепиться стаканчиком бренди. Наверное, вид у меня был расстроенный, и один офицер — умница и весельчак — предложил мне еще стакан, для поднятия духа. Он был так добр, что принялся расспрашивать меня о причине моего уныния.

— Надеюсь, ты не разболтал ему о наших планах!

— Подробностей я ему не рассказывал, — ответил Джонс, — но обрисовал проблему в самых общих чертах.

— Непохоже, чтобы ты был навеселе. С чего это у тебя язык развязался?

— Я не искал сочувствующего собутыльника. Но он сказал, что поможет мне или найдет человека, который сумеет помочь.

— Ах так?

К нам подошел слуга, и я заказал бутылку вина.

— Чего ради он вздумал помочь тебе? И как он это собирается сделать? Ведь ты скрыл от него, какие лица тут замешаны.

— Да, но капитан Фейс сказал, что его друг докопается до истины. Он искусный алхимик.

— Кто-кто?

— Алхимик. Глубочайшие знания позволяют этому ученому старцу обращать одну субстанцию в другую. И в будущее он способен заглянуть, и дать совет, как лучше подготовиться к грядущим событиям.

— Он что, прорицатель? — К прорицателям я относился настороженно, однако сама мысль о магии уже не казалась мне смехотворной. — Что ж, воспользуемся услугами твоего ученого. Конечно, если он не шарлатан.

— Его не трудно вывести на чистую воду, Шендон. Посмотрим, сумеет ли он установить, кто наш враг. Но я не сомневаюсь, что он практикует самым законным образом. По словам капитана Фейса, он истинный ученый. И не выносит, когда мешают его занятиям. Наукой он занимается совершенно бескорыстно, и никакими деньгами его не соблазнишь. Но капитан надеется убедить его заняться нашим делом ради их дружбы.

Внушало доверие, что новый знакомый Луция принадлежал к военному сословию. Армейский офицер может оказаться последним негодяем, однако служба не позволяет ему стать профессиональным мошенником или играть роль подсадной утки в руках злоумышленников.

— Где же этот капитан? — поинтересовался я.

— Я угостил его джином, желая отблагодарить за доброту. А затем он прямо из таверны отправился к доктору, тому самому алхимику, чтобы убедить его встретиться со мной сегодня же. Я бросился сюда, поскорее сообщить тебе и Голиасу последнюю новость. Капитан вот-вот появится.

Я задумчиво наблюдал, как служитель наполняет наши стаканы вином.

— А денег этот шутник у тебя не вымогал?

— Да нет же, он не из таких. Правда, он сказал, что неплохо бы преподнести доктору подарок, полезный для продолжения его ученых штудий. Но я сам заговорил об этом с капитаном.

— Угу.

Толковать дальше не имело смысла. Мне необходимо было сначала взглянуть на этого служаку. Я молча вытряхивал из трубки остатки золы, как вдруг царившее в зале спокойствие нарушила перебранка у входной двери. Голоса становились все громче. До нас донесся хриплый возглас:

— Да говорю же, мне тут нужно взглянуть на кое-кого.

— У посетителей выпивка станет поперек горла! Проваливай отсюда, — сердито кричал Робин Тергис, наш хозяин.

— А я все равно войду!

— Только не сюда. А ну-ка, ребята, живо! Раз-два!

Незваного гостя схватили и, раскачав, вышвырнули за порог. Тело брякнулось о мостовую, и с треском захлопнулась дверь. Но вскоре послышался шум за окном, створки которого были распахнуты. Некий тип перемахнул через подоконник, и я сразу же понял опасения хозяина. Только внимательно вглядевшись, можно было убедиться, что это человек. Я на своем веку навидался немало шимпанзе, но скажу без преувеличения, все они были куда более похожими на людей, чем этот субъект. Незнакомец шагал неуклюже, как обезьяна, коленями внутрь, и горбился, свесив длинные руки до самого пола.

Все ошарашенно молчали, но главный сюрприз был заготовлен для нас.

— Кого тут звать Джонсом? — пробурчал вошедший.

Эх, спросить бы мне тогда у Луция, не это ли его новый друг капитан! Однако, откровенно говоря, хотелось надеяться, что это все-таки не он. Тергис заспешил к непрошеному клиенту в сопровождении двух своих вышибал. Незнакомец предупреждающе замахнулся на них стулом.

— Опять вы ко мне лезете? Так я вам устрою заварушку, — предостерег он. — Я не уйду, пока разузнаю, здесь ли тот самый Джонс.

— Меня зовут Джонс, — объявил Луций. — Не волнуйтесь, хозяин, я сейчас выясню, что у него ко мне за дело.

Луций встал из-за стола.

— Садитесь.

Горбун подошел, напряженно вглядываясь в Луция. Видел он только одним глазом, веко которого набрякло жировиками.

— Луций Джил Джонс? — осведомился он.

— Да. Чем могу быть полезен?

Горбун продолжал пристально его изучать.

— Знаком вам кто по имени ап Готорн?

— Конечно. Леди Гермиона Стейнгерд ап Готорн. Что с ней? Вам известно, где она? — От радости Луций так и забросал незнакомца вопросами. — Скажите поскорее, где она находится! Я тот самый Джонс, Луций Джил Джонс. Спросите вот у мистера Шендона.

— Дай парню хоть слово вставить. — Я положил ладонь на плечо Луция. Юноша прекратил тараторить. — Да, это именно тот человек, которого вы ищете, — подтвердил я. — У вас какие-то новости?

— Вы верно назвали ее имя.

Упершись руками в сиденье, горбун взгромоздился на стул и наклонился к Джонсу.

— Раван мой хозяин, — сообщил он. — Но леди такая добрая. Она улыбается мне, да так ласково.

— Дивная улыбка! Другой такой... — завелся было Луций.

— Помолчи! — осадил я его. — Валяй дальше, приятель.

— Раван держал ее здесь под замком.

— Как? Прямо здесь, в Паруаре?

Вскочив на ноги, Джонс чуть не перевернул стол.

— Теперь нет, — уточнил горбун. — Раван ее увез.

— О! — Луций со стоном плюхнулся обратно на стул. — А куда ее увезли?

— Не знаю.

Я начал подозревать, не подослал ли горбуна сам дон Родриго, чтобы помучить Джонса.

— Где именно они ее держали взаперти? — спросил я.

— В доме напротив клуба «Адское Пламя». — Горбун, почуяв мою подозрительность, уставился на меня. — А зачем это вам?

— Хочу понять, как дама узнала, что Джонс находится здесь, в «Еловой Шишке».

— Сегодня утром она увидела, как он выходит из клуба. Но шлюхи затеяли потасовку и слишком громко горланили. Она не могла их перекричать.

— Выходит, леди Гермиону никто не сторожил, раз она могла кричать через окно? — Я решил, что подловил его.

— Сторожили по очереди. Я тоже. Никто не думал, что она бросится звать на помощь. Я не стал ей мешать. Она кричала многим прохожим. Но кто в Паруаре обратит внимание на женщину, которая кричит? Разве только тот, кому она предлагает с ней переспать.

— Возможно, — согласился я. Я и сам бы навряд ли откликнулся на зов о помощи, раздавшийся из незнакомого окна. — Сдается мне, шантаж с помощью прелестниц изобрели именно в ваших краях.

— Не говоря уж об окрестностях клуба «Адское Пламя», — поддакнул Луций. — Силы небесные! Подумать только, Гермиона меня звала, а я и не слышал.

— Весь день она ждала вас. Глядь, вы снова идете, — продолжал рассказывать горбун. — Но очень уж галдели тогда в клубе. Она показала мне вас, когда вы перешагивали порог. — Он приложил палец к своему единственному глазу. — Что я вижу этим, того не забываю.

— Так ты шел вслед за ним? — Теперь я был совершенно убежден в правдивости горбуна. — Но как же ты узнал, что леди Гермиону увезли?

— Они ее забрали раньше — из дома я вышел потом. Они сказали — Раван велел увезти ее в другое место, в Паруаре ее, мол, разыскивают. А Равану сюда к ней некогда выбраться.

— Единственное наше утешение! — воскликнул Джонс. — А вы и в самом деле не подозреваете, куда забрали Гермиону?

— В какое-то его поместье. У него их много. — Горбун снова пожал плечами. — Я шел за вами следом. Пока вы говорили с военным, я поджидал у таверны.

— Разумно, — заметил я. — Ведь на харчах у Равана целая орава зорких соглядатаев.

Он пропустил комплимент мимо ушей.

— Потом я снова двинулся за вами по пятам, схватился — а вас нету. Толкнулся в харчевню напротив. Потом сюда, но пришлось расспрашивать. Спину вашу я хорошо изучил, а вот лицо нет. Повернись-ка задом! — приказал он, ткнув пальцем в Джонса.

— Задом? — Луций был убит горем, поняв, что нить оборвалась. — Ах, задом! Да-да, конечно...

Поднявшись с места, он повернулся к горбуну спиной. Тот оглядел юношу с головы до пят, а затем сунул руку за пазуху. Я тотчас вцепился в бутылку, но горбун вместо пистолета вытащил свернутую бумагу. Он сунул лист Джонсу, соскользнул со стула и опять перемахнул за окно.

Проводив его взглядом, я повернулся к Луцию. Юноша так и впился в послание, доставленное горбуном. Дочитав до конца, он спрятал лицо в ладони.

— О, Боже! Боже! Она просто чудо. Но как же мне теперь быть?

— Ясно ли из письма, где ее искать? — полюбопытствовал я.

— Нет, она... Читай сам.

Он перебросил письмо через стол и, не обращая внимания на присутствующих, принялся вышагивать по залу взад-вперед. Я наполнил его стакан, на тот случай, если ему понадобится промочить горло, и приступил к чтению.

Луцию Джилу Джонсу,
где бы он ни находился:
Ты в прошлый раз меня застал от гнева
Оцепеневшей, но твоя неверность
Ничто в сравнении с моей виной:
Поддавшись на обман, я порвала
Доверья нить, связующую нас.

Теперь я опытом умудрена:
Пишу тебе, как женщина мужчине.
Вкусившей зло, отныне ясен мне
Мой долг перед тобой — и если случай
Позволит, докажу тебе на деле.
Еще я знаю: сердцу моему
Нет гавани иной — твое лишь сердце.
Так велено судьбой — и навсегда
Я предана тебе: наполовину
Уже сейчас принадлежу тебе.
Возьмешь иль нет оставшуюся часть —
Решать тебе, но заклинаю словом,
Тобою данным и назад не взятым:
Спаси меня от мерзостного брака!
Раван — корыстью движим, не любовью —
Его навяжет мне, коль ты промедлишь.
Отец мой немощен и ослеплен
Коварством — помощи он не окажет.
Подруги за счастливицу почтут;
Закон — Раван не выше ли закона? —
Вмешается, когда уж поздно будет.
На белом свете ты лишь мне защита...
Явись, о мой спаситель!

Гермиона.

Добравшись до конца, я не сразу заговорил с Луцием. Я понимал, что юноша повергнут в замешательство. Наконец, чувствуя необходимость хоть что-то сказать, я откашлялся.

— Вот это девушка!

Джонс взглянул на меня с убитым видом.

— Она спрашивает, все ли еще я люблю ее! — дрожащей рукой он потянулся за письмом. — Она не только меня прощает, но берет на себя вину за то, что произошло в Аптоне. Только ангел способен на такое!

— Отчасти она сама виновата, — неуверенно начал я, ступая на тропу, доселе мне неведомую. — Конечно, не ее вина, что ты связался с той потаскушкой. Но порою мужчина (да и женщина тоже) нуждается в поддержке, чтобы не сделать глупость. Она не захотела тебе помочь. Правда, только немногие это понимают.

Луций выжидал, что я еще скажу. Но, по сути дела, говорил я сам с собой. Радость от примирения с воз-

любленной покинула Луция при воспоминании о вынужденной разлуке.

— Ах, если бы я знал, я бы тогда... А, вот и он!

Я едва успел подхватить бутылку, потому что Луций опять вскочил, накренив стол.

— Сюда, капитан! Куда запропастился слуга? Ах, вот он. Принеси-ка бокал для капитана и еще бутылку вина. Капитан Фейс, это мой лучший друг, мистер Шендон.

Мы обменялись рукопожатиями. Под сине-золотым мундиром капитана билось, как видно, честное сердце, и бородатое лицо излучало добродушие.

— Ваш покорный слуга, мистер Шендон. И ваш слуга в любое время. — Он откозырял бутылке.

Отодвинув кресло, он привычным жестом отвел сапогом мешавшую ему саблю и уселся за стол.

— Очень признателен вам за доброту, — сказал Луций. — Вы уже навестили своего друга, почтенного доктора?

Появился слуга с еще одним стаканом. Капитан сжал бутылку, выщелкнул большим пальцем свободно сидевшую пробку и начал разливать вино по стаканам.

— Сперва-наперво, — засмеялся он, поднимая тост в честь бутылки, которую откупоривал служитель, — выпьем за новоприбывшую. Уф, хорошо. — Вновь наполнив стакан, он закрутил усы и, сияя, взглянул на Луция. — Доктор с головой погружен в ученые занятия и живет отшельником. Я, кажется, об этом уже говорил. Но рад доложить, что он согласился выкроить время для вас.

— Великолепно! — Джонс стиснул мужественную руку капитана. — Он выразил желание встретиться со мной сегодня же?

— И тут без уговоров не обошлось, — хохотнул капитан. — Он клялся, что всю неделю у него и минуты свободной не будет. Но не напрасно говорят, что противоположности притягиваются. Я преклоняюсь перед его ученостью, а ему я интересен как человек действия. Я рад, что однажды смог оказаться ему полезен. Однажды двое негодяев напали на него. Пришлось мне пустить в ход свою саблю. Так мы с ним и

познакомились. И с тех пор замечательно ладим. Уж я-то сумею к нему подъехать. Нет, я бы не ушел от него, не добившись согласия. Старикан ворчливый, но добродушный. Узнав, в каком вы отчаянии, он сдался.

— Вы настоящий друг! — воскликнул Луций. — Так идем?

Капитан Фейс покосился на непочатую бутылку.

— Лучше выждать этак с полчасика. Не будем злоупотреблять великодушием старика. И ужинает он всегда поздно.

— Мне хочется подарить ему что-то ценное, ради поддержки его исследований. Сколько денег, по-вашему, для этого нужно?

— Даже не упоминайте при нем о деньгах, это оскорбит его. Лучше подарите ему что-то полезное для работы. — Капитан налил себе стакан доверху. — Я, конечно, не знаток, но мне кажется, что в алхимии небесполезно золото. А ученый человек на какие средства его купит? На вашем месте я бы преподнес ему, скажем, вот это кольцо.

Он указал на перстень, которого тщетно домогалась мисс Леско.

— Ему, наверное, требуется только золото, — сказал я. — Так избавь его от возни с этим камнем. Вынь рубин и потом вставишь в новое кольцо.

Мое предложение озадачило Джонса.

— Нет, зачем же? Я отдам ему кольцо целиком.

— Либо все, либо ничего, — одобрил его решение капитан. — Впрочем, спрошу доктора, нужен ли ему этот камень. Старик страшно рассеян и потому недогадлив. А так он сам, возможно, будет настаивать, чтобы камень вы забрали себе.

Крепость вина не уступала Гибралтару, но капитан взял бутылку штурмом менее чем за полчаса.

— Джентльмены, я бы непременно отплатил вам любезностью за любезность, — заявил он, сделав последний глоток, — и заказал еще бутылочку, но нельзя не учитывать того факта, что наш друг Джонс очень спешит.

Ночью Паруар пригоден для прогулок разве что кротов. Сквозь тесно сгрудившиеся здания не проби-

вались даже звездные лучи. Освещенные окна попадались крайне редко. Но капитан хорошо знал дорогу. Вдоволь накружив в путанице переулков, мы остановились наконец у какой-то двери, и капитан принялся колотить в нее что есть мочи.

— Я всегда стучу, прежде чем войти, — пояснил капитан, — однако, как правило, он меня не слышит. К счастью, старик по рассеянности редко запирается.

В прихожей было темно, однако из-под двери комнаты пробивалась яркая полоска света. Капитан решительно распахнул дверь. На высоком стуле спиной к нам сидел человек. Он даже не обернулся, когда мы ввалились в комнату. Фейс толкнул меня в бок.

— С головой ушел в вычисления, — хмыкнул он. — Наверняка забыл даже поужинать.

Повысив голос, капитан окликнул хозяина:

— Добрый вечер, доктор!

Хозяин дома нерешительно обернулся, словно не был уверен, не послышалось ли ему это. Борода у него была длинная и белая, такая же как у Санта Клауса, седые волосы выбивались из-под темной шапочки. Узкое худощавое лицо сохраняло строгое выражение. Старик был закутан в просторный халат, пестро разукрашенный звездами и лунами в различных фазах. Испытующе оглядев нас, он спустился со своего насеста и подошел поближе.

— А! Добрый вечер, мой храбрый юный друг. Рад вас видеть. Проходите, проходите. Понаблюдайте, чем я занят. Давненько вы ко мне не заглядывали!

— Да ведь и двух часов не прошло, как мы с вами расстались, — напомнил ему Фейс. — Вот привел своего приятеля, с которым вы обещали побеседовать.

— Какого еще приятеля? — в голосе старика послышалось раздражение. — Я никого нынче не принимаю. Кроме вас, конечно. Я близок к завершению важного эксперимента. А приятель пусть уходит.

Перехватив встревоженный взгляд Джонса, капитан ободряюще ему подмигнул, а затем взял престарелого ученого под руку.

— Доктор, он мой близкий друг, и вы не должны ему отказывать. И кроме того, вы же мне обещали.

— В самом деле? — Доктор озадаченно нахмурился. — Не уверен, смогу ли я ему помочь. Мы стремимся узнать как можно больше, но знаем так мало. Впрочем, попытка не пытка.

— Благодарю вас, доктор, — отозвался Луций. — Я уверен, что задача, с которой мне не справиться, покажется легкой такому мудрецу, как вы.

— Вполне возможно, — согласился доктор. — Вас превосходно воспитали. Позвольте-ка я рассмотрю ваше лицо. Подойдите поближе к свече. Да, лицо у вас хорошее, лицо счастливчика. Или вся моя ученость гроша ломаного не стоит. Теперь покажите руки. Нет-нет, сначала тыльной стороной, взглянем на их строение.

Исследуя руки Джонса, доктор ни малейшего внимания не обратил на перстень. Затем он принялся изучать ладони юноши. От нечего делать я рассматривал комнату. Она напоминала химическую лабораторию, закуток фотографа и чердак ломбарда одновременно. Кабинет был завален хламом, как лавка старьевщика. Я бы охотно раскошелился, лишь бы не быть их владельцем. И все же здесь витал дух истинной учености. Доктор внушал к себе почтение, несмотря на мою предубежденность, и я с благоговейным страхом всмотрелся в жидкость, которая клокотала в прозрачной колбе. Судя по запаху, эксперимент проводился всерьез.

Старикан прекратил бормотать над руками Джонса.

— Так я и полагал. Вы рождены для успеха, — объявил он. — Я мог бы сказать вам гораздо больше, но мне хотелось бы подтвердить этот факт, чтобы удостовериться, будут ли оправданными дальнейшие усилия. Так в чем заключается ваша задача, сын мой?

— Видите ли, некий человек — я бы предпочел не называть его имени — похитил, а вернее заставил своих слуг похитить мою невесту.

— Погодите! — Доктор хлопнул себя по лбу. — Теперь вспомнил. Капитан Фейс, кажется, говорил мне, что преступник вам известен. Но где прячут вашу возлюбленную, вы не знаете.

— Совершенно верно. Ненароком мы узнали, где она, но теперь ее перевели в один из замков милорда.

— Да, так оно и произошло. — Доктор с сожалением помотал головой. — После ухода капитана я улучил минуту, чтобы взглянуть на расположение планет. После тщательных вычислений мне открылось, что ваша возлюбленная находится гораздо дальше от вас, нежели первоначально.

— Так вы знаете, где она теперь? — воскликнул Луций.

— Нет, мои познания не столь беспредельны. Однако скажу вам, что она все еще в окрестностях Паруара. Не откладывая, вам следует воспользоваться изготовленным мною препаратом. Он не слишком сильный, но значительно облегчит ваши поиски. Пойдемте со мной, сын мой.

Взяв свечу, маг повел Луция в смежную комнату. Минуты через полторы они вернулись. На лице Джонса, впервые с тех пор, как он узнал о похищении Гермионы, сияла улыбка. В левой руке он держал склянку с каким-то снадобьем. Перстня на пальце не было.

— Позвольте мне еще раз поблагодарить вас, доктор, — Джонс пожал сухую, морщинистую руку. — Поверьте, как только я вступлю в права наследства, вы получите все необходимые материалы.

Я уже собирался напомнить капитану о его обещании, но он сдержал свое слово.

— Кстати, о материалах, доктор. Вы, наверное, и не заметили, что кольцо, которое догадался вручить вам Джонс, с рубином. Этот камень вам пригодится?

— Рубин? — Доктор вытащил кольцо из кармана и уставился на него, как если бы видел впервые. — Клянусь Трисмегистом, вы правы. Юноша, — обратился он к Луцию, — о таком рубине я мечтал вот уже десять лет, но отнюдь не из тщеславного побуждения украсить себя драгоценностями. Нет, мне не дает покоя догадка, что именно данной составной части мне не хватает для успешного обретения философского камня. Да благословит вас Бог за вашу щедрость к старику.

На этом набожном восклицании мы и расстались. Капитан довел нас обратно к «Еловой Шишке». Заходить туда вместе с нами он не стал.

— Я горю желанием выставить вам бутылку, — заявил он, — но придется это удовольствие отложить. Солдату нельзя всю ночь сидеть за выпивкой, так как утром ему предстоит исполнять служебный долг.

Мы не стали его уговаривать. Луцию не терпелось открыть свою склянку, меня тоже разбирало любопытство.

— Что он тебе дал? — подступил я к Джонсу, едва мы остались одни.

— Средство для отыскания Гермионы, — провозгласил Джонс, когда мы вошли в зал. — Горбун сказал, что она в одном из поместий лорда Равана. А от доктора мы узнали, что ее новая темница совсем недалеко отсюда. Это упрощает дело.

— Так-так. — За нашим столом уже сидели, поэтому мы заняли другой, у противоположной стены.

— Но даже при этом, — продолжал Луций, — остается немало трудностей. Можно годами кружить возле замка и не знать, там ли моя любимая. А если мы отважимся войти в замок, что весьма и весьма опасно, необходимо заручиться уверенностью, что именно за этими высокими стенами она томится.

— Мало проку, если тебя подстрелят за взлом пустого сейфа, — согласился я. — И что же?

— Высокомудрый доктор, — сказал Луций, любовно поглаживая склянку, — вручил мне средство, которое поможет мне проникнуть незамеченным в любое окно. А в эту пору окна наверняка держат открытыми.

— Вот как? Доктор, говоришь? Нет-нет, довольно с меня этой кислятины. Принесите-ка лучше парочку стаканов бренди.

— Да, доктор, — подтвердил Луций, когда слуга ушел. — В этой склянке, Шендон, содержится натирание, которое превратит меня в сову.

Я чуть было не расхохотался, но вовремя поперхнулся. События на Эе надолго излечили меня от скептицизма. Припомнив их, я задал следующий вопрос:

— А обратно в человека ты сумеешь превратиться? Старик научил тебя, как это делать?

— Конечно же, необходимо только проухать двадцать один раз подряд и облететь девять кругов против часовой стрелки.

Луций взволнованно, извиняющимся тоном, спросил:

— Вы не будете против, если я оставлю вас одного и поднимусь в комнату, чтобы поскорее испробовать это снадобье?

— Что ж, валяй.

Я не стал задерживать Луция. Я ничуть не сомневался, что его обвели вокруг пальца, но мне не хотелось своим присутствием усугублять неотвратимый конфуз.

— Надеюсь, став совой, ты усвоишь навык проситься на двор.

Медленно потягивая бренди, я уже наполовину осушил стакан, как появился Голиас.

— Тебе повезло? — осведомился я.

— Мои партнеры в этом не сомневаются. — Он позвенел монетами в кармане. — Тут тебе не мелочишка медяками. Чистое золото, приятель. А где Луций?

Ухмыльнувшись, я пододвинул Голиасу нетронутый стакан Джонса. Наши похождения казались мне все более забавными.

— Он пробует стать совой.

— Чего ради?

— Собирается порхать над домами и заглядывать по вечерам в окна.

— Хм. Если у него получится, то нам это очень пригодится.

Деловой тон Голиаса меня не устраивал.

— Черт побери! Да его просто-напросто разыграла парочка шарлатанов. Мошенники надули его, чтобы прикарманить кольцо. Кольцо стоит приличного состояния. Один из них прикидывался спецом по медицине. Делал вид, что нуждается в золоте и рубинах для алхимических опытов.

— Так-так. — Голиас, к моему удовлетворению, насторожился. — И где же вы откопали этого алхимика?

— Парень, назвавшийся капитаном Фейсом, подкатился к Луцию в баре и...

— Фейс? — Голиас залпом допил бренди и вскочил с места. — Надо бы посмотреть, как там Джонс.

Обогнав меня, он взбежал по лестнице через две ступеньки и бросился по коридору к нашей комнате. За дверью кто-то шаркал и всхрапывал. Мы ворвались в комнату.

Одежда Джонса второпях была раскидана повсюду, но владелец ее исчез. Единственным обитателем комнаты был осел. Мы остолбенели. Осел, безуспешно подражая уханью совы, прохрипел двадцать один раз, а затем принялся кружиться. Я следил за ним со все возрастающим ужасом. Наконец осел, кончив вертеться, замер на месте, но ничего не произошло.

— Расколдоваться не получается, — простонал я. — Боже милостивый!.. Голиас! Что же нам теперь делать?

17. У Джонса появляются поклонницы

Приходилось ли вам видеть осла в истерике? Наконец до Джонса дошло, что он не сумеет превратиться в человека. Тут-то он и выказал свой ослиный норов: принялся скакать, взбрыкивать и метаться из стороны в сторону, в надежде сбросить ненавистную шкуру. А потом, растопырив все четыре конечности, оглушительно заревел. Я был в ужасе: что скажет хозяин гостиницы? Но Голиас не растерялся.

— Спокойнее, Луций! — приказал он. — Как-нибудь вывернемся. Погоди немного.

Джонс попытался заговорить, и мы вновь услышали скорбный рев.

— Прекрати сейчас же! — оборвал его Голиас. — Иначе нас возьмут под стражу, тебя конфискуют, и тогда навек останешься ослом.

В коридоре хлопнула одна, вторая дверь. Послышались встревоженные возгласы. К счастью, никто не понял, где ревел осел. Луций (бедняга дрожал всем телом) умолк.

— Вот-вот. Полегче, приятель. — Голиас потрепал ему холку. — Итак, Шендон, капитан Фейс? Этакий темноволосый, бородатый весельчак?

— Совершенно верно.

— Знаю этих жуликов. Они подсовывают простофилям всякие снадобья, которые берут неизвестно откуда. К чему это приведет, их не заботит. Но я накручу им хвосты. Пусть добудут противоядие у того самого чародея, который изобрел эту мазь. Отведи меня к ним.

— Да я хоть сто лет проищу их дом — ни за что не найду. А ты? — спросил я у Джонса. Я не вполне был уверен, поймет ли он меня, но осел покачал головой. — Видишь ли, — объяснил я Голиасу. — Фейс вел нас в темноте окольными путями. А может, ты сам вспомнишь, где они живут? Ты ведь когда-то имел дело с этими гнидами.

Но Голиас также печально покачал головой.

— Слишком много лет прошло с тех пор, как я заглядывал в их логово. Вдобавок, я думаю, они постоянно кочуют с места на место. А теперь, отхватив такой куш, наверняка залегли на дно. Бесполезно охотиться за ними, высматривая на улицах. Ну и круто же они нас обставили!

Голиас был удручен, а я и вовсе не видел выхода. И Луций, похоже, отчаялся. Уши его опустились, и он горестно вздохнул. Но вздох его так мало походил на человеческий, что я был потрясен до глубины души.

— Что-нибудь можно предпринять? — спросил я у Голиаса еле слышным шепотом, на случай, если ответ будет отрицательным. — Может, забрать его отсюда куда-нибудь? Помнишь, как ты забрал меня с Эи.

И снова Голиас покачал головой.

— Чары той волшебницы опасны только на ее острове. Но действие мази, скорее всего, постоянно. И Луций останется в ослиной шкуре, куда бы мы его ни повели.

— А не обратиться ли нам за помощью к другому алхимику?

— Бесполезно. Никто не знает состава мази, кроме ученого, который ее приготовил. И потому никто не подскажет нам, каково обратное средство. — Голиас вздохнул. — Нам ничего не остается, как... Нет, сначала следует отправить письмо отцу леди Гермионы. Я напишу его, прежде чем ложиться спать. Возможно, родственники ей помогут, а мы займемся спасением Луция.

— Ты веришь, что им удастся вырвать ее из лап Равана? Ведь на его стороне сам король. — Я спросил так, вспомнив о письме Гермионы. Сама девушка не слишком надеялась на помощь родни.

— Возможно, что и удастся. Семья принадлежит к древнему роду, имеет связи со многими влиятельными

лицами. Если поднимется шум, что девушку до брака насильно содержат взаперти, Джамшид вынужден будет вмешаться.

— А чем займемся мы?

— Пойдем к Оракулу. Там мы узнаем все. Но путешествие будет долгим. Дон Родриго, наверное, вернется раньше нас.

Я сделал кислую мину.

— Луцию навряд ли захочется уходить отсюда. Кто с ним поговорит — ты или я?

Нам удалось убедить Джонса, что просить совета у Оракула — единственный выход из положения. Но тут перед нами возникли новые трудности, связанные с превращением Луция. Прежде всего мы не знали, где его держать.

— Навряд ли хозяева позволят нам держать ишака в номере, — пробормотал я, — и потом, чем его кормить?

— Да, вопрос не из легких, ты прав.

Голиас покосился на Луция, который, моргая, смотрел на себя в зеркало. В нем отражался крутобокий осел с темно-коричневой шкурой, за исключением белого сердечка на левом плече. Видимо, у Джонса-человека на этом месте темнело родимое пятно.

— Надо бы ночью потихоньку перевести его в стойло. Днем можно нарваться на неприятности.

Я, хоть и помалкивал, но втайне был рад предложению Голиаса. Навряд ли бы я уснул, слушая, как Луций печально разгуливает по комнате. К счастью, он согласился, чтобы мы отвели его в конюшню. Заминка была в том, как это осуществить. Он разучился ходить по лестнице, и нам едва ли не на себе пришлось тащить его вниз.

Засидевшиеся выпивохи, казалось, привыкли видеть ослов, разгуливающих по обеденной зале. Но лакей не был настроен столь философски. Пришлось его подмазать, дабы он снисходительно выслушал уклончивые объяснения Голиаса по поводу друзей, чье чувство юмора оставляет желать лучшего: мол, эти озорники и привели осла к нам в комнату.

Препоручив Луция конюшему, мы наказали ему ни в коем случае не оскорблять животное. Нервы у обоих нас были на пределе — и пришлось снять стресс

неразбавленным виски. Голиас написал письмо родным Гермионы, а я отправился спать. Я не спал уже около сорока часов, и это оказалось на руку: только безмерная усталость могла заставить меня сомкнуть глаза.

— А далеко ли Оракул, и как туда добраться? — спросил я у Голиаса за завтраком на следующее утро.

— Сначала двинемся на юг, а потом возьмем западнее.

Дальность расстояния его, как обычно, не волновала.

— Ах да, ты мне говорил уже об этом вчера перед сном. — Я отхлебнул эля. — Существует ли прямая дорога?

— Переправимся через Лонг Ривер за Эреком. Далее берегом — вниз по течению — доберемся до Тройновонта. Оттуда на юго-запад. Там есть дороги, но и по бездорожью придется поколесить. — Голиас жевал с задумчивым видом. — А не подковать ли нам Луция, прежде чем идти, как ты считаешь?

Неожиданно за окном, у которого стоял наш стол, послышалось фырканье. Мы обернулись.

— Привет, — пробормотал я. Непривычно было соблюдать учтивость по отношению к скоту. — Это наш серый, — сообщил я лакею. Лакей был новый, а не тот, вчерашний, кому мы дали на лапу. — Не отгоняйте его. Он у нас дрессированный.

— Так пускай не тычется в хлеб своей поганой мордой! — огрызнулся слуга. — А то о нашем заведении пойдет дурная слава. Глядите, глядите!

Я поглядел. Луций пожирал остатки моего бифштекса. Непривлекательное, надо сказать, зрелище. Потом он вновь принялся за хлеб, подцепив зубами сразу два ломтя. И не успел я и слова сказать, как он сунул морду в мою кружку с элем.

— А ну-ка, отвали! — возмутился я. — Ведь ты должен вести себя как... э-э... Да ты и есть... э-э... В общем, ты должен любить сено, а не всякую ерунду.

— Весьма любопытный феномен! — заметил Голиас, однако отодвинул свой завтрак подальше от окна. — Видимо, ослиные аппетиты не достаются вместе со шкурой.

— Я иду к хозяину, — объявил слуга.

— Убирайся, пока ты не наделал всем неприятностей! — Я и сердился на Джонса и готов был умолять

его. Ни поведение осла, ни объяснения Голиаса не убедили меня. — Ведь ты наверняка уже позавтракал охапкой отличного сена. Разве не так?

В ответ Луций помотал головой; с его шеи свисал обрывок веревки, которую он перегрыз, чтобы убежать.

— Погоди, я прослежу, чтобы тебя накормили. Вот только опять закажу себе завтрак. А теперь убирайся, пока слуга — черта с два он дождется от меня чаевых! — не привел хозяина.

Но Джонс и ухом не повел. Он сжевал еще три куска хлеба и вылакал весь мой эль.

В это время в обеденную залу ворвался Тергис. Голиас успокоительно погремел монетами в кармане, но это оказалось излишней предосторожностью. Тергис увидел, как Луций вылизывает последние капли эля. Однако посетители отнюдь не возмущались, а напротив — поистине наслаждались непривычным спектаклем. Поэтому хозяин не стал ругать нас, но призадумался.

— Ваш осел? Сколько вам надо?

— Пару охапок сена, — увернулся я от ответа. — Конюший, по-видимому, забыл накормить его. Дайте ему сена, и он успокоится.

Но Тергис не позволил сбить себя с толку.

— Сколько вы возьмете за осла? — настаивал он.

— Ишак не продается, — отрезал Голиас. — Как насчет повторного завтрака для моего друга?

Я, хоть и был голоден, мечтал поскорее отсюда убраться. Мне не нравилось, что к нам привлечено всеобщее внимание.

— Давай оплатим счет Джонса и сообщим, что он уже уехал, — шепнул я.

— Верно, — согласился Голиас. — А вон слуга, что работал ночью. Кажется, мы влипли.

Глупо полагаться на слугу, берущего взятки. Мы с тревогой наблюдали, как малый что-то шепнул хозяину на ухо.

Тергис вновь подошел к нам.

— Покажите-ка купчую, удостоверяющую покупку вами этой скотины, — потребовал он.

— А прошлогоднего снега ты не хочешь? — беззлобно спросил Голиас. Его нож уперся хозяину в брюхо.

Тергис отскочил.

— Осел находился в номере, значит, он собственность гостиницы. Вы пытались его украсть. Я вас отдам под стражу.

Пока Тергис ждал, что мы ответим, Голиас спокойно положил в рот последний кусок и поднялся из-за стола.

— Встретимся на улице, Шендон, — небрежно сказал он мне и выскочил через окно. Осел едва успел убрать свою голову.

— Луций, бежим! — рявкнул Голиас снаружи.

Хозяин растерялся. Он не знал, как ему поступить. Послать погоню за Голиасом и ослом или же схватить меня как заложника? Но, прежде чем он решил, что лучше синица в руках, я вскочил из-за стола.

— Держите его! — завопил хозяин. И неспроста. Я как раз повел на него боковую атаку. Мощный удар в скулу — и он перелетел через стол.

Оба слуги и один посетитель из тех, что вечно лезут не в свое дело, — отрезали меня от двери. Я бросился на них со всего размаху. Отшвырнув в сторону двоих, вместе с третьим я вылетел в прихожую. Мы упали на пол, я подмял противника под себя. Он ослабил хватку, и через секунду я уже был на улице.

Казалось, все жители округи преследуют нас, вопя и указывая пальцем. Конечно, многие просто забавлялись, но я, едва не в каждом видя наемника разъяренного Тергиса, подналегал что есть мочи. Раздавались крики: «Стража!.. Стража!..» Постепенно преследователи отстали, и за нами бежал один только мистер Тергис. Однако настроен он был на более мирный лад.

— Погодите! — кричал он. — Мне не нужен ваш осел! Оплатите хотя бы счет!..

Я уже догнал своих друзей, и мчаться сломя голову не имело смысла.

— Он требует, чтобы мы оплатили счета, — сказал Голиас Луцию. — Ты способен с ним рассчитаться?

— Вас — вы — помните? — было — трое! — запыхавшись, заговорил Тергис. — Я — не — знаю — где — третий, но...

Он так задыхался, что говорить для него было сущей мукой. Однако лекарство оказалось под рукой. Мы стояли к Тергису лицом, но Луций продолжал стоять задом. Он только слегка повернул голову. Едва

хозяин приблизился, он радостно взревел и лягнул его в живот.

— Расписки не требуется, — сказал Голиас.

Судя по ликующему трубному реву, Луций остался доволен развязкой. Несомненно, он даже отвлекся от мыслей о своем несчастье. Да и я на радостях позабыл о завтраке, которого он меня лишил. Но не успели мы и несколько шагов шагнуть, как желудок мой забастовал.

— Мне необходимо подкрепиться, — заявил я Голиасу, — да и наш собрат Джонс не откажется от дополнительной порции. Только надо соблюдать осторожность.

— Навряд ли кто-то опять будет требовать, чтобы мы подтвердили свои права на него, — отвечал Голиас. — Однако его могут у нас украсть. Робин Тергис, кстати, напомнил мне, что осел не входит в перечень нашего имущества.

Он повернулся к Луцию.

— Хочешь сенца?

Уши серого опустились.

— А крылышко цесарки?

Длинные уши вновь встали торчком. Осел облизнулся.

— Что ж, это будет повкусней. И, наверное, ты не откажешься от хлеба? — продолжал Голиас.

Осел копытом провел шесть черточек на дороге.

— Ах, шесть кусков. И кружку эля, чтобы промочить горло?

Осел протрубил одобрительно, и Голиас махнул рукой.

— Настоящее представление бродячего цирка. Правда, Шендон?

Похоже, идея эта пришлась ему по душе. Я не разделял его восторга. Мне хотелось поскорее покинуть город, где на каждом углу нас подстерегали несчастья.

— Поторопимся. Не стоит дожидаться, пока нас оберут, — предложил я. — Кажется, на соседней улице есть постоялый двор.

Мы наскоро перекусили. Не забыли и про Луция, которому тайком принесли еду в стойло. После завтрака немедленно отправились в путь. Паруар остался позади.

За пределами города Голиас, искусный игрок в кости, оказался без заработка. О путешествии в карете нечего было и думать. Я опасался, что Голиас купит лошадей для езды верхом, вытряхнув всю нашу мошну. Но, как он сам заметил, проще нам плестись за ослом, чем заставить кобылу умерить шаг ради его неторопливой поступи.

Джонса не надо было вести за собой на веревке. Однако, чтобы не привлекать внимания, Голиас все же купил веревку и обвил ее вокруг ослиной шеи. Еще когда мы вели нашего четвероногого спутника по узким улочкам Паруара, я проникся к нему сочувствием. Побывав однажды в шкуре животного, я понимал всю глубину трагедии Джонса. Я также сознавал, что предо мною не просто человек в ослиной шкуре. Я знал, что его ум, его душа находятся в состоянии войны с ослиным обликом. Но человеческие силы в такой борьбе со временем иссякают. Против человека восстает не только пятая колонна ослиных инстинктов, но гораздо более опасный враг. Деградация наступает незаметно. Сначала вы всецело воспринимаете ваше новое положение как позорное. Затем вы осознаете его неестественность только разумом, так как новые ощущения становятся привычными. И, наконец, вам перестает казаться, что случилось нечто из ряда вон выходящее. Вы стали животным и не сомневаетесь, что это в порядке вещей. У меня сжалось сердце, когда Джонс вдруг стал упираться, не желая сворачивать за угол. Упрямился-то вовсе не Луций... Осел брал верх над человеком.

На следующее утро, пройдя Эрек, мы переправились через темные, беспокойные воды Лонг Ривер — реки примерно в милю шириной. Эрек считался большим городом, но западный берег реки был малонаселен. Дорогу с обеих сторон обступали густые заросли.

— Стрелка на перекрестке показывает, что до Тройновонта двадцать миль, — заметил я. — Как ты думаешь, мы успеем к обеду?

— Если будем так ползти — конечно, нет. Взбодрись-ка, Луций. Или, клянусь Шейлоком, я вырежу из тебя кусок мяса.

К моему сожалению, дорога, хоть и была проложена вдоль реки, но на значительном от нее расстоянии. Местность была равнинная. Идти было легко, но скуч-

но. И на дороге мы не встретили никого интересного. Только одна особа запомнилась надолго.

Женщину эту окружала целая свита, но взор ваш поневоле приковывался только к ней. Разве можно не заметить на небе полную луну? А она блистала, как полная луна. Она была ослепительна, как луна зимней ночью, и знойна, как солнце над полем летним полднем. Лениво развалясь, она покоилась в пестро изукрашенной будке на спине слона. Ее красота ошеломляла. В сердце ее царил холод, а очи были полны жаркой страсти. Насурьмлена и нарумянена она была донельзя и, с ювелирной лавкой в смоляных волосах, могла бы выглядеть нелепо. Но была прекрасна. Сразу понятно, что это не продажная куртизанка, но хищная птица высокого полета.

Мне захотелось спрятаться за спину дуэньи, если бы таковые оберегали мужчин. Мы посторонились, чтобы дать место процессии.

— Кто это?

— Какой-нибудь правитель на выезде. — Голиас пригляделся внимательней. — Да это Семирамида! Сама царица Семирамида. Нам лучше уйти с дороги. Посторонись, Луций! Как бы тебя не раздавили...

Да, такая опасность существовала. За королевой шествовали верблюды и слоны; до нас доносилось ржанье лошадей. Я стоял, засунув руки в карманы, и с любопытством рассматривал процессию. Едва Семирамида поравнялась с нами, Голиас почтительно снял шляпу. Она небрежно покосилась на него, как если бы ей довелось заглянуть в плевательницу. Я обернулся к Голиасу: что, получил? Но внимание мое отвлек Луций. Осел опустился перед царицей на колени, а потом склонил шею, пока головой не коснулся земли. Заметив, как он кланяется, Семирамида остановила слона. Ярко одетые седоки в пестрых будках, животные в пестрых сбруях — все сгрудились за ней. Мы нерешительно переглянулись. Тем временем царица обратилась к нам:

— Вы дрессировали это животное?

— Да, мадам.

Дотоле ни одну женщину в своей жизни я не называл «мадам». Она была первой.

— Вы, наверное, лжете, — решила Семирамида. — Вам самим не мешало бы поучиться хорошим манерам.

Как же вы можете прививать их неразумным созданиям?

Я предпочел не отвечать. Однако придворный из ее свиты не упустил возможности вставить словцо.

— Вне сомнений, ваше высочество, — заявил он, — это непроизвольная дань вашему величию и красоте.

На том бы дело и кончилось, если бы в разговор не вмешался Луций. Весьма выразительно проревев, он трижды кивнул длинноухой головой в знак согласия с придворным.

Семирамида задумалась. Затем она сошла с трона — и встала на голову слону, высокая, прекрасная и устрашающая. Приказав слону опуститься, она ступила на землю.

Я вопросительно взглянул на Голиаса; он пожал плечами. Итак, мы стояли в ожидании, пока царица нарвала несколько охапок зелени. Мне так и хотелось пнуть ишака ногой, но я сдержался. Он встал и вытянул шею. Семирамида подошла к нему. Еще сегодня утром Луций, побрезговав сеном, сожрал мой завтрак. Теперь же он сжевал и проглотил дочиста весь этот силос из листьев и пыльной травы, которым его угостила дама. На сладкое он лизнул ей руку выше локтя.

Царице это понравилось. Выражение ее лица не смягчилось, но сделалось менее холодно.

— Милый мальчик, — промурлыкала она, — милый. Ты многое понимаешь. А что ты еще умеешь?

И тут Луций подмигнул ей. Я забеспокоился.

— Мы научили его подмигивать всем женщинам, — промямлил я.

Меня позабавило убийственное равнодушие, с каким она отнеслась к Голиасу, но, когда настал мой черед, мне стало не до шуток. Властность и ум, выражавшиеся в ее взгляде, сочетались с редкостной чувственностью. Именно эта гремучая смесь и заставила меня вдруг осознать, что меня она вряд ли считает мужчиной. Кровь бросилась мне в лицо — и тогда удовлетворенная Семирамида вновь обратилась к Джонсу:

— Не думаю, чтобы ты подмигивал всем женщинам подряд. Для этого ты слишком умен.

Луций кивнул в знак согласия. Царица довольно захихикала и погладила белое пятнышко на его плече.

— Это сердечко свидетельствует о твоих больших способностях. Но ты не должен растрачивать свой дар на безучастных простушек. — С этими словами Семирамида принялась поглаживать ему бок. — Не многие из нас умеют ценить силу. А силы тебе не занимать.

По телу Луция пробежала сладострастная судорога. Этого я потерпеть уже не мог. Я даже не подозревал, что могу быть настолько шокирован, и едва не взорвался от возмущения.

— Лучше бы вам отойти в сторонку, — предупредил я царицу, — этот осел лягается. — Она звонко рассмеялась; осел радостно вторил ей своим криком.

Я почувствовал, что краснею, и вконец разозлился. Я уже не в состоянии был владеть собой.

— Черт побери! Прекрати сейчас же, Луций! — заорал я и, поймав конец веревки, попытался оттащить осла в сторону. Он упирался, и тогда я решил воздействовать убеждением.

— Я, конечно, понимаю, что вы, наверное, сгодитесь ничуть не хуже, а осел везде рад найти удовольствие, он своего не упустит. Но так дело не пойдет — поймите, ведь это уж ни в какие ворота не лезет.

— А вот это мы сами выясним, — улыбнулась царица.

Ее бесстыдство привело меня в ярость.

— Нет, вы отстанете от него, — теперь взревел уже я, — это наш ишак!

— А ему хочется стать моим, — возразила она. — Купить мне его у вас или так забрать — что вы предпочтете?

— Навряд ли у вас хватит средств, — вставил Голиас, — он очень дорого стоит, и веревка к нему не прилагается.

— Назовите цену, и я удвою ее. — Семирамида повернулась и кивнула придворному, который, видимо, ведал ее казной. — А веревка мне и не нужна. Он сам пойдет за мной.

Я понимал, что царица права, и впал в отчаяние. Скотство — ничто в сравнении с теми последствиями, которые из него вытекают. Джонс был моим другом, и теперь он сам себя приговаривал к тому, чтобы остаться ослом на всю жизнь.

Я подавленно наблюдал, как Голиас достает свой нож. Луций нетерпеливо повернулся к нему. Теперь он стоял мордой к лесу, хвостом к дороге. Голиас срезал веревку и, раскрутив ее в воздухе что было силы, хлестнул осла по спине. Луций взревел от боли и ринулся вперед, а Голиас вслед за ним.

— Помни о Гермионе! — кричал он ему, нанося удар за ударом. — Беги, если хочешь увидеть ее вновь!

Возможно, наказание умерило похоть, да и смысл слов Голиаса дошел наконец до Луция. Он опрометью понесся к реке. Я пустился вдогонку за Голиасом. В провожатых мы не нуждались.

Семирамида взвизгнула, и, оглянувшись через плечо, я увидел, что она опять взобралась на слона. Слоны, верблюды, лошади — все кинулись за нами в погоню. Трубные звуки, фырканье и ржанье доносилось сквозь треск ломаемого леса.

Теперь я уже улепетывал не ради Джонса, но ради спасения собственной шкуры. Однако от приятелей отставал на глазах.

— Джонс, принюхайся! Где река? — выдохнул на бегу Голиас.

Джонс поскакал впереди. Мы спешили вслед, продираясь сквозь густые заросли поймы. Бежать было тяжело; но, к счастью, топкая почва затруднила погоню. Слоны и верблюды увязали в тине, и даже лошади проваливались по колено. Спасительное препятствие помогло нам оторваться от преследователей. Мы добежали до реки. Луций в страхе замер на крутом берегу. Голиас пнул его ногой (в лесу он выронил веревку):

— Ступай, черт возьми! Спускайся к воде!

Мы проскользнули сквозь колючие заросли, увитые лозой.

— Держитесь поближе к берегу, — поучал нас Голиас. — И пригните головы. Это наш единственный шанс... Нет! — воскликнул вдруг он, когда мы, пробравшись сквозь кусты, оказались на самом краю обрыва. — Смотрите, вон там плот. Шендон, у тебя за спиной пантера... Отчаливаем!

18. Путешествие с комфортом

Отвязав канат от корня дерева, я прыгнул на плот. Голиас успел уже оттолкнуться, и я немного промахнулся. Поднырнув поближе, я забрался на борт. С берега доносились голоса наших преследователей. К счастью, они были слишком ленивы, чтобы спешиться. Точно так автомобилисты не желают вылезать из машины, чтобы топать на своих двоих. Семирамида и ее спутники спешно высматривали пологий спуск, по которому четвероногие могли бы выбраться к реке.

— Спрячь Луция в шалаше! — выпалил Голиас.

На другом конце плота громоздилось строение, очертаниями напоминавшее вигвам. Оно было сколочено из досок и казалось крепким, но недостаточно объемистым для того, чтобы вместить ишака средних размеров. Луций угрюмо опустил уши.

— Он там не поместится.

— Поместится. А как же иначе? Давай-ка, Шендон!..

Луций раздраженно помахивал хвостом. Голиас легонько кольнул его ножом в круп и тут же отскочил. Осел брыкнулся, и я, крепко ухватив его более слабые передние ноги, дернул их на себя. Одновременно Голиас сильно толкнул его, и осел грохнулся на бок. Луций и опомниться не успел, как мы схватили его за хвост и за уши и вцепились в гриву. Встать он не мог, брыкаться не решался, и нам удалось впихнуть его в шалаш.

— Если плот не развернется так, что мы станем мишенью, — сказал Голиас после того, как и мы втиснулись в шалаш, — нам нечего опасаться.

В одной из досок был круглый глазок. С трудом изогнувшись, я взглянул сквозь него. Течение вынесло нас на середину реки. Расстояние между нами и нашими врагами увеличилось, но теперь они могли нас видеть. Вскоре свирепые крики возвестили, что плот замечен. Прежде чем они решились на что-нибудь, появилась Семирамида. Стоя во весь рост на голове слона, она визжала:

— Стреляйте! Стреляйте! Упустите только — всех казню!

Слуги повиновались. Иные стреляли с места, едва успевая вытаскивать стрелы из колчана и натягивать тетиву. Иные скакали вдоль берега и посылали стрелы, поравнявшись с нами. Некоторые, подъехав к обрыву, бросались в воду вместе с лошадьми. Видимо, они плохо представляли, что такое глубоководные реки. Или же Семирамида казалась им страшнее любой стихии... Лошади их тонули, не в силах справиться с течением. Свист стрел действовал мне на нервы.

Парни знали свое дело. До меня быстро дошло, что одна из стрел может влететь через глазок. Я отпрыгнул от своего наблюдательного пункта. Стрелы барабанили по доскам, как дятел клювом по барабану. Многие отскакивали, но большинство втыкалось в доски. Немногие, правда, пронзили обшивку насквозь.

К счастью, плот не развернулся так, чтобы открытая часть шалаша смотрела на западный берег. Иначе бы нам каюк. Плот то и дело покачивался, ввергая нас в панику, но все же мы постоянно находились под прикрытием. К тому же нам помогла сама река. Течением нас относило к противоположному берегу, и вскоре мы оказались вне пределов досягаемости. Встреча с Семирамидой настолько потрясла нас, что, только достигнув середины реки, мы почувствовали себя в безопасности и рискнули высунуться наружу.

Царицы уже не было видно, и только несколько всадников мчались вдоль берега, вспенивая воду. Они высматривали тропу, по которой можно было бы вскарабкаться наверх. Наконец один из них скрылся в

листве, обнаружив, по-видимому, устье ручья. Его товарищи поочередно последовали за ним. Мы вздохнули с облегчением. Теперь можно было свободно обсудить происшествие.

— Всё, в эти края я больше не ездок. В какой части Романии правит Семирамида?

— В юго-восточной. — Взглянув на меня, Голиас расхохотался. Он даже лег в изнеможении, держась за живот. — Если бы ты только мог видеть себя со стороны, когда пытался спасти Луция от проявлений его животной натуры!

Я покраснел.

— Но это же был не Луций... Никто не заподозрит меня в избытке ханжества, однако кое-какие вещи... — Я осекся, понимая, что спорю, прислушиваясь к голосу чувств. А ведь когда-то я гордился тем, что неизменно опираюсь на доводы разума. — Черт побери, — выпалил я под конец, — видишь ли, кое-какие вещи просто недопустимы, особенно со стороны женщины.

— Разумеется, — примирительно сказал Голиас, — влечение к красоте должно быть естественным. Хотя не всегда она вызывает подобающий отклик. Давай-ка осмотрим эту старую калошу.

Я был рад сменить пластинку. Мы приступили к осмотру. У задней стены шалаша было сложено какое-то барахло. Им мы и занялись в первую очередь.

— Хорошо, — сказал я, — удочки нам пригодятся. Но как быть вот с этим ружьем? Оно заряжается с дула.

— Я знаю, как с ним обращаться. — Голиас изучал запасы провизии. — Кукуруза, кофе, соль, бобы, рис, и — смотри-ка! — в этот промасленный лоскут завернут бекон. В кувшине патока.

— Соорудим ленч, — предложил я, — и захватим немного провизии с собой. Из-за Джонса мы то и дело влипаем в неприятности. Кто знает, с чем мы еще столкнемся по дороге, прежде чем доберемся наконец до постоялого двора.

— До постоялого двора? — с удивлением переспросил Голиас. — Неужели ты опять собираешься глотать дорожную пыль и понукать Луция? Не лучше ли

проплыть половину пути, не тревожась ни о чем? Мы бы отлично провели время.

Не желая выглядеть недогадливым, я принялся спорить.

— Так-то оно так, — начал я, — но как же хозяин плота? — (Надо отметить, что вопрос собственности до сей секунды мало меня занимал.) — Ведь он и сам, должно быть, собрался путешествовать? Вон сколько припасов сюда натащил.

— Конечно, собирался. — Голиас изучал механизм ружья. — Похоже, затеял сбежать.

— А не привязать ли нам этот плот на видном месте? Он пойдет его искать и наткнется на него.

— И плюнуть судьбе в лицо? — раздосадованно спросил Голиас. Опустив ружье, он наставил на меня палец. — Это было бы святотатством по отношению к Оракулу и такой глупостью, что и вообразить нельзя.

Итак, мы решили плыть. С возросшим интересом я продолжал осмотр плота. Сколоченный из громадных бревен, плот обладал прочностью и прекрасно держался на плаву. Помимо шалаша, на нем был устроен глиняный очаг для приготовления пищи. Подле него были сложены дрова; из колоды торчал топор.

— Иметь бы еще запас воды. Тогда можно путешествовать без забот.

— А вода в Лонг Ривер для тебя недостаточно пресная?

Голиас вернулся со сковородкой и кофейником. Кофейником он зачерпнул воду прямо из реки.

— Держать в руках топор тебе как будто приходилось?

— Допустим.

— Тогда наколи немного дров. Я приготовлю ленч: кукурузные лепешки, бекон и кофе.

Пиршество удалось на славу. Я допускал, что неплохо было бы разнообразить наш стол, предположим, свежей дичью. Но зато в остальном мы были полностью обеспечены и от берега совершенно не зависели. К тому же без малейших усилий, исподволь, приближались к цели нашего путешествия.

Словно нарочно, для довершения удовольствия, на плоту оказалась пара трубок и небольшой запасец

табаку. Раньше я не видел, чтобы Голиас курил. Но теперь он присоединился ко мне. День был знойный, и мы стянули с себя рубахи. Затем, орудуя шестами, вывели плот на мелководье и замерили глубину. Забравшись обратно на плот, мы уже не стали обременять себя одеждой. Все, что от нас требовалось, — это следить за тем, чтобы плот не сел на мель и не напоролся на топляк.

Устроили поочередное дежурство по ночам. Задача необременительная, так как мы всецело принадлежали себе. Узкие рамки обязанностей не стесняли нашей свободы и согревали домашним уютом. Плот был подобен острову; но он увлекал нас вперед так же плавно и мягко, как автомобиль с хорошо накачанными шинами.

Днем наш плот был материком, а ночью — планетой. Он скользил по Млечному Пути белой от тумана реки, равный Марсу, Меркурию и всем звездам, кружащимся со своими созвездиями. Землю поглощала тьма; мы различали только зубчатые края деревьев, когда течение перебрасывало наш плот, будто челнок, от одного берега к другому. Затем появились огни города, и рано утром, перед самым рассветом, мы миновали Тройновонт.

Голиас разбудил меня близ самого города. Ему хотелось показать мне величественные черные башни на фоне гаснущих звезд. Мы проплыли под мостом, стараясь держаться подальше от каменных опор.

Только после двух дней пути вдали мы заметили еще один мост. Теперь мы подплывали к Валенции. Обогнув излучину, мы устремились прямо по направлению к нему. Издали было видно, как какие-то люди карабкаются вверх по пауковидному сооружению. До нас отчетливо доносились гулкие удары.

— Наверное, заканчивают постройку, — предположил я.

— К сожалению, «закончить» и «покончить» — глаголы, как правило, разные, — возразил Голиас. — Похоже, стучат топором, а не молотком.

Да, он был прав. С недоумением я вглядывался в даль.

— Зачем рушить мост, пока не выстроен новый?

— Ты еще спроси: зачем строить новый мост, пока не разрушен старый?

Он говорил взволнованно, и я заметил, что он не сводит глаз с западного берега.

— Они взялись за это неспроста. И, если повезет, они добьются своего.

Подплывая ближе, мы увидели правое окончание моста. Оказывается, шумели и вопили не только на левом берегу. И на правом толпилось множество народа. Но оживление их было иного свойства. Вооруженные люди запрудили вход на мост и рассыпались по берегу. Полки их стояли на дороге, насколько хватало глаз; ветер развевал боевые знамена. Это была могучая армия, по сравнению с которой войско Бродира казалось небольшим отрядом.

Преимущество плавания на плоту состоит также и в том, что, проплывая вдоль берега, вы можете следить за развитием событий. В данном случае мы как бы находились в центральном проходе. С интересом человека, наблюдающего действия пожарников, я переводил взгляд от завоевателей, подступивших к мосту, к горстке защитников, пытающихся уничтожить подход к городу. Сначала я не понимал, отчего враг медлит с наступлением. Наверное, подумал я, их предводитель считает, что ступать на мост уже небезопасно. И, в свою очередь, встревожился.

— А не обрушится ли эта махина аккурат на наши головы? — предположил я.

— Ты имеешь в виду мост? — Голиас был так занят, что даже не повернулся ко мне. — Тут уж ничего не поделаешь...

Так оно и было. Мы сумели бы высадиться на берег, если бы своевременно догадались об этом; но теперь, вблизи от моста, о высадке не могло быть и речи. Теперь нам только следовало заботиться о том, чтобы избежать столкновений с деревянными опорами моста. Я поднялся и взял в руки шест.

— Ты бы мне помог, Голиас.

— Сейчас-сейчас... Смотри вон туда!

Я увидел здоровенного верзилу, выходящего из вражеских рядов. И только тогда понял, кто такие те трое парней, прохлаждавшихся у западного входа на

мост. Они не были воинскими диспетчерами, следившими, чтобы не возникало толкотни. Напротив, они, заблокировав проход в самом уязвимом месте, обороняли мост от целой армии захватчиков, пока их соратники потели, стараясь отрезать путь врагу. К ним-то и направился верзила.

Я не был равнодушным зрителем, однако поначалу не склонялся ни к той, ни к другой стороне. Но теперь выбор был мною сделан.

— С большой высоты больнее падать, — заметил я. Однако я не был настроен слишком оптимистически.

Великан — именно великан, без малейшего преувеличения — был вооружен мечом длиной в человеческий рост. Мне показалось, что сейчас он обезглавит всех троих с такою же легкостью, как дети сбивают палкой головки чертополоха. Похоже, что и он не сомневался в легкой победе. Мы подплыли уже достаточно близко и могли различать ухмылку на его лице.

— Атакуйте же его, вы, дуралеи! Атакуйте! — не выдержал я.

Против человека-горы выступил только один. Великан ударил его мечом, да так, что бедняга закружился на месте. Его противник был уверен, что все уже кончено. Так же подумал и я. Но пока верзила намеревался нанести последний сокрушительный удар, защитник города подскочил к нему вплотную, подпрыгнул и ткнул в лицо мечом.

— Черт побери, вот это да! — с восторгом крикнул я. И тут же завопил: — О, Боже! Голиас! Помоги!

Засмотревшись на сражение, я перестал следить за течением. Оно несло нас прямо на деревянный бык. Город тут построили, потому что удобно было перекинуть мост. А мост соорудили именно здесь, в самом узком месте реки. Наш плот стремительно летел меж тесными берегами. Голиас бросился мне на помощь, но было уже поздно. Оставалось хотя бы ослабить удар. Плот углом стукнулся об опору; мы упали, потеряв равновесие; Луций тоже свалился долой с копыт.

Придя в себя, мы оглянулись на мост. Там все переменилось. Из охранников остался всего лишь один — наверное, тот самый, что убил великана. Двое других отходили к восточному берегу. Возможно, они

получили приказ покинуть пост. А иначе они бы до сих пор стояли на страже. Последний защитник один прикрывал собой весь город.

Я и ахнуть не успел, как с оглушительным треском восточный конец моста рухнул в воду. Течение увлекло его на дно, сорвав с деревянных быков все сооружение. Они одни остались торчать над водой.

К счастью, мы были уже далеко от водоворота. Но течение все еще было очень быстрым. Волны колебали плот, накатывались на бревна.

Луций, бедолага, поскользнулся и едва не свалился в воду. Если бы Голиас не удержал его за хвост, мы бы остались вдвоем. Когда мы вытащили осла, я вновь оглянулся на город. Меня беспокоила судьба последнего защитника. Ведь он остался на вражеском берегу.

Я как раз успел увидеть, как он, в полном боевом снаряжении, прыгнул в воду. Уж не предпочел ли плену добровольную смерть? Но, к моему изумлению, он вынырнул и поплыл.

— Как ты думаешь, доплывет? — спросил я.

Голиас все еще держал Луция за хвост. Опомнившись, он выпустил его.

— Парню предстоит еще немало приключений на берегу. Взгляни, как плывет! Какой молодецкий размах! Я уверен, для него все закончится благополучно. Что ж, посоветуем Ларсу Порсене убираться восвояси? Или он сам догадается?

Вскоре и мост, и войско остались позади. Реку вновь обступили леса.

Джонс все еще продолжал валяться на боку. Мы с Голиасом, усевшись рядом и раскуривая трубки, с ленивым одобрением смотрели, как мимо нас проплывает мир.

Плот разворачивался то к одному берегу, то к другому; по временам были видны сразу оба берега, если мы плыли по самой середине реки. Беседы наши были неторопливы, как и наше плавание. Мы свободно заходили в любой порт на карте размышлений и надолго бросали там якорь.

Даже в Арденском лесу я не чувствовал такой родственной связи со стихиями. Воздух и даже вода упоительно пахли зеленью и цветами. И день, и ночь

без остатка принадлежали нам. Легкий бриз смягчал летний зной. Сумерки несли с собою прохладу, но воздух становился неподвижен и ласково касался нашей кожи. Забыв об одежде, мы считали нелепым прятаться от теплого дождя. Спали мы под открытым небом и в шалаш забирались, только когда начиналась гроза.

На берегу мы запасались дровами, да еще Голиас охотился. Однажды, где-то на пятый день плавания, мы плыли вдоль берега по мелководью. К ужину Голиас хотел добавить немного дичи. Он уже заряжал свое ружьецо, как вдруг мы услышали человеческий голос.

— Неужто вы и впрямь собираетесь оскорбить нежный слух Божьих рыбок грохотом этого смертоносного мушкетона?

На крутом берегу стоял господин с удочкой, сачком и корзиной для рыбы. Несмотря на жару, он был в камзоле и панталонах. Обут он был в изысканные башмаки с пряжками, а на голове носил щеголеватую шляпу с плюмажем. Ростом он был невелик; и если не принимать во внимание усы и эспаньолку, напоминал благодушного святого. Говорил он с нами, насколько я мог судить, со всей серьезностью, но приятная улыбка несколько смягчала бесцеремонность вмешательства.

Голиас улыбнулся ему в ответ.

— Слух у рыбок нежный, — согласился он, — чего не скажешь об их ртах.

Рыболов рад был возможности порассуждать. Он присел на берег.

— Сказать по правде, друг мой, у одних рыб жесткие рты, у других — нет. Рыбная ловля тем и хороша, что Творец позаботился о разнообразии. Так, например, у головлей, усачей, карпов и пескарей рты жесткие, будто кожа. А вот щука, окунь или форель срываются с крючка, если рыбак не имеет сноровки. Но если вы (а ваши слова допускают и такое толкование) намекаете на то, что крючок ранит рыбам рот, возражу вам: еще не от одной из них никто не слышал ни единой жалобы. Во имя избежания двусмысленностей, я могу допустить, что ваше предложение правдоподобно. Возможно, рыбы наделены ощущениями, но не менее возможно, что ощущениями наделены и деревья. Ведь

не зря же считалось, что каждое дерево имеет душу — прекрасную дриаду, которая страдает и умирает вместе с ним. А ведь они не обладали красотою нимф, которые от любивших их богов породили племя героев и удильщиков. Не могли бы вы мне ответить на один вопрос?

— Да, но, пожалуй, не так обстоятельно.

— Не всякий предмет достоин пространной речи. — Удильщик снова улыбнулся. — Поклонники далеко не всякого увлечения обладают досугом, чтобы обсуждать свой предмет. Можно даже утверждать, что они не имеют способностей к рассуждению. В противном случае они все бы склонились к занятию рыбной ловлей. И это возвращает нас к моему вопросу. Отчего человек, наделенный, бесспорно, немалыми умственными талантами, предпочитает бегать, кричать, взрывать порох, загрязняя окружающую среду, проливать кровь и будоражить всю лесную округу, вместо того чтобы предаваться куда более утонченному способу охоты, находящемуся у него под боком?

— Чтобы подстрелить куропатку, вовсе не требуется ни бегать, ни кричать, — возразил Голиас, — и я не усматриваю ни малейшего несходства в наших пристрастиях.

— Почему же, милейший Охотник? Неужели вы не видите разницу между грабителем, который нападает на вас сзади и проламывает голову, чтобы отнять кошелек, и жуликом, которому удается выманить ваши денежки только в том случае, если он хитрее вас? Даже по духу охота не идет в сравнение с рыбной ловлей. Пуля, стрела, охотничья собака совершают насилие над своей жертвой. Рыбка же свободно выбирает, глотать ей крючок или нет. А ведь сделать крючок привлекательным — это тоже искусство.

— У вас интересная точка зрения, Рыболов, — согласился Голиас, — но ведь не стоит никакого труда поймать в Лонг Ривер бычка. Он хватает любую наживку.

— Бычка! — Удильщик был потрясен. — Да ни один уважающий себя рыболов не станет ими заниматься. Уверен, что даже шеф-повар Трималхиона не состряпает из бычков мало-мальски съедобное блюдо.

Давайте оставим этот спор, и позвольте поймать мне для вас такую рыбу, вкус которой показался бы отменным даже самому заядлому удильщику. Я подстерегал здесь щуку, но у вас, наверное, нет необходимых специй, чтобы приготовить ее как должно. Но давайте проплывем вниз по реке еще немного, и я поймаю для вас окуня.

Его слова не оставили меня равнодушным.

— Я готов отправиться вместе с вами, мистер Рыболов, — заявил я. — Даже один, без Голиаса.

— Садитесь на плот, — пригласил Голиас, — поплывем вместе.

— Благодарю за любезность, — отвечал Рыболов. Он сошел с берега и забрался на палубу. Я положил его удочку в шалаш, чтобы Луций не наступил на нее, и мы отчалили. Стремнина оставалась в стороне. Из-за жары нам лень было орудовать шестами, и наш плот тихо плыл по мелководью. Но, как и мы, наш пассажир не торопился. У него оказалась при себе трубка, и он влился в нашу с Голиасом компанию.

— Этот плот пригоден только для рыбаков и прочих философов. И потому я склоняюсь к выводу, что вы тоже не чужды мудрости, — проговорил Рыболов. — И если у вас хватило рассудительности внять моему превосходному совету, я отважусь дать вам еще один.

— Какой именно? — спросил Голиас.

— Так как мы еще не скоро доберемся до берега, где я предполагаю рыбачить, не лучше ли будет занять себя пением песен?

— Но понравится ли это рыбкам с их нежным слухом? — вставил я.

Рыболов рассмеялся.

— Я не Арион, чтобы зачаровывать рыб, но в моих песнях нет ничего оскорбительного. В них не содержится никаких непристойностей, ни прочих неподобающих материй, и потому их можно петь любому слушателю. Кто из вас начнет?

— Нет-нет. — Голиас плавным жестом указал на него рукой. — Вы наш гость, вам и начинать. Не возражаете?

— Отнюдь, — заверил его Рыболов. — После ловли рыбы первое удовольствие для меня — сочинять песни.

Но петь об ужении рыбы — двойное удовольствие. Сейчас я вам спою именно такую песню.

Ловля рыбы — путь ко благу:
С чистою душой
Окунать уду во влагу —
Есть ли путь другой?
Пробираться вдоль реки тропкой неприметной:
Ждут там щука и лосось в заводи заветной;
Леску ловко размотать и закинуть в воду —
Только так и стоит жить, возлюбив свободу.

Разум — быстрая протока:
Мысли, как форель,
В тень скрываются глубоко,
Огибая мель.
Не приманит их к себе, гибких и сверкающих,
Твой пустой крючок, коль наживки нет:
Лишь искусство рыбарей, дело свое знающих,
Вытащить поможет их на Божий свет.

— Да, теперь я вижу, что вы удите рыбу вполне глубокомысленно, — заметил Голиас. — И мне нравится, что вы вкладываете в песню всю душу. Я также спою о реке, об этой реке. Не обойду вниманием и рыбалку.

Вниз по течению один только брод,
Но его перейти нельзя.
Здесь подстерег Фердиада тот,
С кем были его друзья.
Окрасилась алой кровью вода —
Сама Морриган явилась сюда,
А река стремится на юг.

Зимой рыболова у бережка
Греет из фляжки глоток.
Броня ледяная прозрачна, крепка:
А ну-ка, еще рывок!
Корягу вытянет, но с трудом —
Сом подо льдом шевелит хвостом,
А река стремится на юг.

Зеркальная гладь недвижна, ясна;
Безмятежность со всех сторон.
Всадник промчался — взбурлила она,
Заискрилась — и снова в сон.

Ничто дремоты не возмутит —
Отраден простора широкого вид,
А река стремится на юг.

Дракону клад уберечь не дано.
Но вырвать богатство из женских рук
Вздумал родич, ныряя на дно,
Где затонул сундук.
Нырнул один, а за ним — другой:
Сомкнулись волны — тишь и покой...
А река стремится на юг.

— Замечательная песня, — зааплодировал Рыболов. — С рекой, безусловно, связано столько историй, которые полезно изучать в свободные от рыбалки месяцы. Однако, по счастью, таковых у меня не бывает. Теперь ваша очередь, — кивнул он мне.

— Я не знаю ни одной подходящей песни, — возразил я.

Рыболов взглянул на меня, как на школьника, не затвердившего урок.

— Если вы не можете остановить свой выбор на песнях других авторов, спойте свою. Я именно так всегда поступаю.

— Я не умею сочинять песен, — признался я, чувствуя свою несостоятельность. — Прошлой ночью пробовал, но...

— В самом деле пробовал? — Голиас с любопытством взглянул на меня. — О чем же была твоя песня?

— Да так, одни пустяки. — Я уже жалел, что проговорился. — Ночью, когда я дежурил, над рекой стояла луна. Река таинственно мерцала в ее лучах. Деревья — там, где они выступали из темноты, — казалось, тают в лунном свете. По воде бежали лунные дорожки; всюду лежали кружевные тени. Я слышал крылья ночных хищников и волчий вой в лесу... Но тишина казалась ненарушимой. От нечего делать мне вздумалось рассказать обо всем этом в стихах. Но дальше первой строчки не пошло.

— Но почему же? — допытывался Рыболов. — Сочинить стихотворение — все равно что связать крылатую мошку. При наличии подходящего материала —

а он у вас имелся — дело всего лишь за сноровкой. Хотя, конечно, без прилежания не обойтись.

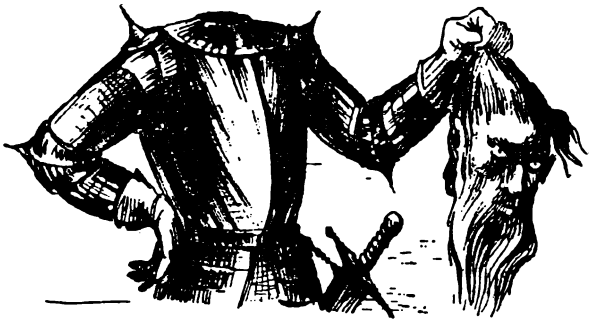
— Только и всего? — Я почувствовал, что начинаю раздражаться. — Да я почти пять часов бился! «Река была...» — вот и все, что я сумел из себя выжать. Но какой, какой она была? Черт его знает!

Голиас задумчиво смотрел на меня.

— В свое время мы об этом узнаем, — сказал он наконец.

Я не стал ему отвечать, так как не понял, что он имеет в виду.

Мы отлично провели время, и старик Рыболов на деле доказал нам, что не хвастался своим искусством управляться с удочкой. Ночью, на плоту, мы испекли на угольях обещанного им окуня. Сроду не пробовал ничего вкуснее.

19. Зеленый Рыцарь

Единственное, что нас огорчало, это Джонс. Малопомалу мы привыкли воспринимать его положение как должное. О человеке судишь не по обличию. Человеческая сущность неизменна. Задатки могут быть разными — важно твое поведение. А Луций вел себя как осел. Вот мы и стали относиться к нему как к ослу. Он не владел человеческой речью, и постепенно мы перестали обращаться к нему с вопросами. Луций, со своей стороны, понимал разделявшую нас пропасть, хотя мы над этим мало задумывались. Помимо совместных трапез, он при всякой возможности старался держаться от нас подальше.

И все же, несмотря ни на что, мы с Голиасом были счастливы.

— Даже и думать не хочется, что придется оставить плот, — сказал я ему через несколько дней после встречи с Рыболовом. Мы отдыхали после ужина, попыхивая трубками. — Говоришь, завтра мы доплывем до дороги, ведущей к Оракулу?

— По моим подсчетам, примерно в полдень. — Голиас выпустил облачко дыма. — Вернее сказать, это не дорога, а заброшенный тракт, ведущий в глубь страны от заброшенной пристани. Так что придется нам смотреть в оба.

— А как мы вернемся назад?

Голиас пожал плечами.

— Там видно будет. Об этом рано пока беспокоиться. От реки до Оракула идти да идти. И Варлокские горы нелегко одолеть.

— Но ведь нам не придется карабкаться на хребты, — заметил я, — если там пролегает дорога.

— В той части Броселианского леса трудность подъема — далеко не самое опасное.

Чуть позже Голиас уснул, а я остался следить за топляками и песчаными отмелями. Вдруг прямо перед нами я увидел судно.

Речная акустика капризна. Иной раз очень тихие звуки разносятся на громадное расстояние, но порой вы не услышите грома за ближайшим поворотом. Вот почему я не услышал, что неподалеку пароход. Он возник неожиданно, разорвав тишину, извергая с дымом искры и светясь, как субботний вечер в городе.

Речное русло было достаточно широко, чтобы разминуться, но меня беспокоила наша беспомощность. Можно было попробовать оттолкнуться шестом, чтобы быть подальше от парохода. Но течение нас могло вынести еще ближе к нему. В конце концов я возложил все надежды на лоцмана. Заметив плот, он сумеет нас обойти.

Я хотел разбудить Голиаса, но раздумал. Глупо будить человека только ради того, чтобы показать ему пароход. И к тому же он бы понял, что я нуждаюсь в его моральной поддержке. А вот этого-то мне и не хотелось. Даже когда пароход устремился прямо на нас, я молчал. Понятно, что судно следует своим курсом. И только в самую последнюю минуту я заорал:

— Вы, сукины дети! Куда, к черту, ломите?

Своим криком я разбудил Голиаса.

— Скорей! На помощь! — вопил я, пытаясь оттолкнуться от дна шестом. Однако Голиас бросился на противоположный конец плота, где в ужасе мотал головой Луций.

— Поздно! — рявкнул Голиас. — Прыгай!

Он тут же схватил Джонса за задние ноги и столкнул в воду. Наверняка он спрыгнул вслед за ним и сам — смотреть было уже некогда. Пароход неотвратимо надвигался прямо на нас. К счастью, речные суда неглубоко сидят в воде. Я не мастер подводного пла-

вания, но тут я превзошел самого себя. Между лопастями парохода и речным дном оказалось достаточно пространства. Когда я вынырнул, пароход был уже далеко. Я поплыл, во все горло окликая Голиаса. Он не отзывался. Течением меня стремительно относило от места происшествия.

Устав кричать, я поплыл к западному берегу. Мне пришлось проплыть милю или две, прежде чем я смог выбраться на незаболоченную почву. Я промок, озяб и устал, но не это смущало меня. Я предполагал, что мои друзья тоже поплывут в том же направлении. Но не потерял ли Голиас Джонса? Я не был уверен, умеют ли ослы плавать. И если Голиас и Луций все же спаслись, то где именно они вышли на берег?

Рассвело, и я отправился на разведку. Трудно было продираться голышом сквозь спутанную растительность. Но я упорно шел вперед, делая небольшие передышки. Около полудня я набрел на наш поврежденный плот. Он сидел на песчаной отмели неподалеку от берега. Я обрадовался возможности позавтракать, но чувство одиночества было непереносимо. В странствиях тяжело одному и тепло очага, — будь то хижина или просто шалаш на плоту, — отрадно разделить с другом. На следующее утро мне уже хотелось выть от тоски. Я решил, что больше ждать не стоит.

Я уверился, что Голиас сюда уже не придет. Чтобы увидеться с ним, нужно было идти к Оракулу. Вытащив плот на берег, я оделся, запасся едой и заткнул за пояс нож Голиаса. Свою модную, белую с плюмажем шляпу я швырнул в реку.

Разумнее всего было бы, вероятно, побрести вниз по течению реки. Тогда бы я вышел на старую дорогу, о которой упоминал Голиас. Но мне не хотелось продираться сквозь густые заросли, увязая в болоте. Я с содроганием думал об удушливых испарениях и змеях. Выбравшись из поймы, я стал подниматься вверх по берегу. Вскоре долина осталась позади, а потом местность стала холмистой.

На следующий же день я столкнулся с трудностями, которые легко мог бы предотвратить. Однако мысль о них почему-то не приходила мне в голову. Поднявшись над холмами к подножию Варлоков, я обнаружил, что

в этих краях уже наступила осень. Чем выше я взбирался, тем становилось холодней. Когда я останавливался передохнуть, холод пробирал меня до костей. Лес выглядел уныло. Здесь в основном росли дубы. Листья все еще трепетали на ветру, но мелкие ветви были обнажены. Солнце проглядывало сквозь тройную толщу облаков, однако вскоре стал накрапывать дождь. Для отдыха необходима была крыша над головой, и я совершенно выбился из сил. Шел я быстро, но все никак не мог согреться.

Уже стемнело, когда я добрался до первого спуска. Гребень горы защищал меня от ветра, и я стал быстро спускаться вниз. Надо было перебираться с уступа на уступ, но вдоль ручья тянулась оленья тропа. По ней-то я и шел. Черная ледяная вода потока плескалась, спадая со ступени на ступень.

Торопиться меня заставил открывшийся передо мной пейзаж. Дом в поле выглядит одиноко, но еще более заброшенной кажется вырубка в лесу. Ее обрамляли чахлые деревья, а за ними громоздились скалы, похожие на бородавки. Их вершины скрывали густые облака, бегущие, как темный, холодный ток воды.

Я перебрался через поток, который излучиной уходил налево и низвергался на покрытую валунами площадку. За водопадом от площадки поднимался травянистый холм. Неплохое место для привала, подумалось мне. Хотя я не собирался здесь останавливаться, но все же приблизился к холму.

И вдруг я увидел входное отверстие. Исследуя холм, я заметил в нем грубо сработанный дверной проем. Я позвал, но хозяева не откликались. И тогда, хотя и с опаской, я вошел внутрь.

Порывы ветра сюда уже не долетали. Глаза мои привыкли к полумраку, и я заметил здесь еще множество достоинств. Слабый свет, лившийся из нескольких отверстий в потолке, освещал остывший уже очаг. Когда я окоченевшими пальцами, не привыкшими к обращению с кремнем и кресалом, разжег в нем пламя, мне открылись новые чудеса. В дальнем углу находилось благоухающее ложе; покрывалом служила медвежья шкура. Я обнаружил кухонные принадлежности и небольшой запас пищи, включая кусок окорока,

свисающий с потолка, и бутылку вина. К моему удивлению, в пещере был и алтарь. Пламя свечей, соединяясь с блеском очага, добавляло света. Над алтарем была доска с надписью: «Путник, добро пожаловать в Уединенный Приют».

Я расслабился. Кто бы ни был хозяином этой пещеры, но он спас мне жизнь. Через часок-другой тепло разлилось по моим жилам. А ветер становился все сильней, и, когда я вышел к ручью за водой, пошел снег.

Продрогший и усталый, я лег сразу же после того, как поел. Наутро я не торопился вставать, но тусклый свет унылого дня просочился в чудесную пещеру. Снега было немного: вершины скал и площадка перед пещерой не были запорошены. И потому человек, поджидавший меня у входа, не оставил за собою следов. Я не знал, откуда он взялся.

— Мне показалось, я заметил дымок, — сказал он, — хотя в лесу довольно сумрачно.

— Да, конечно, — подтвердил я. Я старался быть вежливым, хотя не испытывал особой склонности к разговору. Я огляделся: все предметы сохраняли свои цвета, но незнакомец был ярко-зеленый. Я имею в виду не только его одежду, которая, разумеется, была зеленой. Но и кожа его была зелена, как листья кислицы. Зеленой была его шевелюра, и зеленой же была его борода. Пышная, длинная, она веером покрывала всю его грудь.

Ах, как мне хотелось, чтобы хоть ростом незнакомец был поменьше! Но в нем было около восьми футов, и сбит он был крепко. Я сразу почувствовал в нем борца — решительного и неукротимого. При нем был увесистый боевой топор, насаженный на пятифутовое древко.

— Ты никого не видал поблизости? — спросил незнакомец после того, как мы пригляделись друг к другу.

— Здесь никого нет, кроме меня, — ответил я, прокашлявшись. — И я как раз собираюсь уходить.

— Тебе лучше пока остаться, — заметил рыцарь.

Я не знал, как это расценивать — как совет или приказ.

— А в чем дело? — спросил я его.

Рыцарь с легкостью крутанул громадный топор — так полицейский крутит своей дубинкой. Затем он встал, опершись на него.

— Предстоит серьезная работа, — сказал он, обращаясь к самому себе, — допускаю, что обойдется без принуждения, но сейчас здесь кое-кого вскроют и выпотрошат.

Я был уверен, что речь не обо мне. И все же не мешало расспросить получше.

— Каким образом? — поинтересовался я.

— При помощи вот этого. — Рыцарь приподнял топор и тут же вновь поставил его на землю. Вид у меня был, наверное, самый рассерженный, потому что его зеленые губы передернулись. — Сомневаюсь, хватит ли у тебя мужества отсечь мне голову.

Его снисходительная усмешка кольнула мою гордыню. Он был здесь не единственный, кто умел обращаться с боевым топором. Однако он не должен был знать, что я держал его в руках лишь однажды.

— В свое время мне немало пришлось им поработать, — похвалился я, указывая на топор.

— Да? Вот как? — он пристально взглянул на меня, а потом перевел взгляд на темнеющий за мной вход в гору. — Еще не пора, — объявил он, — но из соображений безопасности лучше зайти за холм.

— А кому грозит опасность?

— Тебе.

Рыцарь цепко схватил меня за руку. Я даже не пытался высвободиться. Мы обогнули холм.

— Ты говоришь, что владеешь боевым топором. А если хозяин топора попросит тебя ударить его покрепче?

Я засмеялся, пытаясь скрыть замешательство.

— Я бы разделал его под орех. Только бы дал топор поскорей.

— Вот-вот. — Мне показалось, он остался доволен моим ответом. — А теперь, без промедлений, отсеки мне голову!

Я с недоверием отнесся к его словам, а когда он вложил топор в мою дрожащую руку, я забеспокоился еще сильней.

— В чем тут юмор, не понимаю? — спросил я его.

Рыцарь захохотал.

— Тебе не причинили ни малейшего вреда и даже не угрожают. А ты уже испуган до смерти.

Конечно, он был прав. Оттого-то я и рассердился. Пока я обдумывал, как ответить, он протянул руку за топором.

— Ладно, — сказал он, — если боишься, давай его сюда.

Я отскочил. Отдать сумасшедшему топор, это ли не самоубийство?

— Отойди, — предупредил я, — а не то получишь. Назад, чтоб тебя!..

Я отступал к вершине холма, а он карабкался вслед за мной. Наконец я оказался спиной к ручью. Отдавать ему топор я не собирался и купаться в холодной воде с риском подцепить пневмонию — тоже. Оставался единственный выход. Собравшись с духом, я взмахнул топором.

Я хотел ударить его в бедро, чтобы отогнать. Но он резко упал на колени, пригнув голову. Широкое лезвие врубилось ему в шею, сокрушив позвоночник. Голова упала и подкатилась ко мне. В ужасе я отпихнул ее ногой.

— Ты сам на это нарывался, идиот проклятый!

Я сказал так, потому что мне хотелось себя оправдать. Силы покинули меня, и я оперся на топор. Зато убитый не нуждался ни в какой поддержке. Наклонившись, он поднял голову и отряхнул землю с правой щеки. Затем с легкостью поднялся, держа голову за волосы. Башка смотрела на меня открытыми глазами.

— Впечатляет? — спросил он. Я молчал, не в силах ни думать, ни говорить. — Главное — понять, что требуется. Уж если ты здесь оказался, ты должен знать, что от тебя нужно. Успокойся!.. Это моей голове предстояло слететь, а тебе ничего не угрожает.

— Наверное, — согласился я, не сводя глаз с отрубленной головы.

— А могло быть иначе. Мы могли условиться, что я наношу тебе ответный удар, а потом уже подбираю свою голову с земли.

Я содрогнулся при мысли о такой возможности.

— Но это не была бы честная сделка. Ведь ты знаешь, что останешься в живых, а твой соперник наверняка погибнет.

Голова приподняла брови:

— Преимущества не имеют значения. Условия сделки либо принимаются, либо нет.

— Какие, к черту, сделки, если личность состоит из двух кусков? И вдобавок мертвых, — предположил я, поразмыслив.

Рыцарь приставил голову к обрубку шеи. Кровь, которая выступила по краям, но не текла, послужила клеем. Кивнув пару раз, чтобы удостовериться, прочно ли приросла голова, великан задумчиво уставился на меня.

— Твой дерзкий вид выдает тебя, — заметил он. — Одному парню я дал целый год на обдумывание вопроса. Удивительно, что на какую изощренную изобретательность ни пускался бы прилежный ум, за год он приходит к одному и тому же выводу. Я жду парня здесь. Он должен прийти, чтобы я отрубил ему голову.

— О, Боже! И он думает над этим день за днем в течение года!..

— Я скажу тебе, как он — его имя Гавэйн — поступает. Ему приходится искать меня пару месяцев, и... А что бы ты сделал на его месте?

— Проще простого. Если бы меня могли счесть трусом за то, что я не тороплюсь прийти, я бы где-нибудь переждал, а потом бы удалился, ворча, что не сумел отыскать тебя.

— Я, наверное, сделал бы то же самое, — согласился рыцарь. — Не хотелось бы уточнять. Но, надеюсь, мне не придется долго ждать. Я слышал, что Гавэйн уже поблизости. Он просил, чтобы его провели сюда.

— Возможно, он испугается в последнюю минуту, — предположил я.

— И это прикрыло бы нашу собственную трусость? — Он помолчал, затем пожал плечами. — Я слышал, будто он утаил, зачем идет сюда.

Зеленый рыцарь сказал это с таким восхищением, что я взялся отговаривать его от предстоящего дела.

— Если парень вам по нраву, зачем его убивать?

— Я и не собираюсь его убивать. Но дело зашло слишком далеко. Вопрос не должен остаться без ответа. — Рыцарь забрал у меня топор и пощупал лезвие. — Затупилось. У меня слишком жесткая шея. Пойдем, поможешь мне его наточить.

Не смея спорить с этим чудовищем, я пошел вслед за ним. Взмахнув топором, он одним прыжком перескочил через ручей. Я перебрался по камням. Он вскарабкался на одну из больших скал, которые я заметил еще вечером. Сгрудившись, скалы образовали пещеру с узким входом. Пещеру рыцарь использовал как сарай. Здесь было много инструментов, и среди них — огромный точильный камень.

— Взгляни, осталась ли вода в кружке, — приказал мне рыцарь, плюхнувшись на сиденье.

— В этом бидоне? Он почти полон.

— Ладно. Смочи камень — больше, больше. Не бойся, что рукам холодно, ты скоро привыкнешь. Лить не надо, брызгай.

Рыцарь начал вращать камень потихоньку, но вскоре топор завыл и заскрежетал, будто пилили железо. В пещере стоял гул, эхом отдававшийся в горах. Грохот раздавался такой, что уши закладывало, и я не услышал голоса пришельца. Зеленый рыцарь сделал мне знак, чтобы я перестал брызгать водой.

— Ждут ли здесь меня? — прозвучал смелый вопрос. — Отвечайте немедленно!

— Погоди чуток, — проревел в ответ мой спутник, — скоро ты получишь свое. Не спеши, — шепнул он мне.

Звон топора сделался еще более зловещим. Пришелец, вне сомнения, отлично понимал происхождение этих звуков. Словом, я участвовал в атаке на нервы и без того испуганного человека. И в то же самое время я уже смотрел на Гавэйна почти теми же глазами, что и зеленый рыцарь. Он нас не видел, так как мы были высоко над ним и прятались в сумраке пещеры. Но я мог видеть его сверху. Он был в доспехах, как Калидор. Но вот он бросил свой щит на тропу за собой. Затем снял шлем и так же небрежно бросил на землю. Я понял, к чему он готовится, и отодвинул от себя жбан с водой.

— Если ты хочешь расправиться с ним, одного шума недостаточно, — сказал я, распрямляясь.

Зеленый рыцарь кивнул. Однако было видно, что он колеблется.

— У тебя было когда-нибудь что-либо подходящее, которое бы ты не решался использовать, опасаясь, что оно недостаточно к тому приспособлено?

— Нет, — ответил я. — Но если ты опасаешься за того парня — вероятней всего, он не отступит.

Он потрепал меня по плечу.

— Надеюсь, ты прав. Если так, мы все вместе вернемся ко мне и повеселимся от души.

Пока я придумывал достаточно уклончивый ответ, рыцарь вышел из пещеры. Выглянув, я увидел, как Гавэйн наклонился, подставляя голову под удар. Зеленый рыцарь пустился ораторствовать, но шум ручья заглушал его голос. Тем временем мне кое-что вспомнилось.

Когда мы только вошли в пещеру, я заметил, что замыкающие ее скалы сходятся недостаточно плотно. Подскочив к задней стене, я посмотрел сквозь расщелину. Тропа вела по пологому склону прямо к ручью, а затем устремлялась вниз по его течению. Это все, что мне надо было знать. Медлить было нельзя. Этот зеленый верзила пока не причинил мне ни малейшего вреда, но я искал общество, в котором мог бы находиться на более равных правах.

В пещере я продрог, но по пути согрелся. Дело было не только в быстрой ходьбе. Спустя два часа я оказался в зоне с более мягким климатом, вдали от слоя облаков. Мороз уже тронул листву, но было тепло, как это бывает в бабье лето. Расслабившись, я пошел потихоньку, наслаждаясь теплом.

Если бы я торопился, то ничего не услышал бы сквозь шорох листвы под ногами. Страшный, дикий вскрик долетел до меня, но я не сразу понял, что он мне напоминает. Я остановился. Ничего не заметив, я уже готов был продолжать путь, но вскрик повторился. Сойдя с тропы, я углубился в лес.

Девушка лежала, сжавшись в комок, за поваленным трухлявым стволом. Погруженная в свое горе, она не заметила, как я подошел к ней. Плечи ее вздрагивали

от рыданий. Я не мог вечно так стоять над ней, но и уйти было нельзя. Я кашлянул.

Девушка лежала очень тихо. Заметив меня, она вскочила. Не знаю, за кого она меня приняла. Я же в первое мгновение мог поклясться, что это Розалетта. Но тут же понял, что обознался. Хотя, конечно, сходство определенное было. Мне сразу стала ясна причина ее отчаяния. Она была беременна. Прийти на помощь ей мог лишь тот, кто поставил ее в столь затруднительное положение. Вспомнив о собственных делах, я хотел было уже уходить, но она сама заговорила со мной.

— Что вам от меня нужно? — спросила она, пятясь в сторону.

— Я шел мимо и услышал, как вы плачете, — промямлил я. — Наверное, вы попали в беду.

Мне тут же пришлось пожалеть о своих словах. Она вспыхнула, и лицо ее сделалось красным, как листва клена под ней.

— Уходите, не беспокойтесь. Ни в какую беду я не попала.

— Хорошо-хорошо, — сказал я, делая вид, будто поверил.

— Я не попала в беду, — упорствовала она. — Все замужние женщины имеют детей. А я замужем. То есть была бы теперь замужем. О-о!..

С плачем она бросилась бежать. Я бы не стал преследовать ее, но она споткнулась о корень и упала. Я помог ей подняться. К счастью, все обошлось благополучно.

— Спасибо, сэр, — сказала она, — я постоянно забываю, что мне сейчас нельзя бегать. Позвольте, я здесь сяду.

Я сел на поваленный ствол рядом с ней.

— А не лучше ли тебе пойти домой?

Все еще тяжело дыша, она покачала головой.

— У меня недостанет мужества вернуться сюда.

Я попытался уговорить ее:

— Скоро станет холодно. Тебе опасно здесь оставаться.

— Ах, пусть я даже умру. На что мне жизнь без Тамлана?

Я подумал, что она немного не в себе.

— Если ты возвратишься домой, твой друг будет знать, где найти тебя. А ты навряд ли найдешь его, блуждая по лесу.

— Он здесь, в лесу. Я видела его сегодня утром, и...

Прочитав в моем взгляде сочувствие, она встала.

— Все не так, как вы думаете, — воскликнула она. — Он женился бы на мне, если бы не колдовство.

— Это, наверное, случилось давно? — спросил я. Она не заметила сухости моего тона.

Достав из-за пазухи носовой платок, она вытерла слезы и улыбнулась.

— Конечно, я увижу его сегодня ночью, и все будет замечательно.

— Так в чем же дело?

У нее вновь задрожал подбородок.

— Я боюсь идти туда одна. Там будут волшебницы и колдуны. Кто знает, что может случиться? Хотя Тамлан говорит, что я должна требовать его у них. Это все, что мне нужно делать.

Я пожалел, что плохо думал о Тамлане.

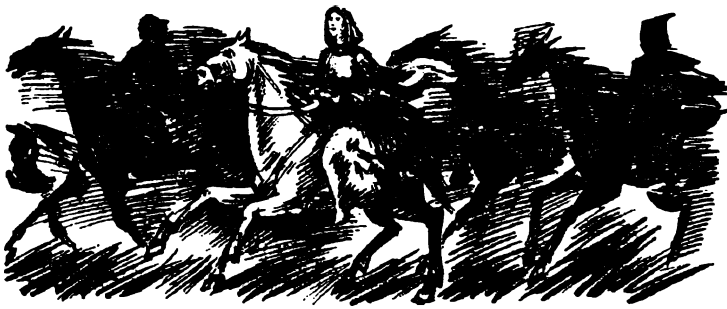
— Так что же тебе надо сделать?

— Прийти на Майлз Кросс и дожидаться полуночи, — прошептала она, побледнев, как если бы уже столкнулась лицом к лицу с опасностью. — У моего ребенка должен быть отец.

Если бы она не напоминала мне так Розалетту, я бы, пожалуй, промолчал. Но она была похожа на нее, хотя немного старше. Конечно, трудно будет такой молоденькой девушке выцарапать у волшебников своего жениха, если никто не поддержит ее.

Я решил, что должен помочь ей. Во что бы то ни стало.

— Не беспокойся, дочка, — уверенно бросил я, — если ты не найдешь другого помощника, рассчитывай на меня.

20. Встречи на Майлз Кросс

Джанет была мне очень признательна, и я не переставал печься о ней. Я отправил ее домой, чтобы она отдохнула до наступления ночи. А сам расположился на поляне — набраться сил перед предстоящей бессонной ночью.

Я гордился своим благородством, однако не упускал из вида и практическую сторону дела. У этой девушки или у ее жениха под утро остановится гость. Отдохну как следует, а там они подскажут, куда двигаться дальше. Возможно, они знают дорогу к Оракулу.

Я даже немного задремал, но очнулся совсем в другом настроении. Солнце садилось, и при вечернем освещении окрестности стали выглядеть иначе. Собирая хворост, я не мог избавиться от впечатления, что деревья крадутся за мной. Я вспомнил давнишнюю детскую игру. Когда я оглядывался, деревья замирали и стояли как ни в чем не бывало. Но стоило сделать шаг — и они неслышно сходили с мест. Понаблюдав, я убедился, что ошибаюсь, но это не помогло. Воображение оказывалось сильнее доводов рассудка.

Закат здесь наводил уныние. Деревья, хотя и не двигались, но выглядели зловеще. Узлы на них казались множеством глаз. Сидя у костра за безрадостным ужином, я чувствовал, как они сверлят мне спину. За шорохами скрывался враг, и полная тишина свидетельствовала лишь о том, что он затаил дыхание. Без радости я вспомнил о предстоящей мне прогулке на Майлз Кросс.

В сотне ярдах от меня, в кромешной темноте, пролегала тропа. К ней надо было идти вдоль ручья, возле которого я обосновался. Однако костер я разложил так, чтобы никто с тропы не заметил его. Итак, если я останусь, Джанет сама ни за что не разыщет меня.

Мне не слишком-то хотелось выполнять свое обещание. Жаль было покидать насиженное место у огня. До поляны, где мы условились встретиться с Джанет, нужно было брести целую милю, а потом — уже вместе с девушкой — добираться до Майлз Кросс. Полная луна, которая всходила над лесом, освещала бы нам дорогу. Но я был уже ничему не рад. Мой альтруизм завял от холода еще прежде наступления темноты. Ведь мне до этой девушки не было никакого дела. Правда, я и Розалетте пытался помочь, но там все было иначе. Я действовал исключительно бескорыстно, и все же она мне немного нравилась. Я не надеялся на взаимность, но кто его знает?..

От Джанет мне ничего не было нужно. Разведя пары легкомыслия, я вышел в туманное море житейского идеализма, даже не представляя, к какой гавани плыть и с каким грузом предстоит возвращаться. Я был куда несчастней, чем Джанет.

У костра я чувствовал себя в относительной безопасности. Но кругом был огромный таинственный лес. А теперь я должен был покинуть свое убежище ради встречи с неведомыми враждебными силами, которые страшили меня.

Короче, я пришел к выводу, что помогать девушке было бы крайне неразумно. Джанет, конечно, догадается о моем малодушии, но судьба навряд ли сведет нас вновь, и вскоре я совсем позабуду о нашем знакомстве. Я мог бы себя оправдать также и тем, что принял решение скоропалительно, но по зрелом размышлении отменил его. А скрытое беспокойство я испытываю оттого, что приходится так долго рассусоливать о пустяках. И все же я вновь и вновь доказывал себе одно и то же, приходя к тому же самому заключению. Ненадолго успокаивался и опять начинал сначала.

Взошла луна и прервала мои размышления. Все вокруг преобразилось, как это бывает лунной ночью.

Но не пейзаж волновал меня. Еще через пару часов, когда луна поднимется выше, идти будет уже поздно.

Но я не стал этого дожидаться. Проклиная сэра Гавэйна, я поднялся. Благоразумие мое пошатнулось при воспоминании о человеке, который снял шлем и отбросил щит. А ведь ему наверняка грозила смерть. Я же готов был спасовать при одной только мысли об опасности. Если я не могу подражать Гавэйну в мужестве, я должен хотя бы остаться верен данному слову.

Луна слабо освещала тропу. Ее свет напоминал густой туман, и предметы были словно подвешены в нем. Зато провалы тьмы казались бездонными норами огромных крыс.

Но одному предмету из этого призрачного сонма удалось воплотиться. Пробираясь по болоту, я старался смотреть себе под ноги. Подняв глаза, я увидел идущего по тропе человека. Заслышав мои шаги, он остановился. И я остановился тоже. Не успел он еще обернуться ко мне, как мне захотелось убраться подальше. Но я остался стоять на месте. Он пристально взглянул на меня единственным глазом — на втором была повязка, и я выдержал его взгляд.

Широкополая шляпа бросала тень на его лицо. Длинный плащ окутывал фигуру, но было ясно, что его владелец широкоплеч и высок. Кстати сказать, на каждом его плече сидело по громадному ворону.

— Я не тебя ищу, — сказал мне незнакомец, — но если можешь, окажи мне услугу.

— Рад помочь. — Мне хотелось, чтобы он был настроен ко мне дружественно.

— Мои волосы в темноте и не разглядишь. А вот твой серебряный волосок подойдет в самый раз.

Незнакомец бесцеремонно вырвал волос из моей белой пряди, а из складок плаща извлек длинный меч.

— Я наточил Тирфинг, — сказал он, — и думаю, он готов. Но хочу убедиться.

Незнакомец скользнул взглядом по невидимым мне лезвиям обоюдоострого меча. И я тоже взглянул на меч. Сталь притянула к себе лунный свет. Незнакомец повернул меч, и мне показалось, что в руках он держит луч холодного света.

— Сейчас попробуем, — пробормотал одноглазый. Вытянув руку с серебряным волоском, он опустил его. Волос падал медленно, кружась в воздухе и сверкая, как неоновый. Коснувшись меча, он распался на две половинки. Вороны радостно закаркали.

— Готов, — объявил одноглазый. — Найти бы только для него подходящую руку.

Незнакомец вновь спрятал меч, шагнул в темноту и исчез.

Я же на мгновение застыл как вкопанный. Этот человек явился воплощением всех моих ужасов, и они исчезли вместе с ним.

Вскоре я оказался на нужной мне поляне. Шел я недолго и, однако, весь взмок, пока добрался. Ждать было еще мучительней, чем идти. Но зато я мог отдышаться, пока дожидался Джанет. Хоть мне и не терпелось поскорее избавиться от одиночества, все же я на всякий случай спрятался, не зная, с кем придется повстречаться в этой части Броселианского леса.

Когда Джанет подошла совсем близко, я вышел из своего укрытия.

— Эй, сюда! — позвал я ее. Я был так рад, что она пришла, едва ли не счастлив. Она взвизгнула и схватила меня за руку.

Шла она слишком быстро для женщины в ее положении. Теперь она едва могла отдышаться.

— Я бы... о, я бы... умерла, если бы... вы не пришли. Но я была уверена, что вы придете. — А как же иначе! Конечно, человек, который не боится разбить лагерь в лесу, не побоится прийти сюда ночью.

Выходит, она считала меня смельчаком. Но я, наверное, не мог считать себя польщенным. Знала бы она, как я колебался, прежде чем решил прийти сюда!

— Я не из пугливых, — сообщил я ей, — но если та нечисть будет преследовать нас, не вздумай пускаться со мной вперегонки. В какую сторону теперь идти?

Оказывается, неподалеку от поляны была старая заброшенная дорога. Она заросла папоротником, и очертания ее едва угадывались. Я шел впереди, прокладывая путь. Штанины намокли от росы. Промок и подол платья Джанет. Дорога, виляя, взбиралась на

холм, и потому подъем был не слишком резкий. Мы прошли около мили, прежде чем одолели его.

На вершине холма была небольшая поляна. На ней стоял монумент, который, как сказала мне Джанет, и назывался Майлз Кросс. Я уж не знаю, кто такой был этот Майлз, но его представление о крестах сильно отличалось от моего. Крест напоминал заглавную «Т», но почему-то с двумя вертикальными опорами. Представьте себе каменную плиту, лежащую на двух грубо обработанных каменных столбах. Поначалу я решил, что это образование естественного происхождения. Но более пристальный взгляд разубедил меня. Произведения природы порой удивительны, но никогда не кажутся заброшенными. А от этого сооружения так и веяло минувшим, как это бывает с полупустыми домами.

Поляна кое-где поросла кустарником, очертания которого смутно вырисовывались над жесткой, серой в лунном свете травой. Черные ели жались друг к другу, как если бы они прибыли попрощаться с мертвым телом. Кругом стояла тишина, и только с глухим, слабеющим смехом сбегал со склона ручей.

— Откуда выпорхнут эти птички? — спросил я у Джанет.

— Не знаю, — прошептала она, — он сказал только, что они будут проезжать мимо Майлз Кросс.

До поры нам следовало оставаться незамеченными. Я выбрал место поукромней под нависшими ветками раскидистого куста в двух шагах от Майлз Кросс. Спрятаться нам удалось, но земля была сырая, сверху с листьев падала роса, и холод пробирал нас до костей.

— Что я должен делать, когда они появятся?

Джанет пожала мне руку, желая ободрить и меня, и себя.

— Вам ничего не придется делать. Вызволять мужчину — дело женщины. Я не испугаюсь. А вы оставайтесь и ждите меня.

С превеликим облегчением я вновь оглядел поляну.

— А как же вы? Разве эта нечисть для вас не опасна?

Она затаила дыхание.

— Не знаю, Шендон. Самое страшное для меня — это разлука с Тамланом.

Время шло. Мы еще больше продрогли и приуныли. К полуночи потянуло холодом. Я слышал, как ветер шевелит макушки елей. Смутно донеслись и другие звуки.

Я не понимал, что бы они значили. Но Джанет угадала верно.

— Уздечки позвякивают. Это они едут!

Девушка съежилась от страха.

— Тебе лучше спрятаться и выждать, — сказал я ей, — что ты можешь против фей и колдунов?

Но в ней проснулось мужество.

— Я не смогу смотреть в глаза своему ребенку, если сейчас отступлю.

Джанет выбралась из-под куста. Из кармана она достала пузырек.

— Святая вода, — объяснила Джанет. — Они вас не заметят, но не побрызгать ли на всякий случай?

Я преодолел соблазн взять у нее воду.

— Ты будешь одна на линии огня. Истрать ее всю сама.

Бормоча молитвы, она обрызгала водой землю возле себя так, что получился круг. Я тем временем прислушивался к звяканью поводьев и ржанию лошадей. Да, Джанет была права. Не успела она спрятать пузырек, как появились всадники. Они выплыли из леса, как дым. Лошади едва касались копытами верхушек травы. Но не только это удивило меня. Вовсю светила луна, но ни лошади, ни всадники не отбрасывали тени.

Я застыл, боясь пошевельнуться. Лошади подскакали к Джанет.

Казалось, они вот-вот растопчут ее, но девушка не дрогнула. Однако лошади поочередно объехали ее, словно невидимое препятствие мешало им вступить в круг. Всадники, похоже, даже на замечали Джанет. Приободрившись, я ждал, что последует дальше. А из леса выезжали все новые и новые всадники. Один из них был на белой лошади. Едва лошадь приблизилась к Джанет, как девушка вскрикнула. И лошадь въехала в круг. Джанет подскочила к ней и вцепилась в длинное одеяние всадника. Притянув его к себе, она

обняла его за шею и повисла на нем. При ее радостном и торжественном возгласе шествие остановилось.

— Тамлана освободили! — сказал кто-то из всадников. И тут я услышал женский визг. Я и не думал, что среди них были женщины. Но теперь уверился, что одна-то уж точно была. Но в крике ее слышалась ревность, а не горечь утраты. Это был воинственный клич: похоже, и Джанет думала то же самое. И тогда она бросила вызов.

— Он мой! — смело заявила она.

Несмотря на мое волнение, я все же заметил, что Тамлан, хоть и не помогает своей подруге, но и не пытается освободиться от нее. Наверняка ему хотелось остаться с Джанет, хотя он еще не освободился окончательно от власти волшебниц. Здесь не помогала даже святая вода.

И волшебницы тут же воспользовались этой властью в борьбе с Джанет. Чары они насылали издалека: Джанет взвизгнула, и я увидел, что она держит в руках змею. Потом змея превратилась в огромную жабу, которая, пытаясь высвободиться, громко урчала.

Чего только колдуны не вытворяли над беднягой, но Джанет не сдавалась. Она плакала, кричала и умоляла их о пощаде. Но не отступалась. Она сражалась за своего мужа, отца своего будущего ребенка. И волшебницы оказались бессильными перед ней.

В конце концов они устали.

Олень под руками Джанет превратился в обнаженного юношу, и она с победным криком накинула на него свой плащ. Тамлан, перестав быть бесчувственной куклой, крепко обнял свою жену.

Она оказалась бесстрашной, его девочка, и, несомненно, заслужила поцелуй. Однако не все из присутствующих были склонны разделять радость воссоединившейся пары.

— Добро пожаловать, дорогая, — к Джанет подъехала всадница на белом коне. — Так и быть, забирай своего муженька: он мне уже надоел.

Выпад был болезненным, но и Джанет не сплоховала.

— Спасибо. Надеюсь, изучение магии со временем поможет тебе удерживать мужчин.

У Тамлана хватило соображения не вмешиваться в их разговор, но на этот раз всадница обратилась к нему.

— Если бы я знала, что ты не сможешь отличить колючки от цветка, я бы давно выцарапала тебе глаза! А теперь убирайтесь оба!

Супруги без промедления воспользовались ее советом. Я понял, что мои планы рухнули. Конечно, Джанет забыла про меня, а я боялся окликнуть ее, не желая привлечь внимание волшебниц. Молодая пара достигла края поляны и скрылась, унося мои надежды на ужин и ночлег под крышей. Я с сожалением покачал головой, и ветки кустарника шевельнулись.

Всадница, проводив влюбленных взглядом, уже разворачивала лошадь. Но теперь она остановилась.

— Что это там блеснуло под луной? — воскликнула она в изумлении.

Не получив ответа, волшебница соскользнула с седла.

— Кто бы там ни прятался, выходи!

Не ожидая, пока меня принудят, я выбрался из-под куста и распрямился в полный рост. Всадница изучающе смотрела на меня.

— Какой красивый светлячок скрывался в ветвях! — обрадовалась она.

Возвышаясь надо мною, она подошла ко мне, едва касаясь травы, и тронула мою белую прядь.

— Кто ты, обладатель этой серебристой жилки?

Мне было неприятно, что меня застали с поличным.

— Всего лишь человек, — пробурчал я.

Она изучала меня и находила это забавным.

— Человек? — переспросила она. — А хоронишься под кустом, будто кролик. Впредь буду проверять внимательней, не сидит ли кто в кустах.

Я тоже с интересом глядел на незнакомку. Она была — возможно, благодаря луне — чрезвычайно привлекательна. Она не выказывала ко мне враждебности, и я осмелел:

— Это может оказаться опасным для тебя.

Она помолчала, чтобы эффектнее сразить меня ответной репликой:

— Или же для тебя.

Подойдя поближе, я заметил, что она гораздо красивей, чем мне сначала показалось. Приятен был ее голос и аромат ее тела. Но прочие мои чувства не были удовлетворены, хотя испытывали экстаз предвкушения. От моей настороженности не осталось и следа.

— Пусть твои спутники уйдут, тогда увидишь, — настаивал я.

— Я отошлю их, — пообещала она.

Я не ошибся — незнакомка действительно играла здесь первую роль. Ее подопечные ждали ее на поляне, разбившись на группки. По ее указу они заскользили обратно в лес.

— Подожди вон под тем деревом. Я отдам необходимые распоряжения и вернусь к тебе, — шепнула она.

Едва она отвернулась, я подхватил ее на руки и, подняв повыше, поцеловал. Поцелуй взволновал меня еще больше. Отпустив ее, я почувствовал, что у меня кружится голова, и засмеялся.

И она тоже засмеялась.

— Теперь я знаю, ты дождешься меня.

Замечание показалось мне странным, но и помимо него случилось немало удивительного. Когда я поторопился, пропуская всадников, мне уже не понадобилось продираться сквозь высокую, мокрую траву. Я легко ступал, едва касаясь ее верхушек.

Не знаю, долго ли я ее ждал. Теперь весь смысл существования сосредоточился в ее возвращении. Прислонясь к дереву, я заметил, что на мне совершенно новая и к тому же сухая одежда. Но это меня скорее обрадовало, чем удивило. Да, я не знаю, долго ли я ждал ее. Наконец я услышал, как незнакомка возвращается, напевая песню. Это был ее голос, и я слушал очарованный.

Лучшей нет игры на свете:
Не наскучит мне
Уловлять влюбленных в сети —
Чтобы, как во сне,
Был покорен и послушен,
Лишь ко мне неравнодушен,
Чтобы мог один мой взгляд
Повергать иль в рай, иль в ад.

Я пока еще не видел ее, но со следующей строфой ее голос зазвучал так весело, что и я улыбнулся.

Ты застыл ошеломленный,
Страстию горя,
Как мураш, навек плененный
Каплей янтаря.
Стану жечь тебя — ни слова,
Прогоню — вернешься снова.
Раб ты прихотям моим —
Ты без них тоской томим.

Спев последнюю строку, незнакомка остановилась напротив меня. Во мне вновь вспыхнуло желание, и я обнял ее, чтобы помочь сойти с седла. Но она засмеялась и покачала головой.

— Садись позади меня, мой дорогой.

Мальчиком мне случалось бродить вокруг конюшен, когда меня привозили в деревню. Этим и ограничивалось мое знакомство с лошадьми. Но если она желала, чтобы я ехал с ней, — как я мог отказаться? Однако сесть в седло оказалось не такой уж трудной задачей. Я обнял ее, чтобы не упасть; груди ее касались моей руки. Она прислонилась ко мне. Душистые волосы ее на виске мягко обжигали мне щеку. Я закрыл глаза.

— Поехали, — предложил я.

До сих пор помню, как я чувствовал Нимью в своих руках и как ее волосы щекотали мне лицо. Это ощущение было основным в течение всего путешествия. Ветер свистел в ушах, но конь скакал так плавно, что я не чувствовал даже толчков, и ни одна ветка не хлестнула нас. Поясню, правда, как мы въехали внутрь холма. Изредка открывая глаза, я видел, что мы скачем в полном мраке. Кругом, я слышал, ревела буря, но ничего не было видно. Что мне было до этой бури, если я чувствовал, как на виске тонкой нитью пульсирует жилка?

Когда мы выехали на свет, оказалось, что уже давно наступил день. Моргая, я с изумлением глядел на залитые солнцем луга. Сочная трава глянцево блестела на полуденных лугах.

Из травы выглядывали цветы самых разных окрасок, и деревья, раскиданные тут и там, звенящие

птичьими голосами, были покрыты свежей листвой. Их ветви, покрытые цветами, спускались над двумя потоками и зеркальным прудом, куда они впадали. Позади прудов было еще больше деревьев, травы и цветов. Безлюдная дорога вела к великолепному городу, чьи шпили вздымались в небо вдали.

В мужчине, пылающем желанием, прекрасный пейзаж только еще больше разжигает страсть. Щебет птиц, запах травы, цветов, деревьев, прозрачной воды смешивался в моем сознании с тою, кого я обнимал и желал так сильно.

— Мы ведь уже приехали? — умолял я ее.

Нимью не отвечала, но дышала едва ли не так же часто, как и я. Прижавшись ко мне тесней, она бросила поводья. Лошадь пошла все медленней, пока не забрела под шатер густых ветвей. Через минуту мы с Нимью уже стояли в благоуханной тени.

Впервые я по-настоящему разглядел ее. Беглый эскиз, который рисовала луна, был жалкой пародией на ее красоту, открывшуюся мне при ярком солнечном свете.

Поняв, что я чувствую, Нимью улыбнулась и закрыла глаза. Голова ее откинулась, и руки безвольно повисли вдоль тела.

— Возьми меня, Шендон, — прошептала она.

21. Конь Аварты

В той стране всегда царила весна. Чистенький, веселый город, где мы жили в роскоши, был весь пронизан ее ароматами и настроениями. Но меня не заботила красота окрестностей. Нимью была великолепна. Мы не могли нарадоваться друг на друга, и я не задумывался о том, насколько долговечно мое счастье.

Только когда мы ненадолго разлучались, я был способен думать о чем-то, кроме нее. Тогда я вспоминал Голиаса и Джонса, но мне казалось, что я знавал их в давние времена. Я гадал об их судьбе так же, как гадаешь о судьбе бывших сокурсников, которых никогда уже не увидишь.

Но вскоре Нимью отправилась в путешествие, а я остался. Я чувствовал себя несчастным, однако вполне мне удалось изведать значение этого слова, когда Нимью возвратилась. С ней был парень по имени Том Лермонт, а я перешел на вторые роли. И с той поры у меня словно рассудок помутился. Мне хотелось убить соперника, но рука не поднималась. Я хотел бы возненавидеть Нимью; но только сильнее желал ее. Вдали от нее я бы исцелился, но Нимью была не из тех, кто теряет обожателей. Она виделась со мной и порою позволяла ласкать себя, но лишь затем, чтобы я не отбился от рук.

В моменты просветления я понимал, что мое спасение — в бегстве. Но я не знал, что мне предпринять.

После потери Тамлана Нимью была начеку и зорко за мной приглядывала. Однажды я все же отважился спросить Тома, как можно отсюда выбраться. Он с хитрецой посмотрел на меня и сказал, что Нимью лучше всех знает дорогу.

Был, правда, человек, который мог бы мне помочь. Но его мне не хотелось расспрашивать. Я плохо разбираюсь в политическом устройстве государства, но, помимо королевы, страной управлял ее муж, король Гвинн Уриенс Мак-Лир. Его представления о браке были довольно любопытны. Нимью должна была бы радоваться, но она ненавидела своего мужа за то, что не имела над ним власти. Его, однако, было этим не прошибить. Его вообще мало что волновало, насколько я успел заметить. Короче, он был славный малый и помог бы мне наверняка, но гордыня не давала мне просить у него помощи. И в самом деле, не спрашивать же мне у мужа, которому я наставил рога, как вырваться из коготков его жены.

Однако о побеге я задумывался редко. Мне не хотелось покидать Нимью. Город так и кишел счастливыми любовниками, и поэтому я уходил за его пределы. Благоухающие луга напоминали мне об утраченном счастье, но я мог найти укромный уголок, где моих страданий никто не видел.

Однажды, когда я лежал, растравляя себя в затяжном припадке безумства, мое уединение было нарушено.

— Он где-то здесь, — донесся до меня мужской голос. — Утром я завтракал на балконе и увидел, как он шел сюда.

— А вы уверены, что это именно он? — Я узнал голос Голиаса и еще глубже зарылся лицом в траву.

— Поручиться не могу, но знаю точно, что он — один из опивков Нимью.

Голиаса сопровождал король Гвинн. Они подошли еще ближе, и я затаил дыхание.

— Несладко ему, должно быть, — сказал Голиас.

— Ха! Именно это он и вбил себе в голову. Положим, она сбросила его на всем скаку, как старого Мерлина. И у него теперь повод, чтобы хныкать. А всего-то и

случилось, что Нимью повесила еще одни брюки к себе на кровать.

— Что ж, я рад, что она его оставила.

— Вы плохо знаете Нимью, — сказал Гвинн. Они были в нескольких шагах от меня, и я теснее прижался к земле. — Она никогда никого не оставляла. Я имею в виду ее любовников. — Гвинн хохотнул. — И они ее никогда не бросают. Пока Нимью желает их, или...

— Пока не погубит, — подхватил Голиас.

— Верно, — с удовлетворением засмеялся Гвинн, — припомни, как она извела того паренька, как там его звали?..

— Акколон.

— Вот-вот, Акколон. А ты узнал и предупредил Увейна?

— А вам бы следовало позаботиться о себе.

— Возможно. Но Нимью баба что надо! Когда-нибудь мы соберемся и... Гляди-ка! Я так заболтался, что чуть не наступил на него. Кажется, это останки твоего друга.

Голиас наклонился и потряс меня за плечо.

— Шендон! Шендон!

Я не отвечал. Наконец с раздражением поднял голову.

— Какого дьявола тебе надо?

Мое приветствие не смутило его.

— Вставай, нам надо отсюда выбираться.

— Счастливого пути, — отрезал я.

— Ты пойдешь вместе со мной. Луций ждет нас. Рассчитывает на нас.

Я избегал смотреть на Гвинна, но краешком глаза все же видел, что он наблюдает за мной с насмешкой. Это бесило меня еще больше, чем его безразличие.

— Когда увидишь его, передай от меня привет.

Я вновь опустил голову на траву и прикрыл ее руками.

Голиас еще и еще раз окликнул меня, но бесполезно. Он поднялся.

— Если он попытается уйти из города, не будет ли Нимью против?

— Я разрешу, и она ничего не сможет поделать. Ведь законным образом в нашей семье ношу брюки только я. Разумеется, без шума не обойдется.

— Спасибо, Гвинн.

— Буду рад, когда он уберется с глаз долой. Мужчине непозволительно так хандрить.

— Было бы проще, если бы он сам хотел уйти. — По голосу Голиаса я понял, что он встревожен. — Как же быть?

— Сейчас подумаю, Амергин. Нет, это не годится, — король помолчал, раздумывая. — А не знаешь ли ты Аварту?

— В прошлый раз его показали мне издали. Но познакомиться не довелось.

— Я провожу тебя к его дому. Дождись его и скажи, что я прошу для тебя его коня. Пусть даст на время.

Они ушли. Я захотел перебраться в другое место, но вновь стал думать о Нимью и позабыл про них. Наконец возвратился Голиас, но уже не с королем, а с кем-то еще.

От приступа горя я так ослаб, что испытывал к приставалам скорее безразличие, чем вражду.

— Привет, Голиас, — пробормотал я, садясь.

Голиас обрадовался.

— Тебе, кажется, уже лучше. Хотя выглядишь ты как с перепоя во время землетрясения.

Спутник Голиаса — домовитый, добродушный верзила — похлопывал по морде своего коня. Ему приходилось тянуться вверх, несмотря на то, что конь стоял опустив голову. Это был огромный, чудовищных размеров, костистый коняга, покрытый, как верблюд, свалявшейся шерстью.

— Со мной все в порядке, — ответил я Голиасу.

— Конечно, — кивнул он, — но когда мы уберемся отсюда восвояси, тебе станет совсем хорошо.

Когда будущее отступало, я и сам понимал, что со мной творится неладное и что Голиас сумеет мне помочь. Он уведет меня от Нимью. И снова я, вспомнив о ней, потерял самообладание.

— Я никуда не поеду.

— Представь, что мы отправляемся на верховую прогулку немного развеяться.

Даже если бы я был завзятым наездником, этот конь навряд ли привлек бы меня. И как было удержаться на этом жестком хребте без седла?

— Возможно, я не вполне здоров. Но я не желаю сломать себе шею, — заявил я им. — Поезжайте на этом одре сами.

— Я-то поеду, — Голиас упрямо выставил подбородок. — Аварта, помоги мне.

Сообразив, в чем дело, я начал заводиться.

— Не будь идиотом, — предупредил я его, вскочив на ноги, — не смей подходить, а не то носом землю пропашешь.

Он бросился на меня, но я успел приподняться и отскочить. Однако, хоть я и держал ухо востро, Аварта подкрался ко мне со спины и схватил за руки. Жаль, мне не удалось лягнуть Голиаса в смеющуюся физиономию. Я был в отчаянии. Они увезут меня, и я никогда не встречу Нимью. Я жил надеждой вернуть ее расположение, и только злейший враг мог принудить меня к разлуке. Я был так разъярен, что справился бы со всяким. Но не с Авартой. Против этого силача я был ничто.

Не помогли ни борьба, ни проклятия, ни угрозы. Он подтащил меня к лошади и приподнял над землей.

— Посадить-то ты меня посадишь, но не надолго, — пообещал я.

— Ничего, как-нибудь справимся. Да, Амергин?

— Бросай его, — предложил Голиас. Аварта понял его совет буквально.

Он швырнул меня прямо коню на спину. Я хотел соскользнуть, накренившись вбок, но продолжал сидеть верхом. Я даже с места не сдвинулся. Сначала я подумал, что застрял. Но потом обнаружил, что я и ладоней не могу оторвать от спины лошади.

Гнев, душивший меня, сменился паническим ужасом перед предстоящей жестокой операцией. Они хотят увезти меня от Нимью, а мне необходимо ее видеть, чтобы жить. Да, она меня разлюбила. Но ведь она любила меня прежде, отчего бы ей не полюбить меня снова?

Я попытался им объяснить это. Но они меня не слушали, и я, потеряв самообладание, сорвался на крик.

Неплохой я им закатил концерт. Они же на прощание обменивались дружескими пожеланиями. Наконец Аварта хлопнул Голиаса по плечу, ухватил его под мышки и подбросил вверх, как баскетбольный мяч.

Я не мог оторвать рук, а не то бы ударил Голиаса, который очутился как раз впереди меня. Моя надежда на то, что конь окажется норовистым, не оправдалась. Фыркнув, конь сделал рывок и поскакал, едва касаясь копытами травы. Я все еще пытался оторваться от него, когда мы подскакали к небольшому, но низкому облаку. Хорошо, что я все же не сполз, потому что конь высоко подпрыгнул. Сначала я подумал, что мы просто перескочили с места на место, но оказалось, что конь взвился в воздух. Он поднимался все выше, пока не пролетел сквозь маленькое облако, которое оказалось водяным.

Полубезумный от горя, уставший от борьбы, я не успел даже испугаться. Что бы там ни было, я не страдал от недостатка воздуха, пока мы пролетали сквозь водяную толщу. Помимо этого, случилась еще одна чудесная вещь. Когда мы отправлялись в путь, тень была только у Голиаса. Пролетев сквозь озеро, я вновь обрел свою тень. Теперь одна лошадь не отбрасывала тени: я заметил это, когда на берегу она остановилась, чтобы стряхнуть воду.

Конь послушно ожидал приказаний. Голиас медлил, соображая, где мы находимся.

— Кажется, именно здесь отлупили Киднона, — пробормотал он. — Местность соответствует описаниям. Возьми немного на юго-запад, — сказал он коню.

Я тем временем, наблюдая за собой, делал все новые и новые открытия.

Моя старая одежда вновь была на мне. Но главное, во мне вновь проснулась моя воля. Нет, я не забыл Нимью. Вспоминая о ней, я все еще желал ее. Но я мог заставить себя не думать о ней.

Поначалу воля моя была еще слаба, но чем дальше мы уезжали от Нимью, тем лучше я себя чувствовал. Ветер, дувший мне в лицо, прояснил мой ум, и боль

стихла. Новое настроение охватило меня всецело, но описывать его легче по частям. Поначалу я опасался, что с утратой Нимью в душе моей воцарится пустота. Потом меня стало удивлять, отчего я позволил кому-то настолько овладеть моим существом. И я почувствовал стыд. Да, мне казалось, что наша с Нимью любовь будет бесконечной. Пусть она прошла — я сохраню о ней воспоминания. Правда, я испытал много горя. Но все это — и дурное, и хорошее — навсегда теперь останется в моей душе, что бы ни случилось со мной в будущем. Освободившись от своих печалей, я какое-то время не смел заговорить с Голиасом. Ведь когда он — еще в стране Нимью — заговорил со мной, я чуть не лягнул его в зубы.

Наконец я все же спросил:

— Где ты оставил Джонса?

Услышав меня, он, к моему великому облегчению, улыбнулся.

— Очухался? Отлично. Я оставил его с Дегаре. С ним он будет в безопасности. Здесь, в Варлоках, далеко не на всякого можно положиться. Сейчас мы едем прямо к нему.

— Ты молодчина, что пришел и забрал меня, — выдавил я из себя.

Я постарался сказать это так, чтобы он почувствовал мое раскаяние. Ведь я вел себя как сомнамбула при встрече с ним.

Голиас понял меня, хотя заговорил о другом.

— Что случилось после того, как ты с плота прыгнул в воду?

Выслушав мои приключения до встречи на Майлз Кросс, он кивнул.

— Берсилак — отличный парень.

— Кто?

— Тот, зеленый. Жаль, я не повидал его на этот раз. Но мы с Луцием выбрались на берег южнее Уединенного Приюта. И плот мы миновали, наверное, он остался выше по реке. Я был уверен, что он разбит, и не стал искать его. Кстати, если ты хочешь проклясть своего врага, пожелай ему оказаться с ослом в реке и потом вытаскивать этого осла на крутой берег ночью.

Голиас покрутил головой.

— Тебя мы потеряли, и я решил, что самое лучшее — отправиться к Оракулу. Джонсу было неплохо в его ослиной шкуре; но я-то был голый, как Конэр в день коронации, и голоден как черт. К счастью, мы встретили Леолайна, который в предгорье охотился на диких кабанов. Он накормил меня и одел вот в это. — Голиас взбрыкнул одной ногой, потом другой, чтобы я мог полюбоваться на его новые желто-синие штаны. — Потом мы взяли на юго-запад. Спустя пару дней добрались до старой дороги. Мне стало ясно, что ты нас не опередил. Но все же я решил потихоньку двигаться вперед, в надежде, что ты добираешься к Оракулу другим путем.

— Что же тебя задержало?

— Я встретил Гроа. Она умная старуха, хоть и говорит загадками.

Голиас вопросительно посмотрел на меня.

— Я не спорю, — согласился я, — продолжай.

— Я ей напомнил на всякий случай, что дружил со Свипдагом, и спросил, не знает ли она, где ты. Она стала болтать вокруг да около, но все же сказала, что, хоть ты и не исчез, как Кайкхосру, и не научился летать, на земле тебя нет. Тогда я понял, где тебя надо искать. Но необходимо было позаботиться о Луции. Бросить его без присмотра было нельзя: любая ведьма могла пустить его кошкам на мясо. Я разыскал Дегаре, который не только сам порядочный человек, но и следит за тем, чтобы другие вели себя порядочно. Луций был не рад заминке, но если ты попал в передрягу, как можно было не прийти на помощь? И все же задумать идти в Аваллон — это одно, а добраться туда — совсем другое. Я прошел весь хребет от горы Святого Михаила до грота Венеры, но безуспешно. Наконец я набрел на Лера. Он разыскивал Кухулина, и ему удалось обнаружить один из ходов, которым пользуются подземные жители. Я прошел туда за ним следом, и... А, вот и владение Дегаре!

Джонс щипал траву возле рва, окружающего замок, всем своим видом показывая, что он никогда не считал ее за пищу. Не успел я даже задуматься, как мы взгромоздим его на спину лошади, как Голиас что-то шепнул коню, и конь тут же справился с этой задачей.

Подскакав к Луцию, он схватил его зубами за загривок, как кошка котенка, и закинул себе на хребет. Джонс даже опомниться не успел. Луций поместился как раз впереди Голиаса, поперек спины. Джонс прижал уши и поднял возмущенный рев. Но все было тщетно: он прилип и не мог лягаться.

— Полегче, Луций, — посоветовал ему Голиас. — Мы сейчас едем туда, где нас научат, как снять с тебя ослиную шкуру.

Конь помчался во весь опор. Он мог бы посрамить даже дизельный тепловоз. К счастью, из-под копыт не летела пыль.

Избавившись от влияния Нимью, я обрел интерес к окружающему меня миру. С любопытством я стал озираться по сторонам.

Выехав из леса, мы очутились на разделенной пополам равнине. Мы скакали по прерии, которая простиралась от нас по левую руку и уходила в необозримую даль. По правую же руку от нас стояла сплошная стена тумана. Однако можно было разглядеть, что там находится совсем другая страна. Дело было не в географических особенностях, а в том, что здесь Романия представала совершенно иной. Я видел расплывающиеся огни небоскребов, заводские трубы. Мы проскакали мимо аэродромов. Я услышал пулеметную очередь и почувствовал тоску по знакомому миру. Прицельная стрельба клепальной машины; гул заводов; моторы, которые мягко урчали на земле и ревели в воздухе, — звучали сладостно для моих ушей. Но прекраснее всего был свисток промчавшегося мимо поезда.

Срезав угол, вскоре мы оставили эту местность позади.

Задумавшись, я позабыл, где нахожусь. Оглянувшись на такую знакомую и незнакомую мне страну, я встретился взглядом с Голиасом. Он тоже смотрел назад.

— Что это за страна? — спросил я его.

— Это Новые Земли, Шендон. — По его голосу я понял, что он заинтересован не менее, чем я. — Неплохо выглядят, а?

— А можем ли мы взглянуть на них? После того, конечно, как утрясем все дела с Луцием.

Он покачал головой.

— Они пока еще не присоединены к Романии. Хотя, конечно, собираются войти в нее.

— А кто там живет?

— Горстка первопроходцев. — Голиас наклонился и отогнал от Луция слепня. — Некоторые из них станут постоянными жителями. Но большинство, после Дня Присоединения, не выдержат конкуренции.

— А когда наступит этот день?

Голиас пожал плечами.

— Точно не могу сказать. Но, думаю, мне придется там пережить множество интереснейших приключений. Возможно, это случится в мой следующий приезд сюда.

Прерия сменилась кедровым лесом, а он перешел в холмы, сплошь покрытые виноградниками и неизвестными мне приземистыми деревьями. Голиас сказал, что это оливы. Урожай уже был почти весь собран, но так как я видел оливки только на тарелке или в коктейлях, то рассматривал посадки с большим интересом. Они не утратили для меня своей прелести, даже когда мы достигли медных буков, растущих на взморье.

— Тпрру! — скомандовал Голиас.

Конь переместил Джонса на землю. Обнаружив, что я отлип от коня, я соскользнул по его широкому боку и плюхнулся рядом с Голиасом.

— Дожидайся нас здесь, — велел Голиас Луцию, — я думаю, мы не слишком задержимся. Хотя, возможно, придется дожидаться сеанса. Пошли, Шендон.

Солнце стояло еще высоко, но под сплетенными ветвями уже наступили сумерки. Серые стволы, спускавшиеся из лиственной крыши, не таили в себе никакой опасности, но вид их был столь чуждым, что я никогда бы не посмел даже прикоснуться к ним. И воздух, казалось, был пронизан безразличием к жизни. Некоторые птицы тут пели, как это часто бывает на закате, но так безрадостно, что я предпочел бы полную тишину.

Голиас шел гораздо медленнее, чем он ходил обычно. Даже когда мы вышли на тропу, он не ускорил шаг.

Через пару минут мы вышли с ним к фасаду пещеры, устроенной в холме.

Было еще достаточно светло, и я заметил, что камень украшен резьбой. От входа, расположенного в центре, в разные стороны расходились группы барельефных людей и животных. Они выглядели занимательно, и в целом работа была выполнена красиво.

Затем мое внимание привлек темнеющий дверной проем.

— Нам надо туда войти? — спросил я.

— Да. Деифоба к нам не выйдет, сколько ни жди. — Голиас, как и я, говорил приглушенно. — Готов?

Тщетно я пытался проникнуть взглядом в черноту входа.

— Нет. Но все равно идем.

Поднявшись на несколько ступенек, мы оказались в полной темноте. Под ногами не видно было пола, и коридор, по которому мы проходили, казалось, не имел стен. Однако впереди я различал слабое мерцание. Оно было ближе, чем мне сначала показалось. Вскоре впереди я различил еще один дверной проем. Перемахнув через порог, мы очутились в пещере.

Источником света служила горящая жидкость, налитая в серебряные чаши. Свет не достигал даже потолка, и стены тонули во тьме. Кроме светильников, в пещере ничего не было. Мы ждали в полном одиночестве.

Я хотел уже предложить Голиасу вернуться, но он позвал:

— Деифоба! Мы хотим услышать голос Делосца.

— Кто ищет слова Оракула, и по какому праву вы тревожите его?

Меня испугало, что голос звучал везде: впереди, сверху и даже позади нас.

— Поэт Демодок и Шендон Серебряный Вихор, — отвечал Голиас, — мы дерзнули прибегнуть к его доброте, так как нуждаемся в помощи.

Воцарилась тишина.

— Вы услышите голос Всезнающего, — изрекла она наконец. — Он ответит каждому на его вопрос. На один-единственный вопрос.

— Надо сосредоточиться, — шепнул Голиас, — думай только о Луции, и мы узнаем, как помочь ему.

В первые несколько минут, которые показались бесконечными, я думал только о бедняге Луции. Но, представив его вновь человеком, я задумался над тем, как помочь ему жениться на Гермионе и вступить в права наследства. Итак, наша задача будет исчерпана. А потом...

Мои мысли, продолжая логически вытекать одна из другой, перекинулись на меня самого. Так я пришел к вопросу: а что же, собственно, потом буду делать я? Чего мне тогда захочется? Я вспомнил ночи, проведенные на плоту. Конечно, как и всем путешественникам, мне захочется перейти из неофитов в посвященные.

Едва я пришел к данному заключению, как поодаль во тьме возникла Деифоба. В слабом освещении лицо ее напоминало маску — бесстрастную, как время. Орбиты ее черных, всевидящих глаз внушали мне благоговейный ужас. Но я не мог оторвать от них своего взгляда, и вдруг они остановили ход моих мыслей. Пока она смотрела на меня, я думал только о том, что же она скажет мне.

Я даже не испугался, когда с нею случился припадок. Она извивалась и брызгала слюной, не сводя с нас глаз. Но я почти что спокойно ждал, и вот с ее покрытых пеной губ слетели первые слова:

— Поэт Демодок! — выкрикнула она, и многоголосое эхо подхватило ее вопль. — Делосский Оракул отвечает тебе. Твой друг, обращенный в осла, вновь станет человеком, когда съест лепестки роз. Он узнает тайну своего происхождения и женится на необычной девушке в Замке Опасностей.

— Благодарю тебя, великий Оракул, — с поклоном ответил Голиас. — Пора идти. — Он потянул меня за рукав, но я все еще ждал.

— Шендон Серебряный Вихор! — выкрикнула Деифора резким дискантом. — Делосский Оракул отвечает тебе. Он повелевает тебе совершить паломничество к Иппокрене.

Замолчав, она перестала трястись, извиваться и брызгать слюной.

— Идите! — крикнула она нам, и я обнаружил, что не в силах даже слова сказать в ответ.

Мы вышли из пещеры. Я избегал смотреть в глаза Голиасу. Но надо было что-то сказать.

— Хорошо, что хоть один из нас не отвлекся. Если бы не ты, Луций так бы и остался ослом.

— С этим уже все в порядке. — Даже в сумерках я видел, с какой тревогой смотрит на меня Голиас. — Теперь я опасаюсь за тебя. Ты и сам не понимаешь, что сунул голову в петлю. Путешествие к Иппокрене совершить нелегко.

Меня озадачила серьезность его тона.

— Что ж, если так, я не пойду.

Голиас фыркнул.

— Тебе не предложили, а приказали. В Романии экономика, политика, мораль, наука, богословие, этика не управляют обществом. — Голиас махнул рукой, как бы отметая все это. — Здесь царит только Закон Делосца. Строптивцам лучше сразу заказывать эпитафию.

Заслушавшись его, я чуть в дерево не врезался, но вовремя споткнулся.

— Не крути вокруг да около, — предложил я, — давай конкретней. Какие именно меня ожидают трудности на пути к этой самой Иппокрене?

— Об этом говорить преждевременно. Надо сначала помочь Луцию. — Чувствовалось, что Голиас серьезно обеспокоен. — Эй, Луций! — крикнул он, едва мы завидели обоих животных. — Есть хорошие новости.

22. События в замке

Помимо прочего, Гвинн Уриенс Мак-Лир снабдил Голиаса небольшим запасом еды. Мы с Голиасом решили, что Луция пока можно кормить листьями и травой. Джонс не возражал, так как не имел права голоса. И все же на завтрак остались только крохи.

Мы ужинали, глядя на темнеющие воды озера. Голиас напомнил, что мы находимся на южном берегу Гитчи Гюми. Мы обсудили, что нам предстоит делать.

— Где можно найти розы поздним летом?

— Ты имеешь в виду осенью, — пробормотал Голиас. Чтобы прочистить горло, он глотнул из фляжки. — Черт побери! Откуда мне знать, где найти теперь розы! Ясно одно: нам следует отправиться в Замок Опасностей. Мы путешествуем уже семь недель, и я...

— Вот те на! Как! Уже семь? — Я задумался. — Да, очень может быть, — Я покачал головой. — А Раван говорил, что к этому времени он и должен вернуться.

— Пора пришла, — кивнул Голиас. — Там мы узнаем, что с Гермионой. Путь предстоит на юг. В тех краях, наверное, еще цветут розы. Именно это и подразумевает Делосский Оракул.

С помощью коня мы снова уселись верхом. Скакали всю ночь. Ветер, мягко дуя в лицо, навевал дремоту. Но крепко уснуть не удавалось. К утру голова моя прояснилась.

Вдруг конь остановился. Мы не сразу поняли, в чем дело. Кругом ничего не было, кроме деревьев.

— Что случилось? — спросил я у Голиаса.

— Не знаю. Надо бы осмотреться, где мы находимся.

Я от долгой езды был весь будто деревянный. Соскользнув с коня вслед за Голиасом, я неуклюже шлепнулся на землю. Пока я поднимался, конь аккуратно взял зубами осла. Поставив его на землю, он исчез.

— Кажется, мы добрались, — сказал Голиас. Я молчал, с недоумением моргая глазами. — Гляди, вон там — открытая местность.

До края леса было ярдов пятьдесят, не больше. Скользнув глазами вниз по склону холма, я увидел сумрачную долину. Почти всю ее занимало болото. Из-за бледных, безжизненных красок казалось, что высохшие тростники, грязные лужи и чахлые деревья несут на себе печать проклятья. Канюки, летевшие низко, как над падалью, довершали безрадостную картину. Небо и над замком и вдали уныло хмурилось.

Люди внесли свою лепту, выстроив здесь замок. Его стены и башни тянулись ввысь из самой середины болота. Не стоило и спрашивать, добрались ли мы до места. Ясно было, что добрались.

— Давай-ка перекусим, пока мы еще в состоянии это сделать, — предложил я. — Ни за что не сказал бы туристам, что это церковь.

— Церковь позади замка.

Платье Джонса Голиас связал в котомку, которую надел на меч. Из котомки он выудил наш завтрак.

— Чтобы попасть туда, надо пройти через замок.

С неба камнем упал канюк.

— Не похоже, чтобы здесь росли розы, — сказал я Голиасу.

— Может, и не растут, — согласился он. — Я был в долине один-единственный раз, вместе с Ланселотом. И нам было не до роз. Жаль, что у нас так мало с собой вина.

— А я бы предпочел глоток хорошего виски.

Спустившись до половины холма, что заняло примерно полчаса, мы вышли на дорогу, ведущую к замку. Дорога скрывалась в роще. Издали мы не заметили,

что в роще разбиты пестрые палатки. Мужчины носили оружие. Но если это были воины, то командиров над ними не было. Несмотря на ранний час, здесь уже шла веселая пирушка. Многие играли в азартные игры.

— Все, что нужно для успеха, — это внимательно присмотреться, — разглагольствовал профессиональный живоглот. — Раковинки вас не подведут, и горошинка со стола не укатится. Она непременно окажется под одной из трех раковин. Только приглядитесь внимательней, как можно внимательней.

Смотря по сторонам, зазывала неожиданно махнул худой, длинной рукой.

— Эй, Голиас!

Оклик прозвучал приветливо, хотя на лице малого не появилось улыбки.

— Я только что изобрел замечательную игру. Попытай счастья!

— Нет, спасибо, Тиль.

— Попробуй, — настаивал Тиль. — Она вырабатывает зоркость глаза, способность быстро принимать решение...

— А также, — подхватил Голиас, — безопасна для легких и печени, не мешает толстеть, облегчает карман и углубляет познания. Но на этот раз мне бы хотелось получить сведения из другой области. Например, что это за лагерь? Имеет ли он отношение к замку?

— Лагерь велел разбить король, — скороговоркой ответил Тиль. — С ним нахлынуло множество дармоедов.

Мы с Голиасом переглянулись.

— А ты не знаешь, зачем сюда приехал Джамшид? — спросил он у жулика.

— К сожалению, его величество не посвящает меня в свои планы. А иначе бы дела в королевстве пошли значительно лучше. Но, судя по всему, могу сказать, что в замке намечаются большие торжества. Все щеголи, разряженные в пух и прах, поскакали в замок сразу после завтрака.

Недолго думая, мы сорвались с места. Тиль крикнул нам вслед:

— Ты уверен, что тебе удастся попасть в замок?

— Да, а что?

— Что ж, если они не изрубят тебя, прежде чем выкинуть вон, у меня к тебе дело. Я буду ждать тебя поблизости.

— Не нравится мне, что король тут, — поделился я с Голиасом. — Если Деифоба права, то здесь же и Гермиона... Итак, если Раван не преувеличивал и его величество действительно печется о нем, то присутствие короля на свадьбе вполне естественно.

— Раван бы не осмелился жениться на Гермионе, если бы не поддержка короля.

Чтобы пощадить чувства Джонса, мы разговаривали вполголоса. Но тут Голиас понизил голос до шепота.

— Тиль сказал, что вся знать собралась в замке. Значит, сегодня свадьба.

Как тихо мы ни говорили, чуткие уши Джонса тут же поймали наши слова. Луций, резко всхрапнув, кинулся что было прыти по узкой насыпи, соединявшей замок с прилегающей к болоту местностью.

— Стой! Стой! — кричали мы, но он нас не слушал. И мы пустились за ним следом. Ослы — плохие бегуны, и Луцию не удалось оторваться от нас. Но все же и мы не могли догнать его. Проклиная упрямство осла и задыхаясь, мы пробежали через все болото. Так мы приблизились к замку, где следовало держаться поосторожней.

Однако досадовать пришлось не только на Луция. Навряд ли существует более веселое зрелище, чем погоня за ослом. Солдаты на замковой стене при воротах наслаждались от всей души. Меня злил их громовой хохот. Они просто в восторг приходили, когда я тщетно пытался поймать ишака за хвост, чтобы остановить нелепую процессию.

— Ставлю три против двух на осла! — кричал один из стражников.

— На которого? — не поленился осведомиться его напарник.

— Восемь против пяти, серебряная башка сбрасывает пары.

Я пока еще не дошел до такой крайности, но все же утомился и начал отставать. Голиас, давно понявший тщетность затеи, замедлил бег.

— Не торопись, — посоветовал он, — необходимо отдышаться.

Мы были совсем уже рядом с замком, а Луций — прямо под его стенами.

И тут только осел понял, что в замок ему не попасть. Ведь до того он просто ринулся на помощь Гермионе. Пробежав через мостик к замковым воротам, он вдруг осознал, что бессилен что-либо сделать. И все же он предпринял попытку. С криком протеста Луций бросился на ворота и отскочил, почти оглушенный.

Мне страшно хотелось, чтобы кто-нибудь из стражников свалился со стены. Потом я подумал, что у нас шансов попасть в замок не более, чем у нашего осла. Да и не хотелось мне в этот замок. При виде блестящих алебард у меня мороз пробежал по коже.

— Я в замках не разбираюсь, — сказал я Голиасу, — но это, наверное, и есть Замок Опасностей.

— Это Замок Ниграмус, — пояснил Голиас. Он взглянул на хохочущих на стене вооруженных парней.

— Кто из вас начальник стражи?

Один из них тут же перестал смеяться.

— Я, Глевлвид Гавэльвавр. И здесь я задаю вопросы. — Грозный вид ему плохо давался, и я понял, что компания уже раздавила бутылочку. — Чего вам тут надо? Сегодня никого не пускаем. Кроме приглашенных нашим господином Раваном.

— Мы догоняли нашего дрессированного осла, — сказал Голиас.

— Что-то он мало похож на ручного, — заявил Гавэльвавр. Он подтолкнул локтем ближайшего стражника, и они возмущенно загалдели.

Луций мог их рассердить, но он же мог и смягчить их гнев. Сообразив это, Голиас поторопился приступить к делу, пока стражники от нас не устали. Он что-то шепнул Луцию на ухо. Наверное, было упомянуто имя Гермионы, потому что Джонс немедленно успокоился и сделался послушным.

— Все в порядке, Луций, — громко сказал Голиас, — нам сказали, что король уже в замке. Что бы ты отдал, чтобы увидеть его августейшее и трижды благословенное величество?

Вместо ответа осел лег, перекатился на спину и закрыл глаза.

— Ты счастлив отдать за это жизнь, не правда ли? — продолжал Голиас. — Но представь, что ты не умрешь от восторга, когда увидишь его. Что ты тогда сделаешь?

Вскочив на ноги, Луций опустился на колени и низко склонил голову, как это он делал уже однажды перед Семирамидой.

Начальник стражи и привратники так и покатились со смеху, но теперь в их веселье уже не было насмешки. Голиас заставил Луция показать еще множество штучек, пока не убедился, что стражники настроены к нам добродушно. Наконец он сам повернулся к Гавэльвавру и отвесил ему поклон.

— Мы — бродячие артисты и были бы рады случаю позабавить славных обитателей замка и самим развлечься на славу. Вы нас пропустите?

— Гм-м-м... Я никого не пропускаю без распоряжения дона Родриго, — заявил начальник стражи, — но он сегодня впустил целую толпу менестрелей и прочий сброд.

— Это хорошо, — сказал один из стражников. — Я думаю, сам король пропустил бы их. Так или иначе, Раван все равно не узнает, что мы пропустили кого-то без распоряжения короля. У него сегодня много других забот.

— А зачем вам меч? — спросил Гавэльвавр, указывая на рукоятку, торчащую из котомки Голиаса.

— В нашем деле все годится. — Голиас вытащил меч, закинул голову и, к моему ужасу, засунул меч на полтора фута себе в горло.

— Видали? — спросил он, вытащив лезвие.

— Поднять решетку! — распорядился главный привратник.

Мы оказались в вымощенном булыжником внутреннем дворике, окружавшем вторую стену. Вторые ворота не были закрыты. Привратники, занятые болтовней, едва взглянули на нас. Несомненно, именно на сегодня и было назначено торжество, если допускались такие вольности. Не сговариваясь, мы с Голиасом ускорили шаг.

— Надо заглянуть в цветник, — бросил на ходу Голиас. Мы обогнули угол дворца. — Если бы там гуляли сейчас дамы, нам бы не поздоровилось. Но сегодня, я уверен, там никого нет.

Вход в окруженный стеною сад не охранялся. Заглянув, мы увидели, что сад пуст.

— А ну-ка, быстро, пока нас никто не засек, — скомандовал Голиас.

Джонс проворно трусил впереди нас. К сожалению, мы быстро убедились, что рисковали напрасно. Я повсюду видел, не припоминая названий, много поздних цветов. Но розы уже отцвели. Нам было тем более досадно, что в саду оказалось много розовых кустов.

— Надо было заглянуть на церковный двор, — предложил я, радуясь возможности улизнуть из сада.

— Смотри-ка, Шендон, — сказал Голиас, когда мы вышли за ограду, — кругом ни души.

Я быстро сообразил, к чему он это говорит.

— Наверное, все уже где-то собрались.

— Заглянем во дворец, — приказал Голиас, прибавляя ходу.

Дворец напоминал тюрьму. Охранять вход был приставлен стражник с копьем. Помимо копья, с ним стояла бутылка, а сам он сидел, развалясь, на ступеньках. Он взглянул на нас, когда мы приблизились.

— Можно нам войти? — спросил я у него.

— Нет, но вам и не стоит входить.

— Почему же?

— Потому что там никого нет!

На этом пафос его испарился, и голос дрогнул.

— Они все ушли и бросили меня здесь. Теперь я здесь совсем, совсем один.

Джонс простонал. Он, как и мы, догадался, почему так случилось. В замке не так уж много построек, которые могли бы вместить большое количество народа. Если Раван и гости не во дворце — значит, они в церкви. Несчастный осел, казалось, готов был лишиться разума. Мы снова бросились бежать. Он не отрывался от нас только потому, что не знал дороги.

— Держись к нам поближе, даже когда мы окажемся на месте, — посоветовал ему Голиас, — сплоченность — залог успеха.

Мы миновали вторые, поменьше, ворота. Церковь стояла между стеною замка и болотом, которое надежно охраняло ее от возможного нападения врагов. Здание выглядело унылым. Унылыми казались и мертвые деревья, и серое небо. На крыше сидели три канюка.

— Похоже, нас тут ждут, — выдохнул я на бегу. Голиас ничего не ответил.

Мы ворвались в церковный двор, отгороженный стеной из крошащегося камня. Здесь росла только чахлая травка да несколько поганок. Людей было не видать. Я вторил стонам Джонса.

— Делать нечего, идем в церковь, — сказал Голиас, — держи Луция за ухо, Шендон. Да покрепче.

Он распахнул дверь, и я с опаской переступил порог, держа осла за ухо. Так как все были поглощены тем, что происходило в глубине, на нас никто не обратил внимания. Оглядевшись, я с ужасом подумал, что мы опоздали.

Двое мужчин и две женщины стояли у алтаря. Священник, обращаясь к ним, возвышал свой голос, верша ритуал. Шло венчание. Невеста была опутана брачными одеждами, и потому я не мог наверняка сказать, что это Гермиона. Но в женихе я сразу узнал Равана. Чувствовалось, что решающий момент вот-вот наступит.

Я не прислушивался к словам священника, но неожиданно услышал, как дон Родриго сказал:

— Да, согласен.

У меня даже дыхание перехватило. И тут викарий спросил:

— Согласна ли ты, Гермиона? — и так далее.

Голиас стоял со мной плечом к плечу. В отчаянии я оглянулся на него. Он был похож на человека, который ждет удара под ложечку.

— Только она сейчас может остановить поезд, — прошептал он.

И Гермиона осмелилась, против всех наших ожиданий.

— Нет, я не согласна! — крикнула она.

Священник недоуменно замолчал.

Больше девушка ничего не сказала, но и этого было достаточно. Исполнять ритуал невозможно без строгого следования образцу. Священник заглянул в книгу, словно усомнившись, верный ли текст он читал. Раван так и подскочил и со злостью оглянулся на толпу, по которой прокатился шумок. Шафер и посаженая мать растерянно переминались с ноги на ногу. Подружки невесты взволнованно щебетали, обсуждая заминку. И только посаженый отец сохранил невозмутимое спокойствие.

— Отче, — спросил он, — отчего вы прервали службу?

— Но, ваше величество, она сказала...

— Я слышал ее ответ, — заявил король. — Она сказала: да. Или вы, может быть, считаете, что я ослышался?

— Что вы, что вы, ваше величество! — Священник поспешно прижал палец к своему уху. — Скорее всего, это я ослышался. Старею, надо полагать.

— Одряхлели и не в силах служить?

— Н-н-нет, ваше величество! Я еще не настолько дряхл.

— А не то мы подыщем вам место получше, — предложил Джамшид. — Но только после того, как пара будет обвенчана. Пожалуйста, продолжайте с того момента, на котором остановились.

Все снова заняли свои места. Я подумал, что Гермиона обескуражена уловкой короля, и взглянул на Голиаса. Похоже, что он был того же мнения.

— Вы, ваше величество, лорд Раван и все присутствующие! — крикнул Голиас. — Я налагаю на вас заклятие!

У меня даже дух захватило от его смелости. Я еще крепче сжал ухо Джонса. Все оглянулись на нас, потрясенные. Один Джамшид оставался невозмутимым.

— Кто осмелится наложить заклятие на короля? — спросил он с неудовольствием.

— Бард.

— Знаю, знаю. Только проклятые поэты способны на такое бесстыдство. Если это ты, Норнагест, я

поджарю тебя на пламени твоей же свечи. Назови свое имя.

— Талиесин, — сказал Голиас.

— А-а. Талиесин наложит на нас заклятие. И если сможет, то безнаказанно. В чем оно состоит?

— Никто из вас не сойдет с места, пока я не спою свадебной песни.

— Пой, раз уж я не могу запретить тебе.

— Благодарю, сир, — сквозь зубы процедил Голиас. Он толкнул меня.

— Подружки невесты с букетами, — прошипел он. — Взгляни, нет ли там роз.

Я, ведя Джонса за ухо, стал пробираться вперед. Голиас запел.

Сердец обрученье
Смерть и рожденье
В тройном единенье
Черед свой блюдут.
Первее, однако,
Таинство брака:
Свет Вирдова знака
Заметнее тут.

Пал Гуннар, и Финна
Настигла кончина,
И Улада — сына
Конэр сразил.
Вояки по праву
Утратили славу,
И честь, и державу —
За низменный пыл.

В церкви было так тесно, что Луций ничего не мог видеть из-за людских спин. Услышав голос Гермионы, он жаждал поскорее помочь ей. Джонс только прижимался ко мне, проявляя неожиданную покладистость. Но только это и облегчало достижение цели. Если бы мне не сообщили, что я пришел в Замок Опасностей, я бы и сам о том догадался. Голиас всех зачаровал, и поэтому нас никто не останавливал. Но как они все на нас смотрели! Я едва ли не желал, чтобы что-нибудь помешало нам подойти к алтарю. Я чувствовал себя мышью, приближающейся к мышеловке.

Трудно было вообразить, что произойдет, когда Голиас закончит петь. Но он все пел и пел.

Пусть будет смех разящий
Заслоном от грозящей
Невзгоды предстоящей —
И свадьбу прекратит!
Всем умыслам бесчинным
Над существом невинным
(Поплатитесь же вы нам!) —
Позор, бесчестье, стыд!

Увидев Гермиону, которая, как и все остальные, смотрела на нас во все глаза, Джонс остановился. Я свирепо дернул его за ухо.

— Букеты! — умолял я его. — Это наш единственный шанс!

Мы обошли всех подружек невесты, попусту теряя время. Я не сразу это сообразил, так как был сильно взволнован. Все двенадцать держали одинаковые букеты, в которых не было ни единой розы. Отходя от каждой девушки, я всякий раз прощался с жизнью. Голиас зорко наблюдал за нами. Но пение звучало бодро.

Алекто, спеши к расправе!
Покажись, Мегара, вьяве!
И преступников застави
Кару претерпеть.
Тизифона будет рада
На алтарь набрызгать яда:
Вот виновному награда —
Пусть попомнит впредь!

Если вы втроем согласны
Совершить свой суд ужасный —
Яростный, но беспристрастный —
Вот пред вами тот,
Кто беспутничал немало,
Настрадался до отвала —
Но душа его попала
В странный переплет.

С подружками невесты было покончено. По отчаянному взгляду Гермионы я понял, что у нее нет цветов. Оставалась еще посаженая мать. Ее букет свисал из

левой руки, лепестками вниз. Дама как раз стояла ко мне левым боком. Протиснувшись к ней и протащив за собою Джонса, я выхватил у нее букет. И тут же бросил его, будто ошпарившись.

— Мы пропали, Луций, — прохрипел я, — все напрасно.

Я с силою потащил его, но он уперся. Я обернулся и увидел, что в правой руке посаженая мать держит еще один букет. Это был букет Гермионы. Во время брачной церемонии невесте не полагается держать в руках цветы. Я схватил букет, взглянул на него и чуть было не бросил на пол. Но затем опять взглянул и уже повнимательней. Я почему-то искал красные розы, а это были белые.

Луций уныло тянулся к Гермионе, и я едва не выдернул ему ухо, прежде чем заставил взглянуть на цветы. Даже малейшая проволочка приводила меня в ярость.

— Черт побери, Джонс! Розы! — Я едва не рычал. — Ешь, или я каблуком вобью их тебе в глотку!

Я сунул ему букет прямо в морду. Из-за этого он даже не мог видеть, что ему дают. Но, почувствовав настоятельность моего тона, послушно разинул пасть. Голиас все заметил, и в голосе его зазвучал восторг победы.

Благой исход указан
И звездами предсказан:
Дочь Готорна обязан
Супругой он назвать.
Судом судите строгим:
Вновь станет он двуногим —
И в горло шпагу многим
Вонзит по рукоять.

Дух мощный забияки
Таился в кожемяке:
Когда дойдет до драки —
Осел затеет бой.
Презрев врагов угрозы,
Две-три проглотит розы —
От счастья дева в слезы:
Пред ней — ее герой!

Песня закончилась, и заклятие перестало действовать. Но я даже не испугался. Как и все, я замер, глядя на Луция.

— Боже милостивый! — взвизгнула одна из подружек невесты. — Да что же это творится?

У нее были причины для недоумения. Едва Джонс дожевал последние бутоны, он встал на задние ноги, передние опустил вдоль туловища и закинул голову. Уши его съеживались, словно горящая бумага. Когда остались одни только раковины, они прилегли к голове по бокам и шерсть на них исчезла.

Похоже было, будто какой-то молниеносный карикатурист взялся показать, как несколькими штрихами можно из осла сделать человека. Морда превратилась в лицо, вслед за нею, укоротившись, преобразилась шея, и, наконец, передние ноги с копытами стали человеческими руками. Я был захвачен зрелищем перемен и начисто позабыл, что имею к ним отношение.

Джонс первым отреагировал на то, что с ним произошло. Как только у него пропал хвост, он тут же ринулся к котомке с одеждой, которую я держал. Я торопливо стал помогать ему. Вдруг мы услышали грозный оклик Голиаса:

— Меч, Луций! Проклятье, ведь ты уже не осел! Шендон, дай ему меч!

Из одежды Луций ограничился брюками. Он впрыгнул в них и натянул до пояса, с которого теперь исчезла шерсть. Я тем временем вытащил меч из ножен и сунул его рукояткой прямо Джонсу в кулак. Наступила пора, так как чары уже не действовали.

Вперед выступил дон Родриго.

— А, это мой милый кузен, вышедший из собственного портрета!

Джонс оперся на меч.

— Милорд, — ответил он, — при нашей последней встрече вы пригласили меня на свою свадьбу.

— Совершенно верно, — признал Раван. — И приглашение было искренним. Но ввиду розысков, предпринятых родственниками моей невесты, король решил, что будет лучше сыграть свадьбу в одном из моих дальних, вновь приобретенных имений, а не при дворе.

Однако из-за моего любовного нетерпения, что вполне извинительно, я позабыл тебя известить.

Несмотря на насмешливый тон, Раван смотрел на Джонса пронзительным взглядом. Небрежно, как бы между прочим, он извлек из ножен свой меч. И вдруг подскочил и сделал молниеносный выпад. Но Луций увернулся и так втянул живот, что он прилип к позвоночнику. Затем Луций шагнул к Равану и двумя быстрыми ударами снес ему башку. Она подкатилась к моим ногам, точь-в-точь как голова зеленого рыцаря. Но дон Родриго не поднял ее, подобно Берсилаку. Тело его задергалось в конвульсиях; кровь, фонтаном бьющая из шеи, залила весь пол. Затем тело замерло, как может замереть только мертвое тело. Я на всякий случай подобрал меч Равана. Но никто не двинулся с места, кроме Гермионы.

— Милый, — спросила она, качнувшись к Джонсу, — ты не ранен?

Луций смотрел на Равана. Ярость убийцы еще не затихла в нем, и все же ему удалось смягчить свой голос.

— Нет, дорогая. Не беспокойся за меня.

— Я совершенно спокойна, — заверила его Гермиона и упала на руки проходившему мимо Голиасу.

— Гюон не справился бы лучше, — одобрил он Луция. — Не тревожься, с ней все в порядке. Это естественная реакция. Девушки позаботятся о ней. Подойдите и возьмите ее! — велел он им. — У меня и без того дел по горло.

— Талиесин, — сказал король своим ровным, бесцветным голосом, когда девушки приняли Гермиону от Голиаса. — Вы осуществили все, что намеревались сделать? Разумеется, за возможным исключением выбраться отсюда живыми.

— Почти все, ваше величество.

— Тогда позвольте мне заметить вам, что, хотя в действиях ваших было немало занятного, на свадьбе они не слишком уместны.

Я уже чувствовал острие меча, приставленного к горлу. Голиас пожал плечами.

— Если вы имеете в виду потерю жениха, у нас найдется получше.

К моему удивлению, король задумался над его словами.

— Мертвый фаворит — не фаворит, — сказал он наконец, не обращаясь ни к кому в особенности. Он взглянул на меня, затем на Джонса. — Я уже много лет ношу корону, но мне еще не приходилось посылать человека на плаху, не выяснив прежде, кто он такой.

Дерзкий вид Луция будто испарился. Молодой человек сконфузился.

— Я и сам не знаю, кто я такой, ваше величество. Глупо, конечно, но говорят, что имя, которое я ношу, не принадлежит мне.

— А что это за имя?

— Луций Джил Джонс, ваше величество.

— Что? — Казалось, король заинтересовался. — Вы внук старого барона и ближайший родственник лорда Равана?

— Да, внук и наследник старого барона, сир. — Вспыхнув, Джонс поклонился. — Но законность моего рождения под сомнением.

— Бастард — такой же внук, как и все.

— Да, но не в том случае, когда его отец — кто-то посторонний. — Луций говорил хрипло, едва ли не шепотом. — Вот этим вопросом и задался мой дедушка, вероятно, по наущению лорда Равана. Я, конечно, не могу ни в чем быть уверенным, и отец мой не встанет, чтобы заговорить.

— Именно так, — задумчиво ответил Джамшид. — Я всегда подозревал, что дон Родриго замешан в неожиданном исчезновении вашего отца. Эта мысль пришла мне в голову после того, как он стал домогаться руки и сердца, а также собственности вашей вдовствующей матери. Она отказала ему и, что любопытно отметить, вскоре после этого умерла.

Джонс взволнованно вскрикнул, на что король не обратил ни малейшего внимания.

— Вложите мечи в ножны — и ты тоже, с серебряной прядью. На колени перед вашим монархом!

Пока я торопливо пытался вложить меч в ножны, так как бесполезно спорить там, где нет ни судьи, ни арбитража, Джонс перешагнул через тело Равана, встал на колени перед королем и склонил голову. Я

взглянул на Голиаса и увидел, что он затаил дыхание. Долгую минуту король смотрел на человека, поверженного к его ногам. Луций был обнажен до пояса. Ослиная шерсть совершенно исчезла с его мускулистого торса. Гладкость и белизну кожи оттеняло единственное родимое пятно. Оно находилось на его плече и имело очертания сердечка. Король указал на него пальцем.

— Встаньте, — приказал он. — Несколько лет назад, когда я был еще принцем, — продолжал он, когда Луций поднялся, — я знавал сына старого барона. Он считал меня близким другом, а я считал его своим приятелем. Я провожу эту разницу для вас, поскольку вы, не являясь монархом, никогда не сделаете этого сами.

Наверное, когда-то Джамшид выглядел весьма величественно. И сейчас его черты казались благородными, но то была одна видимость. Вглядевшись, вы понимали, что чувства здесь не более, чем в улыбке светящейся маски. Следя за его взглядом, я содрогнулся, так как вспомнил, где раньше наблюдал эту мертвенную замкнутость.

Это случалось всякий раз в течение многих месяцев, а может, и лет, когда я смотрел на себя в зеркало. Так я жил до путешествия на «Нагльфаре». Меня потрясло, что и в Романии я встретил наконец что-то знакомое и в то же время тревожное. Во мне пробудилось смутное предчувствие зла.

— Вы юный Джонс, — закончил король свои пояснения. — Как приятель вашего отца, я знал, что сын его был зачат во время медового месяца. И этот сын — вы. Я пытался развлечь вашего отца, когда ваша мать лежала в родовых муках, и видел вас прежде, чем на вас надели первый нагрудник. Расположение и очертания родимого пятна совпадают с вашим именем. Я извещу об этом вашего дедушку. — Прежде чем Луций успел что-то ответить, король повернулся к нему спиной.

— Поставьте эту девушку на ноги, — приказал он. — Я приехал сюда на свадьбу, следовательно, будет свадьба.

ПЕРЕХОД ТРЕТИЙ

Вниз и наружу навстречу развязке

23. Список пассажиров у Лореля

На свадебном пиршестве я, что называется, отвел душу. Настроение у меня слегка портилось только при виде монарха. Мы с Голиасом всячески старались не переусердствовать: осушали бутылку до дна — и не брали в рот ни капли, пока не подавали следующую. В итоге три дня ушло на то, чтобы хоть немного прочухаться. Джамшид тем временем отбыл во дворец, вслед за ним начали разъезжаться и гости. Луций с Гермионой воспользовались первой же возможностью и отправились в свадебное путешествие.

Наши собутыльники тоже разбрелись кто куда, и на трезвую голову я почувствовал себя не очень уютно под чужой крышей.

— Послушай, — сказал я Голиасу за завтраком на четвертое утро, — что-то мне эта распивочная разонравилась. И эти постные рожи вокруг вконец обрыдли.

— Да, пожалуй, есть места и повеселее. В Замке Ниграмус редко когда удается развеяться, — согласился Голиас.

— Тогда давай отсюда свинчивать, и по-быстрому, — загорелся я от предвкушения, подзадоривая Голиаса, хотя он и не собирался возражать. — Куда махнем?

Выражение его лица показалось мне странным: он как-будто колебался с ответом.

— Не знаю. Я еще не решил, — задумчиво произнес он. — Это я себя имею в виду. А насчет тебя все ясно,

как дважды два: тебе предстоит отправиться к Ипокрене.

— Ах да, верно ведь! — Предписание Делосского оракула начисто вылетело у меня из головы. Напоминание о нем мало меня обеспокоило, однако тон Голиаса мне не понравился. — А, что разве мы не вместе отправимся?

— Обо мне ни слова не говорилось. — Голиас положил себе на тарелку еще один кусок яичницы с ветчиной.

— Ну и что? — Раздражение во мне нарастало, однако мне не хотелось его выказывать. — Выбирай дорогу себе по вкусу, а я тебе составлю компанию, — заявил я с наигранной беспечностью.

Голиас только теперь взглянул мне прямо в глаза:

— Я бы ничего не имел против, Шендон, но карты легли иначе.

— Да пошел ты ко всем чертям! — взорвался я. — И если тебе вновь припадет охота сбагрить попутчика с рук, режь прямо — без экивоков.

Когда мы, покинув замок, ступили на уже знакомую тропку, я все еще кипел от негодования. Особенно злило меня то, что Голиас не делал ни малейших попыток к примирению. Напротив того: повстречавшись у насыпи с Тилем, он отвел его в сторону, подальше от моих ушей, и долго с ним калякал, не обращая на меня никакого внимания. Теряясь в догадках, я тоже молчал с сердитым видом, но у развилки поневоле пришлось взяться за дело всерьез.

— Итак, — свирепо потребовал я у Голиаса, — куда теперь?

— Только сюда, — ответил он, указывая налево. — Другие пути тебе заказаны.

— А, катись ты! — рявкнул я. — Захочу — сверну направо, а захочу — и обратно вернусь.

С этими словами я оглядел простиравшуюся перед нами топь. Стоя на пригорке, мы могли обозревать ее от одного края до другого, но сколько я ни напрягал глаза, высившейся посередине крепости нигде не было видно. Чертыхнувшись, я хотел было устремиться направо, навстречу утреннему солнцу, однако не в силах был шевельнуть и мизинцем.

Я знавал людей, утверждавших, что они физически не в состоянии принудить себя взойти на крутой мост. Хотя прочность постройки не вызывает у них сомнений, ничто, по их словам, не заставит их подняться так высоко в воздух. Я воспринимал эти рассказы с недоверием, но теперь ничего не оставалось, как убедиться в их правдивости на собственном опыте. Случившееся тем более меня обескураживало, что сам я стоял как вкопанный на твердой почве, оцепенело уставясь в пространство перед собой. Удивительнее всего было то, что я как будто лишился способности предвидеть собственные действия. Меня охватила паника: что же это — выходит, мне больше не суждено собой распоряжаться? Развернувшись лицом к топи, я по-прежнему не владел своей волей. И только скосив глаза налево, в сторону дороги, ведущей к западу, почувствовал, что ко мне возвращается уверенность в себе.

— Таково предначертание Оракула, — пояснил Голиас. — Твои собственные планы на будущее должны совпадать с повелением Делосца.

— Да какая, в конце концов, мне разница, куда идти?

Высвободившись из невидимых тисков, я с облегчением перевел дух, однако притворился, будто делаю выбор самостоятельно, а не по глупой указке.

— Далеко ли до этой самой Иппокрены, и, когда я туда доберусь, чем прикажете заняться?

— Отвечу сначала на последний вопрос, — строго проговорил Голиас. — Иппокрена — это источник.

— Источник? Ладно, пускай так. Я должен отпить из него глоток, или достаточно просто полюбоваться на свое отражение?

По лицу Голиаса было совершенно ясно, что моей шутливости он поощрять не намерен.

— Ты сделаешь из источника три глотка — если, конечно, сможешь их сделать и если вообще сумеешь туда добраться.

— Идет! — окончательно развеселился я при виде насупленных бровей Голиаса. — А скажи, с какой стати мне вообще надо хлюпаться в этой самой Поколене?

— А с такой стати, чтобы ты не прозябал всю свою жизнь слизняком с ничтожной душонкой! — взревел

Голиас. Мне все-таки удалось задеть его за живое. — Слушай, Шендон. Ты получил это предписание не случайно: в тебе угадали подходящего человека. Разве не ты говорил мне однажды, что пробовал как-то сочинить песню?

Пришлось сознаться:

— Пробовал, да только ничего не вышло.

— Ты не обладал умением, но это дело поправимое. Тут помогает Иппокрена. Первый глоток наделяет даром памяти: ты уже никогда не забудешь всего того, что видел и слышал в Романии, какие поступки здесь совершил. Со вторым глотком тебе как бы вручается обратный пропуск: ты всегда сможешь сюда вернуться. Третий глоток превратит тебя в творца: Иппокрена станет твоим напитком — качество гарантируется по усмотрению, высший предел не оговаривается.

Я мысленно просмотрел перечень.

— Для пропуска, говоришь, достаточно двух глотков? А сколько требуется для получения гражданства?

— Можешь не волноваться, — успокоил меня Голиас. — Гражданство близ Иппокрены получают либо в момент рождения, либо уже никогда... Что касается второго твоего вопроса, далеко ли туда добираться, — помочь ничем не могу. Я, разумеется, бывал в тех краях — и не раз, но путь к Иппокрене исчисляется не в милях. На этом указателе, кстати, тоже никаких цифр не выставлено.

Я взглянул на придорожный столб. На прибитых к нему стрелках, обращенных острием на запад, было написано:

Озеро Эшеров

Темная Башня

Пещера Гнипахеллир

— Про Иппокрену тут ни слова не говорится, — запротестовал я.

— Какая тебе разница? Помни только об одном: лишь бы не заблудиться, — хладнокровно заметил Голиас. Его черствость еще пуще разожгла во мне чувство обиды.

— Понятно. Нам с тобой, значит, не по пути?

— Шендон, об этом и речи не может быть, — отрубил он, раздосадованный моей настойчивостью. —

Сколько раз тебе твердить! Это странствие каждый должен совершать в одиночку.

Мне почудился в его словах намек на нежелательность того, чтобы посторонние совались в его дела, и я, двинувшись в путь, с оскорбленным видом бросил ему через плечо:

— Ладно, приятель, пока!

Голиас удержал меня за полу.

— Мне очень жаль, Шендон, что ты никак не возьмешь этого в толк. Погоди минутку. Я пообещал Тилю вытащить его из одной нешуточной заварушки, которую он сам затеял, и если меня прямиком не отправят за решетку — я постараюсь к тебе подскочить. Авось еще свидимся.

Голиас протянул мне руку — и я коснулся ее брезгливо, словно боялся запачкаться.

— Вот и чудненько поладили, — съязвил я напоследок.

На том мы и расстались. Сердито шагая вперед, я все больше мрачнел. В Романии я не раз сталкивался с трудностями и преодолевал их сам, хотя это и удавалось мне только по воле случая. Союз с Голиасом стал представляться мне главной опорой существования. И вот ни с того ни с сего — он меня предал. Удивление боролось во мне с негодованием. Я все еще не верил случившемуся: в голове никак не укладывалось, что дружба наша распалась сразу после достигнутой совместными усилиями победы — ведь нам обоим изрядно пришлось повозиться с бедолагой Джонсом. Именно на свадебном торжестве Луция я впервые так остро ощутил радость прочного товарищества, скрепленного крепким пожатием дружеской руки.

И вдруг — без всякой видимой причины — мы сделались чужими друг другу. Горечь вытеснила все другие чувства. Особенно тяжело было вспоминать, как я без промедления откликнулся на просьбу Голиаса о помощи, а ведь он, заметим, был мне едва знаком тогда... Теперь подмога требовалась мне: путешествие, по его же уверениям, мне предстояло непростое — и как же он меня подвел!

Я проклинал его на чем свет стоит за двуличие, а себя — за излишнюю доверчивость. Голиас сделался для меня воплощением безупречной честности, но те-

перь выяснилось, что это совсем не так... Это печальное открытие обесценило все мои приобретения в Романии, очевидно, мнимые. Отныне я был готов подозревать всех и каждого. Оживший во мне былой скептический дух вволю потешался над моей же легковерностью. Казня себя и терзаясь мучительным стыдом за недавнюю наивность, я в то же время не мог отделаться от тяжелого, гнетущего сознания невозвратимой утраты. Новообращенному разочарование дается куда труднее, чем тому, кто никогда не знал никакой веры.

Быстрая ходьба была единственным средством дать выход накопившемуся неудовольствию — и я шел, не сбавляя темпа, изредка останавливаясь только для того, чтобы перекусить. Поглощенный своими переживаниями, я мало обращал внимания на окрестности и почти не замечал того, кто или что еще, кроме меня, передвигается по дороге. Когда ближе к полудню меня догнала какая-то запряженная лошадьми повозка, я, не глядя, посторонился, желая пропустить ее вперед.

— Эй, на козлах! Остановите карету, пожалуйста, — послышался женский голос.

Я упрямо шел дальше, не желая поворачивать головы, но женщина окликнула меня:

— Простите, сэр, эта дорога ведет к Готаму?

— Спросите кого-нибудь другого, — с неохотой отозвался я. — Я знаю только, что это где-то там, по ту сторону Титанов.

Черты ее лица не отличались правильностью, однако бойкий, зазывный взгляд невольно приковывал к себе внимание.

— Простите мое любопытство: мне хотелось у вас спросить — очевидно, вы совершаете вечернюю прогулку?

Почему она так спросила, догадаться было нетрудно. Стараниями Джонса я вырядился в один из лучших нарядов Равана — в костюм из черного бархата, отделанного серебряными украшениями. В нем меня легко было принять за неизвестного богача. Такие щеголи по пыльным дорогам пешком не путешествуют.

— Нет, — буркнул я. — Я просто иду из одного места в другое.

— Ах, вот оно что! — участливо воскликнула незнакомка. — Вы просто ходите из одного места в другое. Должно быть, это безумно интересно.

С губ у меня уже готово было слететь ироническое замечание, однако, вдруг сообразив, что к чему, я едва не споткнулся. Она потупила взор, когдя я приблизился к карете, но ямочки на щеках были красноречивее всяких слов. Наши взгляды встретились — и я прочитал в ее глазах то, что было мне знакомо как нельзя лучше. Сколько разных девиц, случайно попадавшихся мне на пути, когда я жил еще у себя дома, смотрели на меня точно так же! Мне ясно было, что эта женщина, слишком искушенная и разборчивая, превыше всего ставит собственные прихоти. На моем лице в ответ без труда отобразилось то же самое выражение, о котором я и думать забыл после катастрофической переделки с Цирцеей.

— Еще бы! Конечно, интересно, — поддакнул я. — Но это смотря с кем.

Незнакомка помедлила, взвешивая мои слова.

— Вы не сочтете меня навязчивой, если я предложу вам проехаться в карете? Ходьба наверняка вас утомила.

— Не сочту. Не сочтите навязчивым и меня, — с готовностью откликнулся я. — Между прочим, я вовсе не так уж утомлен, как может показаться.

Вот так у нас сладилось дело с Бекки Кроули. Ей и в голову не пришло снимать с руки обручальное кольцо, когда вечером в гостинице она впустила меня к себе в комнату. А когда на рассвете я ее покидал, она только сонно улыбнулась и пошевелила в воздухе пальчиками в знак прощания.

С ней было легко и свободно: мы понимали друг друга с полуслова. Расставание не причинило мне ни малейшего огорчения — нельзя было и сравнивать с тем отчаянием, какое я испытывал после утраты Розалетты. Ничуть не походили мои чувства и на ту пылкую страсть, которая обуревала меня к Нимью. Однако мой роман с Бекки не доставил мне и того самозабвенного наслаждения, какое меня охватывало когда-то при одной мысли о тех двух женщинах. Мы провели вместе всего одну ночь — и этого оказалось вполне достаточно. Я слишком хорошо раскусил миссис

Кроули, для того чтобы помышлять о продолжении нашей связи. Более того: покинув гостиницу и отнюдь не желая новой встречи (ведь Бекки могла нагнать меня в карете), я свернул с большой дороги на боковую у первой же развилки.

Надо сказать, что знакомство с особой, столь беспечно взиравшей на человеческие взаимоотношения, несколько меня успокоило. Я уже не испытывал прежней досады на Голиаса. Он воспользовался моими услугами, когда в них нуждался, и забыл обо мне в тот самый момент, когда необходимость миновала. Сам я всегда поступал точно так же. Именно такой образ действий я всегда, за исключением недавнего периода поврежденности в рассудке, считал нормой человеческого поведения. Теперь мне предстояло снова твердо стать на почву реальности и начисто выбросить из головы все эти бредни.

С тех самых пор, как я покинул Замок Ниграмус, дорога неуклонно вела вверх. К полудню я уже различил вдали отроги Титанов. Неожиданно путь мне преградил канал. Мост через него, по всем признакам, был разрушен очень давно. С неудовольствием я огляделся вокруг.

Окрестности глаз не радовали. Нелепая запущенность этих мест могла быть только плодом человеческой деятельности и очень напоминала мне неприглядность иных сельских клочков земли близ Чикаго. Здесь тоже были унылые заброшенные фермы: но нельзя было и помыслить, что на них некогда произрастало что-то полезное. Там и сям виднелись убогие домишки: непонятно, кто и ради чего вздумал здесь поселиться на жительство и чем добывает себе средства на пропитание. Осень обесцветила листву на редко попадавшихся деревьях, вместо того чтобы окрасить их убранство. В довершение всего на краю чахлой делянки красовался шест с предостерегающей надписью: «Охотникам и трапперам вход воспрещен!»

Канал, казалось, все еще использовался для судоходства, хотя вода цвела тиной. Направо от меня, к северу, не видно было ни души, а на юге маячило какое-то приближавшееся судно. Вскоре со мной поравнялась баржа, которую тянули мулы.

Несмотря на мрачный пейзаж и не самый приятный способ передвижения, пассажиры баржи, явно наслаждаясь путешествием, веселились вовсю — кричали, хохотали, размахивали руками. Их внешность тоже вполне соответствовала разнузданному поведению. Неухоженные мулы дико вращали глазами.

Я посторонился — дать им дорогу, потом решил поприветствовать баржу. Выждав, пока она проплывет мимо, я вгляделся в корму. Краска на ней облупилась, однако надпись еще вполне можно было разобрать: «Менипп» из Наррагонии.

— Эй, на «Менишпе»! — крикнул я громче, чем требовалось. Большинство пассажиров располагались по другую сторону баржи, и пока что никто из них меня не замечал. На мой возглас обернулись разом едва ли не все, а их было до полусотни. Тотчас же многие покатились со смеху, тыча в меня пальцами.

— Гляньте-ка сюда!

— Позовите капитана!

— Где Лорель?

— Эй, застопорите ход: пускай капитан тоже повеселится вволю.

Без последнего распоряжения вполне можно было обойтись: возчик уже растянул рот до ушей в ухмылке, и мулы остановились сами собой. Теперь на меня можно было глазеть вволю — и передо мной возник выбор: либо сделаться предметом их насмешек, либо малодушно ретироваться. Не зная, на что решиться, я уставился на хохочущую ораву. Сцепиться с ними в одиночку было рискованно, а перекричать множество глоток — попросту невозможно.

Мой гнев, не находя выхода, вот-вот готов был разразиться безудержной вспышкой, однако этого не случилось. В дверях каюты показался какой-то человек.

— Кто велел застопорить ход? — грозно обратился он к погонщику мулов.

— Я! Я! Нет, я! — послышались голоса с разных концов палубы.

— Они-то вовсю распоряжаются, это точно, — подтвердил погонщик, — однако вас мулы слушаются как миленькие. А тут, едва я завидел этого молодчика, они и уперлись — ни тпру, ни ну.

Возчик махнул рукой в мою сторону.

Капитан — нескладный верзила с лошадиным лицом — вгляделся в меня и хмыкнул:

— Да уж, молодчик тот еще, красавéц весь из себя.

На этом терпению моему пришел конец. В два прыжка я нагнал баржу и заорал:

— Я вам покажу, как языки распускать! — Ярость захлестнула меня целиком, поскольку мое возмущение повергло их в полный восторг. — Какой я вам молодчик?

Капитан и бровью не повел.

— Ну, тогда попробуй сам определить, кто ты такой на самом деле.

Если и можно было достойным образом выбраться из угла, в который он меня загнал, сгоряча подходящий ответ мне никак не давался, и я ляпнул наобум:

— Как кто? Что вы, что я — без разницы!

— Гордишься этим небось?

Он оставил мне небольшую зацепку, но я не рискнул за нее ухватиться. Его едкий вопрос и не менее ироничный взгляд разбередили во мне свежие еще раны. Однако выглядеть проигравшим перепалку мне не улыбалось.

— Живу себе помаленьку, и ладно!

— Меня звать Анания, можно и Саймон, — представился капитан. — Титулуют Лорелем. С. Лорель — предводитель моих скудных разумом собратьев по кораблю. По этой части я незаурядный знаток. Вы могли бы стать ценным приобретением для моей коллекции. Коли соблаговолите — прошу прямо на борт.

Я призадумался. Разнузданная команда довела меня до белого каления, однако другого способа перебраться через вонючий канал, не искупавшись в нем, я не видел.

— В какую сторону вы направляетесь? — решил я не спешить с ответом.

Глаза капитана заискрились насмешкой, и я торопливо добавил:

— Да-да, я понимаю, — по течению канала, но не будете ли вы проплывать мимо озера Эшеров?

— А какая вам разница? — пожал плечами капитан. — Все равно, куда ни кинетесь, друзей нигде не встретите.

Этим замечанием он задел самую свежую и болезненную из моих ран. Однако небрежный тон, с каким он высказал эту горькую истину, служил исцеляющим прижиганием.

— В чем-то, пожалуй, вы правы, — осторожно согласился я. — Но я не ищу друзей: мне необходимо попасть туда, куда я иду.

Несмотря на все усилия, убежденности моим словам недоставало. — Я задумал одно важное предприятие.

— Ах, вот оно что! — Капитан поджал губы. — Вам предстоят большие свершения. Полагаете, успех придаст вам бодрости?

— Еще бы!

Капитан оглушительно взревел:

— Поднять якорь! Развернуть все паруса! Всыпать горячих ленивым тварям — пусть пошевеливаются. Перед нами герой, жаждущий подвигов, а мы загораживаем ему дорогу.

Всеобщий хохот уже перестал меня смущать. Я даже сам, помимо воли, почувствовал, что рот у меня растягивается до ушей.

Капитан Лорель, ухмыляясь, скомандовал:

— Румпель на ветер! Тпру! Допускаю, что нашим неповоротливым мулам с вами и тягаться нечего — вы их в два счета обгоните, но смысл-то какой?

Единственное, что внушало мне уверенность в правильности выбранной мной дороги, это возможность передвигаться свободно, без помех, которые связывали меня по рукам и ногам. У меня вдруг мелькнула мысль перехитрить Оракула. Если на пути к Иппокрене самостоятельно я не в силах был сделать и шагу, то на иные средства передвижения заклятие, возможно, и не распространяется? Тогда, избавившись от чар, я, не исключено, сумею выбраться из этой опротивевшей мне местности.

— Оно и вправду, смысла ни на грош, — согласился я и перепрыгнул на борт баржи.

Капитан подал мне руку, помогая удержать равновесие.

— Надеюсь, вы не очень повесили нос после того, как задирали его больно уж высоко. Иногда, бывает, нос вешают прямо на квинту.

— Ничего-ничего, мы с вами квиты. — Новый знакомец больше меня не сердил, и я старался отвечать по возможности дружелюбнее. — Когда тебя оставляют с носом, ни задирать, ни вешать его не приходится.

— Поехали дальше! — велел Лорель погонщику мулов. — Вижу, опыт у вас кое-какой есть, поэтому остерегусь сводить вас с моими самодовольными профанами, а то ваше влияние может их подпортить. Давайте взойдем вместе на капитанский мостик. Вы, как новоприбывший, имеете полное право ознакомиться со списком пассажиров.

Капитанский мостик оказался крохотной площадкой на корме. Отсюда, однако, вся палуба была видна как на ладони, и я мог наблюдать также за ленивой поступью мулов и вглядываться в мутные воды канала. Мы уселись на скамеечке рядом и принялись беседовать, болтая ногами.

— Что это за компания подобралась на вашем судне? — был мой первый вопрос.

— Говорите вполголоса, чтобы не возмутить гармонию, царящую на протяжении всего нашего круиза, — предостерег меня капитан. — Как видите, все присутствующие на борту — отъявленные, стопроцентные, прирожденные и неисправимые идиоты. Но самое интересное заключается в том, что ни один, полагая своих спутников сплошь дураками, себя к таковым никоим образом не относит.

— Угу, — покивал я головой в ответ, ничуть не сомневаясь, что капитан меня прощупывает. В то же время зрелище предающейся на досуге различным занятиям путешествующей братии начинало все более меня развлекать. Четверо пассажиров играли в карты. Трое или четверо красноречиво ораторствовали сами с собой. Остальные, разбившись на кучки, ожесточенно спорили.

— Какова ваша конечная цель? — спросил я у капитана.

— А у кого она есть? — парировал он. — Нет, мы просто-напросто путешествуем из края в край с намерением изучить пределы человеческой глупости. Вообще-то можно было никуда не двигаться: дурости у нас на корабле хоть отбавляй, однако всякий дурак уверен, что в пути узнает что-то путное. — Он прищел-

кнул языком, довольный собственной шуткой. — Метко подмечено, верно?

Я одобрительно хмыкнул, втайне надеясь, что ему невдомек, как я еще недавно самодовольно обольщался той же уверенностью. Собеседник, разделявший прежние мои взгляды, вернул меня к былому убеждению в том, что вся существующая мудрость сводится к трезвому и ясному осознанию пустоты и бессмысленности жизни.

— Но помимо развлечения вам это путешествие что-нибудь дает?

— А как же! Прибыль — и немалую! — забывшись, гаркнул он с восторгом. — Мне выкладывают целую кучу наличности, лишь бы попасть под мою лупу.

— У меня с собой ни гроша, однако в любом случае платить я не собираюсь, — сухо заметил я. Полным банкротом я не был, однако считал необходимым резко отмежеваться от его шатии.

— Напомните мне попозже, чтобы вас забили в колодки, — обронил капитан. — А пока что я склонен доставить себе удовольствие и продемонстрировать — ну хотя бы вам — некоторые их моих образчиков. — Он обвел глазами палубу. — Мне они по душе все до единого, но дороже других, пожалуй, те, которые, чуть что, готовы клясться и божиться чем угодно. Поверьте, впрочем, что честнее людей свет еще не знавал. Всегда занятно понаблюдать, как ближние выставляют себя на посмешище.

— Где же они?

— Видите того бородатого старика, который прожужжал картежникам все уши? Как его имя — понятия не имею. Я его прозвал поднебесным кочетом: он вечно парит в тумане высоких материй. Но вовсе не суется к игрокам, как можно подумать, с непрошеными советами: нет, он просто долбит темя беднягам, которым от него никак не отделаться, — о продолжении игры и думать нечего.

Я всмотрелся пристальней. Старик тараторил без умолку, тряся бородой; картежники сидели недвижно с безнадежно-отрешенными лицами.

— Что это он им втолковывает?

— Да всякую галиматью о судебных исках — справедливо их вчинили или же нет. Занудство жут-

кое. Свой долг он усматривает в том, чтобы учить человечество нравственности. Но если следовать его советам — прямой дорогой придешь к виселице. Благо обществу он приносит такое же, как свернувшаяся в клубок змея, если наступить ей на хвост. Однако старикан неколебимо верит, что послан небом наставить страдающее человечество на путь истинный. А взять хотя бы Грота Бертона: вон он, тасует колоду, — продолжал капитан, вдоволь нахохотавшись. — Мрачен как сыч, хотя, вне всякого сомнения, сорвал банк и положил в карман все денежки. А недоволен он тем, что наверняка кто-то сумел его обскакать в его махинациях; прежде этого с ним не случалось. На ваш вопрос о его профессии он отрекомендуется юристом, хотя ни в чем таком ни уха ни рыла не смыслит. Это ходячее доказательство того, что добросовестный человек совершенно не обязательно должен обладать совестью. Будучи адвокатом, он кормится первым подвернувшимся ему судебным делом и сотрясает воздух речами в слепой вере в то, что оно так или иначе решится, а послужит исход добру или злу — его это занимает мало. Он даже не проводит различия между мудростью и подлостью. Что выйдет — ему все равно.

— И что выходит? — поинтересовался я не без злорадства.

— Пустой треп и отрыжка воздухом. А что, кроме застоявшейся духоты, может находиться в Гроте, хотя бы он и назывался Бертоном?

Тут Лорель толкнул меня в бок локтем.

— А вон из каюты выползает едва ли не главное мое сокровище. Вот тот, с книгой в руках.

Я невольно проникся любопытством, поскольку это была первая книга, увиденная мною в Романии.

— А у него какой пунктик?

Вместо ответа капитан снова ткнул меня в бок.

— Видите, как он натыкается то на одного, то на другого встречного? Это вовсе не притворство. Байес и в самом деле не понимает, где находится и что делает.

— То есть, по-вашему, он пялит глаза в книгу — и ни шиша не может прочесть?

— Берите выше, — фыркнул Лорель. — Среди ученых ослов он — подлинное украшение: безграмотный маньяк от науки. Прочитав книгу от доски до доски,

он повторит ее всем наизусть слово в слово, однако растолковать, что означают хотя бы два слова, взятые вместе, — это ему не по зубам. Он глотает книги одну за другой, но в голове у него остается только то, что остается после переваренной пищи, — бесформенные отбросы, по которым никак нельзя судить о вкусе и качестве уничтоженных блюд. Самое забавное, что он мнит себя творцом.

Я уже слышал это слово из уст Голиаса — и невольное воспоминание о нем вызвало у меня раздражение.

— Значит, он писака какой-нибудь, виршеплет безмозглый?

— Да ничуть не бывало! Даже гнилое яблоко когда-то на яблоне росло. Гриб-дождевик в расчет принимать не будем. Если Байес оторвался от страницы — вокруг себя он ничего не видит и тупо смотрит в пространство. Ему чудится, будто его душа, которой он лишен, охвачена творческим кипением.

Я всласть посмеялся, а капитан продолжал:

— По правде говоря, мне он доставляет удовольствие, как мало кто из прочих, хотя мне удалось раздобыть штучки и почище.

— Неужто?

— Погодите минуточку, сейчас покажу. Вон, взгляните-ка на того.

Он ткнул пальцем в сторону каюты, на крыше которой, скорчившись, примостился какой-то юноша.

— Приятный молодой человек... Похож на наемного партнера для танцев.

— Верно, — согласился Лорель, — но только отчасти. Обычно Неволус занят сводничеством, посредничеством и сутенерством. От немощных мужей он берет плату за то, что брюхатит их юных супруг — с тем, чтобы старые хрычи могли бахвалиться неутраченной способностью к соответствующим трудам. А за сохранение тайны ему еще приплачивают.

— Забавным мне это, признаться, не кажется, — вставил я.

— До самого любопытного я еще не дошел. Смешнее всего то, что угрюмость его объясняется просто: он страшно обижен равнодушием к его талантам. Он воображает себя достойным членом общества — вну-

шающим уважение своей изобретательностью, находчивостью, неутомимой энергией, надежностью... Он никак не в состоянии взять в толк, почему ему отказывают в уважении, каким окружены в обществе все деятельные, трудящиеся в поте лица предприниматели.

Тут Лореля охватил такой приступ хохота, что с ним едва не сделались судороги.

— У меня в коллекции есть еще только один тип, который мало чем уступит этому юнцу, — заговорил он, отдышавшись. — Я выжидал, пока вон тот чопорный ханжа приступит к делу: прижмет какого-нибудь несчастного к стенке и начнет его поучать, а сам в это время постарается выудить кошелек из кармана стоящего позади. О чем, по вашему мнению, он так сладко разливается?

— Сдаюсь, но с виду он смахивает на священника.

— Неплохо: попали почти что в самую точку. Тартюф — не просто священник: он викарий, каноник, епископ, кардинал, чуть ли не сам папа, он пророк религии, символ веры которой сводится к одному: Тартюф не должен зарабатывать себе на хлеб трудом праведным. Держу пари на любых условиях: сейчас он вытрясает из этого простофили последние гроши на благотворительные нужды. Благотворительность — это псевдоним Тартюфа, но он так вжился в роль, что начисто забыл о начале своей карьеры: на первых порах он промышлял воровством. Попробуйте его в этом обвинить — и Господь Бог поразит вас громовой стрелой, однако Тартюф исхитрится отскочить в сторону и останется целым и невредимым.

24. Люди и лошади

Наша беседа с капитаном Лорелем вполне отвечала моему настрою: сам я тоже целиком настроился на саркастический лад. Чувство юмора у меня необыкновенно обострилось. Приятно было сознавать, что из всех пассажиров судна меня он счел единственным, кто мог претендовать на роль конфидента, которому он открыто поверял свои нелицеприятные мнения. Время от времени, стремясь подтвердить обоснованность его выбора, я уснащал свои реплики не менее едкими и глубокомысленными замечаниями.

Так, верша насмешливый суд над нашими незадачливыми попутчиками, мы продолжали лениво скользить вниз по каналу. Вид у берегов становился все неприглядней. Целые поселки были уничтожены пожарами. От прежней буйной растительности оставались только жалкие следы. Обугленные деревья угрюмо чернели под тусклым осенним небом. На отдельных уцелевших ветках кое-где трепетали жалкие пожухлые листья. Свисавшие с сучьев человеческие тела казались не менее высохшими, чем трухлявые стволы.

Безлюдье нас окружало полное, однако из-за беспорядочного нагромождения разрушенных огнем строений вдруг показалась марширующая колонна, которая приблизилась вскоре к кромке канала впереди нас. Капитан не выразил ни малейших признаков беспокойства, и я тоже, подражая ему, счел нужным сохранять равнодушный вид. Однако все же не удержался от вопроса:

— Это что, армейская команда по сносу зданий?

— Издалека мне в точности не разглядеть, к какому разряду дураков их следует отнести, — отозвался Лорель. — Однако не все в этой компании солдаты, заметьте.

Лорель был прав. Предводитель отряда держал перед собой распятие — очень смахивающее на то, каким ловко управлялся брат Жан. Его босые спутники тоже были облачены в грубые хламиды из дерюги. Вслед за ними двигался взвод солдат. Позади же, по двое в ряд, тащились скованные цепью обнаженные каторжники. Замыкал процессию еще один армейский взвод. Солдаты в шлемах и легких доспехах были вооружены ружьями и пиками.

Расстояние между ними и нашими мулами постепенно сокращалось. Нас, по-видимому, просто не замечали, однако, когда предводитель поравнялся с носом баржи, он властным жестом приказал нам остановиться, вонзил распятие в землю и, выбросив руку вперед, громко провозгласил:

— Именем Господа Бога нашего Иисуса Христа и Святой Инквизиции повелеваю вам — стойте!

— Наша посудина, — ответствовал Лорель, — передвигается только по воле мулов. Посмотрим, заблагорассудится ли им сделать передышку. Эй, — крикнул он погонщику, — скажите мулам «тпру!».

Пока мулы не слишком охотно исполнили приказание, мы с Лорелем, сидящие на корме, оказались лицом к лицу с обладателем распятия. Несмотря на его нищенское одеяние, в нем явно чувствовался человек, облеченный властью и никоим образом не расположенный к шуткам. Предвкушая немалую потеху, я развалился на скамье в надежде, что и мне удастся вставить при случае острое словцо.

— Благословение Божье всем, кто на борту этого судна! — заявил оборванец с распятием. — А кто тут главный?

— Благословение Божье препоручаю вам, — откликнулся Лорель. — Позвольте отрекомендоваться: С. Лорель, капитан и владелец корабля «Менипп» из Наррагонии. Хотите приобрести билет?

Я едва не поперхнулся от душившего меня смеха, однако главарь процессии и бровью не повел — очевидно, не разгадав в вопросе оскорбительной подоплеки.

— Нет, благодарю тебя, сын мой. Я только желал бы знать, не находится ли на борту вашего судна какой-либо злоумышленник.

Разбираемый любопытством, что ответит на это Лорель, я отвернулся в сторону, давясь от хохота.

— Да вот, есть у меня один заяц, — услышал я вдруг голос капитана, утративший прежнюю жесткость и звучавший теперь жалобно, едва ли не умоляюще. — Упорно отказывается платить за проезд, отец мой. О чем он думает — ума не приложу. Как мне сводить концы с концами, если все станут брать с него пример? Но таким молодцам до чужих забот и дела нет. — На мое плечо легла тяжелая рука, но я все еще не мог сообразить, что происходит. — Разве это не грабеж, отец мой, не грабеж среди бела дня? Настоящее воровство: все равно что забраться в дом к ближнему и присвоить его сбережения.

— Совершенно верно, сын мой, — согласился монах-командир и дал знак одному из солдат. Вид у него был довольный, как у торговца, только что получившего солидный заказ. — Сержант, возьмите несчастного грешника под свой надзор.

Мои попутчики с готовностью перебросили трап — и на борт поднялось несколько солдат. У меня в голове стоял сплошной туман. Не может такого быть! Чтобы Лорель задумал от меня избавиться — от меня, единственного здравомыслящего собеседника среди ватаги безмозглых тупиц? Нет, этого нельзя себе представить! Не желая признавать очевидный факт, я не оказал ни малейшей попытки сопротивления. Только когда меня грубо схватили ражие копьеносцы, я в полной мере осознал всю подлость свершившегося предательства.

Меня уже потащили волоком к трапу, но я в отчаянии воззвал к Лорелю:

— Я думал, что мы друзья!

Лорель все еще распускал нюни перед монахом, однако обернулся на мой вопль и, провожая меня крокодильим взглядом, с ухмылкой бросил:

— В том-то твоя беда и состоит, что думать толком ты не научился. Ты думал, например, о себе, что ты умный.

Его распирало веселье — и я готов был броситься на него с кулаками, однако один солдат удержал меня за шиворот, а другие пинками заставили спуститься по сходням на берег.

— Передайте мулам, что подул попутный ветер! — донесся до меня возглас Лореля.

Баржа медленно двинулась дальше, а меня подвели к начальнику с распятием. Взирал он на меня столь же безжалостно, что и Лорель, однако совершенно бесстрастно, без тени улыбки. Я с первой же минуты проникся к нему лютой ненавистью, которую не собирался скрывать.

— Сын мой, — обратился он ко мне после того, как мы вдоволь насмотрелись друг на друга, — веришь ли ты в Бога?

— Верю, отец мой, — ответил я, — но только тогда, когда не вижу вас.

При этих словах один из солдат огрел меня копьем по макушке так, что в глазах у меня потемнело — и я чуть не потерял сознание. С трудом дошли до моего сознания суровые слова монаха:

— Неверие и злостное упорство в грехе. Только Инквизиция способна противостоять столь тяжким провинностям. Сержант, займитесь нашим заблудшим собратом!

Занялись мной вплотную. Для начала сорвали одежду: я стал было отбиваться — и тут они озверели окончательно. Измолотили меня до бесчувствия, а едва я пришел в себя, жгучими ударами бичей принудили подняться с земли. Изнемогая от боли и унижения, я кое-как встал на ноги, обнаженный и окровавленный, и, шатаясь, подгоняемый плетьми, занял свое место в колонне арестантов. Они были скованы кандалами попарно. Колонну замыкал бедолага-одиночка, и меня тотчас соединили с ним наручниками.

— Вот и отлично! — осклабился сержант. — Шагом марш, недоноски! Запевай: «Хвала Всевышнему за все благодеянья...»

Мы пропели псалом три или четыре раза кряду, прежде чем свернули с бечёвника на проезжую дорогу.

Я еле волочил ноги, однако не удержался и взглянул на столб с указателем. Глаза мои застилал пот, и надпись я разобрал не сразу: «К Темной Башне».

— Чудесный денек, не правда ли?

Я не сразу сообразил, что слова эти произнес мой напарник — пожилой коротышка, на вид довольно упитанный. Он тоже испробовал на себе кнут, цепи изрядно натерли ему лодыжки и запястья, однако улыбался он на редкость добродушно и явно радовался сделанному им замечанию. Пение псалма продолжалось — и под шумок я обратился к нему со встречным вопросом:

— На каком факультете кретинов вас удостоили ученой степени?

— Вы правы, — одарил меня мой напарник еще одной лучезарной улыбкой. — Я и в самом деле не чужд учености, однако на упомянутом вами факультете бывать мне, к сожалению, не доводилось.

Я никак не мог раскумекать, кто кого водит за нос, хотя говорил он как будто бы вполне серьезно.

— А вы не сносились письменно со своими бывшими сокурсниками, имея в виду поставить их в известность о вашем нынешнем положении?

— О, что вы! — откликнулся коротышка. — Будучи философом, я просто не могу оказаться ни в каком ином положении, кроме самого наипревосходного. Назначение философии в том и состоит, чтобы внушить каждому чувство беспредельного восторга перед мудрым и совершенным до последней мелочи устройством этого лучшего из всех возможных миров.

Я окинул взглядом безжизненный ландшафт, плачевные остатки жилищ, вслушался в заунывный неслаженный хор арестантов, из-под палки возносивших благодарность небу за свои несчастья. Всмотрелся пристальней в жалкую фигуру моего спутника, спотыкающегося на каждом шагу. Ощутил тяжесть оков, впившихся в мою истерзанную плоть; боль от свежих рубцов, разъедаемых соленым потом, — и, до конца осознав всю глубину и безнадежность своего падения, разразился вдруг буйным, лающим хохотом.

— И это вы называете лучшим из миров! Да я сам могу сотворить из ошметков грязи, кишащих вшей и

песьей блевотины мир, которому этот и в сравнение не сгодится... Ах ты, сукин сын, черт бы тебя побрал!

Последнее восклицание относилось к стражнику, больно хлестнувшему меня плетью по голой спине.

— А ну, пой, мерзавец! — прорычал он мне с угрозой в голосе.

Делать было нечего: немного отдышавшись, я подхватил припев: «Хвала Всевышнему за все благодеянья...»

Продвигаясь к северо-западу, на следующий день мы достигли предгорий Титанов. Тащились мы, впрочем, черепашьим шагом: мешали цепи, да и вожатые наши нередко отвлекались на другие дела. Нет-нет да и прибавлялся к нашей печальной процессии еще один горемыка. Иногда устраивался привал: монахи читали молитвы, а солдаты насиловали женщин, в качестве компенсации вспарывая им затем животы. В подобных случаях происходила задержка: провинившиеся каялись в своих проступках, а служители церкви, мягко увещевая их за несдержанность, отпускали им упомянутые выше мелкие прегрешения.

Взбираться по склону многим оказалось не под силу. Двое или трое из нас упали в обморок, и мы оттащили их за ноги на обочину, но, когда число потерь перевалило за десяток, монахи решили сделать остановку. Я находился в колонне всего вторые сутки и потому держался лучше остальных, то есть еще не на самой грани беспамятства. По этой причине меня и заставили, вместе с некоторыми другими сотоварищами покрепче, помогать разбивать лагерь для ночевки.

Отомкнув цепь, меня разъединили с Панглосом — тем самым шутом, который довел меня вчера до бешенства. Он, казалось, прислонился к валуну в бесчувственном состоянии, однако открыл глаза и слабо улыбнулся.

— Восхитительно будет провести ночь, растянувшись под вековыми деревьями и вдыхая свежесть горной прохлады, — вы согласны со мной?

— Пошел ты к дьяволу! — вскипел я, готовый разорвать его в клочья.

Мы расположились в роще невдалеке от лощины, по которой протекал ручей. Меня отрядили туда водоносом в сопровождении охранника. Наручники очень

мешали мне управляться с ведрами: пустые я еще кое-как мог держать перед собой, но наполненные до краев водой не удавалось даже оторвать от земли.

— Выбирайте! — показал я охраннику на ведра. — Либо снимите с меня наручники, либо тащите воду сами.

Мой стражник призадумался:

— М-да, действительно, затрудненьице: но работать за тебя я не собираюсь.

Поколебавшись немного, он приказал:

— А ну, подойди и протяни руки!

Проржавевший от пота и крови моих предшественников замок не поддавался его усилиям, и стражник, сосредоточенно пыхтя, склонился над ним. Я воспользовался моментом и стиснул его шею в железном объятии.

С раздавленным кадыком он сумел только слабо пискнуть. Беспомощно вцепился в меня, но я прижал его к груди и хладнокровно проследил, как стекленеют его выпученные глазные яблоки. Ни ненависти, ни презрения к нему я не испытывал. К убийству меня вынудила необходимость. С таким же брезгливым равнодушием я мог бы прихлопнуть таракана на кухне. Мои собственные дела заботили меня больше.

Смерть охранника освобождала меня от опеки гнусных фанатиков. Избавиться от них было настоящим счастьем, однако особой радости я не чувствовал. Обшарив безжизненное тело, я нашел ключи и сбросил с себя опостылевшие оковы. Куда теперь — из огня да в полымя? Что меня ожидало — не худшие ли мучения?

Без собак выследить меня не могли — и, перейдя ручей вброд, я безбоязненно углубился в заросли. Наступление темноты было мне только на руку. К полуночи я уже перевалил через ближайший холм и спустился в долину.

Прежние страхи уступили место новым. Раздеть убитого я не осмелился — и мне по-прежнему нечем было прикрыть свою наготу. А холод между тем становился все более пронизывающим. К утру могли ударить первые осенние заморозки. Во тьме меня могли подстерегать и другие опасности; прихваченное мной

копье стражника вряд ли послужило бы надежной защитой от внезапного нападения.

Ночь я провел жалкой тварью, мечущейся в ожидании первых лучей солнца. Восход уже не прибавил мне бодрости. Не окоченел я только потому, что ни минуты не оставался на месте, и к утру валился с ног от голода и усталости. Ноги мои были ободраны до крови, тело иссечено колючими ветвями. Я чуть не увяз в болоте, а когда выбрался на поляну, обнаружил, что потерял копье.

Вскоре лес кончился. Я вышел на открытое пространство. Вершины Титанов смутно вырисовывались на горизонте. Передо мной расстилался луг, но внимание мое привлекло обнесенное загородкой поле, на котором я разглядел, как мне показалось, колосья спелой пшеницы. На самом деле это был овес; впрочем, подобные тонкости меня не занимали. За истекшие сутки я впервые наткнулся на что-то съедобное и, не долго думая, принялся срывать колосья и жадно набивать ими рот.

Блюдо оказалось далеко не самым изысканным, но о гастрономических прихотях пришлось забыть. Насытился я не сразу, однако, утолив голод, почувствовал приятное тепло — тем более, что взошедшее солнце обогрело землю. Глаза у меня слипались, и я уже намеревался улечься вздремнуть, не строя на будущее решительно никаких планов. Еще один пучок колосьев — и больше мне ничего не было нужно...

Усталость так притупила мои способности, что я не слышал шагов за спиной, пока меня не толкнули довольно сильно в плечо. Я едва устоял на ногах.

— Прочь, прочь! — раздался чей-то голос. — Убирайся отсюда, проклятый йеху!

Обернувшись, я увидел перед собой чалую лошадь. Лошадь была самая обыкновенная, и я ничуть ей не удивился, однако грубого обращения с собой терпеть не желал.

— Кто-кто? Йеху? Да я тебя за это!.. — возмущенно вскричал я. С другой стороны ко мне приблизились еще четыре коняги. — А ну, пшли вон! — цыкнул я на них.

Мои слова не возымели ни малейшего действия. Чалый конь ухватил меня передним копытом за запястье. Его приятели обступили меня кольцом.

— Обычная для йеху повадка, — проворчал пегий. — Перепортил все колосья. Это один из наших?

Только в этот момент меня осенило вдруг, что лошади пользуются человеческой речью. Поражало и многое другое, никак не соответствующее нормальному положению вещей. Лошади относятся к домашним животным: они приручены человеком и всецело ему подчиняются. Однако эти четвероногие явно не желали считаться с неоспоримыми фактами. Все трое вели себя скорее как полисмены, застукавшие мелкого воришку на месте преступления. Положение мое было обескураживающим, и я подавил в себе желание заорать на них во все горло. Они бы меня не послушали — и я невольно задался вопросом: с какой стати эти сильные, ловкие животные вообще должны повиноваться слабейшему по сравнению с ними созданию — человеку? Я затравленно озирался на них, пока они сосредоточенно меня разглядывали.

— Готов поклясться, что у него вырвались какие-то слова, когда я его окликнул, — задумчиво произнес серый в яблоках.

— Прочисти как следует уши, — посоветовал ему гнедой. — От этих поганцев кроме визга ничего не услышишь.

Стоящий справа от меня вороной конь заявил:

— Это наверняка один из беглых. Наш хозяин не очень-то дозволяет нам распускать копыта, а не то бы мы задали этим тварям такую трепку, чтобы век помнили. Бог свидетель, они сами нарываются на расправу. А этого, видать, за дело исполосовали, умеючи.

— Верно, однако вон как у него ноги все изодраны. Пробирался через лес, не иначе.

— Что будем с ним делать? — поинтересовался чалый.

— Будь моя воля, я бы себя не пожалел, но приобщил бы его к религии, — отозвался гнедой. — Но вы же знаете нашего босса... Он строго блюдет закон и наверняка прикажет возвратить беглеца целым и невредимым.

— Надо отвести его к дому, а там посмотрим.

Чалый развернул меня в сторону и, звучно хлопнув по заду, скомандовал:

— Н-но! Пошевеливайся!

Я дико воззрился на моих захватчиков. Действительность казалась слишком невероятной. Меня, разумное существо, шпыняют лошади... Но, увы, все обстояло именно так. Гнедой и вороной, оскалив зубы, встали у меня по сторонам. Делать было нечего — и я потрусил вперед.

Меня душило негодование: в жизни еще мне не приходилось терпеть подобного унижения. Утешало только одно: очень скоро эти клячи жестоко поплатятся за свою наглость. Навыков в обращении с животными приобрести мне было негде — в навозе я сроду не хлюпался, но погодите: дайте мне только добраться до вашего хозяина. Клянусь небом, он еще пожалеет, что не родился глухим! А не захочет слушать — я выволоку его на скотный двор и вычищу им вместо швабры все стойла. Ничего, что ноги у меня подкашиваются, зато он у меня попляшет!

По-видимому, полное изнеможение и бурлящий во мне гнев не позволили мне в достаточной мере осознать совершенно неслыханный и столь же неоспоримый факт: лошади владели человеческой речью! Во всем остальном они мало чем отличались от самых обыкновенных одров — пожирателей сена. Поэтому, оказавшись вместе с ними в просторном доме, сложенном из массивных бревен, я слегка растерялся. И уж совсем опешил, увидев на веранде раскинувшегося в вольготной позе белого коня. Я все еще надеялся, что в дверях покажется кто-нибудь из моих собратьев, однако чалый обратился к коню со словами:

— Босс, мы захватили этого йеху в поле. Хотели снять второй урожай, а он весь овес повытоптал.

— Он не из нашенских, — вмешался вороной. — Забрел, видать, издалека — где-то за лесом шатался.

Гнедой фыркнул:

— Джейку почудилось, будто он что-то сказал.

Эта фраза мигом вывела меня из оцепенения.

— Я что-то сказал? Ах ты, ветродуй чертов! Сказал и сейчас скажу — не тебе со мной тягаться! — Я метнул взгляд на белого коня и добавил: — Да и ты тоже — не мне чета!

Моя вспышка вызвала у коняг, доставивших меня сюда, изумленный ропот. Однако конь, которого они именовали Боссом, и глазом не моргнул, а только пристальнее в меня вгляделся.

— Занятно, очень занятно! — произнес он задумчиво. — Каким это образом йеху удалось обрести дар членораздельной речи?

Я окончательно потерял контроль над собой и неистово завопил:

— Заткни пасть! Я тебе не йеху! Я человек, человек — понял?

Конь встретил мой выпад с самым невозмутимым видом.

— Действительно, мы сами дали вам такое наименование, однако до сих пор само название оставалось нам неизвестным. Итак, йеху — это человек, а человек — это йеху. Разницы, само собой разумеется, решительно никакой. Если два различных термина обозначают одно и то же, следовательно, они равны между собой.

— Нет, не равны! — взвизгнул я. — Впрочем, какое нам дело до мнения безмозглых тварей, которые ни в чем ни уха ни рыла не смыслят? Лошадьми правят люди, а не наоборот! И учат их уму-разуму кнутом, а если нужно...

Гнедой оглушительно заржал — и даже сам Босс явно развеселился.

— Да неужели? И ты явился сюда, чтобы нам это сообщить?

— Я не желаю иметь с вами ничего общего! — разбушевался я. — Но если бы только захотел — я бы вас приструнил. Так было и так будет. От века людям дано право помыкать лошадьми как вздумается, а вы, жалкие клячи...

— Молчать! — рявкнул вороной.

— Нет-нет, пусть выговорится, — остановил его белый конь. — Я нередко задавался вопросом, что таится в темных глубинах неразвитого сознания йеху — прошу прощения — человека. — Он оглядел меня с головы до пят, не скрывая благодушной заинтересованности. — А с какой это стати людям даровано подобное право? Вы полагаете, что люди своим благородным и

возвышенным поведением заслужили честь быть опекунами и наставниками других?

Пока я пытался подобрать достойный ответ, гнев во мне угас, и меня охватило чувство жуткой беспомощности. Что мог я ему возразить? Чем человечество могло похвастаться, что поставить себе в заслугу? А я, выступая его адвокатом, какие веские доводы мог привести? Указать на торжество изощренной софистики, швырнувшей меня в пучину бед и позора? Вспомнить о свойственной многим заносчивой самоуверенности, наградившей меня рубцами и синяками?

Кони выжидающе смотрели на меня: белый сочувственно-снисходительно, трое других — с откровенным презрением. Не находя слов, я молча отер пот рукой. На душе было пусто и муторно. Ноги отказывались меня держать, и я пошатнулся.

— Так и есть! — язвительно проржал гнедой. — Забыли, что ли: мозгами ворочать вонючему йеху не под силу.

— Вне сомнения, жилось ему несладко, — заключил белый хозяин. — Наказан он, возможно, и по заслугам, однако надсмотрщики явно перестарались. Советую вам его связать, чтобы он не царапался и не кусался, пока вы будете смазывать его раны. А потом поместите его в отдельное стойло. Дайте ему сегодня молока и отрубей. А я тем временем постараюсь навести справки относительно его владельца.

— Пошли! — понукнул меня гнедой. — Не все языком чесать. Больно уж востер, как я погляжу. Вздумаешь еще взбрыкнуть или закусить удила, так я тебя погоняю и в хвост и в гриву.

Путь к конюшне вел через проезжую дорогу. Едва я ступил на нее, как чалый оттащил меня назад.

— Осторожней! Ты что, не слышишь повозки?

Повозка меня не интересовала. Однако остановились мы у придорожного столба. Я поднял глаза, перед которыми у меня плясали круги, и не без труда разобрал надпись на указателе:

«К Темной Башне».

Не успел я сообразить что к чему, как повозка приблизилась к нам вплотную. Я оторопело уставился на лошадь, которая держала поводья, рьяно нахлестывая запряженную шестерню. Тянули повозку заросшие

шерстью, косматые, звероподобные четвероногие — и в них я узнал людей! Это были взрослые мужчины... да нет, и две женщины тоже, судя по их болтающимся отвислым грудям.

— Щегольской выезд, ничего не скажешь, — прокомментировал вороной.

Что-то во мне должно было уступить место переполнявшему меня ужасу. Я думал, что вот-вот расстанусь либо с разумом, либо с самой жизнью. Однако на помощь пришел желудок. Я мучительно простонал — и меня вырвало.

— Свяжешься с йеху, так и копыта недолго откинуть, — проворчал чалый. — Держись, негодник, а то придется тебя силком волочить.

Почти двое суток я метался в лихорадочном беспамятстве. Наверное, только это спасло меня от безумия. Больного, меня не стали кормить падалью, которая составляла обычный рацион человекообразных существ, находившихся в услужении у лошадей. Моя болезнь также спасла меня от совместного проживания с так называемыми йеху, хотя их шумную возню и пронзительные визги я слышал через перегородку постоянно.

Однако было нечто более страшное, нежели грозящая мне деградация. Мозг мой, даже в бреду, неотступно сверлило воспоминание о моей тщетной попытке оправдать человечество. Встреча с Лорелем вселила в меня уверенность в том, что я вновь надежно оградил себя броней скепсиса, и я всячески бравировал щитом цинизма, неуязвимость которого оказалась мнимой. В первой же стычке мои доспехи рассыпались в прах. Я страстно желал смело провозгласить неколебимость моральных устоев и непогрешимую мудрость, неотъемлемо присущие человеческому роду. И что же? Потерялся, сник перед глумливыми недругами, сраженный собственной немотой.

Неволя, впрочем, какой бы тягостной она ни была, вернула меня к жизни. Вынужденный отдых пошел мне на пользу. Мазь, наложенная чалым на мои раны, предотвратила инфекцию и вскорости исцелила их совершенно. Разболтанные в молоке отруби хотя и не принадлежали к числу моих любимых блюд, оказались достаточно питательными и быстро восстанавливали мои силы. Жар прекратился, но я лишний день симу-

лировал нездоровье, чтобы как следует окрепнуть. А ночью, под утро, положил непременно удариться в бега.

Дверь моего стойла также запиралась на один наружный крючок. Для так называемых йеху это простейшее препятствие являлось непреодолимым. Мне, как разумному существу, справиться с ним было раз плюнуть, о чем клячи, естественно, не подозревали. От рамы крошечного оконца я отломил нужной длины щепку, просунул ее в щель и одним махом скинул крючок.

Йеху, к счастью, не ведут ночной образ жизни; отовсюду слышался густой мерный храп. Ворота конюшни были заперты, но мне еще помнились мальчишеские ухватки, когда сараи служили моим излюбленным прибежищем. Я проворно взобрался на сеновал и сразу отыскал заложенное щитом отверстие. Высунувшись наружу, осторожно огляделся по сторонам. Все спокойно. Выбравшись ногами вперед, я повис на руках, потом мягко спрыгнул на изрядно унавоженный двор.

Дорогу я знал как нельзя лучше. В Романии для меня был открыт только один путь. Да и во всем мире тоже, если уж на то пошло. Надпись «К Темной Башне» сопровождалась стрелкой, указывающей налево. В предрассветной мгле, при свете меркнущих звезд заблудиться было невозможно. Выйдя на большак, я припустил изо всей мочи.

Не давая себе роздыху, я несся вперед как очумелый, хотя погони за мной никакой не предвиделось. И вовсе не потому, что мне не терпелось добраться до этой невообразимой башни. Инстинкт побуждал меня держаться от нее подальше. Но в то же время эта башня представлялась мне желанным приютом, могущим меня спасти от куда более чудовищных несчастий. В захлестнувшем меня хаосе только там виделась мне твердая точка опоры, причем единственная, другой я попросту не способен был вообразить.

25. Сомнительный провожатый

Не прошло и часа, как дорога круто взяла вверх. Теперь, когда долина осталась позади, ветер пронизывал меня до костей. Я поплотнее закутался в вонючее одеяло, которым чалый укрывал меня на ночь. К рассвету я уже одолел первый перевал и оказался на изрезанной оврагами плоской возвышенности, заросшей чахлой травой и колючим кустарником.

Я подумал, что цивилизованные лошади, которые держали меня в плену, вряд ли поселились бы здесь из-за явной нехватки корма. Однако, завидев на горизонте дымок, приблизился к нему не без опаски.

Вскоре я увидел перед собой широкую лощину, по которой протекал довольно полноводный ручей. Истинное сокровище среди пустынной, засушливой местности: воды в нем хватило бы и для самого большого стада. Впрочем, коровы на бережке уже давным-давно забыли о жажде. Как рассевшиеся вокруг грифы — о голоде...

От процветавшего некогда здешнего ранчо тоже остался один скелет. Крыши не сохранилось почти ни одной. Глинобитный жилой дом дышал на ладан. Стены его обвалились — и только из неприглядной на вид боковой пристройки курился дымок. Не будь мой желудок так пуст — я бы довольствовался глотком воды из ручья. Однако ноги у меня подкашивались, и я свернул на заросшую сорняками тропинку, которая вела к покосившемуся крыльцу.

На мой стук отозвались не сразу. Переступив порог, я очутился в просторной, скудно обставленной комнате. У очага возился сгорбленный бородатый старик в набедренной повязке. За отсутствием камина дым уходил прямо через отверстие в потолке. Сумрачный свет просачивался внутрь только через окна, смотревшие во внутренний дворик.

Хозяин с явным усилием повернул голову в мою сторону. Как только глаза мои немного свыклись с темнотой жилища, я едва удержался от изумленного возгласа. Лицо старика сплошь покрывали кровавые чирьи. И не только лицо — но, насколько я мог разглядеть, и все тело...

— Доброе утро, — сказал я, так и не дождавшись приветствия.

— Для кого доброе, для кого нет, — угрюмо пробурчал хозяин.

Имело ли смысл втолковывать ему, что я к этим счастливчикам не отношусь?

— Я иду со стороны долины, — начал я. — Всю ночь без привала, и хоть бы одна живая душа навстречу. Вы не подскажете, где тут можно перекусить?

Раздумывая над моим вопросом, старик медленно, словно сомнамбула, раскачивался взад-вперед, потом горестно заговорил:

— Да, мы все еще не чураемся здесь пищи, хотя чего ради — вряд ли кто объяснит. Мне вот-вот принесут поесть, и тогда вам представится случай продлить свое существование, коли вы сочтете это нужным.

— Отлично, — я потер руки, хотя тон хозяина делал неуместным наличие аппетита.

Увидев в углу табуретку, я придвинул ее поближе к огню.

— Утречко-то выдалось прохладное.

Хозяин, выдержав по своему обычаю паузу, в ответ заметил:

— А пальто у вас не ахти какое.

— Что поделаешь: лучшего не нашлось.

Разговор, казалось, готов был на этом прерваться, однако минуту-другую спустя хозяин указал на плащ с капюшоном, свисавший с гвоздя в стене.

— Вот накидка одного из моих сыновей: хотите — забирайте себе.

— Спасибо большущее! Охотно возьму.

Предложение, естественно, меня обрадовало, но из вежливости я добавил:

— Надеюсь, ваш сын не будет против?

— Вряд ли он что-нибудь возразит, — продолжал старик тем же бесцветным, монотонным голосом. — Он уже умер — да и все другие мои сыновья тоже умерли.

Мне не оставалось иного способа замять неловкость, как только снять с гвоздя и примерить подарок. Это была длинная, мне чуть не до пят, хламида из верблюжьей шерсти, легкая и теплая.

— Красотища! — воскликнул я с наигранной беспечностью, которой тут же устыдился. — Кстати, я еще не представился: Шендон.

Слова мои повисли в воздухе. Старику понадобилась целая вечность, чтобы повернуться ко мне лицом. Наконец он распрямился и впился в меня огненным взглядом. Гнев старика застал меня врасплох, однако инстинктивно я чувствовал, что вовсе не я тому причина.

— Иов, — отрекомендовался он.

Чирьи вылетели у меня из головы — и я протянул было руку, но он смотрел куда-то мимо меня. По-видимому, он не слишком нуждался в моем обществе, но не мог же я уйти, не дождавшись обещанного завтрака.

— Очень рад, — проговорил я. — Еще раз большое вам спасибо, мистер Иов.

— Просто Иов. Без мистера. Имя — это единственное, что у меня еще есть. Все остальное отобрано.

Мою благодарность он, казалось, пропустил мимо ушей, но тут же выяснилось, что я ошибался.

— Перед уходом я дам вам еще сандалии, они вам пригодятся, — торжественно заявил он, подбрасывая в огонь полено.

Кочергой ему служил обломок обгоревшей наполовину доски. Приглядевшись, я различил на ней какие-то буквы. Разобрать их вверх ногами было не так-то просто, однако я умудрился прочесть уцелевший от огня один-единственный слог «Тём...».

Меня подбросило как от удара током.

— А что там дальше было написано? Случайно, не «Тёмная Башня»?

— Да-да, именно так.

— Где же этот указатель находился? — не отставал я.

— Когда я приобрел это поместье, он был прибит к старому тополю, который стоял вон там. — Старик ткнул в сторону дороги раздувшимся от волдырей пальцем. — Потом началась вся эта кутерьма, коровы все до единой передохли от чумы, и кочерга из дома тоже куда-то пропала. Пришлось заменить ее вот этой самой доской. Она хороша тем, что древесина в ней уж больно прочная — не сравнить со здешними тощими палками.

— Но куда именно эта надпись указывала? — упорствовал я.

Иов, пытаясь припомнить нужное направление, принялся озираться по сторонам.

— Вон туда, за дом: там начинается тропка, которая ведет в горы.

В эту минуту на пороге появилась убитая горем женщина с котелком похлебки в руках. По распоряжению Иова она принесла для меня тарелку, а чуть позже — и пару сандалий.

— А вы сами когда-нибудь туда заглядывали? — поинтересовался я, когда мы вновь остались вдвоем.

— Дальше границы моих владений не бывал — это в полумиле от края леса. — Иов облизал ложку и с горечью покачал головой. — Я обычно объезжал свои пастбища верхом, когда еще мог держаться в седле.

У меня у самого от забот голова шла кругом, тем не менее я почитал себя обязанным отплатить Иову за гостеприимство сочувствием к его невзгодам.

— Да, что и говорить, трудненько вам пришлось, — участливо сказал я. — Хлебнули лиха вдоволь, верно, старина?

Глаза его вновь сверкнули плохо скрываемым негодованием.

— Я несу на себе худшее бремя, какое суждено всем нам, — бремя существования.

У меня было точно такое же чувство, но что толку? Чаще всего нас подстрекает дурацкое стремление побудить собеседника легкомысленно относиться к своим тяготам, но зато собственные неприятности мы охотно изображаем как настоящие бедствия.

— Выходит, по-вашему, жить на свете — тошнее всего?

Мой вопрос окончательно вывел его из равновесия. Не спуская с меня неистово пылающих глаз, он с пеной у рта принялся декламировать яростной скороговоркой:

Мы родимся на свет, чтоб страдать до кончины,
А зачем жили мы — не узнаем причины.
Не узнаем вовек, кто себе на забаву
Сотворил нас и кто учиняет расправу.
Нас позвали за стол — так накрытый, что чудо,
Но повар, свихнувшись, перепортил все блюда.
Мы с расчетом свои замышляем поступки,
Но итоги ничтожней трухлявой скорлупки.
Наше тело и ум совершенны на диво,
Но они меж собою грызутся сварливо
И за первенство спорят весь век неустанно,
Досаждая друг другу в войне постоянной.
Оба пола в соитье не ведают счастья:
Плоть враждует с душой, раздирая на части
Наслаждения наши, — ведь радостям тела
До сердечных забот ни малейшего дела
Нет в союзе погибельном. Страстью томимы,
Себе же на горе потомство плодим мы.
Наши дети отцов ненавидят сыздетства,
Ибо наше ничтожество — вот их наследство.
Для несчастных сынов мы — козлы отпущенья:
Мы привязаны к ним, но не знать нам прощенья.
Как и нам, суждена им одна безнадега —
И мозгов в голове у них тоже немного.
Жизнь отнимет у них все, что юность сулила,
А в конце, как и нас, поджидает могила.
Но упорно — хоть тресни — бубним и талдычим,
И жестокую силу трусливо величим,
Продолжая обман из колена в колено
Жалкой басней: все сущее, мол, непременно
Вышней волей продумано в каждой детали.
Возносите хвалы — и забудьте печали!
Вот бессмысленный треп туполобой оравы —
Глас народа бредовый, нелепый, гугнявый.
Прочь бегите вы, прочь, дурни с писаной торбой,
От того, кто вкусил умудренности скорбной!

Вспышка длилась недолго. Иов замолчал, сник и вновь принялся за еду с таким видом, словно в доме лежал покойник.

Возразить мне было нечего. Кое-что из того, что он сказал, вполне отвечало сумятице у меня в голове — мыслям и чувствам, угнетавшим меня с тех пор, как я покинул Замок Ниграмус. Иов прояснил мне многое: его страстная обвинительная тирада открыла мне глаза на мое собственное положение. Я и так с горечью сознавал, что похож на перекати-поле, в изобилии попадавшиеся мне на каждом шагу близ дома Иова, — ни свежих побегов, ни прочных корней у меня нет. Со времен юности я не встретил еще ни единого человека, который дорожил бы моим обществом. Теперь действительность предстала мне в еще более ужасном свете. Дело было не только во мне самом — и не в том, что судьбе угодно было обделить меня счастьем. Мне вдруг сделалось понятно, что на достижение в нашем бренном мире хоть чего-либо мало-мальски стоящего незачем и надеяться.

Поначалу я собирался попросить у Иова разрешения немного передохнуть под его кровом, однако сон с меня как рукой сняло. Меня подгонял вперед неодолимый зуд, подобный тому, какой побуждает иного растравлять свои едва зажившие раны. Мне предстояло убедиться в истинных размерах зла, и я роковым образом был уверен, где именно смогу бросить лот в грозную пучину.

Хозяин дома, казалось, перестал меня замечать, однако едва я пошевелился, он поднял голову.

— Вы все еще намерены туда отправиться? — глухо спросил он, показывая на обгоревшую доску. — Добра не ждите. Вам оттуда не выбраться.

— Знаю, — ответил я твердо, стараясь сохранить спокойствие. — Иду навстречу тому, что меня ждет. Не хочу дожидаться, пока оно само нагрянет.

Я пересек расположенное на косогоре пастбище, миновал густой ельник и не без труда взобрался по каменистым уступам на крутой перевал, всходивший едва ли не под самые облака. Там я сбился с пути, но, одолев горный хребет, напал на новую тропку, по которой через жидкий кустарник и заросли болиголова выбрался на дорогу.

Местность выглядела безотрадно. Над головой нависали тяжелые тучи, через свинцовую толщу которых, казалось, сроду не пробивался луч солнца. Однако

суровый этот край некогда был, по всем признакам, обитаем. Кое-где, среди куч можжевельника и обнажившихся горных пород, поросших грязно-серым лишайником, желтела нескошенная луговая трава. Растерявшие листву деревья были в незапамятные времена явно посажены рукой хозяина, заботившегося о густой тени у входа в дом. Теперь вместо домов чернели одни только ямы, над которыми свисали скрюченные от дряхлости ветви. Изредка попадались полуразрушенные заборы из грубо обтесанного камня. Что они ограждали теперь, кроме пустоты и заброшенности?

Шел я долго, силы мои были на исходе. Близился уже закат, однако окрестности становились все менее и менее привлекательными. Одолев еще один мощный кряж на подступах к Титанам, я увидел, что дальше дорога разветвляется. Сказать, что я обольщался иллюзиями, было бы пустой тратой слов, но все же, надо сознаться, думал найти на перепутье хоть какой-нибудь ориентир. Надежда меня обманула — и я застыл у развилки столбом, тупо глядя в пространство перед собой.

Не знаю, долго ли я так простоял, но через какое-то время почувствовал, что я не один. За спиной послышалось странное постукиванье, сопровождаемое ширканьем о дорогу. Собравшись с духом, я обернулся и увидел незнакомца, который как нельзя лучше вписывался в пейзаж. Настороживший меня стук производил проворно переставляемый им костыль: делая шаг вперед, незнакомец всякий раз волочил свою опору за собой по дорожной пыли.

Зная по прежнему опыту, что все оборванные калеки — обычно попрошайки, я по привычке обратился к нему довольно резко, как если бы он пристал ко мне на станции окружной железной дороги:

— Ну, чего надо?

Бродяга, ничуть не смутившись, усмехнулся с откровенной наглостью.

— А может, лучше тебя самого об этом спросить? — скрипучим голосом осведомился он. — Вид у тебя такой, будто ты заблудился.

Трудно передать, насколько он меня разозлил, однако другой помощи ждать было неоткуда, и я постарался сдержать раздражение.

— Что-то не вижу здесь дорожного указателя.

Бродяга сплюнул и, тряхнув костылем, поинтересовался:

— А куда топать изволили?

Желание поскорее от него отделаться боролось во мне со стремлением разузнать поточнее, где мы находимся.

— Сразу и не скажешь.

Я решил уклониться от прямого ответа.

Бродяга подтащился ближе и вплотную придвинул ко мне свою грязную физиономию.

— Но куда тебе охота попасть, сказать-то можешь, верно?

Открывать свои карты мне, признаться, не очень улыбалось, и я промямлил:

— Да так, в разные места планировал заглянуть... — Но потом вдруг решился и выпалил: — Сгодится, к примеру, и Темная Башня.

Бродяга иронически фыркнул.

— Мозгляк мозгляком, а тоже повыше норовит метнуть... Ты хоть соображаешь, что там тебя ждет?

Я стиснул кулаки, но усилием воли подавил гнев, вспомнив об его увечье.

— Не твое собачье дело! Если знаешь, как туда добраться, — выкладывай!

— Еще бы не знать! Кому как не мне...

Нимало не сконфуженный моим бешенством, он продолжал ухмыляться, явно забавляясь безвыходностью моего положения.

— Темная Башня? Не та ли, что на берегу карового озера Эшеров?

Сначала я решил было, что он задумал втереть мне очки, но при этих словах сомнения мои развеялись, и досада в душе улеглась.

— Та самая.

Минуту-другую он усердно скреб концом костыля по щебню, явно задавшись целью подольше меня помучить. Потом с дьявольски лукавым видом прищурив глаз, повернул голову в сторону, словно обращался к кому-то третьему:

— Я его спрашивал-спрашивал, чего ему там надо, а он уперся — и ни в какую. Ни слова из него не вытянешь.

— Ну хорошо. — Уверившись, что предо мной человек сведущий, я счел бессмысленным увиливать от прямого ответа.

— Что меня ждет в башне, понятия не имею. Догадываюсь, но смутно. Там еще есть какая-то Пещера Гнипахеллир — не слыхивал о такой?

Бродяга пристально всматривался в кончик своего костыля, которым больше уже не размахивал. Потом вдруг вскинул на меня засверкавший нехорошим блеском взгляд.

— Ты что, в самом деле собираешься проникнуть внутрь?

Головоломность предстоящей мне задачи поглощала меня целиком, и сил для того, чтобы возмущаться, уже не было.

— Как получится. Может быть, только сделаю там привал. Вообще-то, конечный пункт моего маршрута — Иппокрена.

— В таком случае пещеры тебе не миновать, — проговорил он с неожиданной жесткостью. — Но одному тебе туда не попасть... живым, по крайней мере.

Безапелляционный тон бродяги заставлял прислушиваться к его словам. Я только беспомощно развел руками.

— Так или иначе, выбора у меня нет. Надо — значит надо.

— Вот это другой разговор, — вскричал он. — Надо — значит будет. Гляди!

С этим восклицанием бродяга отшвырнул костыль и выпрямился во весь рост. Теперь он оказался выше и гораздо стройнее меня, грязь с замурзанного лица исчезла бесследно, и взгляд приобрел твердое, решительное выражение. Одним рывком он сдернул с себя изодранную накидку и очутился в кожаном жакете с пряжкой на поясе и туго облегающем черном трико.

— Фаустофель, — представился он, наслаждаясь моим изумлением. — Готов указать дорогу и сопроводить дальше. За определенную плату.

— Разумеется, не бесплатно, — поддакнул я, растерянно озираясь вокруг себя. Преобразившийся встречный в новом обличии нравился мне еще меньше, но без провожатого, я чувствовал, было не обойтись.

Уже сгущались сумерки, а ночью, я знал, при такой облачности опустится темнота — хоть глаз выколи.

Я обернулся к Фаустофелю, не сводившему с меня цепкого взгляда.

— Твои условия? Денег у меня кот наплакал.

— Деньги мне ни к чему. Заруби это на носу с самого начала. И помни: на всякие штучки-дрючки я с тобой времени терять не собираюсь. Дело прежде всего. А запрос у меня нешуточный. Боюсь, дрогнешь.

Мне в тот момент было не до страха, но профессиональный навык требовал держать ухо востро. Не хватало только, чтобы тебя околпачили... Я испытующе прищурился:

— Давай выкладывай, посмотрим.

— Ладно. Дай мне слово — а если дашь, уж я позабочусь о том, чтобы ты его сдержал, — дай мне слово, что последуешь за мной всюду, куда бы я тебя ни повел, — хоть в самое пекло.

Он дружески похлопал меня по плечу, и по всему моему телу прошла судорога.

— Уговор наш останется между нами.

Предложение необходимо было обмозговать.

— А это по пути к месту моего назначения — или как? — припер я собеседника к стенке.

— По пути моего следования, — уточнил он. — Короче, если я уклонюсь в сторону, наш контракт немедленно аннулируется.

Склоняясь к соглашению, я все еще не мог вполне избавиться от сомнений и боязни. Пересилило ясное понимание того, что, отвергнув его помощь, я рискую остаться вообще на бобах.

— Так и быть, по рукам! — решился я и попытался разрядить напряжение шуткой: — Может, нужно расписаться?

— Кровью! — прогремел он. — А ну, давай сюда!

Прежде чем я успел что-либо сообразить и отдернуть левую руку, Фаустофель выхватил из-за пояса кинжал и полоснул по моему запястью. Окунув палец в брызнувшую кровь, он что-то написал им по воздуху.

— А теперь пошли! — бросил он мне, сворачивая налево. Я заторопился вслед, стараясь не отставать ни на шаг.

Если местность и раньше не внушала особого веселья, то теперь нас окружало беспросветное отчаяние. Убитые горем деревья застыли в безвыходной муке, воздев к небу узловатые ветви; отверстия от выпавших сучьев казались пустыми, выплаканными глазницами. Картина, представшая впереди, на верхушке холма, удручала еще более. Сколько я ни убеждал себя, что это всего-навсего скрещенные стволы двух согнутых берез, взгляд упорно видел перед собой страдальчески распростертое тело, обнаженное для наказания кнутом.

Как раз у этих берез тропа резко уводила вбок. Не озаботившись предупредить меня об этом, Фаустофель нырнул в чащу.

— Полегче, Серебряный Вихор! Смотри не наступи на скелет.

Я не стал у него выпытывать, откуда он узнал о прозвище, которое мне дал Голиас. Однако последовать его совету было затруднительно. Вся эта страна, в которой я оказался, виделась мне полуразложившимся трупом — костяком с уцелевшими на нем клочьями кожи и пучком волос на оголившемся черепе.

Стояла редкая для осенних вечеров духота. Я обливался потом, однако (думаю, без Фаустофеля тут не обошлось) не испытывал ни голода, ни усталости. Он шагал широкими шагами, и я едва поспевал за ним. Споткнулся только однажды, замешкавшись у отвратительного на вид ручья, который мне очень не хотелось переходить вброд. Мой спутник меня подбодрил: я ступил в вязкую жижу — и с омерзением ощутил под ногами встревоженное шевеление кишащих в ней неведомых тварей.

— Ручей впадает в озеро Эшеров, — пояснил Фаустофель. — Еще немного, и мы у цели.

Вскоре мы в самом деле приблизились к озеру вплотную, но даже у самой кромки я ровным счетом ничего не видел.

Поверхность зловонного пруда совершенно не отражала света, и береговая линия угадывалась только по отсутствию деревьев. Мы остановились под раскидистым вязом, сплошь увитым лианами: в полутьме он нависал над нами диковинным грозным чудищем.

— Вон твоя башня, — отрывисто бросил Фаустофель. Выяснилось, что я давно уже смотрю на нее, но не вижу в упор.

Я ожидал увидеть нечто вроде монумента Вашингтону. Передо мной же смутно вырисовывалось приземистое сооружение с продавленной крышей, едва возвышавшееся над тесно обступившими его деревьями. Для чего предназначалась эта неказистая постройка — оставалось только гадать. Одно можно было сказать наверняка: находиться внутри нее могли только те, кто навсегда распрощался с радостями жизни.

На душе у меня было препаршиво, но, не желая ударить лицом в грязь перед Фаустофелем, я беспечно полюбопытствовал:

— Есть хоть одна живая душа в этой будке?

— Это нам еще предстоит выяснить, — послышалось в ответ.

Издалека донеслись раскаты неурочного в это время года грома. Пока мы огибали озеро, гроза разразилась над нашими головами. Все вокруг окончательно заволокло мраком.

— Мы не заплутаем? — прокричал я моему спутнику в самое ухо. — Не лучше ли переждать, пока прекратится ливень?

Фаустофель презрительно повел плечом:

— Какое заплутаем! Я здесь свой. — Его двусмысленный тон вполне соответствовал загадочности фразы. — Держи меня за полу, если не разбираешь дороги.

Как он сам исхитрялся не оступиться — ума не приложу. Не видно было ни зги. Непроницаемую тьму прорезали зубчатые молнии: их ослепительные вспышки выхватывали из мрака недвижное озеро и так называемую башню, к которой мы приближались медленно, но верно.

Башня, как выяснилось, стояла на острóвке у противоположного берега озера. Между островком и сушей был перекинут небольшой мост. Это меня несколько обнадежило, так как плюхнуться в тошнотворную пучину я не согласился бы ни за какие блага в мире. Даже ради того, чтобы найти укрытие от проливного дождя. Призна́юсь, стремление к заветной башне отступило на второй план перед желанием поскорее спрятаться под крышей. Страха перед грозой я никогда

раньше не испытывал, но на сей раз молнии ударяли прицельно, с невиданной меткостью. На моих глазах вековой дуб разлетелся в щепы; то и дело в лесу раздавался сокрушительный треск и грохот падающих стволов.

Мост был уже шагах в десяти от нас. Сверкнувшая молния парализовала нас на месте. Но вслед за рыбой-лоцманом не замедлила явиться и настоящая акула. Слепящий зигзаг распорол небо надвое и жахнул точно в самую макушку башни. От ужасающего грохота мои барабанные перепонки едва не лопнули, однако я с тревогой различил, как из темноты донесся отчаянный вопль. Едва ко мне вернулась способность воспринимать окружающую действительность, я сразу же впился глазами в черноту. На помощь мне пришла третья вспышка. Я отчетливо увидел, что башня рухнула. А через мост, спасаясь от града камней, бежит сломя голову охваченный паникой человек, с лицом, искаженным от безумного страха.

Второй раз мне уже не пришлось его увидеть. Нас он, по-видимому, не заметил. Окликать его было бесполезно: оглушительный раскат грома заставил землю под нашими ногами содрогнуться. При свете новой вспышки я напрасно искал его глазами: он бесследно исчез.

Я никак не мог решить, что лучше: претерпевать бедствие в одиночестве, как этот несчастный, или же делить компанию с моим проводником. Фаустофель либо без труда следил в кромешной тьме за выражением моего лица, либо свободно читал мои мысли. Небо сотряслось от очередного удара. Едва рокот затих, послышался саркастический голос Фаустофеля:

— Тебя как будто занимал вопрос, обитает ли кто в этой башне? Так вот, теперь я склоняюсь к тому мнению, что, скорее всего, нет, не обитает.

— Что же нам теперь делать? — потрясенно спросил я, пропустив его иронию мимо ушей.

— Перебраться через мост.

Прежние обстоятельства, побуждавшие меня стремиться к названной цели, утратили теперь значение. Но это мало меня трогало: мыслить логически я был не в силах. Исковерканное ужасом лицо бегущего человека — вот что стояло у меня перед глазами. Угроза

гибели под обломками не могла быть единственной причиной обуревавшей его паники. Бывают разрушения пострашней падающей башни: судя по всему, беглецу пришлось столкнуться с более жутким зрелищем — обнаружить признаки неминуемой гибели в ком-то из близких или в себе самом... Мысль о том, чтобы приблизиться к месту адского испытания, заставила меня отшатнуться.

— Перебраться через мост? Лучше не надо.

— Думаешь, я позволю тебе увильнуть?

Молния высветила лицо Фаустофеля, залитое дождем. Оно выражало не раздражение, а скорее озабоченность.

— Предположим, я освобожу тебя от данной клятвы. Но разве ты отыщешь дорогу назад один, без меня? Не без оснований скажу, что нет.

Раздавленный сознанием полной неотвратимости, я не мог ничего ему возразить.

— Хорошо, идем вперед. Указывай путь. Не найдется ли поблизости хоть какого-нибудь закутка — защититься от непогоды?

— Единственное, от чего ты будешь защищен — так это от непогоды, — сообщил мне Фаустофель не без ехидства. — Это уж точно.

Мы вступили на мост и успели пройти несколько шагов, прежде чем вновь сверкнула молния. Впереди виднелась груда обломков: это все, что еще оставалось от башни. Кирпичи валялись всюду, однако похоже было на то, что башня обрушилась в какую-то громадную яму.

— Стоило мне протянуть руку — и это отняли, — пробормотал я.

Фаустофель промолчал. Мы продолжали идти, но через минуту он остановил меня словами:

— Взгляни-ка вон туда! Чуточку левее. И посмотри внимательней, что у тебя под ногами.

Очередная вспышка озарила развороченный подвал башни. Каменная стена обвалилась, обнажив скальное основание, в котором зиял пролом высотой в человеческий рост. Над ним были высечены две надписи: прочитать их я не успел, однако начал постепенно догадываться.

— Что там такое написано?

— На самом верху, — пустился в объяснения Фаустофель, — читаем: «Пещера Гнипахеллир. Осторожно — злая собака!» Пониже, над самым входом: «Оставь надежду, всяк сюда входящий».

Колени у меня подогнулись, но я постарался возразить как можно более твердо:

— Мне оставлять нечего. Надежд у меня давным-давно нет.

То, что неопровержимо имеет место в действительности, отрицать трудно: ко всякому убеждению следует подходить с деликатностью. Фаустофель же в ответ разразился безжалостно-язвительным смехом:

— Лжец! — вскричал он. — Отъявленный лжец! Все смертные и все нечистые питают надежды, хотя бы только одну-единственную: перестать быть. Существование надежды красноречивей всего иллюстрирует изощренную жестокость небес, а жестокость — самое главное их отличительное свойство. Представь себе злонамеренную силу, которая при жизни подвергает нас утонченнейшим пыткам и в то же время потчует дурманным зельем, заставляющим верить, что полоса бедствий должна когда-нибудь кончиться. Бодрствуя, никто из наделенных разумом не в состоянии избавиться от этого безумства. Взять хотя бы тебя самого. Тебе прекрасно известно, что в жизни твоей нет ничего стоящего, однако в эту минуту ты больше всего надеешься на то, что тебе не придется лезть в эту дыру.

Вход в пещеру я мог видеть теперь и с закрытыми глазами. Мысль о нем буравила мне голову насквозь.

— По-твоему, придется? — Я промок до нитки, но во рту у меня было сухо. — Обхода нет?

— Придется, приятель, придется... И обхода нет.

— Но куда эта пещера ведет, что там внутри?

— Она ведет в прогнившую сердцевину мироздания, — провозгласил Фаустофель. — И что может оказаться внутри хода, проделанного червяком?

Потеряв голову от ужаса, я рванулся было в сторону, но Фаустофель стиснул мне локоть железной хваткой. В тот же миг меня подбросило вверх и понесло по воздуху. Когда я вновь оказался на ногах, от непогоды и в самом деле осталось одно воспоминание. Дождя не было и в помине. Я стоял внутри пещеры.

26. Вход в преисподнюю

Поверхность, по которой мы скользили вниз, была покатой, как нора сурка. Задержать падение я не мог, и потому артачиться не имело смысла. Фаустофель цепко держал меня за шиворот, и мы продолжали лететь в пропасть очертя голову. Потом неожиданно, где-то в самых недрах земли, склон выровнялся, и Фаустофель вознамерился сделать там привал.

Если я и пытался бежать от воображаемых опасностей, то теперь, оказавшись беспомощным перед реальной действительностью, всецело проникся духом фатализма и хладнокровно сбросил с плеча руку моего компаньона.

— Убери клешню! — презрительно процедил я, стараясь вызывающим тоном замаскировать выказанное малодушие. — Я и сам по себе справлюсь, без твоего участия. Хочешь показать интерьер — нечего суетиться, будто ты владелец недвижимости, которую собираешься всучить покупателю. Идем! Веди вперед — хоть к самому дьяволу, лишь бы развязаться поскорее!

— Именно туда мы и направляемся, — отозвался Фаустофель и что есть мочи гаркнул:

— Отпирайте двери и придержите Гарма!

Только когда двери распахнулись, я догадался об их существовании. В проеме было разлито сумеречное свечение. Это было первое, что я увидел, однако ошеломило меня не это. Присмотревшись, я разглядел возвышавшуюся передо мной гигантскую гору, покрытую, как мне почудилось, жухлой травой. Однако бока

этой горы ходили ходуном, то вздымаясь, то опускаясь, — как будто дышали. И точно: гора на самом деле оказалась чудовищно громадной собакой — вскоре мы приблизились к ее хвосту. Так вот какого песика, согласно надписи, следовало остерегаться: этот величиной был вдвое больше кита.

Я глянул искоса на Фаустофеля: он смотрел на меня с любопытством.

— Не бойся. Гарма спускают с цепи только на тех, кто собирается улизнуть. Его время еще не пришло.

Мы старались держаться от чудища подальше, но я был начеку, опасаясь внезапного прыжка.

— И что же, его натравят на здешних обитателей и выгонят их вон?

— Совсем нет! — жестко отрезал Фаустофель. — Он выскочит на свободу сам — и в неистовом бешенстве перегрызет всем глотки. Пощады не дождется никто.

— Господи! — вырвалось у меня.

— Незачем будет тогда взывать к вашему Богу, — презрительно бросил Фаустофель. — Кем бы Он ни был, спасения не будет и Ему. Гарм со своей сворой сожрет на небе звезды — все до единой, а Млечный Путь створожится от его бешеной слюны.

— Но неужели нельзя посадить пса на цепь покрепче? — О дружках Гарма я даже не рискнул заикнуться: одного вида этой псины было достаточно. — Кто его освободит и откуда вообще взялась такая собачечка?

— Кто? — язвительно фыркнул Фаустофель. Лицо его сделалось мрачнее его собственного пророчества. — А злобная порочность разве не способна порождать орудия собственного мщения, и всегда ли они пребудут в бездействии? Цепи для разнузданности выкованы надменностью, однако изо дня в день их разъедает ядовитый гной, сочащийся из разлагающегося мироздания, и когда-нибудь эти оковы порвутся, непременно порвутся!

Мы как раз проходили под одной из громадных цепей, удерживавших Гарма: она изрядно проржавела, однако запас прочности, к счастью, был еще велик.

Я все же ускорил шаг.

— А человечеству тоже будет каюк? — прошептал я.

— Ага, тебе это не очень-то по вкусу, хотя собственная жизнь тебе давно опротивела, так? — Фаустофель сардонически расхохотался. — Ты что же, воображаешь, что если небесные престолы рухнут и богов перемелют псиные челюсти, то уцелеют жалкие гомункулы, которых эти самые боги дрессируют словно блох и словно блох щелкают на ногте? Куда уж вам!

Вероятно, он говорил правду. Но мысль о полной гибели человечества показалась мне ужаснее самой черной дыры. Я только на секунду представил себе небытие всех моих собратьев — и тотчас же, дабы не сойти с ума, вышвырнул из головы эту жуткую картину и приложил руку к запылавшему лбу.

— Нет! Такого не может быть! — запротестовал я. — Кто-то да должен спастись.

— Наслушался басен? — Фаустофель посуровел и, перестав меня подначивать, озабоченно наморщил лоб. После напряженной паузы он резко проговорил: — Болтают, будто парочка, которую даже собаки не тронут, останется в живых и дождется нового промысла свыше, но я...

Речь его прервало оглушительное рычание, по сравнению с которым гром казался младенческим писком. Оглянувшись, я понял, что Гарм только что нас увидел. Оскалив зубы величиной с телеграфный столб, он с хрипом метался из стороны в сторону, грохоча цепями, и свирепо рвался вперед.

— Тихо, не дергайся! — успокоил меня Фаустофель. — Псине вздумалось размяться — и только. Пока ты в аду, бояться тебе нечего.

Утешение, мягко говоря, было слабым, но в этот момент Гарм гавкнул что есть мочи — и вырвавшееся у него из пасти горячее дыхание уложило меня на месте. Но ненадолго. Едва опомнившись, я сиганул в воздух резвее кролика, а потом со всех ног бросился к расселине ближайшей скалы, где и затаился, будто мышь в щелке.

— Стой, болван, стой! Гарм тебя не цапнет. Стой, говорю!

Несмотря на развитую мной спринтерскую скорость, Фаустофель настиг меня в два прыжка. Он вновь

стряхнул с себя мрачность и ехидно ухмылялся при виде выказанной мной трусливости.

— Вырвись он на свободу, ты бы никуда от него не делся — как жучок, который от страха притворяется мертвым. Давни каблуком — и одно мокрое место останется. Хорошо хоть, что стрекача ты дал в нужную сторону. Наш путь лежит через этот проход, но должен предупредить серьезно: вздумаешь опять драпать как курица с отрубленной головой — пеняй на себя.

— А ты больно уж умный, как я погляжу! — огрызнулся я. — Впрочем, что с тобой пререкаться? Сам знаю не хуже твоего: мудрость — это готовность ко всему, но страх гибели лишает разума, так что придется тебе это учесть.

— Учтем, учтем — дело привычное, — пробормотал Фаустофель, ускоряя шаг.

Не совсем уяснив смысл сказанных им слов, я промолчал. Проход оканчивался спиралевидной лестницей. Вниз вели вырубленные в скале ступени, истертые множеством подошв за сотни, а быть может, и за тысячи лет. Фаустофель уверенно шагнул вниз, и я, понимая, что обратного пути нет, безропотно последовал за ним.

Ступени были широкими и пологими. Фаустофель спускался довольно проворно, а я не отставал ни на шаг, стараясь не думать, с чем придется столкнуться на очередном витке. Охваченный невеселыми предчувствиями, я мало обращал внимания на величину пройденного пути, но, должно быть, позади остались тысячи ступеней, прежде чем мы, по знаку Фаустофеля, задержались на небольшой площадке.

— Здесь имеется окошечко, через которое виден подлунный мир, — заметил Фаустофель таким небрежным тоном, словно демонстрировал туристу вид на озеро Мичиган. — Можешь полюбопытствовать.

С этими словами он уступил мне место у пробитой в толще скалы амбразуры диаметром в три-четыре фута. Я посмотрел в нее, но не увидел решительно ничего. Потом, вцепившись покрепче руками в подоконник, высунулся наружу.

Мы находились под землей, но ожидаемой тьмы вокруг не было: не было ни тумана, ни облаков — ничего, что могло бы препятствовать взору. Воздух,

казалось, тоже отсутствовал — или же был прозрачнее дистиллированной воды. Я посмотрел вверх, прямо перед собой, по сторонам — направо и налево, посмотрел вниз. Нигде ничего — полная, совершенная пустота... Глаза тщетно искали опоры, на которой могли бы остановиться; я вдруг почувствовал, что они готовы вырваться из орбит — и само тело погружается в зыбучее, невидимое, бесплотное пространство. Задрожав, я испуганно отпрянул от амбразуры.

— Там же ничего нет! — вскричал я с упреком, словно Фаустофель был тому виной. Пустота вокруг не слишком меня удивила, но бездонный вакуум внизу потряс до глубины души. — Из окна самолета что-нибудь да увидишь — тучку или радугу, а тут — хоть шаром покати... Упасть некуда.

— Да, падение здесь будет вечным и бесконечным, — подтвердил Фаустофель. — Это и есть та самая, известная тебе Бездна.

Ни о чем подобном раньше я и не подозревал, но немного ободрился и с наигранной беспечностью переспросил:

— Бездна? Та самая?

— Та самая, — кивнул Фаустофель, явно довольный произведенным на меня впечатлением. — Ты ей сродни, поэтому советую познакомиться поближе. Бездна содержит все сущее: она порождает весь материальный мир.

— Ну, если ты хочешь сказать, что все содержится в воздухе, я, пожалуй, не прочь с тобой согласиться. В Чикаго, если ветер подует со стороны боен, то чего только не нанюхаешься...

Фаустофель шутки моей не поддержал.

— Бездна — это вовсе не воздух, хотя зачатки воздуха носятся и в ней. Так, по-твоему, там пусто, ничего нет?

Пустота, или Бездна, как Фаустофель ее называл, поражала ужасающей бесцветностью.

— Конечно, пусто — что же там может быть? — с вызовом бросил я. — Ни соринки, ни пылинки, ни малюсенькой блестки.

— Таких громадных предметов там, разумеется, не сыщешь, — задумчиво проговорил Фаустофель, облокотившись на подоконник в позе созерцающего живо-

писный пейзаж. — Тем не менее в Бездне находятся во взвешенном состоянии микроскопически малые частицы всего, что существует на белом свете. Я употребил термин «взвешенное состояние», однако действительности он не соответствует. Первичные зачатки материи проносятся сквозь Бездну стремительнее, нежели способно нарисовать себе воображение.

Поколебавшись, я рискнул спросить о том, с чем был знаком хотя бы понаслышке.

— Так, значит, это атомы?

Он оборотился ко мне с саркастическим видом.

— Я, в отличие от ваших ученых, называю их проще — первичными зачатками, но коли ты с ними на короткой ноге — попробуй употреби свое влияние, сделай их видимыми.

— Но ведь это ты веришь, что они там есть, — не я!

— Протяни руку — увидишь сам.

Я больше не решался выглядывать из амбразуры, но Фаустофель силком ухватил мою руку и высунул ее в отверстие ладонью вверх.

— Следи внимательно! — приказал он мне.

На первых порах я ничего не замечал. Потом ощутил, как на ладонь падают словно бы мельчайшие бусинки росы или дождя. Вскоре можно было уже различить две крошечные капли влаги — почти столь же бесцветные, как сама Бездна.

— Наталкиваясь в полете на преграду, первичные зачатки сцепляются вместе, будто мартышки, — пояснил Фаустофель. — И вследствие этого становятся видимыми. Пока еще неясно, что именно ты выудил, однако результат всецело зависит от самого первого, исходного элемента. Сливаться в единое целое могут только родственные частицы, принадлежащие одной разновидности.

Невольно заинтригованный, я оперся локтем на подоконник и неотрывно стал следить за тем, что происходит у меня на ладони. Количество частиц стремительно прибывало, однако в покое они не оставались ни на секунду — мелькали и мельтешили, будто рой комаров над стоячей водой. Капельки плясали, то взлетая, то опускаясь, а когда сталкивались между собой — либо сливались вместе, либо отпрыгивали

друг от друга. Иные с силой взметывались ввысь, выбрасываемые из общей массы, и, оказавшись за пределами моей ладони, исчезали бесследно.

Между тем некоторые капельки постепенно увеличивались в размере. Вскоре одна из них выросла настолько, что движение ее замедлилось: она почти что застыла на моей ладони, и характер мелькания других мелких частиц изменился. Теперь это скорее походило не на воинственную пляску комаров, а на роение пчел. Процесс удаления чужеродных частиц продолжался, однако остающиеся капельки бурно вращались наподобие веретена вокруг центрального ядрышка, которое сделалось средоточием новообразованного объекта на моей руке.

— Поживешь, так чего только не насмотришься! — проговорил я нарочито небрежно, стараясь скрыть охватившее меня благоговейное волнение и пристально разглядывая крохотульку, которая теперь покоилась у меня на ладони совершенно недвижно. — Кто бы мог подумать, что из этих крупинок получится всего-навсего комочек глины?

— Не очень-то советую задирать нос, — остерег меня Фаустофель. — Семена, породившие твой собственный состав, когда-то тоже пребывали в этой безличностной утробе. Да-да, и зародыши твоего Бога, твоих богов и кого угодно.

— Возможно, спорить не стану, — согласился я. — Но ты забыл упомянуть одну малость.

— Какую же?

Вопрос его прозвучал вызывающе — и с тем большим удовлетворением я нанес ему, как мне казалось, решающий удар.

— Жизнь! — торжественно воскликнул я, отшвырнув катышек глины подальше от себя и с триумфом воздев руку. — Жизнь не может зародиться сама по себе. Формулы жизни не сыскать ни в одном учебнике химии.

— Ты штудировал совсем не тот учебник. Я тоже отдал дань псевдонаучным заблуждениям.

По лицу Фаустофеля пробежала тень от явно неприятного ему воспоминания, но он быстро взял себя в руки.

— Погоди секундочку, — отрывисто бросил он мне, усевшись на подоконник в немыслимой для меня раскованной позе. — Проверим, есть ли еще порох в пороховницах.

Невероятно длинными пальцами левой руки он зачерпнул горсть частиц из Бездны, рассмотрел их на ладони и объявил:

— Парочка-другая вполне сгодится. Особенно примечательного, правда, нет, но кое-что сойдет за милую душу.

На его ладони произошел точно такой же процесс творческого кипения. Результат оказался ошеломляющим. Предъявленная мне для обозрения микроскопическая крупица несомненно обладала всеми признаками жизни.

— Что эта вот личинка, что ты сам — разницы ни малейшей! — изрек Фаустофель. — Можешь считать Бездну своей матушкой.

— Но ведь речь идет о животном! — запротестовал я. — Нечего и сравнивать: одно дело — какая-то букашка, а человек — совсем другое.

— Да неужто? Я-то думал услышать, что человек, в отличие от всех прочих существ, способных к жизнедеятельности, наделен душой, и душа вложена в него божеством, словно клинок в ножны: захочет — вытащит обратно.

— По правде говоря, — смущенно пробормотал я, — мне самому в наличие души не очень верится.

— И все же ты склонен полагать, будто в тебе помещено нечто такое, без чего вселенной не обойтись. Плоть твоя бренна — на этот счет у тебя сомнений нет, однако внутренний голос тебе подсказывает, что твое «я», малая искорка твоей собственной жизни замаринуется навечно той самой заботливой силой, которая ее и создала. — Фаустофель ткнул локтем в сторону Бездны. — Вот твой творец. Ищи в этом вакууме любовь и покровительство: в конце концов именно туда ты и возвратишься.

Я взглянул через плечо на безрадостные ступени, по которым спустился сюда, распростившись с прошлым; потом посмотрел на еще более безотрадное будущее, меня ожидавшее. В натуре всякого человека, даже не утруждающего себя размышлениями и не

испытывающего потребности в религии, заложена надежда на то, что его не постигнет забвение и он избежит полного небытия. Теперь надежда эта для меня рухнула окончательно, однако особого потрясения не вызвала. Чувства мои можно было сравнить только с чувствами голого и нищего страдальца, лишенного всякого достояния, когда он вдруг обнаруживает, что у него отнимают и последнюю кроху.

— И ничего другого нет? — тихо спросил я.

— Ничего! — Держа личинку на ладони, Фаустофель пошевелил ее указательным пальцем левой руки. — Если тебе вздумается притязать на отождествление собственной жизни с духовным началом — обменяйся рукопожатием с этим вот твоим духовным сородичем: ведь вы оба запущены в бессмысленное движение одним и тем же начальным импульсом.

Мне едва хватило сил только на то, чтобы спросить почти безучастно:

— Зачем мне все это нужно знать?

— Как зачем! Стоит только тебе уяснить, что человек вовсе не любимчик доброго, хлопотливого божества, и ты сразу поймешь смехотворную абсурдность любых моральных претензий. Вы носитесь с ними словно дурни с писаной торбой, под непосильным бременем земных тягот пытаетесь выступать эдаким кандибобером! И даже те из вас, кто настроен по отношению к небесам наиболее скептически, как будто пытаясь возместить отсутствие веры, гораздо более рьяно, чем прочие, настаивают на непреложных нравственных законах, которым человечество якобы должно повиноваться; они всерьез орудуют словечками наподобие «судьба», «предопределение», «предназначение» и так далее.

Одним щелчком он сбросил личинку с ладони в пустоту. Представив себе ее нескончаемое падение, я невольно зажмурился. Фаустофель с довольным видом ухмыльнулся.

— Вот какова ваша судьба; вот что вам предопределено и предназначено, а ответ за вас держит исключительно эта самая Бездна: она вас сотворила из бесчувственных частиц, вновь разложит на мельчайшие мертвые пылинки и перекомпонует их с полнейшим равнодушием так, как ей заблагорассудится.

Опровергнуть эту теорию я не мог, но сквозившее в его речах самодовольство, по контрасту с моим отчаянием, меня взбесило:

— И ты меня затащил сюда ради этого шоу?

— Нет, это мы развлеклись так, попутно. Тебе необходимо вбить в сознание ту истину, что при сотворении рода людского душа никоим боком не участвовала. Только теперь ты вполне сумеешь оценить всю иронию ситуации, в которой, на свою беду, оказались те, кто поплатился главным образом за убеждение в собственной одушевленности.

Внезапно напустив на себя суровость, как будто причиной нашей задержки был не он сам, а я, Фаустофель рывком дернул меня за руку.

— Вперед! Пора свести знакомство с населением Преисподней.

Бесчисленные ступени, по которым мы спускались все ниже и ниже, напоминали ход в подземный застенок. Твердыня казалась несокрушимо прочной, как и подобает настоящей тюрьме. Однако ведущая вниз лестница неожиданно обрывалась на самом краю пропасти. И пропасть эта больше всего смахивала на внутренность гигантского полого цилиндра.

Вообразите состояние того, кто должен пробираться в жерло действующего вулкана, вплотную прижимаясь к каменной стене и едва переставляя ноги по вырубленной в камне узенькой — двоим рядом не поместиться — дорожке. Впереди нас все тонуло в густом дыму. Снизу доносился невнятный шум, в котором изредка смутно различались не то стоны, не то вскрики.

На грани смертельной опасности я, однако, не утратил контроля над собой. Преисподняя внушала мне меньший ужас, нежели Бездна, хотя бы потому, что обладала пространственными границами. Осмотревшись, я смело встретился взглядом с Фаустофелем. Он взирал на меня с большим любопытством.

— И много людей тут проживает? — хладнокровно осведомился я, не желая давать пищи его злорадству.

— Порядочно.

— Не хочу плохо о них отзываться, однако здешние места им вроде бы не очень-то по вкусу.

Фаустофель озабоченно нахмурился, словно его неотступно глодала какая-то невеселая мысль.

— Да, Серебряный Вихор, ты прав: их обуревает недовольство, но вовсе не теперешними жилищными условиями. Причисли их к лику святых, окружи райским комфортом и целой толпой обезумевших от любви к ним небесных красавиц, если они мужчины; а если женщины, сделай их хоть гуриями, хоть валькириями, все равно они будут терзаться и останутся несчастными. — Он скривил губы в сардонической усмешке. — Как ты думаешь, почему?

Я хотел было отделаться незначащей репликой, но вместо того у меня вырвалось:

— Не знаю.

— Они даже понятия не имеют ни о том, где были раньше, ни о том, где находятся теперь. Спроси любого из обитателей переполненных камер — и он поклянется, что сидит в одиночке. Ну-ка, что ты на это скажешь?

Сказать мне было решительно нечего.

— Да потому, что они загнаны в самый тупик существования. В этом тупике оказываются те, кто способен думать только о себе — и ни о чем другом. Пошли вниз!

Почти что вжимаясь в стену, я кое-как продвигался вслед за Фаустофелем. В нос мне шибануло острым запахом горящей серы, но вскоре я к нему принюхался и каким-то чудом сумел не раскашляться. Глаза мои тоже на удивление не слезились, хотя плотность дыма не позволяла видеть что-либо дальше десяти шагов. Только очутившись на обширной площадке, вырубленной в скале, я, по знаку моего проводника, замер на месте и принялся озираться по сторонам.

Здесь дыма было поменьше, и я мог непосредственно увидеть то, что происходило, надо полагать, на всех этажах гигантской воронки. Зрелище ужаснуло меня настолько, что я бы ударился бежать сломя голову куда попало, если бы Фаустофель изо всех сил не вцепился мне в рукав. Пришлось плестись за ним.

Вокруг нас там и сям были разбросаны каменные блоки. На каждом сидел грешник — мужчина или женщина, обхватив голову руками, тупо уставившись в пол и бормоча себе под нос что-то невнятное. Время от времени грешников подвергали пытке. Экзекуцию осуществляла целая орда чертей — поросших рыжей

шерстью, рогатых, с хвостами. Истязатель, приблизившись к страдальцу сзади, коловоротом просверливал ему макушку. Жертва, онемев, застывала на месте с воздетыми руками, без малейшего намека на сопротивление. Заплечных дел мастер вливал в проделанное отверстие какой-то раствор, производивший действие, аналогичное действию нитроглицерина на дверцу запертого сейфа. Верхушка черепа моментально распадалась на четыре части, обнажая раскаленный докрасна, пульсирующий мозг. Издав дикий вопль, несчастный взахлеб, будто в горячечном бреду, нес бессвязные признания и каялся как на исповеди. С последним его словом раскроенный череп захлопывался, и швы тотчас же срастались, а сам бедняга, понурившись, вновь начинал шептать что-то себе под нос.

Я не в силах был скрыть своего потрясения, а это, в свою очередь, доставляло, как обычно, Фаустофелю немалое удовольствие.

— Это вот насест для птичек, которые совершили проступок, бессмысленный с точки зрения их жизни в целом, но благодаря ему и остаток их дней тоже лишился всякого смысла. — Фаустофель хмыкнул. — Выхватим кого-нибудь наугад и послушаем, что он нам споет.

Столь безжалостное предложение вызвало у меня взрыв негодования.

— Нет! — выкрикнул я. — Нет, ни за что, черт бы тебя побрал!

Фаустофель, ничуть не оскорбившись, расхохотался мне в лицо.

— Послушай, ты, человечишка: меня уже побрали, причем по самому высшему разряду, так что советую тебе выбирать выражения.

Сделав мне этот выговор, он огляделся по сторонам и ткнул пальцем в изможденного юношу в двух шагах от нас.

— Пожалуй, вон тот сгодится как нельзя лучше.

Я поневоле вынужден был подойти поближе, а Фаустофель схватил юношу за длинные прямые волосы.

— Кто ты таков и почему угодил сюда?

Голова юноши беспомощно откинулась назад, и затуманенный взгляд мало-помалу прояснился.

— Ты знаешь обо мне все. Мы встречаемся уже не в первый раз.

— Я что, подрядился вас запоминать? — возмутился Фаустофель. — Штаны от юбки я еще отличу, а в остальном вы все для меня одинаковые, как вши. — Он крепко встряхнул юношу. — Отвечай: почему ты здесь?

Юноша запротестовал:

— Но вы обязательно должны меня помнить. Я известен каждому — а если нет, то стану известен. Нет злодея чудовищнее, чем я.

— Злодей не злодей, а вот хвастун ты первоклассный, — заявил Фаустофель. — На свете не так уж много тех, кто сознательно закоренел в злодействе. А у тебя глаза как у раненой лани: на ретивого душегубца ты, скажем прямо, похож не очень.

Он отпустил юношу, голова которого бессильно поникла на грудь.

— Секундочку терпения, — бросил мне Фаустофель. — Сейчас подзовем ассистентов.

Под ассистентами он явно имел в виду компанию нечистых, поглощенных беседой. Точно так же, сбившись в тесную кучку, увлеченно треплются между собой продавцы универмага, которым и дела нет до тщетно взывающих к ним посетителей.

— Кому поручена опека над этим молодым человеком? — обратился к ним Фаустофель.

Ни один из чертей даже не обернулся в нашу сторону.

— Кто дежурный, я спрашиваю! Я спрашиваю — я, Фаустофель! — рявкнул вдруг мой вожатый что было мочи. Эхо от его оглушительного возгласа «Тофель... Тофель» прокатилось по просторной камере, заглушив на минуту стоны и бормотание ее обитателей. Не успел я и глазом моргнуть, как бесы всей оравой ринулись к Фаустофелю и вытянулись перед ним в струнку, почернев от страха и дрожа мохнатыми телами от рогов до копыт.

— Вот так-то лучше, — примирительно сказал Фаустофель, для острастки продержав их минуты две-три в состоянии полного шока. — А ну-ка, обработайте этого малого, да поживее!

Бесы, отталкивая друг друга, бросились со всех ног исполнять поручение, и после небольшой потасовки самый дюжий из них приступил к описанной выше операции. Сверло со свистом вонзилось в черепную кость, зашипело политое из склянки зелье, череп с жутким треском разломился по швам... Юноша, болезненно вскрикнув, вскочил на ноги и торопливо заговорил:

— Меня зовут Родя Раскольников, я широко образован, изучал философию, я — прямой наследник мудрости, накопленной человечеством за века. Эта мудрость должна была быть поставлена на службу человечеству, однако меня она привела к убийству и ограблению старухи.

Фаустофель с трудом подавил зевок.

— Да-да, теперь мне что-то вспоминается в этом духе... Старушонка была прескверная, хуже некуда, настоящая грымза, сквалыга немилосердная. Так ведь, кажется, если не ошибаюсь?

— Ну вот, вы сами все знаете. — Голос у Раскольникова упал. — Я в этом не сомневался. Но вам тогда должно быть известно, что попутно я убил и ее сестру, ничуть на нее не похожую. Бедное, беззащитное существо — она даже и не пыталась обороняться... Я уложил ее на месте как свидетельницу моего преступления.

— Поступок как нельзя более благоразумный, — заметил Фаустофель, подмигнув мне с заговорщицким видом. — Желаете о чем-нибудь его спросить?

Я не мог противиться соблазну. Болезненный интерес к подробностям преступления питают все.

— Много ли денег вы присвоили?

— Не знаю, — услышал я в ответ. — Кошелек я сунул в карман, но так и не решился в него заглянуть.

— Вот это да! — вскричал Фаустофель. — Укокошил, чтобы обобрать, и даже не потрудился пересчитать добычу... Вранье!

Я тоже, признаться, был разочарован таким бессмысленным результатом предпринятой налетчиком затеи, однако Раскольникова наше недоумение нимало не озаботило.

— Мне были нужны не просто деньги, как вы не понимаете? Я хотел доказать сам себе, что способен переломить судьбу, изменить свою участь.

Насмешливость с Фаустофеля как рукой сняло.

— Этого ты как раз и добился, — жестко отрезал он.

— Совсем нет, — уныло проговорил Раскольников. — Переменить жизнь мне не удалось: в тот самый момент она остановилась — и с тех пор время течет мимо меня.

Со стоном он опустился на каменный куб. Кости черепа шумно захлопнулись и вмиг срослись. Раскольников вперил взгляд в пол и принялся вполголоса рассуждать о чем-то сам с собой.

Мы покинули помещение и отправились по гибельной тропке к нижним этажам Ада.

— Что ты скажешь об этом удальце? — рассмеялся Фаустофель. — Шпокнул старую ведьму, а потом — уже ex post facto[1] — измыслил скрупулы, не позволяющие ему, видите ли, воспользоваться ее деньжатами. Элементарное чувство долга перед остывшим трупом просто обязывало расстаться с наличностью, не правда ли? Комедия — и только.

Я тут комедии никакой не усматривал и потому возразил:

— Осознание многих поступков нередко приходит позже.

— Еще бы! — язвительно фыркнул Фаустофель. — Добавь, что раскаяние проказника вернуло старую хрычовку к жизни, а кроме того, излечило от остеохондроза и повысило в крови процент содержания гемоглобина.

— Убитую раскаянием не воскресишь, — согласился я. — Но ведь убийца жестоко наказан за преступление. Черт возьми, неужели ты этого не понимаешь?

— Я понимаю одно: Раскольников — маньяк и эгоцентрик, убежденный в том, что весь мир волнует только вопрос, виновен он или нет.

Фаустофель обернулся ко мне со свирепым видом, и я робко прислонился к стене, выжидая, когда мы двинемся дальше.

---

[1] После свершившегося факта *(лат.)*.

— Ты что, плохо его слушал? Он и сам еще не решил толком, каяться ему в порочности или ею бахвалиться.

Но мне открылся вдруг смысл раскольниковского монолога.

— Он и не думал бахвалиться. Просто он и по сей день пытается уяснить, что побудило его выбиться из колеи.

— И если с рыданиями бить себя в грудь и объявлять всякому встречному и поперечному, какой ты великий грешник, это поможет делу?

— Нет, ничто не поможет, — сознался я, чувствуя, как в груди у меня зашевелились воспоминания, о которых я охотно бы забыл навсегда.

— А между тем средство имеется, и действует оно безотказно. — Фаустофель двинулся вперед, на ходу кидая на меня через плечо огненные взгляды. — Беда всех этих плакучих ив, рев-коров и прочих нюнь в том, что они принимают себя всерьез, носятся с собой как с драгоценностью. Тогда как главный и единственный выход — забыть обо всем начисто. Выкинуть из головы прошлое — и дело с концом. Встряхнулся — и пошел свеженький, как огурчик. Чего уж проще?

— Но это невозможно! — Впервые за долгое время я ощутил прилив гордости за себя. — Поступки человека имеют слишком большое значение: просто так из памяти их не выбросишь. Это тебе не экскременты, которые организм исторгает за ненадобностью. Деяния каждого неразлучны с ним до конца: они формируют личность, входят в ее состав. Только так — не иначе.

— А почему так?

— Почему? Этого я не могу объяснить. — Вспыхнувшее внезапно воодушевление оставило меня столь же мгновенно. Учитывая мое собственное плачевное состояние и полное отсутствие стремлений и надежд на лучшее, какие еще доводы я мог привести? В самом деле, есть ли разница — помнить или забыть? — Так уж заведено, — устало проговорил я, — но следовать этому порядку, наверное, вовсе не обязательно.

— Вот-вот, именно это я стараюсь тебе втолковать, — подхватил Фаустофель. — Пришли! Сворачиваем налево, проинспектируем здешний ярус.

27. Все ниже и ниже

Мы вступили в громадную пещеру. Вокруг творилось нечто невообразимое, и я долго не мог понять, что, собственно, здесь происходит. Какие-то люди метались сломя голову из стороны в сторону. Я не сразу смекнул, что иные спасаются от погони, а другие их преследуют. Чаще всего за жертвой неслись двое-трое, а подчас ей приходилось улепетывать от целой ватаги. Самый вид преследователей повергал в остолбенение: все они истекали кровью от смертельных ран, нанесенных холодным или огнестрельным оружием. Кое-кто держал под мышкой собственную голову, отрубленную палачом или же вынутую из тугой висельной петли.

— Полюбуйся, как отплясывают те, кто совершил предательство из мести или ради выгоды, — пояснил Фаустофель, наслаждаясь моей растерянностью. — Забавно, однако мстят по преимуществу тем, кого обирают. Как бы то ни было, повеселимся на славу. Ату его, ату!

Мы присоединились к погоне, и вскоре я почувствовал, как меня охватил настоящий охотничий азарт. Чем отчаянней преследуемый нами пытался увильнуть от травли, тем большее удовольствие я испытывал. И гнались мы не за каким-нибудь заморышем — нет, это был крепко сложенный, закаленный в боях ратник, судя по всему, непривычный к трусливому отступлению. Он бежал во всю прыть, делая обманные движения и запутывая след, разгоряченный стремлением к свободе, а мы, деря глотки истошными выкриками,

неумолимо настигали его в предвкушении безжалостной расправы.

Мы с Фаустофелем замешались в толпу преследователей скорее как сторонние зрители, а не как прямые соучастники готовящейся расправы. Возглавляли отряд израненные воины в разбитых доспехах, с пробитыми щитами и сломанными копьями.

Наконец беглеца удалось оттеснить в сторону и прижать в угол. Нам с Фаустофелем пришлось поработать локтями, чтобы пробиться в первый ряд. Пойманный, тяжело дыша, еле стоял на ногах, прислонившись вплотную к стене.

— За что вы меня травите? — с трудом выговорил он.

Статный предводитель в ответ рассмеялся. Из его лопнувших висков брызнула кровь.

— Ни я, ни мой брат Оливер обвинение тебе не предъявили. Иначе его припишут нашей личной вражде.

Концом рога, выточенного из слоновьего бивня, он указал на пожилого, коренастого толстячка.

— Это сделаешь ты, епископ. Ни единая душа не усомнится, что говорить ты будешь от имени Карла Великого и в интересах нашего королевства.

— И от имени Всевышнего, — напомнил епископ, выступив вперед и засовывая в распоротый живот свои внутренности. — Ганелон, ты обвиняешься в государственной измене.

К моему удивлению, обвиняемый на глазах преобразился. Он выпрямился во весь рост и надменно воскликнул:

— Ложь! Я так же предан Франции, как и любой из вас.

Одна из отрубленных голов в руках владельца яростно запротестовала, но епископ жестом велел ей умолкнуть.

— Никто не отрицает, что ты долгое время по праву мог утверждать это с гордостью, но нам, стоящим здесь, ты известен другим.

Поколебавшись, Ганелон переменил тактику.

— Неприязнь к вам не означает неприязни к государству — и ничего общего не имеет с изменой. Мои враги — вы.

Среди обвинителей поднялся ропот. Епископ, мгновенно установив тишину, вновь обратился к Ганелону:

— Пусть будет так, но почему ты нанес нам внезапный удар в тот момент, когда мы сражались на поле битвы с иноземными захватчиками, врагами нашего королевства?

— Они стали нашими врагами из-за вас: вы их сами на себя науськали. Вы — враги нашего королевства, а не я. Я стремился добиться мира и спасти страну от разрушительной войны. Я рискнул всем, не страшась вашего ответного удара. — Ганелон высокомерно сложил руки на груди. — Вы можете меня убить — смерти я не боюсь, но доказать, что я изменник, вам не удастся.

Обладатель рога из слоновой кости вторично рассмеялся; кровь из его висков потекла струйками.

— Где же, в каком месте ты рисковал и какого ответного удара с нашей стороны страшился? В то самое время, когда мы изнемогали под натиском орд, которые натравил на нас ты.

— Я находился там, где мне и положено быть — рядом с императором.

— Разумеется, уведомив его о своих действиях? — поинтересовался епископ.

— Разумеется, нет. Мне вовсе не хотелось, чтобы его глупая привязанность к вам воспрепятствовала благу государства и его собственному.

— Конечно же, ты предполагал поставить его в известность позже, если бы не случилось так, что он сам поспешил на поле боя отомстить за нашу гибель?

— После того, как мой благодетельный план сорвался, говорить ему о чем-то уже не имело смысла. — Теперь Ганелон говорил медленнее, тщательно взвешивая слова. — Да и к чему выставлять напоказ свои заслуги? Радея о преуспеянии страны, я и не помышлял о собственном благе.

Человек, державший в левой руке отсеченную правую, вскипел от бешенства:

— Не о благе ты помышлял, а о выгоде! — свирепо выкрикнул он, указывая отрубленной конечностью на обвиняемого. — Кто из приближенных императора стал бы вторым лицом в государстве после того, как нас расклевали бы коршуны?

Ганелон облизнул пересохшие губы.

— Это произошло бы из-за стечения обстоятельств, помимо моей воли. Я этого не желал.

— Как не желал и вознаграждения от врага! — Епископ до сих пор говорил спокойно, но тут сорвался в крик. — Как не желал брать груды сокровищ в качестве платы за наши жизни — жизни, которые мы отдали, защищая Францию и императора. Клянусь Богом-Спасителем и Богом — Высшим Судией, ты не просто предал нас, Ганелон, — ты нас продал!

С обвиняемого заметно слетела прежняя самоуверенность.

— Нет! — не слишком твердо возразил он. — Я... я признался во всем. Вы видите, что я говорю начистоту. Деньги мне действительно предлагали, я этого не опровергаю. Но я до них не дотронулся!

— У тебя еще есть шанс! — воскликнул епископ. Обернувшись к сотоварищам, он скомандовал: — Пусть полюбуется!

С этими словами епископ снял с пояса висевший у него за спиной увесистый мешок. Все остальные поступили точно так же и, размахнувшись, разом швырнули их к ногам Ганелона. Мешки разорвались, словно бумажные торпеды, и из них дождем посыпались золотые монеты, кишки, окровавленные куски мяса, глазные яблоки и что-то белое, похожее на человеческие мозги.

Судя по выражению лица Ганелона, вину его можно было счесть доказанной, однако он глухо простонал: «Да, цена была именно такова!» — и, как подкошенный, рухнул на выросшую перед ним кучу.

— Я не думал, что вы узнаете цену, которую мне за вас назначили!

Предводитель с рогом из слоновой кости рассмеялся в третий раз.

— Раз уж он выказал такую жадность к деньгам — я за то, чтобы не препятствовать его страстишке. Согласны ли вы со мной, мои соратники?

— Пускай он ими подавится! — послышались со всех сторон возбужденные голоса. В общий хор влился и мой голос: я был солидарен с ними.

Зрелище того, как Ганелон тщетно отбивался от мстителей и корчился в их руках, не представляло

собой ничего забавного. Фаустофель, однако, покатился со смеху, услышав вопль изменника — последний перед тем, как глотку ему забили скользкими от крови монетами.

— Ты слышал, о чем умолял этот паршивец, когда ему пошире раздирали пасть? — все еще давясь от хохота, спросил меня мой компаньон по дороге вниз.

Азарт преследования давно во мне остыл, да и к приговору военного трибунала я утратил всякий интерес сразу после того, как Ганелона туго набили золотом, словно сосиску фаршем.

— Слышал, — сухо отозвался я, — но слов не разобрал.

— Кто бы мог подумать, что даже в такую минуту дурацкие причуды заботят пуще всего остального? — Фаустофель оглянулся: в глазах его плясали издевательские огоньки. — Тем не менее Ганелон прокричал: «Только никому не рассказывайте».

— Следи лучше, куда идешь; если оступишься, недолго и в пропасть слететь, — проворчал я.

— Когда-то, очень давно, именно это со мной и произошло, — откликнулся Фаустофель, однако больше ко мне не оборачивался. — Ты, по-моему, явно недооцениваешь потрясающий юмор ситуации. Перед нами человек, совершивший преднамеренное злодеяние и обдуманно извлекший из него выгоду. Кому же еще, как не ему, стоять выше всяческих моральных предрассудков? И что же мы видим? При последнем издыхании он печется только о своем добром имени. Впрочем, случай весьма типичный для того уголка, где мы побывали.

— Какого уголка?

— Камеры для предателей, дурень. Там, повыше, где обретается юноша Раскольников, главное беспокойство причиняет осознание собственного правонарушения. Изменники и предатели, однако, в целом чувствуют себя комфортно — но только до тех пор, пока вина их не разглашена. Любопытная вещь, не правда ли?

Обдумав его слова, я заметил:

— А мне сдается, что и тех, и тех гложет один и тот же червяк. Даже самым закоренелым злодеям вне

службы хочется слыть добропорядочными членами общества.

— Знаю-знаю, и не перестаю этому потешаться. Какая разница, хорошего или плохого мнения придерживается одна жертва идиотского жребия о другой, точно такой же жертве?

— Я полагаю, каждый мнит себя мастерским, незаурядным произведением.

— Ты тоже?

Тон его вопроса заставил меня задуматься. Как бы ни уничижал я себя самого, я никогда не относился с огульным пренебрежением к другим. Теперь я вдруг остро осознал, каким богатейшим разнообразием свойств и способностей наделен при рождении. Распорядиться ими должным образом не всегда удавалось, однако сами задатки не могли не внушать пиетета к себе.

— Есть воображалы и почище меня, — буркнул я сердито.

— Все они собраны здесь. Сделаем привал, — предложил Фаустофель. — Вглядимся повнимательней в твоих незаурядных собратьев.

Мы вошли в очередную камеру. На первый взгляд, обстановка в ней была вполне благопристойной. Здешние обитатели по собственному усмотрению могли разгуливать туда-сюда, беседовать между собой стоя или сидя. Немного странным казалось только то, что при ходьбе кто-нибудь вдруг застывал на месте, не успев докончить шага, и нога его повисала в воздухе. Я всмотрелся пристальней.

Каждого из обитателей неотступно сопровождала смутно очерченная туманная фигура, почти что тень. Если он пробовал бежать — она бежала за ним. Садился — она стояла рядом, не мешая любым развлечениям: напевать что-нибудь себе под нос или строгать палочку из дерева. Прикосновений к своему спутнику тень всячески остерегалась и не произносила ни слова. Единственное, на что она осмеливалась, — это время от времени легонько похлопать жертву по плечу, словно бы напоминая: «Взгляни-ка, я все еще тут».

Взглядывать грешникам и не приходилось. Мгновенно прекратив все занятия, они коченели в самых разнообразных и нелепых позах а затем начинали биться

в судорогах. Смысл напоминания был совершенно очевиден: «В мире для тебя больше нет и никогда не будет ничего другого».

— Кто эти бедолаги? — спросил я у Фаустофеля, уяснив суть наказания.

— Здесь находятся те, для кого чужая смерть стала важнее собственной жизни, — прозвучало в ответ. — Заметь применяемый метод пытки: похоже на рыбалку, верно? Пойманной форели дают вволю порезвиться в родной стихии, отпуская леску до упора, а стоит только ей почувствовать себя на свободе, ан крючок-то голубушку и не пускает.

Мне сделалось не по себе.

— Да, неплохо придумано, — мрачно поддакнул я. — Идем дальше, я уже насмотрелся.

— Ни-ни, сначала ты должен как следует познакомиться с парочкой здешних насельников. — Фаустофель схватил меня за руку и потащил вперед с видом гуляки, желающего приобщить приятеля к веселой компании. — Времени у тебя в запасе хоть отбавляй, а если сойдешься с этими двумя типами поближе — не пожалеешь.

Он действительно подвел меня к двоим, державшимся обособленно от других, хотя вместе пару они никак не составляли. Один из них, немолодой уже мужчина, задумчиво стоял, прислонившись плечом к стене. Лицо его, изборожденное следами жизненных невзгод, сохраняло твердое, целеустремленное выражение. Он, казалось, напряженно размышлял над труднейшей проблемой и уже нащупывал способ ее разрешения.

Другой — атлетически сложенный юноша, умный на вид и сразу располагающий к себе, — сидел невдалеке. В отличие от просторной белой хламиды пожилого, одежда на нем была траурно-черная и искусно подогнана портным. Нашего приближения он даже не заметил, с головой уйдя в раскрытую перед ним на коленях книгу.

Не обратил на нас внимания и пожилой. Фаустофель жестом велел мне остановиться, когда мы подошли к ним едва ли не вплотную, и молча указал на туманные тени, смутно различимые за их спинами.

Я не без удивления воззрился на Фаустофеля. Более благородных и достойных уважения людей трудно было себе представить.

— Что плохого они могли сделать?

Фаустофель ответил вопросом на вопрос:

— А в чем, по-твоему, заключается природа греха?

— Вот те на, да откуда мне знать! — Фаустофель не сводил с меня глаз — и мне пришлось поднапрячь мозги. Не очень хотелось заимствовать мысль из школьного катехизиса, но усилия мои оказались тщетными. — Видишь ли... Ну, скажем так: в том, что человек сознательно совершает неправедный, по его мнению, поступок.

— Тепло. Молодец! Если бы я, — продолжал он, — когда-нибудь вздумал грешить, я бы именно это и предпринял. Но послушай, Серебряный Вихор, — Фаустофель сверкнул глазами, — эти люди ничего подобного не совершали. Напротив: ни за тем, ни за другим никакой вины не числится, о злодействе они и не помышляли, однако сокрушаются о своем поведении в прошлом куда больше многих. Если не веришь — проследи сам.

Он шагнул вперед и кашлянул, чтобы привлечь к себе внимание пожилого.

— Что тревожит ныне славного потомка Кадма?

Пожилой, стряхнув с себя оцепенение, улыбкой дал понять, что польщен комплиментом, хотя и не принимает его на веру всерьез.

— Тревога отпустила мне сердце только сию секунду: мне кажется, я нашел выход... Больше всего заботит меня вопрос наследования. Право на мой престол оспаривают оба моих огольца, но их желания — это дело десятое. Главное — благоденствие Фив. — Лицо его оживилось, и он с жаром пустился в рассуждения. — Если я в завещании назначу наследником одного — другой наверняка заявит протест и будет добиваться пересмотра решения; но вот сейчас у меня мелькнула идея. Что, если убедить сыновей согласиться править городом поочередно? Тем самым устранится угроза развязывания гражданской войны, будет предотвращен региональный конфликт. Считаете ли вы...

Тут Фаустофель щелкнул пальцами — и он вмиг осекся. Повинуясь знаку, призрак за спиной у обреченного осторожно тронул его за плечо.

Выражение острой, проницательной вдумчивости на лице страдальца сменилось беспредельным ужасом.

— Спроси, что его мучает, — толкнул меня в бок Фаустофель. Я с большой неохотой повиновался.

— Э-э... в чем причина того... того, что вас... как бы поточнее выразиться — ну, не оставляют в покое? — сбивчиво спросил я.

Мой вопрос вызволил его из мучительной безмолвной агонии.

— Эта тень — мой неумолимый рок, приведший меня к страшной развязке. «Если бы все было не так» — вот что подпирает мост вздохов, через который лежал мой путь к катастрофе. Однако все было именно так — и не иначе... И я, мнивший себя более достойным правителем города, чем любой из фиванских царей, своими делами швырнул себя ниже последнего негодяя из самого гнусного притона. Я, поставивший себя образцом нравственности, взявший на себя право судить и учить других, в один злосчастный день обнаружил вдруг, что убитый мной некогда человек был моим отцом, а женщина, родившая мне детей, — моя мать!

Произнося свой горячечный монолог, он непрерывно ломал руки, а при последнем восклицании нашел им новое применение — с ужасающим проворством вырвал оба глаза и швырнул их оземь.

Потрясенный услышанной исповедью, я едва устоял на ногах. А став свидетелем кары, подтверждавшей искренность покаяния, почувствовал, что мне сделалось дурно. Я отвернулся от горемыки, пытаемого бесплотной тенью, и посмотрел на Фаустофеля. Тот, однако, нимало не тронутый страданиями бедняги, злорадно ухмылялся.

Раздражение помогло мне справиться со слабостью, и я негодующе обратился к Фаустофелю:

— У этого человека есть все основания, чтобы терзаться своим несчастьем.

— Помилуйте, господин хороший! — Фаустофель, желая охладить мой запал, напустил на себя нарочито равнодушный вид. — Во-первых, убийство он совершил в целях самозащиты, а кем ему приходился убитый —

отцом или нет — малосущественно. Во-вторых, сожительство с матерью, по всей вероятности, доставляло ему удовольствие, поскольку продолжалось довольнотаки долго. Да и отпрыски его, уверяю тебя, ничем не хуже и не лучше большинства. К тому же, заводя приплод, о кровосмешении он не подозревал, так что самым простым было бы выбросить всю эту чепуховину из головы.

Не находя возражений, я смотрел на него с ненавистью. Теперь до меня дошло, куда он клонит. Я лишился всего что только можно, кроме единственной черты, отличающей человека от животного. Во мне еще теплилась вера в непреложную ценность определенных условностей, принятых в человеческом обществе, в непререкаемость некоторых правил внешней и внутренней жизни, служивших прочным заслоном от озверения. Если бы я потерял эту веру — не этого ли домогался Фаустофель? — мне оставалось бы только прямиком припустить обратно, в свинарник Цирцеи.

И все же, несмотря на настоятельную потребность дать сквернослову отпор, нужных слов я не находил.

— Тебе известно не хуже моего, — вяло выдавил я из себя, — что человеку омерзительна сама мысль о подобном скотстве.

— С чего ты взял? — изумился Фаустофель. — Куда резонней выпустить кишки именно из папаши хотя бы за то, что он тебя породил на свет. А если овдовела пригожая маменька — считай, тебе повезло по-крупному: почему бы ее не уложить себе в постель? Не отдавать же семейное добро чужаку! Где же тут повод, чтобы рвать на себе волосы, нагнетать страсти-мордасти? Подумаешь тоже, трагедия...

Заметив мое смущение, он довольно закрякал.

— Quod erat demonstrandum[1], если вспомнить о предмете нашего ученого спора. Усек? Эдип для меня — главнейшее вещественное доказательство в пользу моей теории насчет того, что источник всех бед человечества, помимо самого факта существования под солнцем, заключается в пагубном обольщении высотами морали.

— Но мне... — Я собирался было запротестовать, но Фаустофель прервал мой жалкий лепет.

---

[1] Что и требовалось доказать *(лат.)*.

— Прежде чем продолжить нашу содержательную дискуссию, в которой ты блеснул лаконичными, но совершенно неотразимыми аргументами, позволь мне представить тебе второе по значимости вещественное доказательство.

Фаустофель подвел меня к юноше с книгой, так увлеченному чтением, что для него, казалось, все остальное на свете перестало существовать.

— Как поживаете, милорд? Среди ученых вы — настоящий принц.

— Нет, всего-навсего вечный студент среди принцев, — парировал юноша, оторвавшись от книги. Глаза его сверкнули. — К несчастью, понадобится вечность, чтобы принцы хоть чему-нибудь научились.

— Но жить на широкую ногу они умеют, да еще как, — напомнил Фаустофель. — Что вы читаете?

— О, сборник старинных преданий, весьма захватывающих, с пространными причудливыми заглавиями, в которых кратко излагается содержание едва ли не целиком, от начала и до конца. Я только что дочитал одно и собирался приступить к следующему. Если не возражаете, я прочту вам название, чтобы дать вам хоть какое-то представление.

Предвкушая удовольствие, юноша перелистнул страницу.

— Тут открывается сказ о Сигмунде, и как он обитал много лет в лесах подобно волку, и как зачал дитя от сестры своей Сигню, единственно с намерением умертвить супруга ее Сиггейра, бывшего губителем Вольсунга, а он приходился им обоим отцом.

На этот раз вмешательства Фаустофеля не потребовалось. Едва было произнесено последнее слово — фантом за спиной принца протянул руку и тронул его за плечо. Живое, одухотворенное лицо юноши тотчас исказилось гримасой безысходного отчаяния.

— Ну, спрашивай, что его так грызет, — затормошил меня Фаустофель.

Хоть я и был у него в подчинении, но тут решительно воспротивился.

— Ни за что! Он может выкинуть штуку еще почище, чем тот.

— Тебе-то какое дело? Если он и причинит вред, то только себе самому. Нечего слюнтяйничать!

Я упрямо замотал головой, и Фаустофель презрительно фыркнул:

— Рохля! Зелен еще для путешествия туда, куда нацелился. Обойдусь и без твоей помощи.

Фаустофель подобрал книгу, которую юноша уронил на пол, и обратился к нему со словами:

— Продолжайте, пожалуйста: вы нас очень заинтересовали. Как вы сказали, кто кому кем приходился — кажется, отцом?

— Отцом... — слабым голосом отозвался принц. — Нет, это слово мне нельзя произносить, я его недостоин. Здесь, — он указал на книгу дрожащим пальцем, — повествуется о человеке, который действовал как настоящий мужчина, сметая все преграды, мешавшие ему отомстить за умерщвленного родителя. Сэр, — он неожиданно обернулся ко мне, — я не ставлю под вопрос законность вашего рождения, но скажите мне — знали ли вы вашего отца?

Раньше над этим вопросом я как-то не задумывался: пришлось напрячь память.

— В общем-то, да. Мы неплохо ладили друг с другом, особенно после того, как долго не виделись.

— Вот как? Моего отца я знал как самого себя, и в моих глазах равных ему не было — не было мужа доблестнее или монарха величественнее. И вот его убили, сэр... А известно ли вам, где сейчас ваша матушка?

Бессвязные речи принца смахивали на бред, но я почел за благо терпеливо отвечать на его вопросы.

— Известно...

Мне вспомнилось дождливое утро, двор крематория.

— Мне тоже. — Принц скрипнул зубами.

— Отлично. — Ему явно хотелось рассказывать дальше, однако я поспешил переменить тему разговора. — Нашелся ли преступник, я имею в виду убийцу вашего отца?

Принц кивнул:

— Нашелся. Личность убийцы установлена со всей неопровержимостью.

— Были ли предприняты какие-то меры?

— Не были и не будут, — проговорил принц упавшим голосом. — Виновного не призовут к ответу: кроме

уверенности, других улик у меня нет. А вершить справедливость самому... — Он жалко улыбнулся. — Вглядитесь в меня, сэр. Разнородные части моего состава ведут междоусобную распрю — им не собрать кворума, чтобы принять решение. Мне достанет ума разработать в деталях далеко идущий стратегический план против любого противника; в силе и ловкости я уступлю немногим; я слыву воином, готовым ринуться в самую гущу схватки. И вот, невзирая на все это, я не могу заставить себя пойти к убийце моего отца и поразить его мечом в постели, где он спит с моей матерью... Господи, Господи, будь оно все проклято!

Издав это горестное восклицание — не то молитву, не то хулу, — принц умолк с безнадежным видом. Казалось, он утратил способность говорить, как, по его словам, утратил способность действовать. С минуту он постоял недвижно, потом, шатаясь, двинулся на ощупь, словно тоже лишился зрения.

Мне подумалось, что он изнемогает под бременем тяжелейшей дилеммы, так и не разрешенной человечеством: как обуздать зло, не прибегая к орудию зла — насилию, но Фаустофель прервал мои размышления, пихнув меня под ребро.

— Им ничем не угодишь. Эдип сокрушался, что прикончил отца, не подозревая о своем родстве с ним, и совокуплялся с женщиной, которая вдруг оказалась его матерью. Так и быть, ладно: в интересах полемики допустим, что он прав. Но тогда чего ради городить огород Гамлету? Отца он не убивал, с матерью не спал, однако готов на стену лезть из-за того, что это сделал кто-то другой. Не имеем ли мы здесь случай полного идиотизма? Где логика, спрашивается? Можешь ли ты мне дать ответ?

— Могу. Конечно, могу! — запальчиво вскричал я, движимый не столько убежденностью, сколько отвращением к его гадко ухмыляющейся физиономии.

— Браво, браво... Я весь внимание.

Я помолчал, прежде чем высказать мнение, которое устояло бы перед огнем его насмешек.

— В обоих случаях, — начал я, — истинная подоплека несчастья заключается в том, что были подорваны самые основы миропорядка — и их нельзя было восстановить. Кто их подорвал — ты сам или кто-то

другой — вопрос второстепенный. Это не суть важно. Главное — тебе не ступить ни шагу вперед: станет только хуже.

— Понятно. — Фаустофель язвительно скривил губы. — Чувство юмора у тебя, Серебряный Вихор, развито гораздо лучше, нежели я предполагал: особенно забавно выражение «основы миропорядка», которое ты употребил, — ничего более смешного я от тебя пока что не слышал.

Он плюнул на пол — и плевок растекся по гранитному полу. Плюнул еще раз — образовалась вторая лужица, непохожая на первую, но столь же бесформенная.

— Видал? Вот они, твои основы миропорядка: лада и склада в них не больше, чем в любом харчке.

— Человек смотрит на это иначе, — упорствовал я.

— Ничего подобного! Впрочем, у тебя, возможно, особая точка зрения. Тогда сообщи, умоляю: какими основы миропорядка видятся тебе лично?

Я потупился в замешательстве.

— Не знаю... Но это не значит, что для меня они не существуют. Люди — не болванки, которые случай обтачивает как на токарном станке. Они сами используют случай, подчиняют себе обстоятельства и устраивают их по собственному усмотрению. Если наша вселенная возникла ни с того ни с сего из Бездны, то человечество создало собственную вселенную — и в ней, как во всяком сооружении, есть крыша и фундамент, она обладает своими собственными пропорциями, собственной системой мер.

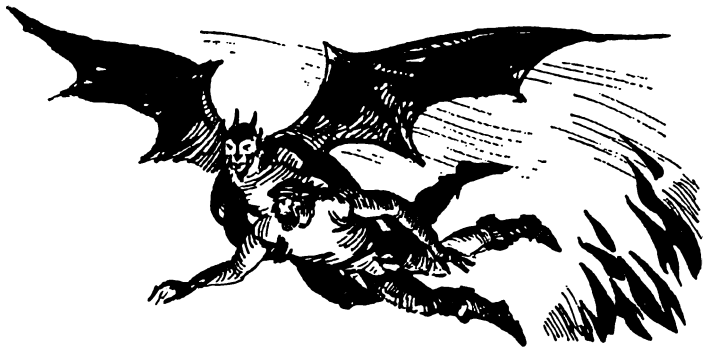
— Ах, что за прелесть! — Фаустофель поцокал языком в притворном восхищении. — А собственными глазами это сооружение кто-нибудь видел?

Бунтарский дух во мне разом сник. Пока я подыскивал ответ, меня охватило чувство полного неверия.

— Вряд ли. — Я повесил голову, признав тем самым свое очередное поражение. — Я тут плел всякий вздор, лишь бы тебя не слушать.

Фаустофель мерзко хихикнул.

— Всласть покачался на метафизических узлах — подустал малость? Хватит, слезай с каната! Продолжим наше изучение реальной действительности.

28. На самом дне

Как ни странно, но посещать застенок на следующем этаже Фаустофель, по-видимому, не собирался. Мне это было решительно безразлично, однако навстречу, преградив нам путь, из-за поворота выступил угольно-черный бес с огненно-желтыми глазищами.

— Веди посетителя сюда, Фаустофель! — произнес он нараспев, тоном ярмарочного зазывалы. — Вы всегда желанные для нас гости. Представление длится целую вечность без пере-рыва, вам не придется скучать ни минуты. Потраченное время вам с радостью возместят, если вы проведете без смеха хотя бы малую долю се-кунды!

— Прибереги время для тех, кому его не хватает, — буркнул мой проводник.

Сородич Фаустофеля и не думал сдаваться.

— Ну-ну, Вергилий, уж не знаю, по какой причине, но ты на наше зрелище давненько не заглядываешь, однако у твоего подопечного, судя по всему, другие планы. — Несмотря на свою назойливость, держался он с Фаустофелем довольно-таки подобострастно. Ко мне он обратился по-приятельски непринужденно, раскланиваясь чуть ли не до пояса: — Я надеюсь — нет, я совер-шенно уверен в том, что джентльмен, внешний облик которого красноречиво свидетельствует о присущем ему безошибочном внутреннем чутье, не проявит пагубного неблаго-разуми-я и не пренебрежет воз-можностью по-сетить редкостное шоу, лучшее во всей Преис-подней!

— Будь ему это необходимо, я бы провел его сам, — недовольно заметил Фаустофель. — Идем дальше, Серебряный Вихор.

— Он имеет право решать за себя сам, — возразил бес. — Ну как, дружище?

Я уже упоминал, что мне было безразлично, куда идти, однако перечить Фаустофелю считал первейшим своим долгом.

— Да, я не прочь отметиться.

— Перебьешься! — сердито вмешался Фаустофель.

Настоять на своем я бы не сумел, однако надзиратель, приняв позу начальника военной полиции, передающего директиву в штаб, назидательным тоном отчеканил:

— Воспрещается чинить задержки посетителям или иным образом препятствовать им извлекать полезнейшие уроки из доступных всеобщему обозрению потрясающих и в высшей степени поучительных наглядных презентаций, имеющих место быть во вверенном вашему попечению отделе.

Было очевидно, что Фаустофель не намерен бросать вызов утвержденному регламенту. Не без некоторого злорадства я последовал за ним в обширный грот. Надзиратель, ухватив меня под руку, деловито приступил к лекции:

— На данном ярусе Преис-подней содержатся те, кто так или иначе обнаружил свою про-винность. К счастью, в нашем распо-ряжении находятся образцы всех суще-ствующих разно-видностей, но я бы рекомендовал вам насладиться знакомством с наиболее комической: особи из указанного разряда воспитывают себя в строгом следовании определенному нравственному кодексу, а в действительности прилагают все усилия к тому, чтобы своими по-ступками внушить себе самое низкое мнение о собственной мо-рали. Обхохочешься, верно? Слушай, парень...

— Делать нечего, — перебил его Фаустофель, — мы поприсутствуем, но только недолго. А без твоих разглагольствований и вовсе обойдемся. Где тут эта самая Анна — как там бишь дальше? — которую я давеча к тебе подкинул? Мы на нее взглянем — и с нас хватит.

— Какая именно? — обиженно осведомился сторож. Голос его утратил профессионально металлический тон. — И что за горе ее постигло: лично-воображаемое или общественно-иллюзорное?

— Пожалуй, общественное... Ну и осложненное, разумеется, обычным беспочвенным сопротивлением реальности. — Фаустофель наморщил лоб. — Она притязает на то, чтобы стать не то княгиней, не то графиней — что-то в этом роде...

— Ага, теперь вспомнил. Она здесь недалеко, но вам придется капельку обождать, если хотите увидеть представление целиком. Ее вот-вот подготовят.

— Посмотрим развязку — этого более чем достаточно, — решил мой спутник. Он велел мне не отставать и широкими шагами устремился вперед. Я едва поспевал за ним.

Пытка производилась здесь субъектами, которые видом и ухватками очень напоминали главного распорядителя. Каждый стоял на возвышении возле своего подопечного с указкой в руках, дожидаясь нужного момента, чтобы приступить к действию. Затем зычным голосом принимался вещать о судьбе жертвы, бьющейся в муках, тыча в нее указкой. Лекции с использованием наглядных пособий имели определенный успех: вокруг собиралась группка зрителей, жадно ловивших каждое слово.

Внешность Анны, отличавшейся большой привлекательностью, сразу выдавала в ней великосветскую даму. Держалась она, однако, приниженно: разглашение ее позора, по-видимому, было для нее непереносимо. Она стояла, понурившись, с ничего не выражающим, бесчувственным взглядом. Внутренние терзания подвели ее, судя по всему, к последней грани отчаяния.

Рогатый конферансье между тем жизнерадостно оповестил публику о близящемся финале жалостной истории ее злоключений.

— Итак, — прогнусавил он, коснувшись страдалицы указкой, — эта женщина добровольно уступила искушениям плоти. Нам с вами они, разумеется, тоже свойственны, однако мы обладаем достаточной моральной устойчивостью, чтобы им не поддаться. И вот — к ее изумлению — она в один прекрасный день обнаруживает, что ее сообщник по осквернению святости

брачных уз вовсе не ставит своим идеалом нерушимость домашнего очага.

Он растянул рот до ушей в поганой ухмылке, а среди зрителей пронесся взволнованный шумок.

— Говоря попросту, леди и джентльмены, Анна любовнику осточертела. Теперь перед ней стоит суровый выбор: вернуться к оскорбленному супругу она не может, но равным образом не может она оставаться на приемлемых условиях и в вашем обществе: раньше вы были ее друзьями, однако прежние отношения с особами небезупречной нравственности, как вы прекрасно понимаете, совершенно немыслимы. Как же ей поступить?

С минуту Анна, застыв на месте, напряженно вглядывалась куда-то вдаль и словно обмозговывала какое-то решение. Что она видела перед собой — понятия не имею, но внезапно с отчаянным воплем ринулась вперед. Похоже, она намеревалась разбиться насмерть, бросившись вниз с возвышения, на котором происходил спектакль, однако при падении ее что-то ударило со страшной силой и отбросило далеко в воздух. Точно так же отлетел в сторону человек, на которого налетел мчащийся грузовик, — однажды мне уже довелось быть свидетелем подобного дорожно-транспортного происшествия. Рухнув наземь, Анна не подавала больше никаких признаков жизни.

Пока я с трудом приходил в себя, глашатай возвысил голос, стараясь перекричать возбужденный гул распаленных зрителей:

— Спешите сюда, ребята: полюбуйтесь на то, как Анна расплачивается за свою преступную неосмотрительность. Следующее представление — через десять минут!

Тем временем сплин с Фаустофеля как рукой сняло. Догнав меня, он развязно заговорил:

— На тот случай, если ты сам этого не углядел, позволь указать тебе на самое уморительное в показанном нам фарсе.

Мне уже так часто приходилось перед ним пасовать, что возражать я почти разучился, однако все же сделал слабую попытку его укоротить:

— Не вижу ничего уморительного, если человек оказывается в жизненном тупике.

Я, не оборачиваясь и не разбирая дороги, торопливо шагал вперед, не в силах вынести его иронической гримасы. Увлеченный своими рассуждениями, он на какое-то время забыл, кто чей проводник.

— Я очень боялся, что ты это упустишь. Слушай внимательно. Называть половое влечение неким страстным порывом двух душ к слиянию воедино — дурь весьма распространенная, однако Анна пошла дальше. Она вступила в связь, которая ровно ни к чему ее не обязывала, и все свое благополучие поставила в зависимость от нее. Не верх ли абсурда? Потеха — и только...

— Всякий поступок имеет две стороны, — пробормотал я и в растерянности умолк, но тут мне очень кстати вспомнилось, что когда-то я занимался математикой. — С одной стороны, сам факт совершенного действия. С ним, как ни крути, ничего не попишешь — это величина постоянная. Но, с другой стороны, — смысл поступка, и тут мы сталкиваемся с переменной величиной.

На этом я споткнулся, поскольку не обладал достаточной информацией обо всех обстоятельствах дела. Колеблясь, стоит ли расспрашивать о них Фаустофеля, я случайно бросил взгляд в сторону — и оцепенел, враз утратив всякий интерес к продолжению спора.

— Не может этого быть! — вырвалось у меня. Забыв обо всем, я опрометью ринулся туда.

— Стой, Серебряный Вихор, стой! — завопил Фаустофель. В иное время я вынужден был бы подчиниться беспрекословно, однако здесь, похоже, власть его надо мной была урезана.

— Туда нельзя! — кричал мне вслед Фаустофель. — Нам пора уходить! Тысяча чертей — и я вместе с ними!

Добежав до места, я остановился в растерянности. Вокруг еще одного, такого же помоста толпился народ, глашатай объявлял начало очередного шоу, но до этого мне не было никакого дела. Ошеломило меня лицо жертвы — юной девушки с младенцем на руках. Я смотрел на нее не отрываясь и не мог поверить собственным глазам.

На груди у девушки алым была вышита буква «П». Раньше она одевалась иначе, но сомневаться не приходилось — это была Розалетта! Я уверенно начал

проталкиваться через толпу мужчин в замысловатых шляпах и женщин, разодетых в пух и прах. Зазывала между тем разводил свою бодягу:

— Примечательная особенность скандального поведения этой юной леди заключается в том, что сойти с пути истинного ее побудила отнюдь не тяжкая необходимость — несколько смягчающее вину обстоятельство, которое наиболее чувствительных из нас заставляет если не прощать виновную, то хотя бы ей сострадать, хотя ничто на свете и не может служить оправданием коммерческой практики, характерной для одной из древнейших в мире про-фессий.

Тут он сделал значительную паузу. Слушатели в полном безмолвии обменялись понимающими взглядами.

— Полагаю, что не навлеку на себя вашего неодобрения, если в смешанной аудитории обойду молчанием конкретное наименование и непосредственную суть упомянутой выше практики.

К этому моменту я уже пробился в первые ряды зевак. Здесь Фаустофель наконец-то меня настиг. Он пылал от бешенства, но я твердо стоял на своих правах.

— Я хочу посмотреть на эту девушку и буду на нее смотреть столько, сколько мне вздумается! — отрубил я, стряхнув с плеча его руку. Вглядевшись в нее с близкого расстояния, я окончательно убедился, что передо мной она — она самая, Розалетта! Новым для меня было только каменное выражение ее лица.

— Что ты собираешься делать? — оторопело взревел Фаустофель, но было уже поздно.

Сам не понимая своих намерений, я одним махом перескочил барьер и вспрыгнул на помост. Иначе я поступить не мог: меня толкало неудержимое стремление защитить собой любимое существо от позора. Как бы я ни относился к себе и к другим, но мне и в голову не пришло подумать плохо о той, которая была так дорога мне. Если она и попала в беду, то никак не по собственной вине; в любом случае, нельзя было допустить, чтобы она хоть минуту еще оставалась предметом всеобщего осмеяния.

Розалетта подняла на меня глаза. Они смотрели горько и отстраненно. В лице ее не дрогнул ни один мускул. Она явно меня не узнавала.

— Розалетта! — воскликнул я. — Это я, Шендон, Шендон Серебряный Вихор. Как ты здесь оказалась? Где Окандо? Что вообще произошло?

— Он еще спрашивает, что произошло! — Зазывала, подмигнув толпе, оттеснил меня от Розалетты. — В данной ситуации у меня нет времени обучать этого недоумка всему алфавиту софистики, но все же мне придется сообщить ему несколько предварительных сведений, прежде чем я продолжу разоблачение поразившей Эстер моральной проказы. — Он последовательно тронул указкой алую букву на платье, младенца и, наконец, саму девушку. — «П» обозначает «Прелюбодеяние», «Р» — «Распутство», «С» — «Сластолюбие», ну и так далее...

Схватив меня за шиворот, зазывала бесцеремонно столкнул меня с помоста и обратился к моему вожатому:

— Забери его отсюда, Фаустофель, ради всего треклятого! Таким простакам делать тут нечего.

Озадаченный тем, что глашатай назвал Розалетту другим именем, я не очень-то сопротивлялся. Но не прошли мы и десяти шагов, как мелькнувшая у меня в голове догадка заставила меня упереться как ослу.

— Мне все ясно. Она взяла на себя чужую вину. Она вовсе не Эстер, ее зовут иначе!

Фаустофель тоже не переставал то и дело оглядываться, занятый какими-то своими мыслями. Я не двигался вперед ни на шаг.

— Ну, разумеется, она вовсе не Эстер! — рассеянно пробормотал он в ответ.

Охваченный волнением, я даже не посчитал странным, что он со мной согласился.

— Но мы можем ее выручить! — вскричал я. — Они обязаны ее отпустить, если мы дадим согласные показания, что на самом деле ее зовут Розалеттой.

Фаустофель накинулся на меня с такой неистовой яростью, что я невольно отшатнулся.

— Олух царя подземного, кретин! — прошипел он. — Гретхен, скажи, это поможет?

Я недоуменно воззрился на него. В эту минуту глашатай, добравшись до развязки, истошно выкликнул:

— Как же поступит Эстер?

Содрогнувшись от жуткого воспоминания об участи Анны, я рванулся было к помосту, но замер, едва услышал спокойный ответ девушки:

— Я готова претерпеть все, что мне суждено.

Меня остановили не только ее слова, явно исключающие тягу к самоубийству. Голос девушки ничуть не походил на голос Розалетты. Зазывала не заблуждался... Смущенно поискав глазами Фаустофеля, я, к моему удивлению, обнаружил его рядом с собой. Оказывается, он тоже, не удержавшись, бросился к девушке на выручку, и его тоже заставил отступить незнакомый голос.

Фаустофель так быстро принял свой обычный вид, что я легко мог бы остаться в неведении относительно вспышки его чувств. У меня сразу отлегло от сердца, когда я понял свою ошибку, и испытанное мной облегчение вытеснило все другие мысли. Только призадумавшись всерьез, я сообразил, что я на самом деле видел. Крепостная стена презрения ко всему сущему, которой оградил себя Фаустофель, была дырявой; через щель в его обиталище легко вторгался ветер чувства... И такой же ветер чувства свободно проникал через окружавшие меня стены отчаяния.

Но я-то сознавал, что для меня этот ветер подул в последний раз. Теперь все былое кончено... Прошлое потеряло свое было значение: я испытывал скорее стыд и униженность. Разум ненадолго вышел из послушания, и воскресшие вдруг эмоции восторжествовали над безжалостной логикой реальной действительности. Окажись эта девушка Розалеттой, кто мог поручиться, что ее не соблазнил какой-нибудь вертопрах? Я повел себя более чем глупо — и впал бы в настоящую меланхолию, не будь у меня под боком собрата по разочарованию. Осклабившись, я справился у моего гида:

— Острый моментик пришлось пережить, верно?

— Впереди хуже.

Фаустофель теперь полностью овладел собой. Попытки раззадорить его были бы напрасной тратой времени. И все-таки случившееся не прошло даром: общее воспоминание возымело свое действие. Отныне его власть надо мной уже не могла быть столь безоговорочной: я узнал о его больном месте, где он был уязвим.

Особенного утешения это не принесло. Брезжила только смутная надежда на то, что удастся разгадать сокровенный смысл, таящийся за обнаруженной им слабостью. Тут я потерпел полное фиаско: не только не продвинулся вперед, но и сдал завоеванные уже позиции. Однако полезным итогом было то, что, даже если подчас правота Фаустофеля казалась мне непререкаемой, будто вердикт суда, где-то в уголке сознания продолжало крыться настойчивое сомнение...

По мере того как мы спускались все ниже и ниже, Фаустофель становился все более самоуверенным. Когда мы достигли самого последнего яруса, на котором размещались темницы, он с явным торжеством провозгласил:

— Ты вдоволь насмотрелся на комедии, движущей пружиной которых являлось разрушение иллюзий насчет ценности моральных установок. Здесь, на этом последнем этаже, расположенном над самым основанием Преисподней, ты сможешь созерцать комедию мученичества, претерпеваемого во имя благородной самоотверженности — на самом деле, как известно, несуществующей.

Я с недоумением огляделся по сторонам. Обычной толпы истязаемых нигде не было видно.

— Здесь находится один-единственный грешник, отчасти потому, что благородная самоотверженность (даже несуществующая) встречается не на каждом шагу. И отчасти ввиду громадных размеров самого́ имеющегося в наличии экземпляра. — Одну руку Фаустофель положил мне на плечо, а другой указал на гребень скалы. — Видишь вон то непонятное образование, торчащее из расселины? Это стиснутый кулак. Близко не подходи — пальцы иногда разжимаются.

Приглядевшись, я действительно различил чудовищной величины руку — до локтя она не уступала по габаритам стволу дугласовой пихты. Рука была судорожно напряжена в тщетной попытке освободиться из-под гнета утеса, пригвоздившего ее к земле у запястья. Глухой стон, от которого у меня чуть не лопнули барабанные перепонки, заставил меня подпрыгнуть на месте.

— Может ли он вдруг освободиться?

— Сомневаюсь, — небрежно бросил Фаустофель. — Громадный орел терзает ему внутренности не менее вольготно, чем курица, которая роется в песке, выискивая червей. И если он не в состоянии шевельнуться, чтобы его отогнать, вряд ли он захочет утруждать себя попыткой прихлопнуть комарика вроде тебя.

— Господи! — У меня перехватило дух от одной мысли о том, как можно при жизни стать добычей безжалостно жестокой и ненасытно прожорливой птицы. — Он умрет?

— Не тебе бы задавать такой вопрос! Как и всех остальных грешников, его исцелят с целью возобновления пытки... Остановись здесь!

Я молча повиновался. Мы обогнули выпуклое плечо, и мне стало видно в профиль измученное лицо, по которому лились струи пота. Вспомнив о бездушном взгляде птицы с острым клювом, я содрогнулся.

— За какую же провинность заслуживают такую муку?

— Суди сам, если вина его достаточна для того, чтобы ты считал его своим злейшим врагом.

— Моим врагом?

— Да, твоим — и врагом всех людей до единого. Я докажу тебе это.

Возвысив голос, Фаустофель крикнул:

— Отзовись, Прометей! Растолкуй, почему ты лежишь здесь, почему вся твоя мудрость оказалась бесполезной, а твои искусные руки — беспомощными перед Зевесовым орлом, которого ты откармливаешь собственной печенкой.

Голова колосса медленно повернулась к нам. Черты его лица напомнили мне изваяние на Каменной Горе.

— Тебе известна моя история, — прохрипел мученик, всмотревшись в нас.

— Мне известна, а вот этому человеку — нет. Он вправе выслушать ее из твоих уст. И нечего дурачить его россказнями о том, как ты принес людям огонь, спрятанный в стебле папоротника. Поведай лучше о главном своем злодеянии.

Лицо гиганта загорелось гневом.

— Злодеянии? Наоборот, я устранил зло!

— Чем чудовищнее преступление, тем усердней они его оправдывают, — съязвил Фаустофель. — Давай

выкладывай начистоту все, от начала и до конца. Пускай тебя судит жертва!

Гигант стиснул зубы, смежил веки, — должно быть, когти хищника еще глубже вонзились ему в чрево. О, как я ему сочувствовал... Немного погодя веки раскрылись; живые глаза, блеск которых свидетельствовал о не замутненной чудовищной пыткой ясности ума, сосредоточились на мне.

— Я готов услышать его приговор, — произнес Прометей. Видя свое отражение в его огромных зрачках, я понял, что и сам стою перед судом. Не без усилия я постарался сосредоточиться на словах Прометея. — Когда человек стал составной частью творения, он напоминал кузницу без кузнеца. Все физические качества, потребные для великих свершений, были налицо, но отсутствовали дух, разум, воля, устремляющие человека к поставленной им себе цели. Люди блуждали по земле словно овцы — с пустым, бессмысленным взглядом, движимые теми же побуждениями, что черви или жабы. — До сих пор Прометей говорил спокойно, размеренно, но тут в его голосе зазвучала гордость. — Все переменил я. Не желая видеть дивные возможности человека пребывающими в запустении, я дал людям знания, вложил в них неуемное беспокойство и способность к действию.

— Ты слышал, Серебряный Вихор? — Фаустофель, ухватив меня за локоть, подтолкнул ближе к Прометею. — Он изобличил сам себя!

Признание Прометея застало меня врасплох: подобных речей я никак не ожидал.

— И это ты почитаешь величайшим злодеянием? — переспросил я Фаустофеля.

— А чем же еще? Впрочем, толковать с тобой бесполезно. Очевидно, когда Прометей раздавал человечеству мозги, твоих предков малость обделили. Но все же попытайся проследить за моей мыслью. Разве источник всех твоих, да и всеобщих, скорбей — не осознание полной безысходности наряду с желанием предпринять какие-то усилия и ясным пониманием их тщетности?

Да, Фаустофель перечислил главные мои беды. Поймав мой затравленный взгляд, он победно усмехнулся.

— Ведь если бы человек заботился только о том, чтобы регулярно принимать пищу и в должное время освобождаться от излишка спермы, он бы не знал горя и жил припеваючи. Не было бы этой дурацкой погони за бесплотными призраками. Не было бы искусственно придуманных моральных соображений, отягощающих и без того гнетущую, жалкую участь. Более того, не подозревая о своем ничтожестве, вы от рождения до смерти пребывали бы в безмятежно-умиротворенном настроении. — Выбросив руку вперед, Фаустофель указал на Прометея: — Таковы величайшие блага, которыми ты бы мог пользоваться, если бы этот парень не совал нос в чужие дела. Пусть бубнит в свою защиту что хочет. Именно он — первопричина твоих несчастий, и, того пуще, именно он наградил тебя беспредельной готовностью претерпевать любые тяготы, сохраняя в памяти прошлое и предвидя будущее. Пошли, полюбуемся птичкой — орудием кары, которую он заслужил стократ?

— Мы договаривались не так, — отозвался гигант. — Человек может взглянуть на инструмент пытки, которой я подвергнут, если того пожелает. В любом случае это никак не отразится на моих страданиях. Но мы условились, что он вынесет мне приговор. Я жду.

— Мне известно наперед, что он скажет, — заявил Фаустофель. — Ты бы сказал то же самое, если бы пользовался иной шкалой ценностей, помимо зацикленности на эгоистических экспериментах.

Я стоял молча, с опущенной головой, и Фаустофель принялся меня тормошить:

— Врежь ему, приятель, не стесняйся! Мол, так и так, знай наших... Это единственная твоя возможность плеснуть в лицо отравителю остатки яда, которым он тебя опоил.

Я медлил с ответом, несмотря на все поторапливания. Да, безнадежность переполняла мое существо: никто и ничто не вызволит меня теперь из пучины отчаяния. Ответ, казалось, был предрешен: двух мнений быть не могло. Однако дело вдруг представилось мне с неожиданной стороны — и я невольно встрепенулся. А что, если бы я с рождения был обречен на пустоту существования еще бóльшую, чем та, в которую ввер-

гнут ныне? Что, если бы, довольствуясь примитивными рефлексами, не искал ничего, кроме подножного корма и удобного логова? По спине у меня пробежал холодок: ощущение бесцельности жизни представилось мне самым страшным несчастьем из всех возможных. Вскинув голову, я вновь увидел себя в зрачках Прометея — на этот раз подтянутого, собранного.

Взгляд гиганта вопрошал меня немо, но настойчиво.

— Моя нынешняя судьба мне дороже, — твердо ответил я.

— Это и мой ответ! — откликнулся колосс. — Кому вкус поражения знаком больше, чем мне? Но лучше пасть, чем валандаться в безрадостной пустоте. Слышишь, Фаустофель?

Я обрадованно встретил улыбку на губах Прометея, однако в следующий же момент его лицо исказилось непередаваемой мукой. Он застонал, и по телу его прошла бессильная судорога. Фаустофель поспешил оттащить меня в сторону.

На ходу мы оба молчали. Мой проводник не скрывал своего бешенства, а я сожалел о том, что так мало успел сказать тому, кто терпит страдания за оказанное мне благодеяние.

Наконец я не выдержал и прервал молчание вопросом:

— И это единственная его вина?

— Полоумных надо держать в смирительной рубашке, — прорычал Фаустофель.

— Но ведь наказание слишком непомерно! И потом, он вовсе не сумасшедший!

— По-твоему, нет? А что ты запоешь, если я открою тебе правду до конца? Прометей действовал совершенно сознательно: он заранее знал о том, что его ждет!

— Такого не может быть! — вскричал я. Однако мне тут же вспомнилось, как у зеленой часовни Гавэйн швырнул оземь шлем — Впрочем, нет! Конечно же, может...

Сердце мое чуточку ободрилось, и эта внутренняя перемена, угаданная Фаустофелем по проблеску на моем лице, окончательно вывела его из себя.

— Хочешь — верь в добро, хочешь — не верь; конец один, — яростно зашипел он. — И святых, и праведников неизбежный итог сметает в корзину без разбора.

Против рожна не попрешь: борьба напрасна, молитвы и покаяния не помогут, как не поможет ни богохульство, ни кощунство: они так же бессмысленны, как бессмысленны претензии на благонравие и потуги достичь морального совершенства. На кладбище Вечности лежит только один могильный камень, и надпись на нем гласит: «Все — вздор».

Я постарался спрятать глаза, чтобы он не заметил в них нахлынувшего на меня уныния.

— Кто его знает! — уклончиво бросил я с напускным равнодушием.

— Да я́ знаю, я! «Все — вздор». Скоро увидишь сам. Там, куда мы направляемся, нет ни дырочки, ни щелочки, сквозь которую могла бы просочиться любая ересь.

Дым все более сгущался, и вскоре под ногами у нас разверзлось широкое море огня. Я отшатнулся в сторону.

— Нет, дальше я не пойду!

— На своих двоих и не стоит, — согласился Фаустофель.

Он сгреб меня в охапку, прежде чем я успел опомниться, и, хохоча над моими тщетными усилиями высвободиться, прыгнул с края утеса в пропасть.

Внутри у меня все словно оборвалось: мы камнем летели вниз с головокружительной высоты, однако через прорези камзола за спиной Фаустофеля вдруг с треском раскрылись, будто парашют, огромные перепончатые крылья.

Наш полет сразу замедлился. Теперь мы снижались плавно, и я, набравшись храбрости, открыл глаза. Под нами расстилалось пылающее озеро. Нестерпимая вонь от горящей серы, клубы черного дыма, потоки раскаленного воздуха вызвали у меня полуобморочное состояние.

Ослепленный и едва не задохшийся, я не заметил пирамидообразного островка, возвышавшегося над расплавленной поверхностью озера. Я приготовился к тому, что Фаустофель швырнет меня на острие пирамиды, однако от его возгласа в ближайшей к нам стороне пирамиды внезапно распахнулись двери. Мы влетели внутрь — и двери позади нас тотчас же захлопнулись.

Прочихавшись, прокашлявшись и вытерев слезящиеся глаза, я обнаружил, что, к моему изумлению, оказались мы в уютном помещении, обставленном с претензией на роскошь. Это был просторный вестибюль. Двойные двери вели, очевидно, в главные апартаменты. Я вытянул шею, чтобы рассмотреть их получше, и многозначительно присвистнул.

— Угадал, — кивнул Фаустофель. — Из чистого золота.

Наконец-то меня осенила догадка:

— Так, значит, мы прошли всю Преисподнюю — и это путь наверх?

— Совсем наоборот! — Фаустофель довольно крякнул. — Мы на самом дне Ада, откуда нет выхода. Иди вперед — и ни шагу в сторону!

29. Суд один, суд второй

В дверях я замешкался, но Фаустофель втолкнул меня внутрь. Влетев в необозримый зал с высоченными стенами, я поневоле зажмурился. Все вокруг сияло, как раскаленная добела электрическая спираль. Чтобы приучить глаза к ослепительному сверканию, я уставился в застланный дорогими коврами пол.

— Потерпи минутку, — успокоил меня Фаустофель. — Шагай дальше, никуда не сворачивай.

Я поплелся вперед, изредка взглядывая на богатое убранство зала. Интерьер, на мой вкус, грешил излишней помпезностью, однако отделка поражала мастерством, а использованные материалы отличались необыкновенной редкостью. Роскошь била в глаза, а в нос било нечто другое, от чего сразу я сразу насторожился. Тревогу внушал доносившийся все явственней запах. Еще через пару-другую шагов я сообразил, не веря сам себе, почему меня вдруг охватило чувство грозной опасности. Таким духом разит от гнезда, скажем, гремучих змей. Откуда здесь могут быть гремучие змеи? Однако с каждой секундой сомнений оставалось все меньше.

Фаустофель был прав: очень скоро резь у меня в глазах прекратилась и я стал лучше видеть. Мы вплотную приблизились к длинному столу для совещаний, изготовленному из полированного нефрита. У дальнего конца стола возвышался трон, обивка которого была усеяна бриллиантами. Кресла слева и справа от трона были вырезаны из цельных кусков мрамора и украшены полосками платины.

Все три сиденья так ярко переливались в свете ламп, что вначале показались мне пустыми. Постепенно различив сидящих, я замер на месте от ужаса.

Волнообразно раскачивая гибкие длинные тела, на меня недвижно смотрели три здоровенные кобры.

Любая встреча со змеями не сулит ничего приятного, а в столь изысканном окружении способна просто свести с ума. С диким воплем я бросился назад, однако Фаустофель преградил мне путь.

— Мы явились не в самый удачный момент, только и всего, — дружелюбно заверил он меня. — Чуточку переждем — и все будет в полном порядке.

— Нет, нет! Не хочу! — стараясь вырваться, кричал я. Фаустофель держал меня мертвой хваткой. Его невозмутимость делала меня смешным, и я оставил сопротивление.

— Взгляни! — показал он в сторону сидений.

Чувствовать близость змей у себя за спиной было еще хуже, поэтому я рискнул обернуться. Головы кобр стали человеческими! Превращение завершилось у меня на глазах: туловища обрели руки — и в итоге передо мной во главе стола восседали три царственные особы. Мне, однако, было все так же не по себе. Несмотря на державный вид и величественную осанку, трое попрежнему не сводили с меня гипнотического, немигающего взгляда, очень похожего на змеиный.

Я мялся в растерянности, и Фаустофель заговорил первым.

— Великий Князь и Император! — начал он, отвесив низкий поклон суровому правителю, восседавшему на троне. — Перед тобой — новый подданный, по имени Серебряный Вихор, готовый насладиться благими щедротами твоего царствования и всем прочим, что ему полагается.

— Он наш? — вопросил император низким, звучным голосом.

— Наш, теперь наш! Но мне пришлось чертовски с ним попотеть. — Фаустофель поклонился с горделивым видом. — Насельники Преисподней еще сохраняют пережитки различных верований — родимые пятна проклятого прошлого, но с этим кадром я потрудился на славу, не жалея сил, и теперь в нем не осталось ничего,

кроме смутного духа противоречия, отчасти даже бунтарства. Но последнее можно счесть даже приличествующим тому месту, где мы находимся.

— Согласен. Каковы же его таланты, к какому употреблению он годится?

— Особыми талантами, надо признать, он не блещет: человек как человек. Однако нашим целям служит всякий, кто попадает к нам в когти или подпадает под статью аморального кодекса. — Тройка обменялась одобрительными кивками. Фаустофель продолжал: — Я намеревался предложить содержать пленника здесь в течение определенного срока под наблюдением, дабы затем решить, каким образом с максимальной отдачей его использовать.

Я не вмешивался в разговор, потому что язык у меня прилип к гортани, но при этих словах я вновь обрел дар связной речи. Все что угодно, но только бы не застрять здесь! Худшего нельзя было себе и вообразить.

— Я не собираюсь здесь задерживаться! — выпалил я.

Губы раздвинулись в улыбке, однако змеиные глаза не выказали ни малейших эмоций.

— Мой путь лежит к Иппокрене! — возмущенно бросил я Фаустофелю. — Ты знал об этом с самого начала.

На ехидной физиономии моего проводника играло то самое плутовское выражение, каким он встретил меня на дороге, переодетый хромым бродягой. Я понял, что попал в ловушку.

— Мы же заключили с тобой договор!

— Мы условились только о том, что я провожу тебя сколько смогу, — разве не так? — парировал Фаустофель. — Что обещано, то исполнено: дальше идти просто некуда. Но, разумеется, ты волен вернуться обратно.

Все четверо весело гоготнули. От одного воспоминания об огненном озере меня передернуло.

— Обратно? Но ведь наверняка есть дорога, которая ведет вперед, к Ипокрене. — Голос мой слегка дрогнул. — Иначе просто быть не может! Ты сам меня уверял, что не отклонишься ни на шаг в сторону.

— Нельзя же быть таким легковерным! — укорил он меня. — С незнакомцами следует держать ухо востро. А лучше всего вообще никому не верить: непременно попадешь впросак.

Он явно надо мной издевался, но я даже рассердиться был не в силах.

— Послушай, Фаустофель! — умоляюще обратился я к нему. — Тебе больше незачем беспокоиться и утруждать себя. Только покажи мне дорогу — и я отправлюсь один.

— Куда ты отправишься? Разве что прикажешь мне раздвинуть конечные пределы? — Он покрутил головой. — Обратно захотелось? А вспомни-ка, о чем я тебя предупреждал у входа — дороги назад нет!

— Точно! — поддакнул император. — В наших краях даже закон земного притяжения недействителен. Ты — на самом дне и останешься здесь навечно, как всякий, кто примыкает к нам.

Я давно считал себя конченым человеком, но, оказывается, это было не так. Сам процесс кочевания с места на место уже служил утешением; в нем таилась пусть слабая, но все-таки хоть какая-то надежда на перемену к лучшему. Только теперь, лишившись последней опоры, я осознал в полной мере никчемность моего существования.

Дрожа всем телом, я озирался по сторонам как безумный. Еще немного — и я сорвусь в крик, не владея собой, забьюсь в истерике... Тогда окончательная победа будет за Фаустофелем... Но что-то меня еще удерживало на последней грани.

Бесстрастные взгляды холодно следили за мной, пока я лихорадочно перебирал в уме возможности побега. Увы! Надежды не было ни малейшей. Я снова вгляделся в своих мучителей. Смешно было бы искать на их непроницаемых лицах сочувствия: нет, я пытался удостовериться, известна ли мне вся правда, до конца.

Гадать было бесполезно, но вдруг в голове у меня мелькнула одна мысль. Внушительность представшего мне ареопага подсказала моему инстинкту то, что я не сумел уловить в единственном представителе их шатии-братии — моем вожатом. Если все они долдонят одно и то же, какого черта я обязан идти у них

на поводу? Открытие вдохнуло в меня отвагу, и я предпринял ответный выпад.

— Не верю! — крикнул я во все горло. — Не верю ни единому вашему слову!

Грянувший глумливый хохот больно меня уязвил, но я стойко выдержал и это испытание. Зубоскальству внезапно был положен конец. Физиономии всех четверых ошарашенно вытянулись — откуда-то издалека донеслось пение:

Мед с отравой пополам
Мне знакомы вроде:
Пьется вольно и легко
При любой погоде.
Свет ли, мрак ли — чередой
Сменятся в природе:
Нет сомнения — Таммуз
Будет на свободе!

Не всякий голос мог пробиться сквозь эти несокрушимые стены. Пожалуй, только один... Я напряг слух, желая убедиться, что не ошибся.

Вспоминаю яркий день —
Кажется, в апреле:
Гильгамеш, Таммуз и я
Чокались и пели.
Шмыг Инанна мимо нас —
Грудь прикрыта еле...
Припустил за ней Таммуз —
Ох, недоглядели!

Третьим нам Энкиду стал:
Он, дикарь бездомный,
Наделен с рожденья был
Жаждой неуемной.
Вместо чаши осушал
Он сосуд огромный:
Этот чан не мог никак
Сдвинуть кран подъемный.

Голиас — конечно же, это он! Голос проникал через стену за спиной императора и с каждой минутой становился все громче. Приближение Голиаса уже начало оказывать свое действие. Беззаботная песенка

отвалила камень с моей могилы. С плеч свалилась тяжесть, и я снова вздохнул полной грудью. Мои караульщики, оправившись от потрясения, почернели от злобы. Чем большее я испытывал облегчение, тем мрачнее они становились.

Стена казалась сплошной, однако Голиас явно двигался нам навстречу.

И под кедром вековым
Уложили спьяну
Самого Хумбабу мы;
А когда бог Ану
Напустил на нас быка —
Хвастаться не стану...
Тут разборкам и конец:
Мы — скорее к чану!

Должен был Таммуз тогда
Влиться в нашу сплотку,
Но Инанна на куски,
Взяв топор и плетку,
Изрубила жениха —
Черт бы взял красотку!
Безголовый уж никак
Не промочит глотку.

Тут скрытая в панели дверь от удара ноги распахнулась настежь — и в проеме показался Голиас. Не обращая внимания на свирепый вид хозяев, он хладнокровно закончил песню.

На поминках грог и эль
Мы напропалую
Пили осенью, зимой,
А в апреле — чую:
Всюду разбросал Таммуз
Зелень молодую...
— Увлажните мне скорей
Внутренность сухую!

Голиас не изменил свойственной ему учтивости и при последних строках песни отвесил императору поклон. Тот, однако, нимало не смягчившись, проскрежетал:

— У нас не поют!

— Еще запоют, — пообещал Голиас. — Сейчас как раз самое время, ваше величество.

— Что ты хочешь этим сказать? — вмешался Фаустофель.

Голиас, словно не слыша, с улыбкой повернулся ко мне:

— У тебя неприятности, Шендон?

— Привет, Голиас. — Воспоминание о том, как грубо я обошелся с ним при расставании, точило меня изнутри. — Да вот, как видишь, вцепились в меня и не желают выпустить.

— Что ж, ты сам до этого допустил.

Голиас приблизился ко мне, и я почувствовал, что он, несмотря на показную беспечность, крайне озабочен.

— Орфей! — окликнул его император. — Прежде чем двинуться с места, объяви о цели своего визита.

Голиас помедлил, облизнул языком пересохшие губы, но заговорил твердым и уверенным голосом:

— Великий Князь и Император, я пришел вызволить отсюда вот этого человека, моего друга.

Только теперь меня осенило, что явился он исключительно ради меня. Кокон отчаяния, внутри которого я томился, перестал существовать, испепеленный этим молниеносным открытием.

Ошеломленный, я даже забыл сказать Голиасу о переполнявшей меня благодарности и метнул тревожный взгляд на Фаустофеля.

Почуяв опасность, грозившую его власти, Фаустофель огрызнулся:

— Многого захотел! Его ты не получишь. Скажи спасибо, если сам сумеешь унести ноги.

Из моей груди вырвался стон: слова его были слишком похожи на правду. Без могучих союзников — а Голиас явился один — мы ничего не могли поделать.

— Он дал добровольное согласие, — вставил Фаустофель. — Подписался кровью.

— Это так, Шендон? — с тревогой спросил Голиас. Видимо, вопрос был существенный. Я тщательно перебрал факты в памяти.

— Что-то там писалось моей кровью, верно. Однако я поставил условие — с дороги, ведущей к Ипокрене,

не сворачивать! Фаустофель обманом затащил меня сюда.

— Ты ошибаешься, — заметил Голиас. — Фаустофель не лгал. Вы шли напрямик. На пути к Иппокрене империю его величества не миновать. Это одна из главных промежуточных станций.

— Для Шендона она конечная! — провозгласил Фаустофель. Он бросил в мою сторону взгляд, который заставил меня окоченеть. — Да, он всячески упирался, юлил и пищал, как мышь у кота в лапах, но я упорно тащил его все ниже и ниже — и теперь он убедился наконец, что на свете не существует ничего, кроме глупости, подлости и безразличия.

Слова Фаустофеля пригибали меня к земле: я уже не видел смысла в продолжении спора. Как не видел смысла в продолжении пути, даже если бы нашелся выход.

— Пожалуй, лучше будет, если ты, Голиас, выберешься отсюда один, — упавшим голосом проговорил я.

— Еще не время. — Он вдруг громко спросил: — Найдется ли здесь болван, который скажет, что, поскольку существует добро, то не существует зла?

— Не найдется, — послышались торжествующие голоса.

— А возьмется ли кто-нибудь из присутствующих утверждать, — подхватил Голиас, — что существует только одно зло, само по себе? Как же его тогда определить?

Вопрос повис в воздухе. Оппоненты тяжело засопели. Потом через силу, вразнобой, выдавили из себя:

— Существует и добро.

Наступило молчание. Потом я услышал, как император прошептал:

— Я еще не забыл о нем...

Это признание потрясло меня даже меньше, чем утвердительный кивок Фаустофеля в ответ на вопрос Голиаса. Я враз почувствовал себя на свободе.

Мне тотчас вспомнилось, что Голиас явился мне на выручку. Колебаний больше быть не могло. Встретив его вопросительный взгляд, я категорическим тоном заявил:

— Голиас, я хочу выбраться отсюда во что бы то ни стало! Можешь рассчитывать на меня. Есть ли хоть какая-то возможность?

— Ни малейшей! — загремел Фаустофель, подскочив к Голиасу. — Ты что, воображаешь, будто его намерения для нас что-то значат? А он, поди, думает, мы сами, по собственной воле, оказались здесь? — Он мрачно усмехнулся, переглянувшись с собратьями. — Но теперь это наши владения. Мы обречены находиться внутри этих стен, если не переродимся. Это единственное наше предназначение, но оно уготовано и для Шендона — нет, вам обоим! Орфей, дверь, через которую ты вошел, захлопнулась для тебя навсегда.

Черта, казалось, была подведена. Леденея от ужаса, я представил себе, как мы с Голиасом неотрывно смотрим в змеиные глаза, пока наши не становятся точно такими же. Лицо Голиаса тоже посуровело.

— С каких это пор ты начал здесь распоряжаться, Фаустофель? Остаться у вас я могу только по указанию твоего хозяина. — Он снова поклонился величественной фигуре на троне. — Великий Князь и Император, я требую уважения к моим правам!

Фаустофель прыснул. Император воззрился на Голиаса в недоумении.

— К твоим правам? Еще чего выдумал! Мы признаем все права только за сильнейшим.

— Согласно закону Делосского Оракула, у нас есть одно неотторжимое право. — Голиас держался почтительно, но непреклонно. — Как, вероятно, известно вашему всеведущему величеству, мы вправе — при определенных условиях — потребовать судебного разбирательства, которое и должно решить нашу судьбу. Охотно поясню, почему в данном случае такое разбирательство обязательно.

— А у меня нет ни малейшей охоты выслушивать какие бы то ни было пояснения. Подумаешь, закон Делосского Оракула, — недовольно пробурчал император с видом небожителя, раздраженного напоминанием о необходимой формальности. Минуту-другую он размышлял, барабаня пальцами по подлокотнику трона, потом лицо его прояснилось. — Твое прошение удовлетворено.

— Нет-нет! Умоляю ваше всемогущество, — возопил Фаустофель. — У Орфея рука в Делосском трибунале. Его непременно отпустят на свободу.

— Не исключено. — Император улыбнулся одними краями губ. — Впрочем, я достаточно наслышан о повадках Орфея и о его несговорчивости и предпочел бы удалить его подальше от моего двора. Я даже склоняюсь к мысли пожаловать ему свободу, однако будет приличней, если таковое решение вынесет суд. Авторитет суда подкрепит и наши неоспоримые притязания на его спутника. Прецедент любопытный, и мы будем настаивать на... на... черт, забыл... словечко еще такое забавное, на языке вертится, — а! вспомнил — на этой самой — на справедливости.

Император ткнул пальцем в Фаустофеля:

— Поручаю тебе провентилировать этот вопрос от моего имени.

Голиас двинулся вслед за Фаустофелем, и я заметил, что через плечо у него перекинута небольшого размера арфа. Страх остаться в змеятнике одному побудил меня в два прыжка настичь Голиаса уже у самого выхода. В узких дверях нас прижало друг к другу, и он поспешно меня одернул:

— Осторожнее, не порви струны! Эта штука на обратном пути нам еще пригодится.

Мы вступили в сумрачную, пустынную местность. Голиас, очевидно, пробрался этой тропой, однако вторично ею воспользоваться ему не удалось. Фаустофель подхватил нас на закорки, расправил крылья — и мы птицей взмыли в воздух...

И только в коридоре, уже на подступах к помещению суда, Голиас успел шепотом меня проинформировать:

— Присяжных заседателей не будет, только трое судей. Фаустофель сболтнул: их нельзя ни подкупить, ни переманить на свою сторону. Не говори ничего наобум. Все трое, мягко выражаясь, в годах, но до маразма им еще далеко; дело свое старики знают туго. Сначала отвечать буду только я, а когда подойдет твой черед — держись уверенно, лишнего не болтай.

— Хорошо-хорошо, — торопливо закивал я, жалея, что времени у нас в обрез. Хотелось обсудить все по-

подробней, но Фаустофель уже знаками приглашал нас войти.

Пока завершалось рассмотрение предыдущего дела, я оглядел зал суда. В нем имелось несколько дверей, посередине находился стол для судей. Приговоренного увели через проход, над которым было обозначено «Лимб», а нас безликий служащий подманил поближе.

Несмотря на солидный возраст, судьи ничуть не казались дряхлыми; глаза их сохраняли живость и проницательность.

— Досточтимые судьи, — выдержав паузу, обратился к ним Голиас. — Перед вами — двое смертных, посланных Владыкой Преисподней к вам. Вы должны решить нашу участь.

Судья, сидевший в центре, нервно заерзал на месте.

— Лица, состоящие на попечении Владыки Преисподней, не слишком подходящая для нас клиентура, — укоризненно прошамкал он.

— Я того же мнения, достопочтеннейший Радамант, — встрял Фаустофель. Он из кожи вон лез, стараясь продемонстрировать хорошие манеры. — Однако же его императорское величество счел уместным предоставить вынесение приговора вам и вашим столь же высокомудрым коллегам.

— Ну, тогда понятно. — Я так и не разобрал, проняла ли старика столь грубая лесть. — А каким же образом бедняги угодили в когти к его императорскому величеству?

— Этого до места конвоировал я. — Фаустофель указал на меня. — А второй задержан при попытке организовать побег.

Судьи переглянулись. Этого оказалось достаточно, чтобы председатель заговорил тоном, не допускающим возражений:

— Подлежащий нашей юрисдикции организатор несостоявшегося побега исключается из числа ответчиков на данном процессе. Опираясь на существующий прецедент, мы снимаем с него все и всяческие обвинения и объявляем свободным как от наложения штрафа, так и от какого-либо иного судебного взыскания. Объект рвения вышеозначенного организатора несостоявшегося побега, доставленный в Преисподнюю неким

Фаустофелем, в полном соответствии с возложенными на него законодательством обязанностями, должен изложить мотивы, могущие послужить достаточным основанием для предпринятой им апелляции к нашему трибуналу.

Я в растерянности обернулся к Голиасу, но он уже давал объяснения вместо меня:

— Как освобожденный от судебной ответственности, я прошу предоставить мне привилегию выступить в качестве адвоката задержанного, именуемого Шендон Серебряный Вихор. Названное юридическое лицо обладает полным правом держать ответ перед высокими судьями — как странник, всеми силами души жаждущий продолжить свое паломничество к Иппокрене, скрупулезно следуя непосредственному предписанию Делосского Оракула.

Судьи вновь посовещались между собой посредством обмена многозначительными взглядами. Сидевший справа от Радаманта произнес:

— Случай всецело принадлежит нашей юрисдикции, однако я вынужден задаться вопросом, является ли он вообще предметом судебного рассмотрения. Если волей Делосского Оракула этому человеку предписано совершить паломничество к Иппокрене, кто и на каком основании берет на себя дерзость мешать, препятствовать, чинить препоны или каким-либо иным образом противодействовать достижению им указанной цели?

— Великий и непогрешимый Минос! — вновь вмешался Фаустофель. — Тебе, всезнающему и всеведущему мудрецу, должно быть прекрасно известно, что Делосский Оракул никогда не принимает достижение послушником успеха за нечто само собой разумеющееся. Единственное четко оговариваемое им условие — обязательность попытки. Успех достигается далеко не всегда, но добиться его можно только собственными усилиями.

По лицу Голиаса я понял, что Фаустофель потерпел полное фиаско. Радамант, погладив бороду, закивал головой:

— Хорошо. Мы заслушаем дело.

Вперед выступил Фаустофель.

— В моем распоряжении множество оснований, позволяющих мне заручиться правами на особу по прозванию Серебряный Вихор, однако из уважения к интересам высокого суда я ограничусь простым изложением причин, делающих невозможным дальнейшее путешествие названного субъекта в сторону Иппокрены. Я прошу высокий суд вынести решение единственно по этому пункту, точнее, наложить на свободу перемещения названного субъекта судебный запрет. Моя неопровержимая аргументация опирается исключительно на принцип соответствия, лежащий в основе и делосского законодательства. Слишком многие, к сожалению, склонны совершенно упускать из вида этот жизненно важный принцип. — Метнув на Голиаса мстительный взгляд, Фаустофель продолжал: — Право сделать глоток из Иппокрены нельзя приобрести ни за какие богатства, не может оно и быть передано в дар. Никто не должен рассчитывать и на то, чтобы завладеть им по воле слепого случая, в результате счастливого стечения обстоятельств. Прошу особо отметить последний момент. Приняты все меры предосторожности против дерзких посягательств на святыню со стороны недоумков, ухитряющихся тем или иным способом, потеючи, преодолеть или обойти выставленные препятствия. В намерения Делосца не входило допускать в святилище профанов, иначе бы он приложил все усилия, дабы аннулировать судебное решение, вынесенное в аналогичном случае, пользующемся громкой известностью среди паломников к Пиерийскому источнику. Я привлекаю внимание высокого суда к названному случаю как уже имеющемуся прецеденту.

Фундаментальное решение, вынесенное прославленным судьей: «Пей вдосталь — или губ не омочи», недвусмысленным образом указывает на необходимость введения строжайшего пропускного режима в запретную зону. К пользованию благами означенного источника могут быть допущены только лица, способные по достоинству оценить качества его владельца. Такая способность видеть исходный критерий всех ценностей вырабатывается исключительно посредством опыта, и потому стержневой осью судебного рассмотрения должно стать придирчивое изучение стараний ответчика

обрести вышеназванный исходный критерий. На данный момент я обладаю исчерпывающе доскональным знанием мыслей и настроений ответчика; среди прочего мне до малейших подробностей известно все, что происходило с ним в Романии с первой же минуты его пребывания. Со всей ответственностью заявляю, что по сравнению с предъявляемыми требованиями объем накопленного ответчиком опыта удручающе ничтожен. К примеру, он не участвовал в боях на берегах Ксанфа — одного этого достаточно, чтобы отвергнуть все его жалкие претензии. Ответчик не присутствовал на дворцовых увеселениях старого дядюшки Коля, не стоял у свежей могилы Евгения Базарова, не водил знакомства с отцом Горио, не заглядывал в дом ни к Монтекки, ни к Капулетти...

— По моему мнению, — прервал Фаустофеля третий судья, — суду предпочтительней давать оценку опыту, уже приобретенному узником совести, нежели выслушивать перечень не нанесенных им визитов. Я полагаю также, что из его собственных уст рассказ прозвучит наиболее убедительно.

— Разумеется, достопочтеннейший Эак, — согласился с судьей Фаустофель. — Я с готовностью уступлю трибуну ответчику, дабы послушать, как он сам огласит собственное обвинительное заключение.

— Дай полный, но сжатый отчет, — бросил мне совет Голиас.

Я начал свою оправдательную речь. Перед такими судьями мне незачем было взывать к особому снисхождению и пытаться раздуть свое участие в пережитых приключениях или же расцветить их фантазией. Повествуя о своих странствиях, начиная с момента крушения «Нагльфара», я чувствовал в себе все большую уверенность. Завороженный собственным красноречием, я не сомневался в том, что мой рассказ произведет на слушателей самое благоприятное впечатление.

Наступившее бесстрастное молчание показалось мне поэтому вдвойне тягостным.

Прокашлявшись, Минос загудел:

— В самом деле, обширные лакуны в багаже впечатлений ответчика свидетельствуют о его недостаточной компетенции и ставят под сомнение его пригод-

ность к продолжению маршрута. Вряд ли мне нужно напоминать о том, что дозволение вернуться в подлунный мир превратит и без того приятный для послушника недолгий заключительный этап паломничества в сплошное удовольствие; таким образом, благоприятное решение суда будет равносильно дарованию ответчику доступа в вышеупомянутый храм. Кроме того, в высшей степени уместное напоминание о существующем прецеденте, сделанное Фаустофелем, налагает на нас обязательство применять суровую меру пресечения в тех случаях, когда мы сталкиваемся с недостойным или же только отчасти подтвердившим свои возможности соискателем.

В замешательстве я лихорадочно подыскивал хоть какие-то доводы в свою пользу, однако Голиас взял эту задачу на себя.

— С позволения суда, смею заметить, что мнение, высказанное чуть ранее высокоученейшим Эаком, чрезвычайно существенно для прояснения наиболее важных спорных пунктов. Высокоученейший Эак заметил, в сущности, что человека следует судить по имеющимся у него достоинствам, а не по отсутствию у него чужих совершенств, и я совершенно с этим согласен. Действительно, представший перед вашим судом не побывал во многих местах, где ему следовало бы побывать, — а среди них есть и наиболее примечательные во всей Романии. К списку, открытому Фаустофелем, надо прибавить и дом Ясона, и Шенди-Холл: ответчик миновал их стороной. Да, он не скрывался в прериях вместе с Мартином Фьерро, не охотился за Сампо, не встречался ни с Налем, ни с Дамаянти — и так далее, и так далее... Я мог бы перечислять имена до самого вечера и до полной хрипоты и все равно не вспомнил бы даже десятой доли. Дело в том, — взмахнул рукой Голиас, — что, кроме вас троих и, разумеется, самого Делосца, ни единой душе не удавалось еще заглянуть во все уголки Романии. Пек утверждает, что побывал всюду, однако я усматриваю в этом простое бахвальство. Хотя, конечно же, любому из нас до него далеко...

— А, Пек! — пробормотал Радамант. Бесстрастное лицо его оживилось изнутри, мне почудилось даже, что по его высохшим губам скользнула улыбка.

— Хм-м, ну-ну... Прошу вас, продолжайте.

— С вашего разрешения, я продолжу, сэр. Поскольку полный обзор достопримечательностей неосуществим в принципе, давайте попытаемся определить разумные его пределы. Ответчик совершил три основных перехода: на первом им управлял случай, на втором — выбор, на третьем — Оракул. Укорять его за непосещение ряда местностей — все равно что указать на пройденные им иные направления. Если он потратил излишнее время на окольные тропки, в стороне от больших дорог, то и главного навидался тоже предостаточно.

И последнее. Я неколебимо верю: в план Делосца отнюдь не входило зелеными заграждениями надежно уберечь драгоценную влагу от жаждущих. В храм могут войти только посвященные, это верно, но также верно и то, что пустующий храм перестает быть храмом.

Воцарилась полная тишина. Нервы мои были на пределе. Голиас сохранял вид человека, уверенного в успехе. Но и Фаустофель, отнюдь не утратив самоуверенности, держался победителем. Лица судей оставались непроницаемыми. Минос, сложив руки на груди, уставился в пол. Радамант сцепил перед собой пальцы и сосредоточенно барабанил ими друг о дружку. Эак правой рукой подпер подбородок. После продолжительной паузы они переглянулись, не скрывая своего неодобрения. Сердце у меня екнуло. Если они не сделают мне поблажек — все, дело можно считать проигранным.

Наконец Радамант расцепил скрюченные пальцы и положил руки на край стола.

— По мнению моего брата Миноса, — жуя губами, провозгласил он, — ответчик не сумел неопровержимым образом доказать свое право на продолжение паломничества и подлежит возврату под опеку Владыки Тьмы. Я склонен поддержать эту точку зрения.

Фаустофель издал ликующий вопль и ринулся ко мне, но я плохо его слышал. Подхватить меня он не успел: колени мои подкосились — и я замертво рухнул на пол.

Остатками потрясенного сознания я даже не в силах был уловить смысл слов Радаманта, которыми он, помолчав, закончил оглашаемый им приговор:

— Однако же мой уважаемый коллега Эак рекомендует прислушаться к доводам опытного адвоката Орфея, выступившего защитником обвиняемого. Я, со своей стороны, также усматриваю определенную долю справедливости в системе аргументации, развернутой Орфеем, и, следовательно, по общему мнению суда, не представляется возможным, не подрывая авторитета нашего высокого трибунала, воспрепятствовать дальнейшим перегринациям ответчика. Суд постановил: освободить обвиняемого из-под стражи и разрешить, по мере его сил, возобновление прерванного движения навстречу своей судьбе, какой бы она ни оказалась. Введите следующего, пожалуйста.

30. Приятное общество. Иппокрена

Фаустофель катался в истерике, но никому уже не было до него никакого дела. Я с трудом приходил в себя. Голиас помог мне подняться, я оперся на его руку — и мы двинулись к выходу.

Горе охватывает человека мгновенно, однако радость далеко не сразу способна заполнить пустоту, оставленную в душе продолжительным несчастьем. Чувства мои притупились: в голове было пусто, слов тоже не находилось. Смутно вспоминается переправа через подземную реку, старик-паромщик с длинным веслом... Как в тумане вспоминается и трехголовый пес, которого Голиас усыпил бренчаньем на арфе.

Облегчение наступило, как только мы выбрались из пещеры в тенистую рощу. Осознание свободы пришло ко мне толчками. Погода стояла отличная, но и там, внизу, жара не особенно меня донимала. Да и вокруг, казалось, было ничуть не светлее, чем в подземном царстве. Нигде не виднелось ни листочка, но я давно привык к пейзажам без единой былинки. Для того, чтобы раскрутить маховик моей жизнедеятельности и вновь запустить шестерни в движение, требовалось иное.

Какое-то время я бессмысленно вслушивался в доносившиеся до меня нестройные звуки — пронзительно сладостные, мучительно неотвязные звуки... Потом вдруг понял:

— Да это же лягушки!

— Угадал, — подтвердил Голиас, усаживаясь на гладкий валун. — Уф! Устал как черт.

Я продолжал, словно проснувшись, напряженно вслушиваться, вглядываться, внюхиваться... Воздух полнился запахом свежести, рощу окутывал предзакатный сумрак, а на безлистых ветвях набухали почки. Не веря глазам, я спросил у Голиаса:

— Куда же подевалась зима?

— Ушла в подполье. — Он широко улыбнулся. — Ты уже успел проголодаться?

— Пока нет. — Мне вдруг вспомнилось, что с момента встречи с Фаустофелем у меня и маковой росинки во рту не было. — Скоро, чувствую, быка съем.

— Отлично. Растянись-ка пока на травке: прикосновение к земле придает силы. А я пойду разыщу наш НЗ, который я припрятал где-то поблизости перед тем, как ломиться в ворота Орка.

Пока Голиас разводил на выступе скалы костер, я, опершись на локоть, предавался блаженному созерцанию. Напротив входа в пещеру, к западу от нас, в расстилавшейся внизу долине, в сумерках уже зажигались первые огоньки в городке, который раскинулся по берегам извилистой реки. Потом я перевернулся навзничь и долго следил, как в бездонном темнеющем небе проступают контуры созвездий. Ветерок овевал мое разгоряченное лицо. Отовсюду доносились пьянящие, диковинные запахи. Квакши неумолчно разливались о чудесном начале новой жизни и о волшебных надеждах, которые обещало будущее...

— Ну и красотища! — невольно вырвалось у меня.

— Еще бы! Сейчас ведь пора Дионы, — отозвался Голиас. — Будем надеяться, что на сытый желудок жизнь покажется тебе еще прекрасней.

Принимая толстый ломоть хлеба, я спросил:

— А как тебе удалось меня разыскать?

— Пришлось раскинуть мозгами, вот и вся недолга. Главное, я узнал, что приговор тебе еще не вынесен. К Владыке Зла я еще мог найти подступы, но если бы тебя упекли куда-нибудь в тартарары — пиши пропало: плавать по геенне огненной я пока еще не выучился. Помнишь, я взял на буксир Тиля? Так вот, после этой передряги мы с ним долго прятались по разным углам, а потом, когда опасность миновала, я навестил Тиресия. Он-то мне все про тебя и выложил:

дескать, угодил в ад, а обратно ни-ни. К счастью, — Голиас впился зубами в кукурузную лепешку и докончил уже с набитым ртом, — Глазгерион и Амфион не одни навострились управляться с арфой.

— Это уж точно, — поддакнул я, примеряясь к зажатому в кулаке изрядному куску бекона. Усиленно работая челюстями, я промычал: — А теперь мы — куда?

Голиас махнул ножом в сторону городка.

— Завтра отправимся в Гендерклев, а оттуда — к Гробнице Всадников. Хороших полтора дня пути.

Следующий день и вправду выдался не просто хорошим — скорее даже замечательным. По небу плыли легкие пушистые облака. Дорогу, по которой мы шли, с обеих сторон обрамляла зеленая изгородь из зацветающего кустарника. Гендерклев оказался уютным крошечным городком; главную достопримечательность его составляла таверна «Алый Лев». После долгой пешей прогулки аппетит у меня разыгрался по-настоящему.

Хозяин гостиницы, некто Эмброуз, оказался старым другом Голиаса.

— Мистер Шендон, — обратился он ко мне сразу после того, как нас познакомили. — В нашем доме великолепный стол; он будет накрыт для вас когда только пожелаете, но это не означает, что мы отказываемся от надежды попользоваться вашим кошельком и на другой манер. По виду вы настоящий мужчина, но я должен откровенно поделиться с вами горестным итогом моих многолетних наблюдений: увы, далеко не каждый представитель сильного пола способен оправдать возлагаемые на него ожидания и выказать силу таланта и богатство души, необходимым образом сопутствующие расположению к доброй выпивке.

Я заколебался. Обретенная цельность существования была еще мне в новинку, и мысль о том, чтобы это дело отметить, как-то не приходила мне в голову.

— Видите ли, я уже так давно ни капли не брал в рот...

— Бедняга! — посочувствовал мне Эмброуз. — Но спасти себя от верной гибели, думаю, вам еще не поздно. В трезвенники, судя по всему, записываться вы не собираетесь.

Если он и рекламировал свой товар, то со знанием дела. Хозяин не скрывал искренней заинтересованности во мне, и его дружелюбие меня покорило. Мог ли я обидеть его отказом?

— Глоточек чего-нибудь крепкого, пожалуй, не повредит. А виски у вас есть?

Вопрос этот я задал не без тайного душевного трепета, поскольку почти всюду в Романии предпочтение отдавалось другим напиткам.

— Неужели вы думаете, что я укрепил телесное здоровье, обрел душевное равновесие, развил гибкость ума, приобщился к философии, ближе узнал людей, заручился любовью окружающих и в совершенстве овладел девятью искусствами, восьмое из которых — умелое ведение домашнего хозяйства, а девятое — умение не довести дело до банкротства, — неужели вы думаете, что все эти способности дались мне через посредство горячего шоколада или, упаси Господи, одной только неразбавленной содовой воды?

Эмброуз доверительно положил руку мне на плечо.

— Сэр, — тут он почтительно понизил голос. — У меня в запасе есть не просто виски. У меня есть «Гленливет».

«Гленливет» оказался выше всяких похвал. Это было именно то, что мне требовалось. От первого же глотка бесследно исчезла скованность — единственный след моей недавней беды. Вновь наполнив себе стакан, я с облегчением откинулся на спинку кресла и стал прислушиваться к беседе Голиаса с хозяином гостиницы.

Эмброуз, как обнаружилось, рекомендовал клиентам только хорошо испытанные им на себе средства.

— Вы, конечно, направляетесь к Гробнице Всадников? — осведомился он, в два счета осушив свою вместительную посудину.

Голиас кивнул:

— Я не упускаю случая туда наведаться, если посчастливится оказаться по соседству. А вот Шендон — он намерен попасть к Иппокрене.

— Неужто? — Хозяин взглянул на меня с удвоенным любопытством. — Что ж, тогда бóльшую часть пути мы проделаем вместе. Славная получится поездка. В этом году у нас очень большой наплыв паломников.

— Я уже заметил. — Голиас отхлебнул из бокала, разглядывая сидящих вокруг нас приезжих. — Вон старина Фальстаф, рядом Динадан, а вон там сидит Альцест — тебе, Шендон, неплохо было бы обменяться с ним впечатлениями, — дальше Гелиас, Бирон, Мельмот... Кто еще прибыл из тех, кого я знаю?

— Конечно же, несравненная Фьяметта, еще Тартарен в сопровождении Жуана; кроме того, капитан Саггз, Фигаро, Гисли, миссис Брех — и так далее. Сразу всех и не перечислишь: гостиница забита до отказа.

Эмброуз вдруг вскочил на ноги.

— Ричард, — крикнул он слуге, — проводи, пожалуйста, мисс Уотсон к нашему столику.

Мисс Уотсон только что вошла. Мы приветствовали ее стоя. Девушка была красива неброской обезоруживающей красотой, но стоило только заглянуть ей в глаза, как вопрос о ее красоте снимался сам собой. Взгляд ее свидетельствовал не столько об умудренности опытом, сколько о способности оценивать окружающее с проницательной чуткостью.

— Нет, с мисс Эммой раньше мы никогда не встречались. — Голиас поспешил придвинуть ей кресло. — Однако утром, едва только я открыл глаза, я почувствовал, что сегодня меня ожидает нечто необыкновенное.

— Помимо виски? — улыбнулась Эмма. — Нет-нет, благодарю вас, лучше как-нибудь потом. — Хозяин гостиницы собирался предложить ей выпить с нами стаканчик. — Я с удовольствием выпью потом, когда мне будет недоставать лести.

— Вот так вы и подрываете мой бизнес, — упрекнул Эмброуз Голиаса. — А в моем распоряжении только один вечер, чтобы растрясти постояльцев как следует.

— Вы же отправитесь с нами, — утешила его Эмма. Потом, повернувшись ко мне, спросила: — Вы тоже — вместе с вашим другом?

— Я готов следовать за вами куда угодно, — заверил ее Голиас. — Но вот Шендон — он ужасно

ветреный малый, остерегайтесь ему доверять! — бросит вас ради Иппокрены.

Нетрудно было догадаться, что Голиас намеренно пытается выставить меня в самом благоприятном свете. Кажется, своего он добился: Эмма пристально в меня всмотрелась, и меня захлестнула теплая волна радости. Я не говорил ни слова, счастливый от одного ее присутствия. Мне вдруг вообразилось, что мы с ней поладим, если сойдемся поближе. Должно быть, она подумала то же самое — и вспыхнула до корней волос.

— Это просто восхитительно! — тихо сказала она. — Паломников к Иппокрене я еще в жизни своей ни разу не видела.

— Вы ошибаетесь, — поправил я ее. — Негодник, который подал вам стул и наврал с три короба о моем характере, мог бы плескаться в этом источнике как рыба в воде. Верьте каждому его слову, — добавил я, подумав.

— А смогу ли я доверять вашим после вашего возвращения?

— Не знаю, — ответил я, любуясь ясными чертами ее лица. — Предположим, по возвращении я скажу, что на свете нет никого прекраснее?

— Я буду восхищаться вами за вашу прямоту. Мистер Эмброуз, теперь я не прочь выпить. Стаканчик шерри, пожалуйста. Более крепкие напитки ударяют мне в голову.

Губы мои шевельнула улыбка. И ее слова, и мои, и моя уверенность в том, что она знает: я говорю правду — наполняли меня ликованием. А представив себе, как взъярился бы Фаустофель, если бы мог меня сейчас видеть, я расхохотался во все горло. Мне стало весело впервые после моего сезона в аду. Мой смех оказался заразительным: вскоре держалась за бока вся честная компания. Вечером мы пировали по-холостяцки с двумя славными джентльменами — Динаданом и Гисли. Заботы меня больше не тяготили, и даже о судьбе нашего знакомства с Эммой я задумывался мало. Я только ждал с нетерпением следующего утра, чтобы вновь с ней увидеться. Обещание будущих чудес, данное мне весенними квакшами, похоже, начало сбываться.

Чудеса продолжались весь день, с самого утра. На рассвете наш дружный отряд в составе тридцати всадников отправился в путь. Я с подозрением отнесся к кобыле, которую для меня оседлали, но страхи мои оказались напрасными. Спешить было некуда, и в седле я чувствовал себя покойно и уютно, словно в передвижном кресле-качалке.

Окрыленный успехом, я даже рискнул пришпорить свою лошаденку и, догнав едущего впереди Жуана, оттеснил его от Эммы. Голиас ехал слева от нее; так мы продолжали ее эскортировать и дальше. Эмма улыбалась; глаза ее сияли, не уступая блеском солнцу в голубом небе. Эмма смеялась, и хор бесчисленных птиц вторил ее мелодичному голосу. Волосы Эммы ласкал ветерок, и точно так же ласкал он ветви фруктовых деревьев, усыпанных только что распустившимися бутонами. Каждая минута путешествия приносила новую радость.

— Будучи комендантом пробега, — объявил Эмброуз, едва мы выехали на большак, — требую внимания!

Разговоры понемногу стихли.

— Какова будет воля коменданта? — учтиво осведомился стройный мускулистый юноша по имени Гелиас. Мне показалось, что ответ он уже знает.

— Мы желали бы, чтобы каждый из вас поведал историю, которая наилучшим образом обнаружила бы остроту ума и силу красноречия рассказчика, — заявил наш патрон. — Тот, кто уклонится от повеления, рискует впасть в нашу немилость.

— Означает ли это, что вы собираетесь приостановить кредит? — обеспокоенно спросил Фальстаф. Я распознал в нем опытного питуха с первого же взгляда. — Если так, то у меня возражений нет.

— А у кого они будут? — вмешался капитан Сагтз. — Распишем в лучшем виде, будь спок. Деваться-то все равно некуда. — Он ожесточенно сплюнул табачной жижей. — Пускай девчонки и зачнут.

— Первой назовем прекрасную Фьяметту, — Эмброуз галантно поклонился своей соседке, — коли ей угодно будет нас облагодетельствовать.

Голос дамы вполне соответствовал ее несколько необычной, но тем не менее прекрасной внешности. От

нее можно было ожидать только любовной истории, и разочарования не последовало.

В Чанъане дальнем Мин Хуань, влюбленный
В красотку Янь любовью обреченной —

— начала она свое трогательное и причудливое повествование, которому мы внимали с большим сочувствием — так же, как и другим рассказам, хотя иные истории вряд ли имели шанс прозвучать в нашем целомудренном радиоэфире. Утро пролетело незаметно, и после неторопливого обеда мы возобновили слушания.

Я был так поглощен занимательными рассказами и обменом мнениями с Эммой и Голиасом, что цель моего собственного путешествия едва не вылетела у меня из головы. Но вот Голиас, придержав коня, подманил меня к себе.

— В чем дело? — нетерпеливо обернулся я к нему, опасаясь, что мое место рядом с Эммой займет очередной ловкач.

— Поворот в сторону Иппокрены совсем недалеко, Шендон.

— Ага. — Чему я выучился, так это не брыкаться. — А как я о нем узнаю?

— Я тебе покажу. Собственно, я собирался немного тебя проводить, но подходит моя очередь рассказывать.

Зная, что язык у него уже давно чешется, я усмехнулся.

— Поторопись выпустить пар, а то еще взорвешься. Подскажи только, что мне делать.

— Скоро слева от нас покажется ольховая роща. Заходят в нее не часто, и тропинка вряд ли там отыщется, поэтому при напролом, пока не упрешься в скалу.

Я нахмурился.

— Мне не придется, надеюсь, влезать еще в одну пещеру? Хватит, сыт ими по горло.

— Пещера тебе не понадобится: ищи расселину, через которую попадешь в небольшую долину. Шагай прямо — к узкой горловине, и отпей из второго источника. Запомни хорошенько — второго! Не забудь также, что должен сделать три глотка, если сдюжишь.

— После «Гленливета» это сущая ерунда. А куда девать эту клячу?

— Добираться придется пешочком. За конягу не волнуйся, как-нибудь доковыляет до своих сородичей.

— Я тоже не задержусь, дай только управиться, — пообещал я. — Так или иначе, увидимся вечерком в гостинице.

— Будем надеяться, Шендон, будем надеяться...

— Ты что, хочешь сказать, что...

Но тут до нас донесся голос Эмброуза.

— Где же Голиас?

— Здесь, здесь! — поспешно отозвался мой спутник. — Я тебе подам знак большим пальцем, — бросил он мне на ходу и устремился вперед. — Какова будет ваша воля, милостивейший комендант?

— Я требую от вас истории.

— Ждать вам не придется, сир, — заверил его Голиас.

Бездельник в графстве Калеварас жил
И препирался, не жалея сил.
Любой для спора повод мог сгодиться:
Пожар случится, пролетит ли птица —
Последний цент, бери иль не бери,
Он ставил, лишь бы заключить пари.
Где кость зарыла у соседей шавка,
Таится ли под валуном козявка,
Чей муху привлечет к себе фриштык
И чью корову осчастливит бык.
Дружили случай (или гений) с ним:
Однажды Смайли (звали его Джим)...

При этих словах Голиас ткнул большим пальцем в сторону густых кустов на обочине. Натянув поводья, я спешился. Эмма, желая меня подбодрить, помахала ручкой в ответ. Проезжавший мимо Динадан оглянулся и дружески подмигнул. Моя кляча постояла с минуту в недоумении и полегоньку потрусила вперед.

В твердой решимости поскорее нагнать кавалькаду, я не желал тратить время попусту. Заросли оказались непролазными, и я решил, что лучше всего продираться сквозь них ползком. Опускаясь на четвереньки, я слышал затихающий вдали вдохновенный голос Голиаса:

Утратив пса, ученого не слабо,
Он в утешенье обзавелся жабой —
И ежедневно обучал ее
Прыжкам и прочим...

Продолжения я уже не мог разобрать, упорно одолевая последний этап дистанции.

Ветви царапали мне лицо, обдирали руки, однако вскоре я сумел пробиться сквозь чащу к скале. Расселина была такой узкой, что я еле-еле в нее протиснулся, но дальше стало легче. Пройдя лощину, я отыскал место, где склоны ее смыкались, и начал карабкаться вверх.

Деревья передо мной вдруг расступились — и чуть поодаль я увидел гребень холма. Цель, очевидно, была совсем близка. Я остановился передохнуть и оглядеться вокруг.

На прогалине росла только дикая вишня, вся в цвету, и несколько берез, среди которых бойко бежал ручей. Других источников не было видно, и я двинулся дальше, к выстроившимся в ряд голубым елям у самой вершины.

За ними открывалась совсем небольшая поляна, осененная могучим дубом, у которого пасся белоснежный жеребец. Он щипал цветы, скрывавшие впадину среди узловатых корней. Завидев меня, жеребец встревоженно ударил копытом и кинулся в сторону, однако тут же успокоился и вновь принялся за свое прежнее мирное занятие.

Очевидно, копытом он пробил лунку, через которую хлынула потоком пригрунтовая вода, быстро наполнившая углубление в почве. Я недоверчиво шагнул к забившему ключу. Несмотря на оригинальность происхождения, это, несомненно, был второй по счету из мною найденных: инструкции Голиаса оказались безошибочными.

Все сомнения развеялись, как только я приблизился к источнику вплотную. За все время путешествия, в которое сначала я был втянут насильно, а потом втянулся с головой сам, цель его рисовалась мне смутно. Теперь я недоумевал: как это я не догадался раньше? Кристально чистая вода сохраняла малейший

нежный оттенок отражавшихся в ней лепестков земляничного дерева. Я вглядывался вглубь с тем же трепетом, с каким вдыхал напоенный ароматами апрельский воздух. Преодолев последнюю робость, я припал к роднику.

Вода оказалась такого свойства, что мне сразу же перехватило горло. Больше одного глотка я сделать не смог. Как описать ее вкус? Наверное, стоило бы сказать, что он напомнил мне и о дымке от лесного костра, и о жгучем прикосновении первого снега, и о долгом-долгом поцелуе, и о бокале доброго виски, и о шуме крови в ушах, и о земле, пахнущей свежестью после дождя, — перечислять можно было бы до бесконечности... Мгновенно меня захватило новое чувство — захватило целиком, без остатка. Оно навеяло мне дремоту, однако жажда моя не была утолена. Я залпом отпил второй глоток — и, пошатываясь от легкого головокружения, поднялся на ноги.

Мне припомнилось, что необходим и третий глоток. Но оставаться на месте я был не в силах. Мой ум кипел от множества необыкновенных, удивительных мыслей; перед внутренним взором носилась целая уйма образов — они были смутными, неотчетливыми, но я знал, что минута — и слова мои потекут свободно, вольно. Я должен был во что бы то ни стало увидеть Эмму и Голиаса: иначе готовое вот-вот брызнуть из меня фонтаном красноречие будет растрачено попусту на ошарашенных воробьев. Моего вдохновения с избытком хватит и на остальных. Теперь-то я больше не стану увиливать от задания Эмброуза! Я уже различал контуры захватывающей повести, которой смогу угостить слушателей. Мной владело упоительное ощущение, что мне нужно только чуть-чуть сосредоточиться — и лица, и происшествия предстанут в моем рассказе живыми, настоящими... Ни в коем случае нельзя было таить это от других.

Но от едущих верхом паломников я отстал слишком далеко... Удастся мне их догнать или не удастся — вот в чем вопрос. Опрометью ринувшись с места, я наткнулся на белого коня, по-прежнему щипавшего цветки багряника. Спасен!

В спешке я склонен увлекаться и забывать о действительности. Вот и сейчас: мне и в голову не пришло задуматься, что наездник из меня никакой, что лошадь не оседлана и что через расселину нам вдвоем уж никак не протиснуться. Могли ли меня всерьез заботить такие мелочи?

Неожиданное открытие еще больше меня подхлестнуло: у коня, когда я разглядел его вблизи, обнаружились покрытые перьями придатки, свисавшие по бокам. Спинная кость, из которой они произрастали, послужила мне удобной ручкой. Я покрепче за нее ухватился — раз! — и оказался верхом.

Конь не мог от меня ускользнуть: путь ему заграждали три иудиных дерева. Однако не успел я перекинуть через него ногу, как он стремглав сорвался с места. И не куда попало, как можно было ожидать, — нет, он одним прыжком перемахнул через забор из голубых елей, потом рванул все выше и выше, описал над холмом круг (по-видимому, желая лучше сориентироваться на местности) — и устремил свой полет в поднебесье, навстречу предзакатному солнцу.

Я был так взбудоражен, что не испытывал ни малейшего страха. В конце концов, именно это мне и нужно: секунда-две, и мы настигнем моих попутчиков. Однако мой скакун и не думал снижаться. Сколько я его ни тормошил, сколько ни умолял — он и ухом не повел в мою сторону. Никакие угрозы, заклинания и даже акробатические трюки не помогали... Видно, взобравшись на этого коня, я здорово хватил через край.

Голова у меня мигом прояснилась. Да, я должен был исполнить повеление Делосского Оракула и отпить из Иппокрены три раза подряд. Но мне стало ясно и то, что навряд ли и в этом случае я сумел бы присоединиться к Голиасу, Эмме и прочим. Два глотка ключевой воды не могли не перевернуть мою судьбу. Посещение Иппокрены — слишком важное событие, оно не может быть простой остановкой в пути, даже если путешествуешь в приятном обществе к Гробнице Всадников. Я добился пропуска в Романию — и теперь, независимый ни от чьего водительства, должен управляться сам, на свой страх и риск.

Утраченного, я понимал, уже не вернуть, но я видел и приобретения. Говорят, в самый последний миг в сознании утопающего проносится вся его жизнь — от начала и до конца. Когда мы взмыли ввысь, все увиденное, услышанное и пережитое в Романии представилось мне как на ладони. А теперь обретенный опыт уложился в памяти стройно и соразмерно, став неистощимым драгоценным запасом на все времена, на все обстоятельства жизни. Тому, кто владеет таким запасом, незнакомые края не покажутся чужими, а давно исхоженные тропы всегда будут внове.

Оглядываясь сверху на процессию, я различил крошечную фигурку, энергично размахивающую руками; скорее всего, это был мой друг, который все еще повествовал о подвигах дрессировщика лягушек. Я помахал ему на прощание, помня и о Эмме.

Куда увлекал меня конь — оставалось только гадать. Мы вознеслись выше облаков, а заходящее солнце нырнуло вниз, чтобы бросить на землю свои последние косые лучи.

Размеренный полет нагнал на меня дремоту, и я уже начинал клевать носом, как вдруг почувствовал, что мы стремительно ухнули вниз. Я вцепился в густую гриву, но внутри у меня тошно засосало под ложечкой. Конь, как выяснилось, сложил крылья, как нацеливший на жертву коршун, и сила земного притяжения открыла нам зеленый свет.

Пошли на посадку? Я с облегчением перевел дух. Но не надолго. Проскочили толщу облаков — и я замер от ужаса. Нигде вокруг не было видно ни клочка суши. Под нами колыхалось необозримое пространство океана. Мы камнем падали вниз.

Единственной надеждой на спасение был рассекавший волны громадный пассажирский лайнер. Я успел заметить, что все палубы его пусты: пассажиры наверняка разошлись коротать вечерние часы в баре, ресторане, дансинге... Куда ты мчишься, конь? Дай ответ. Ответ я получил незамедлительно: на всем лету мой норовистый скакун вдруг наклонил голову и, взбрыкнув, сбросил меня со своей спины вверх тормашками.

Плюхнувшись с высоты, я надолго ушел в воду, а когда вынырнул, конь уже снова взвился в небо. Вы-

яснение наших отношений пришлось отложить до следующего раза. Все мои мысли сосредоточились на корабле, в кильватере которого я барахтался. При свете сумерек я все же сумел различить его название: «Звезда Запада» из Сан-Франциско. Мы играли с ним в догонялки. Я оглушительно взревел:

— На помощь! Человек за бортом!

К моему удивлению, два матроса, опиравшиеся на поручень кормовой палубы, как-то умудрились расслышать мой надсадный возглас. Один побежал на капитанский мостик, а другой остался на месте — следить за мной. Немного отдышавшись, но все еще фыркая и отплевываясь, я в знак привета сделал ему ручкой.

Корабль с подобным водоизмещением проходит милю или больше, прежде чем удается его остановить или развернуть. Спасательным шлюпкам тоже понадобится немало времени, чтобы в полутьме разыскать меня среди валов. Но я не сомневался, что меня выручат, — только бы суметь продержаться на воде, пока придет помощь...

Волна накрыла меня с головой, но я храбро вынырнул и, откинув со лба серебряный клок волос, энергично заработал руками. Пока повинуется тело и пока служит мозг, человек, ставший самим собой после испытаний, которыми делосский бог закалил его душу, жадно стремится к жизни.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕРЕХОД ПЕРВЫЙ

Морские просторы. Встреча в лесу

1. Волны несут нас к цели 9
2. Любительница зверей 19
3. Карта Романии 30
4. Путь на материк 43
5. День и ночь 57
6. Странствия наугад 70
7. Под зеленой листвой 81
8. Две огромные кошки 93
9. С проводником и без проводника 106
10. В Хеороте 118

ПЕРЕХОД ВТОРОЙ

Вдоль по дороге. Город. На реке и за рекой

11. Опасное предприятие 131
12. Вперед по Уотлинг-стрит 143
13. Шашни в Аптоне 156
14. Луций попадает в переделку 169
15. Маршрут меняется 183
16. Новые трудности 197
17. У Джонса появляются поклонницы 213
18. Путешествие с комфортом 225
19. Зеленый Рыцарь 239
20. Встречи на Майлз Кросс 251
21. Конь Аварты 262
22. События в замке 275

ПЕРЕХОД ТРЕТИЙ

Вниз и наружу навстречу развязке

23. Список пассажиров у Лореля 293
24. Люди и лошади 309
25. Сомнительный провожатый 323
26. Вход в преисподнюю 338
27. Все ниже и ниже 354
28. На самом дне 368
29. Суд один, суд второй 383
30. Приятное общество. Иппокрена 400

Майерс Майерс Дж.
М 12 Серебряный Вихор: Роман/Пер. с англ. — СПб.: Северо-Запад, 1993. — 415 с.
ISBN 5-8352-0170-2

Роман Дж. Майерса Майерса «Серебряный Вихор» широко известен за рубежом, в России же он публикуется впервые. Произведение строится по принципу «литературной чехарды»: главный герой Шендон попадает на загадочный материк Романию, где сталкивается с ожившими литературными и мифологическими персонажами: нимфой Цирцеей, Робином Гудом, Беовульфом, Дон-Кихотом и даже Анной Карениной. На протяжении всего романа автор держит читателя в постоянном напряжении, умело сочетая динамику сюжета с блестящим стилем и необузданной фантазией.

Литературно-художественное издание

Джон Майерс Майерс

Серебряный Вихор

Ответственный редактор *Геннадий Белов*
Художники: *Татьяна Канивец, Владимир Канивец*
Художественный редактор *Виктор Меньшиков*
Технический редактор *Татьяна Харитонова*
Верстка *Инны Юзефович*
Корректоры: *Елена Шнитникова, Елена Серпокрылова*

Подписано к печати с оригинала-макета 6.04.93.
Формат 84 × 108$^{1}/_{32}$. Гарнитура школьная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 21,8. Тираж 200 000 экз.
Изд. № 170. Заказ 296.

Издательство «Северо-Запад»
191187, Санкт-Петербург, Шпалерная ул., д. 18

Отпечатано с оригинал-макета в ГПП «Печатный Двор»
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15

fantasy

·Северо-Запад·®